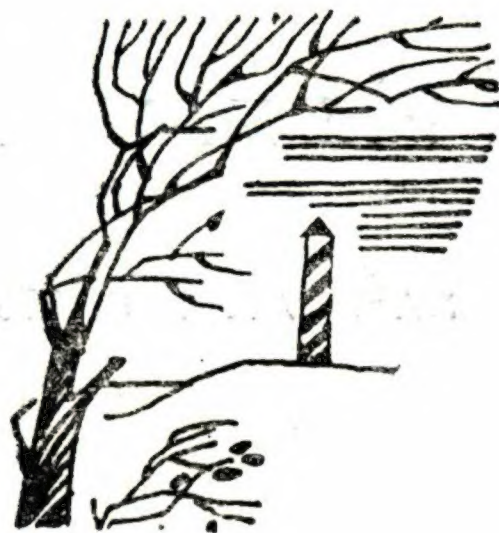

[illegible]

„БЕЛЫЕ ЛИНИИ“

Повесть и рассказы

Перевод с чешского
Е. Я. ПАВЛОВА, Ф. П. ПЕТРОВА,
В. А. СТЕРЛИГОВА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84.4 Че
Б 43

R. J. ŠULIG
SOUBOJE SE ZLOČINEM

NAŠE VOJSKO, 1982

JIRÍ PROCHÁZKA
HRDELNÍ PŘE MAJORA ZEMANA

NAŠE VOJSKO, 1978

Б 43 «Белые линии»: Повесть и рассказы /Пер. с чешск.
Е. Я. Павлова, Ф. П. Петрова, В. А. Стерлигова. — М.:
Воениздат, 1988. — 384 с.

ISBN 5—203—00158—8

Документальная повесть Р. Шулига «От расплаты не уйти» и рассказы
И. Прохазки о работе и жизни инспектора Яна Земана повествуют об ис-
тории органов безопасности ЧССР, их борьбе против империалистической
агентуры и других врагов народного строя.

Произведения отличаются напряженностью сюжета и вызовут интерес
широкого круга читателей.

Б 4703000000—087 156—88
068(02)—88

ББК 84.4 Че

ISBN 5—203—00158—8

© Перевод на русский язык,
Воениздат, 1988

Р.Шулиг

ОТ РАСПЛАТЫ НЕ УЙТИ

Повесть

ОТ АВТОРА

В последнее время обзорная площадка на станции метро «Готвальдова» стала довольно оживленным местом. Сюда приходят не только пражане, но и многие гости столицы. В любое время года отсюда открывается прекрасный вид на расположенный поблизости замок Вышеград и лежащий чуть подалее Страгов, на Петршинскую обзорную башню и живописную панораму Градчан. Не менее привлекателен и вид на Винограды, Вршовице и на романтическую Михельскую впадину с шапкой холма Богдалец.

Но далеко не все посетители знают, что прямо перед ними, на противоположном конце моста Клемента Готвальда, есть еще одна достопримечательность Праги. На Карлове, рядом с красными куполами храма, под крышей бывшего монастыря августинцев находится Музей КНБ¹ и войск МВД.

Этот необычный музей открыл свои двери для широкой публики в апреле 1975 года. Но тем, кто в прошлом имел отношение к охране чехословацкой государственной границы, это здание было известно и раньше. С 1966 года здесь находился Музей пограничных войск. Почти десять лет это неприметное на вид учреждение выполняло свою важную миссию, интересно и со знанием дела рассказывая посетителям о работе тех, кто занимался охраной государственной границы.

В то время посетители музея имели возможность познакомиться с историей легендарного 1-го дежурного полка национальной безопасности пограничных частей КНБ и подразделений погранвойск. Соответствующим образом там были представлены пограничные отделы общественной безопасности, органы паспортного контроля и таможенной службы.

Я помню, какой интерес у посетителей вызывали, например, предметы и документы, связанные с операцией «С», в ходе которой чехословацкие пограничники столкнулись с агентом Сударсом. В витрине было выставлено не только оружие, из которого этот шпион предательски убил десантника Соукупа, но и дневник пограничника Догнала, обезвредившего впоследствии агента.

¹ Корпус национальной безопасности. — Прим. пер.

Я вспоминаю, как многие люди с удивлением качали головой, увидев костюм водолаза или надувные лыжи, следы или ходули, которыми пользовались нарушители при своих переходах через границу. Не меньший интерес вызывали экспонаты, относящиеся к делу капрала американской армии Беллрихарда. Этот авантюрист в июле 1958 года нелегально проник на нашу территорию, намереваясь насильно увезти в ФРГ одного из чехословацких пограничников. Беллрихард, несмотря на то что имел даже легкий пулемет, в результате внезапных действий чехословацкого пограничного дозора был задержан и обезврежен.

Вспоминаю об одном из самых популярных «экспонатов» тогдашнего Музея пограничных войск — о легендарной овчарке Брек, на счету которой числилось шестьдесят два задержания. Ее проводник Ярослав Кухарж был награжден президентом республики медалью «За отвагу».

Экспонатов было много, и, признаюсь, когда я в 1972 году узнал о решении превратить Музей пограничных войск в Музей КНБ и войск МВД, мне стало немного жаль этой экспозиции. Но через три года мне представилась возможность осмотреть новый музей, и я был поражен. Там были выставлены не только экспонаты прежнего музея, но и многие другие документы и материалы о работе чехословацких органов безопасности.

В первом, вводном зале музея стоит скульптура работы академика Ярослава Брожа, символизирующая Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Революционные преобразования на одной шестой части мира подняли на борьбу народы других стран. Но буржуазия не хотела уступать своих позиций и использовала против революционных сил все средства, в том числе и аппарат полиции. Подобным же образом поступала она в нашей стране. Об этом напоминает витрина с винтовками и касками жандармов и полицейских периода первой республики.

Во вводном зале находятся также экспонаты, рассказывающие о тяжелых годах фашистской оккупации. Особое внимание привлекает историческая фотография, на которой изображен чехословацкий пограничный столб, вырванный из земли нацистами в 1938 году под Шлукновом. Рядом находится уникальный пулемет марки 37П, ряд документов о деятельности КПЧ, отрядов местной охраны и других организаций. Здесь же выставлены экспонаты, рассказывающие о партизанском движении в нашей республике. Приводятся данные о том, что в борьбе против фашизма отдали свои жизни 20 миллионов советских граждан и 360 тысяч чехов и словаков, в концлагерях погибло 235 тысяч чехов и словаков, 25 тысяч коммунистов было казнено фашистами. Среди экспонатов посетители могут видеть и предметы, которые гестаповцы использовали во время допросов.

После этих страшных, но впечатляющих экспонатов посетители переходят к документам и предметам времен майского восстания чешского народа и освобождения нашей родины Советской Армией. Затем идет история создания и деятельности Корпуса национальной безопасности.

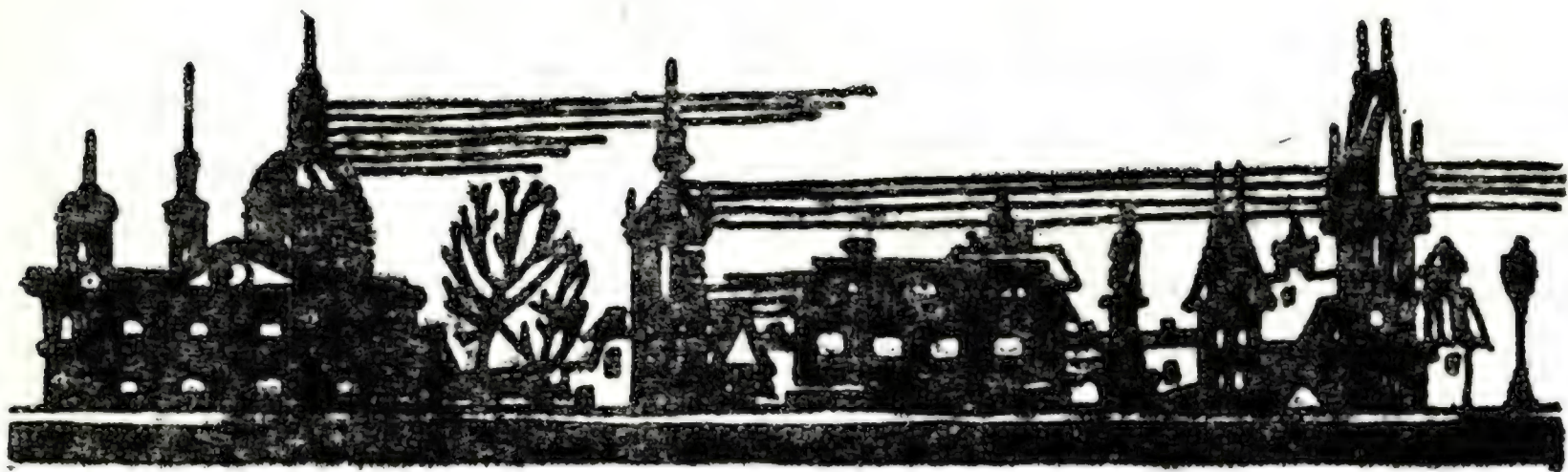
Сотни экспонатов в залах музея раскрывают процесс развития всех составных частей органов безопасности, начиная с мая 1945 года и до наших дней — от первых операций 1-го дежурного полка национальной безопасности против предателей и коллаборационистов, против «Вервольфа», бандеровцев, спекулянтов и фальшивомонетчиков и до борьбы против террористов, шпионов и уголовников. В этой богатой экспозиции есть и документы о борьбе КПЧ с чехословацкой послевоенной буржуазией за классовый характер Корпуса национальной безопасности.

Я ходил по залам музея, осматривал отдельные экспонаты и документы и думал о том, что скрывается за каждым из этих материалов. Мне пришло в голову, что интересно было бы узнать о судьбе одного из нескольких сотен выставленных пистолетов, изъятых в свое время при задержании агентов или нарушителей государственной границы. О многом могли бы, например, рассказать старые часы, в которых, как это следует из краткого пояснения к экспонату, переправлялись шпионские сведения. Мне хотелось побольше узнать о человеке, державшем в руках чемодан, в котором он перевозил через границу наркотики, о том, как было распутано дело о подделке чехословацких банкнотов или дело о похищении предметов старины, фотографии которых были выставлены в витрине.

Именно тогда у меня и родилась идея написать о некоторых из этих экспонатов больше, чем было в подписях к ним. Мне пришла в голову мысль соединить судьбы этих предметов с судьбами людей, пользовавшихся ими, а также с теми, кто, служа республике, боролся с преступлениями. Сотрудники музея помогли мне получить нужные данные из архивных документов. Некоторые из документов в это время хранились в запаснике музея, другие нужно было искать в иных местах. И вот я стал рыться в архивах министерства внутренних дел и министерства юстиции, побывал в военно-историческом архиве, встретился со многими свидетелями тех событий, о которых я собирался написать. В этой книге содержится все, что мне удалось выяснить. На ее страницах описаны подлинные случаи и события, которые лишь слегка изменены без искажения фактов. В некоторых случаях я изменил фамилии участников. И сделано это было не ради тех, кто нарушил законы нашей республики (в музее в большинстве случаев приводятся их подлинные фамилии), а потому, что сейчас живы их родственники, не имевшие ничего общего с преступной деятельностью этих людей.

Создавая экспозицию, сотрудники Музея КНБ и войск МВД старались сделать так, чтобы отдельные экспонаты не только напоминали о прошлом, но и говорили о настоящем. Я был бы рад, если бы то же самое могли сделать и мои произведения. Если мне это удалось, то рассказы, предлагаемые вашему вниманию, писались не напрасно.

Р. Ш у л и г

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ПОД ФАМИЛИЕЙ

Зал боевой славы является вводной и одновременно заключительной частью всей экспозиции Музея КНБ и войск МВД. Его экспонаты имеют отношение ко всей истории существования наших органов безопасности. На одной из стен зала находится большая мраморная доска, на которой высечено более 350 фамилий сотрудников КНБ и МВД, погибших при исполнении служебных обязанностей. Они погибли в борьбе с классовым врагом, сражаясь против преступников. Они отдали свою жизнь ради жизни людей, поэтому за большинством этих фамилий скрыты драматические истории. Одна из них имела место вскоре после освобождения нашей родины Советской Армией.

1

Снаружи здание областного управления государственной безопасности на улице Вашингтона в Праге выглядит миролюбиво и солидно. С учетом того, что происходит под его крышей, даже слишком миролюбиво. Но информация, стекающая в этот пятиэтажный дом, отражает волнующие события, происходящие в последние двенадцать месяцев после освобождения республики.

У большинства сотрудников этой организации пока нет времени разобраться в секретах своей новой профессии. Многие из них по возвращении из концлагеря или из партизанской землянки еще не успели толком оглядеться в освобожденной стране, как уже были призваны на работу в органы безопасности. Там они сразу же оказались в вихре событий, не имея возможности спокойно приобрести необходимые профессиональные знания. Пришлось учиться на ходу.

Один из сотрудников, работавших тогда в доме номер 7

по улице Вашингтона, впоследствии так будет рассказывать о том периоде:

«Не успели мы организационно сколотить свое управление, как нам пришлось участвовать в первых стычках с членами «Вервольфа». В конце сорок пятого года от арестованных гестаповцев и от самих «оборотней» мы узнали о существовании в Чехословакии этой террористической фашистской организации. Однако ликвидировать ее было, конечно, трудно. То и дело кто-нибудь из них ускользал из наших рук — и сразу же что-либо происходило. Я не имею в виду довольно известную катастрофу в Красне-Бржезно, где в конце июля сорок пятого года произошел взрыв на складе оружия и боеприпасов. При этом погибло тридцать два человека. При расследовании причин трагедии выяснился ряд обстоятельств, свидетельствовавших о причастности к этому террористическому акту членов «Вервольфа». Их организация, руководимая Генрихом Винклером, действовала в районе Усти и была достаточно хорошо снабжена оружием и взрывчаткой. Но при окончательной ликвидации этой банды осенью сорок пятого года не было подтверждено участие ни одного из задержанных «оборотней» в операции в Красне-Бржезно. По поводу этой катастрофы существовали и другие версии. Проводившие расследование товарищи не исключали возможности того, что взрыв произошел в результате неосторожного обращения с материалами на складе. Другие следы вели к некоему Георгу Шергруберу, который после взрыва оскорблял чешских граждан дерзкими и насмешливыми замечаниями. Позднее его попытался задержать военный патруль, завязалась перестрелка, в которой Шергрубер был убит. При выяснении его личности было установлено, что он служил пиротехником в фашистской армии. На этом основании возникло предположение, что именно он установил на складе бомбу с часовым механизмом. Еще одна версия сводилась к тому, что взрыв мог организовать — даже ценою собственной жизни — кто-нибудь из пленных, военнослужащих бывшего вермахта, которые работали на складе. Подобных версий тогда существовало немало, но подлинную причину катастрофы в Красне-Бржезно до конца выяснить так и не удалось.

Трагически завершилось дело с покушением одной из банд «Вервольфа» на сотрудников органов безопасности в Брун-тале. «Оборотням» удалось при ремонте вмонтировать в радиоприемник «адскую машину». Когда они вернули приемник в отделение, там произошел взрыв. Один из сотрудников погиб на месте, трое были тяжело ранены. Правда, тогда нам удалось найти и задержать преступников.

Нашей главной задачей в то время было вскрыть преступную сеть фашистского подполья и пресечь возможные террористические акции. Постепенно дела у нас пошли лучше. Я вспоминаю, например, случай, когда «Вервольф» попытался совершить покушение на Клемента Готвальда и Зденека

Неедлы. Оно должно было произойти в середине августа сорок пятого года в Свободе-над-Упой, где планировался большой народный праздник с участием членов правительства. Накануне этого события наша служба радиоперехвата засекла передачу подпольной радиостанции, адресованную в район гор Крконоше. Мы сопоставили этот факт с готовящимся праздником в Свободе-над-Упой и повысили бдительность.

Наши сотрудники установили наблюдение за рядом лиц, подозреваемых в сотрудничестве с «Вервольфом», хотя явных улик против них не было. К их числу относился и лесник из Пеца-под-Снежкой Фриц Сагассер. Нам было известно, что во время войны он был частым гостем в эсэсовском центре в Черна-Горе около Янске-Лазне, где в последние недели войны обучались члены «Вервольфа» из Северной Чехии. О том, что Сагассер тоже там учился, мы не знали, но предполагали, что это так.

Наши люди, незаметно следившие за лесником, еще за несколько дней до праздника были готовы поверить в его непричастность. Большую часть времени он проводил дома и ни с кем не встречался. И вдруг в день праздника Сагассер необычно рано поднялся и еще затемно отправился в горы. Наши пошли следом. Вскоре они выяснили, что Сагассер направляется на лесной хутор. Неподалеку от хутора он достал какой-то груз из тайника, положил все в рюкзак и пошел дальше. Километра через полтора он встретился с неизвестным мужчиной, и они вместе пошли к шоссе, ведущему к Свободе-над-Упой.

Тут все это и произошло. Может быть, из-за неосторожности одного из наших людей, а может быть, случайно. Оба преступника вдруг поняли, что за ними следят, и открыли стрельбу по своим «теням» из пистолета. Завязалась оживленная перестрелка, в ходе которой Сагассер был убит, а его сообщнику удалось бежать. Тем не менее мы выяснили, что эта пара «оборотней» собиралась заминировать дорогу, по которой должны были проехать члены правительства. Кроме взрывчатки в рюкзаке у Сагассера оказались запалы, гранаты и пистолеты.

Таким образом, эта операция провалилась. Но подобные попытки организовать покушение на членов правительства предпринимались и позднее. Через несколько месяцев после этого случая мы разоблачили троих диверсантов, собиравшихся убить тогдашнего президента Бенеша.

«Вервольф» доставлял нам хлопоты и в начале сорок шестого года, но по мере того, как немцы из пограничных районов уезжали, уменьшалось и число террористических акций. Постепенно мы переключились на борьбу с другими врагами.

Кроме «Вервольфа» в центре нашего внимания были и другие «осколки» третьего рейха: гестаповцы и их агенты, которым в сорок пятом году удалось избежать ареста, и в первую очередь сотрудники нацистского абвера и СД. Кое-где еще пря-

тались и эсэсовцы. Я вспоминаю в этой связи печальный случай с сыном бывшего министра протектората Эмануэля Моравеца...»

2

Среда, 15 мая 1946 года.

Без нескольких минут девять часов утра. В момент когда капитан Прошек, сотрудник областного отдела безопасности, разбирает папку с утренними донесениями, на его столе звонит телефон.

— Прошек, — сухо отвечает офицер, но, услышав в трубке знакомый голос, сразу изменяет тон: — Приветствую вас, доктор. Что это вы решили вспомнить о нас с утра пораньше?..

Мужчина, звонивший капитану, был референтом по вопросам национальной безопасности при центральном национальном комитете Праги. Суть его сообщения зафиксирована позднее в протоколе следующим образом:

«15 мая 1946 года в половине восьмого утра ко мне в кабинет пришел Ладислав Мистер, которого я знаю как работника правления жилищного кооператива в районе Прага-14. Упомянутый сообщил мне, что недавно он познакомился в поезде с одним человеком, который просил рекомендовать ему какую-нибудь работу в сельском хозяйстве. Якобы он бежал с Украины и не имеет никаких документов. Ладислав Мистер дал ему адрес своей сестры, имеющей усадьбу в деревне Брненец-Заржечи. Мужчина, назвавший себя Петром Ковачем, действительно затем стал работать батраком в хозяйстве сестры Мистера Марии Судковой. Однако со временем Мистер выяснил, что Ковач не украинец, а из разговоров с ним сделал вывод, что, по-видимому, он является сыном бывшего министра протектората Эмануэля Моравеца. Поэтому Мистер и поспешил заявить об этом.

После того как Мистер ушел, я сообщил обо всем капитану Прошеку из областного отдела безопасности».

После телефонного разговора с референтом по вопросам национальной безопасности при центральном национальном комитете Праги капитан Прошек принимает все меры к тому, чтобы в кратчайшее время установить личность подозрительного человека из деревни Брненец-Заржечи.

Сначала на столе у капитана появляется дело Эмануэля Моравеца. Это занимательное чтиво позволяет проследить, как честолюбивый юноша превращается в бессовестного карьериста, а карьерист — в предателя. У капитана Прошека нет времени читать все записи об аферах Моравеца. Не интересуют капитана и подробности самоубийства предателя и его бесславный конец в майские дни сорок пятого года, так как Прошек уже знает о них. Ему довелось находиться в районе Бубенеч, когда там в июне 1945 года кто-то обнаружил могилу Мо-

равеца. По сути дела, это была не могила, а неглубокая яма, в которую дружки предателя бросили труп и слегка закидали глиной. Эмануэль Моравец окончил свою жизнь так же бесславно, как и жил... Однако больше всего капитана сейчас интересует семейная жизнь Моравеца. В этом отношении данные оказались весьма скудными. Из них явствуется лишь то, что Эмануэль Моравец был трижды женат. От первого брака у него было два сына: Иржи и Игорь, а от второго — сын Эмануэль. В то время как Эмануэль по настоянию его матери-немки (она бросила Моравеца ради майора вермахта Госсе) содержался в фашистском партийном интернате, оба его сына от первого брака служили в нацистской армии. О том, что они делают в настоящее время, в документах никаких данных не было.

«Значит, сыновья Моравеца пропали без вести, — мысленно произносит капитан. — Без вести... Ну, посмотрим!»

Прошек поднимает трубку телефона и вызывает своих подчиненных — штабных стражмистров Яна Ремту и Иржи Вухтрла.

Как только они усаживаются, Прошек сообщает им о цели вызова:

— Я знаю, что в последнее время дел у вас было более чем достаточно, но к этому парню нужно поехать тому, кто хоть немного знает район Мукачева. Дело в том, что Ковач утверждает, будто он родился именно там. Из тех мест только один Ремта, но один он ехать не может. Вы обычно работаете вместе, вот я и подумал...

Иржи Вухтрл молча кивает в знак согласия, поэтому капитану остается лишь добавить:

— Езжайте сегодня же и смотрите возвращайтесь невредимыми...

3

Скорый поезд Прага — Брно отправляется с Главного вокзала в половине первого дня. Среди пассажиров находятся Ян Ремта и Иржи Вухтрл. Они даже не успели предупредить своих домашних, чтобы в этот вечер их не ждали. Но в последнее время такое случалось довольно часто. Что же делать, если того требует их беспокойная служба!

Наверное, и эти два молчаливых пассажира думали в дороге о событиях последней недели, когда у них было полно хлопот в связи с исчезновением секретного архива нацистов в Штеховице.

Дело о хищении штеховицкого архива тоже довольно известно, но для того, чтобы оживить его в памяти, приведу некоторые основные данные. В понедельник, 11 февраля 1946 года, группа американских солдат и офицеров без ведома чехословацких властей проникла в расположение военного объекта неподалеку от Штеховице. С помощью бывшего эсэсовца Гюн-

тера Ахенбаха, которого американцы привезли с собой из лагеря военнопленных в Баварии, они вскрыли фашистский тайник, в котором находились архивные документы. Там хранилось 33 больших ящика, которые группа извлекла и переправила в Германию.

Несмотря на то что чехословацкие власти были информированы об этой акции уже в самом ее начале, они не приняли нужных мер для предотвращения вывоза ящиков за границу. Правда, потом по дипломатическим каналам был заявлен протест в связи с действиями американцев, но результатом протеста стали лишь формальные извинения. Похищенные ящики вернулись в Прагу 2 марта, однако трудно было сказать, соответствует ли их содержимое первоначальному. Многие факты свидетельствовали о том, что некоторые документы американцы незаконно присвоили или подменили. Но прямых доказательств этого не было.

Такова вкратце история штеховицкой аферы. На первый взгляд, для нас это был проигрыш. Я говорю — на первый взгляд, поскольку думаю, что и поражение может стать залогом будущей победы. В данном случае так оно и оказалось.

Изучив более подробно детали штеховицкого дела, мы установили, что оно имеет темную закулисную сторону. Это стало ясно тогда, когда канцелярия министра иностранных дел обратила наше внимание на то, что еще 14 октября 1945 года французское посольство проинформировало министерство о намерении пленного эсэсовца Ахенбаха рассказать о нацистском тайнике, расположенном неподалеку от Праги. Мы сразу же заинтересовались этим письмом и занялись выявлением лица, которому было необходимо замолчать это дело. Вскоре мы уже знали все, что нам было нужно.

Оригинал письма французского посольства находился в министерстве иностранных дел. В нем говорилось:

«Посольство Французской Республики имеет честь информировать министерство иностранных дел, что, по сообщению генерала Кенига, главнокомандующего французскими оккупационными войсками в Германии, некий Гюнтер Ахенбах, родившийся 27.8 1921 года в г. Эссен-Борбек, добровольно вступивший в части СС и находящийся в настоящее время в лагере для военнопленных Мылгузы, намеревается показать место неподалеку от Праги, где немецкие власти зарыли очень важные документы. Эти документы находятся в запечатанных ящиках, и подступы к ним заминированы.

Посольство Французской Республики уведомляет настоящим министерство иностранных дел о том, что французские власти готовы доставить под охраной Ахенбаха в ЧСР для проверки правильности показаний упомянутого пленного.

Посольство Французской Республики просит министерство иностранных дел не отказать в любезности и информировать его о результатах мер, принятых на основании этого сообще-

ния, и пользуется случаем, чтобы вновь заверить министерство в своем глубоком уважении».

Письмо было датировано 13 октября 1945 года. Мы ломали себе головы над тем, как такое важное сообщение могло остаться без внимания, и взялись за секретаря министра. Но его совесть оказалась чиста. Он показал нам дело, из которого явствовало, что перевод французского письма 19 октября 1945 года был передан министерству внутренних дел. Конкретно — советнику министерства Завадилу.

Теперь этот ребус предстояло отгадать нашим органам безопасности. Кроме того, надо было учитывать, что доктор Завадил был для нас довольно твердым орешком, более твердым, чем тот, который мы раскололи в министерстве иностранных дел. За ним стояли все депутаты и министры народной партии. В министерстве он был фигурой номер один.

Нам же нужно было выяснить, кто утаил эту важную информацию — он сам или кто-то другой. Нас интересовало также, как об этом узнали американцы.

Несколько дней мы ломали голову над этим ребусом, а потом наш начальник отправился прямо к министру Носеку. Тот вызвал доктора Завадила и потребовал объяснить, как в действительности обстоит дело с Ахенбахом и что он сделал с письмом из министерства иностранных дел.

Доктор Завадил, как мы и предполагали, сумел выкрутиться, заявив, что информацию от французов он якобы положил в сейф, а потом в суматохе о ней забыл. Министру Носеку и нам было ясно, откуда дует ветер. Нас только интересовало, с кем Завадил сотрудничает в таких деликатных вопросах. Поэтому несколько наших сотрудников стали присматриваться к нему более внимательно.

Со временем мы установили, что доктор Завадил поддерживает контакты с шефом американской военной миссии майором Чарльзом Катеком. Правда, он не был в числе лиц, регулярно ходивших на приемы, устраиваемые Катеком, зато встречался с ним в ресторане «Штайнер» и несколько раз приглашал к себе на квартиру. В то время мы уже знали, что Катеки и его военная миссия — это филиал американской разведслужбы в Праге. Понемногу ребус стал проясняться.

Тогда, в апреле и мае 1946 года, когда мы занимались этим делом, ситуация не позволяла нам избавиться от доктора Завадила — троянского коня американцев в министерстве внутренних дел. Нам удалось лишь добиться закрытия американской военной миссии в Праге. Хотя Катеки остался в Праге и перешел на работу в американское посольство, определенного успеха нам все же удалось добиться. Со временем выяснилось, что доктор Завадил действительно передал Катеку информацию о штеховицком архиве, а в министерстве внутренних дел по договоренности с шефом американской военной миссии ее потом положили в долгий ящик и тем самым позво-

лили американцам осуществить бандитскую акцию по вывозу архивных документов...

Может быть, Ян Ремта и Иржи Вухтрл, эти два молчаливых человека, думают как раз об этом событии, поскольку они сами имеют прямое отношение к разоблачению доктора Завадила. Или, может быть, они думают о человеке, к которому едут.

Знают они о нем мало. Возможно, это сын бывшего министра протектората Эмануэля Моравеца.

Почему тогда он скрывается? Стыдится своего отца и своего имени? Или у него совесть нечиста? Что заставляет его жить в деревне где-то около Свитави?

На все эти вопросы эти двое парней должны получить ответ уже сегодня вечером.

4

Около семи часов вечера сотрудники службы безопасности подходят к усадьбе Марии Судковой. В доме одна хозяйка. Они ей представляются и спрашивают Ковача.

— Да, Ковач еще здесь. И у него до сих пор нет никаких документов, чтобы зарегистрироваться в полиции. Мы его уже почти полгода здесь кормим, карточек на него не получаем, и, наконец, у меня же будут от этого неприятности...

— Да, пани Судкова, это не исключено. Почему же вы сразу не зарегистрировали Ковача?

— А как я могла? Ведь говорю же вам, что у него нет никаких документов. А что я без них могу сделать? Когда я на него стала нажимать, он собрался уходить. Уйдет, и мы опять останемся без батрака. Сами знаете, как сейчас работать в сельском хозяйстве. Каждый хочет, чтобы ему дали какой-нибудь клочок земли, а работать некому. У нас осталась только одна девушка и вот этот Ковач. Рук не хватает. Можете себе представить, что значит обрабатывать двадцать гектаров земли и ухаживать за тремя парами лошадей и восемнадцатью коровами?! Я уже не говорю о свиньях и домашней птице. Вот мы и рады, что у нас есть хотя бы этот Ковач...

— А где нам его найти? — спрашивает Ремта, чтобы прервать слишком говорливую хозяйку.

— Свеклу в погребе складывает... Это в нескольких минутах ходьбы отсюда. Подождите, я позову сына, он вас туда проводит...

К погребу они идут с молодым Судеком, который только что появился во дворе усадьбы. В погребе видят незнакомого человека.

Гости представляются и говорят, что хотели бы с ним поговорить. Мужчина надевает пиджак, лежащий у входа в погреб, и идет с обоими сотрудниками службы безопасности

в дом. О том, что случилось потом, спустя сутки расскажет Ян Ремта:

«Как только мы зашли в дом, Мария Судкова отвела нас в комнату, где мы могли бы допросить задержанного. В комнате стоял круглый стол, за который все и сели. Сначала я спросил незнакомца, как его фамилия. Он ответил, что его зовут Петр Ковач и что родился он в деревне Кайданово Мукачевского района. Поскольку я хорошо знал эту деревню, то стал расспрашивать о некоторых ее жителях. Скоро выяснилось, что мнимый Ковач эту деревню совершенно не знает, поэтому я прямо задал ему вопрос, не является ли он сыном бывшего министра протектората Эмануэля Моравеца. Подумав немного, мужчина сознался, что зовут его Игорем Моравецем и что родился он 28.8 1920 года в г. Ческе-Будеевице.

После этого признания Моравеца мой коллега Вухтрл попросил Рудольфа Судека одолжить ему пишущую машинку, которую мы видели в соседней комнате. Судек дал нам ее, и мы начали предварительный допрос с ведением протокола. При этом стражмистр Вухтрл записывал, а я задавал Игорю Моравцу вопросы...»

Допрос продолжается примерно час. Иржи Вухтрл исписывает две с половиной страницы показаниями Моравеца. Кроме всего прочего там записано:

«Как я уже говорил, родился я в семье бывшего министра правительства протектората Эмануэля Моравеца. В начальной школе учился в разных местах, там, где служил офицером мой отец. В Моравски-Тршебове я закончил военную гимназию. После экзаменов на аттестат зрелости хотел изучать медицину. Это было в 1939 году, когда в протекторате закрылись чешские институты. Поэтому отец устроил так, что я смог поехать в Германию, в Людвигсхафен, где работал в так называемом образцовом хозяйстве. Оттуда я должен был поступить в немецкий сельскохозяйственный институт. Но в институт меня не приняли, и тогда отец устроил меня на работу в берлинское издательство «Дойчер Ферлаг», где я и пробыл до января 1942 года. Когда я приехал в отпуск в Прагу, отец сказал мне, что в ближайшее время будет образовано новое правительство протектората, где он займет место министра просвещения. Он посоветовал мне не возвращаться в Берлин и пообещал найти потом какое-нибудь хорошее место в Праге. Временно я устроился рецензентом в издательстве «Орбис». Там я проработал до сентября 1942 года. После назначения министром отец без конца упрекал меня в реакционности, говорил, что мой младший брат Иржи вступил в немецкую армию, сводный брат Эмануэль учится в немецком интернате третьего рейха, и только я проявляю нерешительность. Наконец я уступил ему. Я попросил немецкого гражданства и подал заявление о зачислении в немецкую армию. 29 сентября я получил по-

вестку и был направлен на сборы в пехотный полк резерва, стоявший в Арнеме в Голландии.

Мое решение отца очень обрадовало. Он сообщил об этом Франку, подчеркнув, как он мне потом рассказал, что и его третий сын хочет активно способствовать победе третьего рейха. Потом отец посоветовал мне добиваться зачисления в части СС, объяснив это тем, что эти части лучше всего вооружены и что это — элита немецкой армии. И на этот раз я его послушался и попал в войска СС.

Обучение в Голландии продолжалось до 29.12 1942 года. Потом меня перевели в Ангулем, на юго-западе Франции, где я служил во 2-й танковой дивизии. Эта дивизия пополнялась как за счет солдат с русского фронта, так и за счет новобранцев. В начале февраля 1943 года нас отправили в Киев, откуда мы поехали по направлению к Харькову, где и приняли участие в боях. Нашей задачей было остановить наступление советских частей. В октябре 1943 года меня отозвали на курсы унтер-офицеров, но попасть туда мне не удалось, так как я заболел инфекционной желтухой. После выздоровления я окончил курсы, и, поскольку был отличником, меня послали в школу офицеров СС в Просечнице-под-Иловом. Школу я закончил в августе 1944 года, тогда же мне присвоили звание обер-юнкера СС. Я стал командовать ротой тяжелого оружия.

После начала советского наступления на Висле наш батальон получил задание сколотить боевую часть, которая была бы способна к немедленным действиям. Выполнив эту задачу, мы вступили в бой. В одном из боев я был ранен и попал в плен к русским. После перевязки в лазарете меня отправили в лагерь для военнопленных под Ровно. Оттуда я в октябре 1945 года бежал и попал в Прагу.

Приехав в Прагу, я прежде всего позвонил своему дяде Вацлаву Моравцу, чтобы выяснить, где находится моя мать. Я узнал, что она работает. Ее адрес дядя дал мне. Когда мать увидела меня, она страшно испугалась и попросила немедленно уехать из Праги и подождать, пока положение не утрясется. В Праге я пробыл три дня. Ночевал на вокзале и у одной знакомой моей матери. В это время мать через своих друзей подыскивала мне какую-нибудь работу в сельском хозяйстве. На третий день я получил от нее адрес Ладислава Мистера и отправился к нему в канцелярию кооператива. Он дал мне адрес своей сестры в Заржечи, куда я 22.12 1945 года и уехал. С тех пор я работаю в усадьбе. В оправдание Судковой должен сказать, что она старалась...»

Последнее предложение протокола остается незаконченным. Что старалась сделать Судкова, стражмистр Вухтрл записать не успевает, потому что в этот момент Игорь Моравец вскакивает из-за стола с пистолетом в руках.

«Руки вверх!» — кричит он допрашивающим его людям. Но они не торопятся выполнить его приказ. Ян Ремта бросается

к Моравцу, тот стреляет. Осечка! Ремта, спрятавшись за печкой, лезет за своим пистолетом. В эту минуту вскакивает и Иржи Вухтрл. Он бросает в Моравца свой портфель, одновременно пытаясь вырвать у него из рук оружие. Эсэсовец еще раз нажимает на курок, и в комнате раздается выстрел. Потом еще один. Ремта и Вухтрл снова бросаются на Моравца, но тот вырывается и бросается к двери. Вухтрл еще успевает выстрелить преступнику вдогонку, но бежать за ним уже не может. Он тяжело ранен. Пуля из пистолета Моравца попала ему в область сердца.

Ремта выбегает за Моравцем, но, увидев, что за ним бежит и молодой Судек, возвращается к тяжело раненному Вухтрлу, вызывает машину «скорой помощи» и дает указания по преследованию Моравца.

Не успевает приехать «скорая помощь», как Игорь Моравец уже задержан и доставлен обратно в усадьбу. Он ранен пулей из пистолета Вухтрла, но не так серьезно, как стражмистр. Вухтрл умирает через два часа на операционном столе в свитавской больнице. Напрасно ждут его дома сыновья и жена Эмилия.

5

Дело эсэсовца Игоря Моравца имело продолжение. Выяснилось, что этот убийца после побега из лагеря военнопленных нашел себе помощников, собиравшихся переправить его в Австрию. Легенда, придуманная Ладиславом Мистером, тоже во многом не соответствовала действительности. Он познакомился с будущим убийцей и бывшим эсэсовцем Игорем Моравцем не в поезде, а в своем кабинете, и с самого начала знал, с кем имеет дело. Потом в нем, видимо, заговорил страх, и он быстро принялся обеспечивать себе алиби.

Вскоре после трагических событий в Хрудиме состоялся суд над Игорем Моравцем и над теми, кто пытался скрыть его предательскую деятельность и эсэсовское прошлое. Народный суд приговорил убийцу к смертной казни. Он кончил свою жизнь так же, как и его отец.

Имя Иржи Вухтрла, воина, погибшего при исполнении служебных обязанностей, выбито на мраморной доске в зале боевой славы Музея КНБ и войск МВД. А в архиве хранится дело с описанием его подвига.

БАНДИТЫ ПРОБИВАЮТСЯ НА ЗАПАД

После экспонатов, повествующих о борьбе сотрудников органов безопасности с бандами «Вервольфа», об их мужестве при аресте военных преступников, предателей и коллаборационистов, посетители музея знакомятся с документами и предметами периода борьбы против бандеровских банд.

Середина июня 1947 года. В кабинете министра внутренних дел группа людей. Совещание должно было начаться двадцать минут назад, но министр Носек по срочному делу задержался в президиуме правительства и просил не начинать без него совещание с представителями министерства национальной обороны, поскольку он сам хотел в нем принять участие.

Коренастый полковник из генерального штаба пришел на совещание с двумя офицерами. Он не слишком сожалеет о неожиданной задержке, так как вопрос требует личного решения министра Носека. Дело в том, что речь пойдет о совместных действиях армии и органов безопасности против банд так называемой «украинской повстанческой армии» (УПА), которые в это время бесчинствовали в Восточной Словакии. До сих пор против бандеровцев боролись, главным образом, армейские части. Теперь, когда из ЗПТ (группа армейских частей, называемая «Защита пограничной территории») часть личного состава уходит в запас, а активность бандитов со дня на день увеличивается, армия нуждается в помощи КНБ.

Впервые бандеровцы совершили бандитские налеты с польской территории на пограничные деревни Нова-Седлице, Збой, Улич и некоторые другие в конце 1945 года. Теперь хорошо вооруженные банды стали систематически проникать на территорию республики. По сообщениям органов контрразведки, банды бандеровцев намерены прорваться через территорию Чехословакии в Баварию, где паходятся их главари. До сих пор террористы убили двадцать человек, преимущественно коммунистов.

Такова обстановка, в которой собрались в кабинете министра внутренних дел военные и сотрудники аппарата органов безопасности.

Ровно три месяца назад органам безопасности удалось ликвидировать одну из разветвленных сетей украинских националистов, разбросанных по всей нашей территории. Агенты и связные бандеровцев, пробиравшиеся из Польши в Баварию, имели в Чехословакии довольно много пособников. Прежде всего в католических монастырях и приходах, где действуют священники так называемого ордена базилианцев. Их глава Шебестиан Сабол, живший в Требишовском монастыре, со временем создал надежный канал для перехода бандеровцев и их связных. Его маршрут шел из польского города Пшемысля в Прешов, затем через пражский приход храма св. Климента в Ашский монастырь базилианцев. Оттуда украинские националисты направлялись в Мюнхен. Пражский католический священник храма св. Климента Паруха и еще несколько его сотрудников были теперь арестованы и ждали суда.

Сотрудники министерства внутренних дел, приглашенные на совещание, имеют также сведения о том, что банды бандеровцев не только поддерживали тесные связи с нацистским абвером, но и налаживают в настоящее время нежелательное сотрудничество с некоторыми разведцентрами стран, расположенных западнее Чехословакии.

Одним словом, все сидящие в кабинете министра прекрасно знают, по какой причине их сюда пригласили. Но никто из них не хочет опережать события, и в комнате идет неторопливый разговор, какой всегда завязывается, когда не хочется говорить ничего лишнего. Говорят о необычайно жарком и сухом лете, о том, что нужен дождь, о крепком чае, который они пьют, о приближающемся периоде отпусков, хотя все знают, что никаких отпусков у них не будет.

А потом появляется министр Носек. Он извиняется несколькими дружескими фразами и без длинных вступлений начинает совещание. Сначала он предоставляет слово полковнику генерального штаба, который делает информацию о современном положении.

— За истекший период, — докладывает полковник, — в большинстве случаев речь шла об отдельных группах диверсантов. По последним сообщениям органов разведки, на нашу территорию собирается передислоцироваться несколько бандеровских сотен. Это шестьсот—семьсот вооруженных человек, имеющих также легкие и тяжелые пулеметы. Задача этих вооруженных банд — пройти через нашу территорию в американскую оккупационную зону...

Министр Носек внимательно слушает полковника, временами согласно кивает и делает себе пометки. В заключение полковник объясняет цель прихода офицеров к министру и просит оказания помощи.

— После «Вервольфа» мы получили еще один подарочек, — тихо произносит министр Носек. — В виде украинских националистов. Этого и следовало ожидать. Попав в Польшу в тяжелое положение, они решили перебраться на Запад. Степан Бандера уже ждет их там с распростертыми объятиями. И не только он... — Министр замолкает, видимо думая, как ответить на просьбу представителя армии. А потом говорит спокойным и рассудительным голосом: — Что ж, ребята, придется нам разгрызть и этот орешек, не сломав на нем зубы. Нам нужны люди, которых у нас нет... Посмотрим, что можно сделать. Через два дня мы сообщим вам ответ, пан полковник.

Но после этих слов представители армии еще не уходят. Вместе с сотрудниками министерства внутренних дел они разбирают проведенные до сих пор операции против бандеровцев, продумывают меры по пресечению в предстоящие дни и недели терроризма в Восточной Словакии.

Через несколько дней после этого совещания в кабинете начальника Корпуса национальной безопасности готовится

приказ, который вскоре изменит жизнь более чем тысячи человек. В основном это будут те, кто недавно надел форму КНБ.

Штабс-капитан берет в руки текст приказа, встает из-за стола и начинает диктовать секретарше:

— «Номер 1. Секретно. Прага, 20 июня 1947 года.

Содержание: Бандеровское движение в Словакии. Меры безопасности. С весны 1946 года в Северо-Восточной Словакии отмечается вторжение вооруженных групп террористов так называемой «украинской повстанческой армии» (УПА). В этом году их деятельность в Словакии стала еще более интенсивной. Они пытаются уйти от преследования в Польшу и достать в ЧСР продовольствие. При этом бандиты рассчитывают на поддержку определенной части нашего населения и на то, что меры безопасности и военные операции с нашей стороны ослабли. Отдельные группы УПА совершают при этом тяжелые уголовные преступления, прежде всего грабежи и убийства. Во многих местах завязываются перестрелки между нашими воинскими подразделениями и бандами УПА. В результате этого население запугано, оно нервничает и теряет доверие к принимаемым с нашей стороны мерам безопасности. Это сильно мешает процессу восстановления народного хозяйства, а государству наносится большой ущерб. Необходимо как можно быстрее подавить и ликвидировать деятельность бандеровских банд в Восточной Словакии».

В течение девяти дней из молодых солдат КНБ была сформирована совершенно новая часть, которой предстояло отправиться в Словакию, чтобы остановить продвижение тех, кто проник к нам с оружием в руках и терроризировал население республики.

Несколько десятков строчек приказа от 20 июня 1947 года окажут влияние на судьбы людей, большинство которых пока что мало знают о том, как, собственно, возникли террористические банды бандеровцев.

2

День близится к концу, но вечер еще не наступил. Стражмистр Клицпера шагает по либерецким улицам. Несколько минут назад он сошел с поезда и теперь направляется в центр города. Идет он энергично, хотя и не спешит. У него есть несколько часов до отъезда в Нове-Место-под-Смерком. Этот пограничный пункт, который неизвестно почему называется «место» (город), стал теперь для Клицперы его домом. В этой затерянной и проклятой богом дыре стражмистр служит уже почти год. Направили его сюда прямо с курсов. Вначале он собирался ехать совсем в другое место — в район Лисы-над-Лабой, где живут его родители, но об этом пришлось забыть раньше, чем было произнесено это название.

«Вы молоды и нужны нам там, где не нужны старики», — сказали ему те, кто распределял молодых стражмистров после курсов.

Он молод, силен, весел, как и большинство тех, кому двадцать два года. Милослав Клицпера отметил день своего рождения два месяца назад, но стаканчик папиной смородиновой настойки ему удалось выпить только позавчера, когда он приехал домой в отпуск.

Теперь он возвращается в часть.

У гостиницы Клицпера встречает Вацлава Седлачека, одного из своих коллег, с которым год назад на курсах жил в одной комнате.

— Вашек, старик, ты откуда здесь взялся?

— Это я должен спросить тебя об этом! Привет, Мила!

Они здороваются с неподдельной радостью и наперебой начинают расспрашивать друг друга, не слушая даже ответов. Но как только либерецкий коллега Клицперы говорит, что только сейчас получил приказ о переводе в Словакию, град вопросов и ответов стихает. Клицпера спрашивает из любопытства:

— А что это тебя вдруг решили перевести в Словакию?

— Нашего брата много туда едет. Будем бороться с бандеровцами.

Стражмистр Клицпера молча кивает. Слышал и он, что в Восточной Словакии террористы нападают на хутора и целые деревни, но вообще-то...

Вообще... Все главное о бандеровцах Милослав Клицпера, как и сотни его товарищей, узнает в ближайшие дни и недели. Об этом им будут рассказывать на политзанятиях.

Движение украинских националистов имеет многолетние традиции, уходящие корнями во вторую половину прошлого века. Фанатики стремились создать «великую Украину», которая стала бы одной из великих держав Европы. Новый характер это националистическое движение приобрело в 1920 году, после провозглашения Украинской Советской Социалистической Республики. В то время к сепаратистским устремлениям бывших слоев украинской буржуазии добавились мотивы анти-социалистического характера. Националисты организовывали нелегальные группы, устраивали на территории Польши и СССР акты саботажа, грабили хутора и целые деревни, совершали налеты на почтовые отделения и другие государственные учреждения, терроризировали население, которое не разделяло их политических взглядов.

В период между двумя мировыми войнами в Роттердаме была основана эмигрантская «организация украинских националистов» (ОУН), председателем которой стал бывший полковник «украинской галичской армии» Эвжен Коновалец. ОУН в то время начала издавать нелегальный журнал «Штурм», статьи которого восхваляли идеи «самостийной Украины» и

подстрекали к антисоветским и антипольским акциям. Только, как известно, кто другому яму роет, сам в нее и попадет. Так и случилось, что одна из «адских машин», предназначенная для диверсии, взорвалась не в СССР и не в Польше, а прервала жизнь Эвжена Коновальца, который оказался недостаточно «прогрессивным» для украинских националистов, живущих в эмиграции, поскольку не хотел отказаться от своего поста председателя добровольно.

На место Коновальца пробился один из организаторов покушения Андрей Мельник. Он правил в ОУН до 1940 года, пока у него не начались разногласия с молодыми членами организации. История повторилась. Только в то время Мельник убит не был. Лидером оппозиции, упрекавшей Мельника в недостаточной активности в борьбе за отделение Украины, тогда стал Степан Бандера.

Этот бывший студент богословского факультета Львовского университета к тому времени, как выступил против Мельника, имел уже бурное прошлое. Он принимал участие в покушении на польского министра Перацкого, был арестован и приговорен к смертной казни. Однако с помощью других украинских националистов Бандере удалось бежать из краковской тюрьмы и скрыться за границей. Там он стал лидером одного из крыльев оппозиции, выступавшей против Мельника. ОУН в то время распалась на две части, однако гитлеровская агрессия против Советского Союза вновь временно объединила украинских националистов.

Эмигрантское руководство ОУН вскоре переместилось на оккупированную территорию Польши и Советского Союза и в сотрудничестве с фашистами начало укреплять свои позиции. Руководство возглавил Бандера, правда ненадолго. Гитлеровским оккупантам пришлось не по нутру вмешательство бандеровцев в их дела, и они попросту распустили их органы. Выступивший с протестом Степан Бандера был арестован и заключен в концлагерь. Фашисты продержали его там несколько месяцев, а потом снова вытащили на свет, чтобы он помог организовать из украинских националистов армию и бросить ее на борьбу против Советского Союза. Бандера, стремясь восстановить подмоченную репутацию, сформировал из своих людей дивизию СС под названием «Галиция», которая участвовала в боях под Сталинградом. Бандера продолжал строить планы создания Украины в рамках третьего рейха, однако Советская Армия перечеркнула эти расчеты. И когда советские войска начали изгонять фашистов с Украины, бандеровцы образовали так называемую «украинскую повстанческую армию», командующим которой стал Бандера. После отступления фашистских войск с территории Советского Союза банды УПА продолжали там диверсионную деятельность, которую они проводили в период между двумя мировыми войнами. Но потребовалось немного времени, чтобы советские воинские части

вместе с силами органов безопасности вынудили эти банды покинуть территорию СССР.

Тогда бандеровцы переместились в восточные области Польши, где попытались создать нечто вроде «государства в государстве», поскольку еще со времени фашистской оккупации у них здесь остались контакты с некоторыми слоями населения. Но как только обстановка в Польше стабилизировалась, вооруженные силы этой страны приступили к ликвидации террористических банд УПА.

Уже зимой сорок шестого года бандеровским диверсантам стало ясно, что и в Польше им долго не удержаться. Тогда они начали отходить к границам Чехословакии. Они намеревались прорваться через нашу территорию на запад, в американскую оккупационную зону Германии. Там, в Мюнхене, в то время уже действовал Степан Бандера, раньше других почувствовавший безнадежность положения и под предлогом подготовки почвы для своих коллег и соратников по борьбе «переместившийся» из Польши в Баварию.

Его приверженцы отправились следом за ним. Сначала это были лишь небольшие группы террористов, но когда весной сорок седьмого года польская армия бросила против банд УПА крупные силы, на запад побежали все остатки бывшей армии Бандеры. Террористы надеялись, что и на территории Чехословакии они будут существовать так же, как и в Польше, то есть за счет грабежей и разбоя. Кроме того, у них еще с периода войны остались тесные связи с членами фашистской партии Глинки, на помощь которых они рассчитывали во время перехода через Словакию. Действительно, многие функционеры партии, а также священники охотно помогали бандитам.

Первая крупная группа бандеровцев — сотня Хроменко, в которой насчитывалось около 120 вооруженных до зубов бандитов, — сначала нападала на отдельные горные хутора и усадьбы. Постепенно, по мере того как к ним присоединялись другие бандеровские силы, террористы начали совершать налеты на деревни, грабить и убивать. Кроме сотни Хроменко это была группа Бурлака, где было около двухсот человек, сотня «Кремень» и другие...

Все эти факты Милославу Клицпере пока что неизвестны. Тем не менее он решает просить, чтобы и его направили в Восточную Словакию. И в тот же вечер отправляется с этой просьбой к своему командиру.

О результатах беседы свидетельствует письмо, которое он девять дней спустя написал своим родителям в Лису-над-Лабой.

«Дорогие родные!

Прежде всего примите от меня сердечный привет. Когда я после отпуска приехал в Либерец, то узнал, что некоторые наши ребята собираются ехать в Словакию. Понятно, что и я

захотел туда поехать. И все устроилось отлично. Мы должны были сначала ехать в Кошице, а потом на границу к Медзилаборце, но в Татрах произошли изменения и нашу роту послали в Подолинец. Наверное, потом мы пойдем дальше, а здесь пробудем месяца три. Будем бороться с бандами бандеровцев, которые здесь свирепствуют. Еды достаточно, и живем мы здесь хорошо. Но не говорите никому, что я сейчас в Словакии и чем здесь занимаюсь. Когда мы перейдем в другое место, я сообщу вам адрес.

На этом заканчиваю. С приветом — ваш Мила.

Подолинец, 3.7 1947 г.»

Итак, стражмистр Милослав Клицпера попал в часть «Словакия», а с ней и в Словакию. Сотни других молодых бойцов Корпуса национальной безопасности приняли в эти дни участие в описываемых событиях, поскольку приказ от 20 июня 1947 года был выполнен точно, до последней буквы.

А в городах Градец-Кралове и Оломоуц тем временем формируются штабы будущих батальонов «Клен» и «Осина», для них готовится оружие и обмундирование, разрабатываются маршруты движения.

Многие из тех, кто скоро сядет в железнодорожные вагоны, направляющиеся на восток республики, пока еще и не подозревают, что их ожидает.

3

Полчаса назад стражмистр Паточка вернулся с обхода, который продолжался целый день, немного измотанный и насквозь пропотевший. На первом этаже в дежурке он доложил начальнику поста, немного ополоснулся и теперь сидел на койке и пришивал пуговицу к гимнастерке.

«Ничего, для той жары, которая держится в этом году, самый раз, — думает стражмистр Паточка, разглядывая мятую гимнастерку. — Проклятое лето! Оно даже еще толком и не началось, а человек уже сыт им по горло. Даже вечером — а сейчас без пяти семь — на улице так душно, что дышать нечем. Так был бы кстати приличный дождичек до утра... Или, может быть, даже на всю неделю, потому что в этом году дождей здесь не было».

Паточка вешает гимнастерку на спинку стула и с наслаждением вытягивается на койке. Заложив руки за голову, он смотрит на потолок комнаты, служившей трем молодым стражмистрам кухни, спальней и одновременно ванной, и возвращается мыслями к дождику.

«А ребята пугали меня, что здесь, в Орлицких горах, я превращусь в водяного... Боже милостивый!.. Я здесь уже четвертый месяц и еще ни разу не вымок. Четвертый месяц...

Когда после окончания курсов мне сказали, что я буду служить в Бартошовице, в Орлицких горах, я даже не отважился спросить, есть ли вообще эта деревня на карте, хотя этот вопрос так и вертелся у меня на языке... Может быть, если бы я его задал, то никто и не удивился бы...»

Конечно, не удивились бы, поскольку Бартошовице — это то место, вопрос о местонахождении которого поставил бы в тупик не одного учителя географии. Свежеиспеченный стражмистр Ладислав Паточка в то время, конечно, не мог себе позволить выглядеть дураком перед остальными курсантами. Пришлось воспользоваться картой. Она была настолько подробной, что он сразу увидел все, что ему требовалось: служить придется на чешско-польской границе. В нескольких десятках метров от Польши и почти в десяти километрах от ближайшего городка Рокитнице-в-Орлицких-Горах.

Особого восторга Паточка тогда не выразил. Он хотел бы служить в районе Троски, где была его родина. Но что же делать, если те, кто распределял свежеиспеченных стражмистров, думали по-другому? Пришлось ехать в Орлицкие горы, в Бартошовице.

И вот он служит здесь уже четвертый месяц.

За это время Паточка изучил поселок со всех сторон, вдоль и поперек, как любил говорить начальник бартошовицкой заставы. Познакомился и с горсткой людей, оставшихся здесь после ухода немцев. Знает уже, у кого жмет ботинок, кто мрачен, с кем можно пошутить, а от кого следует держаться подальше. Во время обходов Паточка увидел те места, где когда-то проходила чехословацкая «линия Мажино», укрепления «Адам» и «Ганичка», пехотные доты «Склон» и «Лиственница» и другие. Во время своих походов по лесам он вспоминал о тех, кто в тридцать восьмом году был готов вступить в схватку с Гитлером не на жизнь, а на смерть. И они не раз бились с его бандами.

Например, Паточка слышал о стычке, которая здесь произошла во второй половине сентября тридцать восьмого года. Тогда нацисты напали на бартошовицкую таможню. Они забросали ее через окна гранатами и побежали дальше на почту и в жандармский участок. Но посреди деревни они были остановлены. На помощь бартошовицким жителям из окрестных укреплений подоспели солдаты и отогнали нацистов. Уходя за границу, нацисты унесли с собой одного убитого и трех раненых. С тех пор они на подобные вылазки не отваживались, пока наша республика не была позорно продана...

Стражмистр лежит на койке и чувствует, как у него начинают тяжелеть веки. Может быть, оттого, что он долго смотрел на белый потолок, а может, от этих пройденных в жару и духоту километров. Он на минутку закрывает глаза, но спать не собирается. Думает о том, что нужно еще выстирать рубашку, побриться, написать...

Что ему еще нужно будет сделать в этот день, стражмистр додумать не успевает. В коридоре слышатся шаги, и в дверях появляется начальник заставы.

Стражмистр вскакивает с койки, чтобы доложить начальнику, но тот только машет рукой.

— Пришел приказ, Ладислав, о твоём временном переводе, — медленно произносит начальник заставы.

— Да? — выдавливают Паточка. — А куда меня посылают?

— Пока что в Градец, а там тебе скажут остальное. Речь идет о бандеровцах, если тебе это о чем-то говорит.

— Да, говорит. Бандеровцы грабят и убивают людей в Восточной Словакии.

— Совершенно верно. Они проникают через границу из Польши. Одна армия уже не может с ними справиться, поэтому туда направляется полк наших ребят. Тебя выбрали, во-первых, потому, что у тебя как у бывшего партизана есть опыт, а во-вторых, ты коммунист...

— Понятно. Куда и когда я должен явиться, пан штабс-капитан?

— Послезавтра в штаб части в Градец. Там получите оружие и обмундирование.

— Надолго это, ничего не говорили?

— Похоже, Ладислав, до конца. Я имею в виду — до ликвидации этих бандитов.

— Ясно...

— А вообще... Ты, наверное, захочешь побывать дома? Тогда собирайся, а утром можешь отправляться.

— Спасибо, пан штабс-капитан, но на такой короткий срок, наверное, даже не стоит. К тому же в два часа ночи я вступаю на дежурство.

— Сами как-нибудь обойдемся. И сегодня ночью, и потом, когда ты уедешь...

Но в эту ночь стражмистр Паточка заступает все-таки на дежурство. А утром 29 июня уезжает из Бартошовице-над-Орлице.

Через день после этого из Градца-Кралоу на восток отправляется военный эшелон. В Оломоуце к нему прицепляют еще несколько вагонов с людьми, которым доверена та же миссия — бороться с бандеровцами.

4

В ночь на 14 августа батальоны перемещаются от Парницы, Зазривой, Чадцы в район Стречно, Варина, Краснян и Белы. В большинстве случаев воинам приходится идти пешком, так как машины, которые армия выделила батальонам «Клеп» и «Осина», успели перевезти только военные материалы и продовольствие, а потом были брошены на другой учас-

ток. Все части армии и Корпуса национальной безопасности, выступившие против бандеровцев, в настоящее время находятся на марше. Они сосредоточиваются вокруг северного массива Малой Фатры, куда в последние дни проникла одна из самых сильных сотен бандеровцев под командованием Бурлака. За ней туда же двинулись остатки уже поредевшей сотни Хроменко. По всем признакам, в этом районе обеим бандам можно будет нанести решающий удар.

Второй взвод батальона «Клен», в который с самого начала зачислен стражмистр Ладислав Паточка, размещается к юго-востоку от Краснян, в ущелье, по которому бежит горный ручей Кур.

Часть солдат взвода, не занятых на дежурстве, отдыхает в палатках, другие стоят или сидят на берегу ручья. В такой прекрасный летний день человек невольно забывает о своих повседневных делах, и ему кажется странным, что нужно воевать и стрелять.

Возле ручья сидят также Браборец с Паточкой — два стражмистра, которых служба в горах Словакии сделала неразлучными друзьями.

Стражмистр Браборец бросает в воду мелкие камешки и время от времени обращается к Паточке с каверзными вопросами.

— Как бы ты, Ладя, например, посмотрел на приличную порцию кнедликов со сливами? Конечно, с горой творога и масла. Как, не хочешь?

— Да я с удовольствием. А лучше бы я поел поджаристых булочек с повидлом или с творогом... Но когда это будет?.. Проклятье, опять я попался на твою болтовню о еде!

Паточка делает вид, что сердится, а Браборец хохочет:

— Все будет, Ладик, вот только с бандеровцами расправимся. Пока что мы живем по-солдатски, наш дом — природа... Как вчера пел этот парень из «Осины»...

— Ты имеешь в виду Стокласу?

— Наверное, это он...

— Ну да, который сочинил эту песню... Я вчера у него в Варине переписал.

— Покажи...

Паточка вытаскивает из кармана листок бумаги, вырванный из чьей-то записной книжки, и подает Браборцу. Тот читает:

Нам выпала судьба такая —
Служить от дома вдалеке,
Страну родную защищая,
Держать свой палец на курке.

Мы сделаны, друзья, из стали
И смело вместе в бой пойдем,
Не зная страха и печали,
И бодро песню запоем.

Прекрасна наша земля родная!
В наших руках сила такая —
Она любого врага сметет.
Мы победим! В бой! Вперед!

Прочитав, Браборец согласно кивает:

— Да, неплохо это получилось у Стокласы. Слушай-ка, Ладя, а ты помнишь те места в Словакии, где мы были?

— Ты опять меня разыгрываешь?

— Да нет. Просто я подумал, что и половины не смог бы теперь назвать.

— Да брось ты!.. Начали мы у Прешова, в Герланах. А потом блокировали шоссе Спишска-Нова-Вес — Гула — Бетлиар — Рожнява...

— Ну а дальше? Как называлось место над Рожпявой, где мы патрулировали?

— Водрышел.

— Да, правильно, Водрышел. А потом снова дорога Рожнява — Спишска-Нова-Вес.

— А потом Грановница и Липтовски-Осада...

— Парница, Зазрива, Чадца, а теперь Краспяны.

— Видишь, вот мы все и вспомнили.

— Почти...

— Может быть, найдем минутку и запишем совершенно точно все как было, с указанием высот, мест перестрелок, наших потерь...

А потери есть уже не только у террористов. Всего несколько дней назад погибли шесть молодых наших солдат. Позже, на основе показаний свидетелей и обвиняемых, бой взвода разведчиков с бандитами Бурлака можно будет представить следующим образом...

Вторая половина дня 8 августа 1947 года, пятница.

Но эта дата никого из молодых воинов второго взвода автоматчиков истребительного батальона «Рысь» не волнует. Они давно перестали заглядывать в календарь и отличать воскресенье от будней. Время они различают только в зависимости от того, находятся ли на марше или на оборонительном рубеже, готовят ли западню или отдыхают. Иногда минуты ползут как улитка, а во время отдыха они буквально летят.

Взвод автоматчиков находится между Партизанска-Лупчей и горными вершинами Низких Татр. Получен приказ зажать здесь оборону и ждать сотню Бурлака. Они преследуют ее уже третью неделю — по сути дела, с 21 июля, когда наш батальон «Орел» столкнулся с ней около Нововеска-Гуты под городом Спишска-Нова-Вес. Во время этой стычки среди солдат были раненые и один убитый. Рядовой Франтишек Калаш умер около лесной сторожки «Рыбник». Сотня Бурлака тоже понесла

потери в людях и отступила в Низкие Татры. Теперь она скрывается в горах.

Батальон «Рысь» столкнулся в бандеровцами возле Малужне, но во время перестрелки бандитам удалось пробиться дальше на запад, потеряв троих убитыми. Потом на Бурлака в Лучках наткнулась еще одна рота из батальона «Орел». Там курсанты заставили бандеровцев отступить куда-то под Хопок. А теперь, как докладывают разведчики, сотня Бурлака находится где-то около Хабенца и, видимо, пытается пробраться на запад.

А они ее ждут...

Несколько десятков молодых парней лежат в наскоро отрытых окопах с автоматами на изготовку, но мысли их далеки и от выстрелов, и от боев.

Мирек Корейс с интересом наблюдает, как трудолюбивый шмель сосет нектар из цветка репейника. Индра Врба смотрит на облака, плывущие по небу, и думает о маме, которая через день присылает ему письма с просьбами беречься и быть поосторожнее. А Йозеф Шидула читает газету, которую он неизвестно где взял, и трудно сказать, какой она давности.

— Ну, Йозеф, что там новенького? — спрашивает своего друга Милош Нойман и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Не сообщает ли нам Бурлак, что он решил сложить оружие и приглашает нас в Слиач на прогулку?

— Да, о Бурлаке здесь пишут, но ни о каком приглашении на прогулку речи нет. Разве только ты сам отправишься к нему наверх, к Хабенцу?..

— Спасибо за приглашение. Я и так рад, что мы хоть немного можем передохнуть. А что, собственно, пишут об этом бандите?

— Теперь он прославился убийствами в Блатнице.

— Ну почти же...

— Так слушай... «Во вторник, в двадцать два часа, по деревне Блатница проходил патруль КНБ. Там в это время находилась группа из четырех—шести бандеровцев, которые, по рассказам очевидцев, были одеты в поношенную немецкую форму и говорили по-польски. Заметив патруль КНБ, бандиты открыли по нему огонь из автоматов. Не успели сотрудники КНБ занять выгодную позицию, как бандитам удалось убить стражмистра Варека и смертельно ранить стражмистра Вавру.

К несчастью, на дороге стояла гражданка Новоседлакова с одиннадцатилетней дочерью и восьмилетним сыном. Новоседлакова была убита автоматной очередью, через несколько минут скончалась ее дочь, а сын умер от ран в мартинской больнице. В среду умер и стражмистр Вавра. После предательского нападения террористы бежали в Гадерскую долину...»

— Вот свиньи! — ругается Милош Нойман. — Видимо, это

были не бурлаковцы, а бандиты Хроменко. Откуда шайке Бурлака взяться в Большой Фатре?

— Я скажу тебе, Пепик, что, когда человек это слышит...

Милош Нойман не успевает закончить предложение, которое у него на языке. В нескольких десятках метров от него показывается десатник-курсант, направляющийся прямо к их позициям. Он уже издали спрашивает, где командир взвода.

— Он в батальоне, — отвечает Нойман. — Вон там, подальше, его заместитель четарж Рамбоусек.

— Спасибо.

Десатник-курсант, пришедший в качестве связного во второй взвод батальона «Рысь», принес четаржу Рамбоусеку приказ. Он передает ему конверт и вытаскивает бумагу, на которой сержант подтверждает получение приказа.

— В чем дело, не знаешь? — спрашивает Рамбоусек связного.

— Не знаю, но ты наверняка все здесь прочитаешь, — смеется десатник.

— Факт...

Четарж-курсант вскрывает конверт и читает приказ. Особой радости приказ не вызывает. Им приказано оставить на участке только легкие пулеметы и выслать людей с задачей установить, не находится ли банда Бурлака в этом районе. В случае обнаружения банды открыть внезапный огонь и нанести потери, если возможно — уничтожить.

— Вот, черт возьми, ребята обрадуются! Кому-то опять показалось, видно, что мы слишком долго сидим на одном месте...

Десатник-курсант пожимает плечами:

— Знаешь, война не мать родна. Я побежал обратно на командный пункт...

В три часа пополудни разведпатруль из восемнадцати курсантов уходит вверх, в горы. Впереди следуют разведчики. Стоит жаркий августовский день, и все идут налегке, только с рюкзаками и автоматами.

Идут полчаса, час... А потом вдруг от разведчиков поступает сигнал остановиться. Четарж Рамбоусек отправляется к разведчикам.

— Мы напали на след. Здесь еще теплое кострище, а рядом валяется окровавленная повязка... — сообщает он.

Четарж отдает приказ, как действовать дальше. Предлагает идти побыстрее. Но к вершине Магуры-Лупчи ведет довольно крутой подъем, и люди идут медленно.

Вскоре разведчики патыкаются на охотничью избушку. Осторожно подходят к ней и проверяют так, как их учили: рывком открывают дверь и отскакивают в сторону...

Но избушка пуста. Идут дальше. Уже видна вершина Магуры-Лупчи. На самом верху — лесок. Разведчики подходят к его опушке и дают знак, что можно продолжать движение.

Шаг за шагом преодолевают они открытое пространство...

И в этот момент начинается... Сбоку от леса раздаются пулеметные очереди, затем огонь открывают автоматы.

Приказа «Ложись!» не требуется. Все бросаются на землю и открывают ответный огонь из автоматов. Но курсанты попадают в очень невыгодное положение: нигде нет подходящего укрытия и они видны бандеровцам как на ладони. А опытные головорезы, воспользовавшись этим, открывают бешеную пальбу.

На земле остаются лежать шесть убитых курсантов. Остальные пытаются отступить. По ним бандеровцы открывают огонь из второго пулемета...

Шестеро убитых курсантов, трое тяжело и трое легко раненых — таков трагический итог этого боя. Но это еще не конец. Будут и другие потери, погибнут молодые солдаты из пограничного полка КНБ «Словакия».

Эти дни уже, как говорится, не за горами...

5

Вторник, 19 августа 1947 года.

В этот день в Жилину, где находится штаб всех частей, брошенных на борьбу с бандеровцами, съезжаются командиры батальонов и отдельных рот. Генерал, созвавший совещание, информирует командиров о создавшейся обстановке. Он сообщает, что за последние пять дней бандеровцы четырежды пытались вырваться из окружения, но каждый раз им приходилось отходить в горы. Затем генерал говорит о том, что к сотне Бурлака с востока пробивается еще одна банда УПА, название которой пока не установлено. В ней около тридцати человек. Недавно они совершили налет на деревню Венар...

После информации генерала объявляются приказы о дальнейших действиях против окруженных террористов. Командиры уясняют, что в ближайшие дни операция против бандеровцев достигнет наибольшего размаха. Помимо частей, окруживших сотню Бурлака, 20 и 21 августа в район, где скрываются бандиты, будут направлены сильные разведгруппы с задачей ликвидировать террористов.

В приказах точно определяется, какие роты и взводы должны в четверг утром выйти на разведку. Среди них названа и третья рота батальона «Рысь», в которой служит стражмистр Милослав Клицпера.

В четверг на рассвете в районе, занятом частью КНБ «Клен-3», происходит событие, о котором через несколько дней командир полка «Словакия» напишет следующее донесение:

«В ходе подготовки к операции 20—21.8 1947 года при осмотре местности было установлено, что правый фланг части «Клен-3», расположенный в районе Варина, Незбудска-Лучки, ослаблен, а выдвинутый вперед хутор Двор, находящийся на

холме, до сих пор не охраняется. Ввиду этого командир части «Клен» приказал командиру взвода прапорщику Портешу отправиться вечером на этот хутор патруль. В случае обнаружения банды Бурлака патруль должен был вызвать на помощь командира, который вместе со взводом располагался в 500 метрах позади них.

После 21 часа прапорщик Портеш отправил на хутор Двор патруль из четырех человек под командованием стражмистра Милослава Новотного. В состав патруля входили стражмистры Вацлав Гакл, Ярослав Кристл и Ян Горжейш. Патруль был вооружен тремя автоматами и одной винтовкой. К хутору они подошли около половины десятого вечера. Чтобы уточнить обстановку, патруль вошел в дом, а во дворе остался стражмистр Горжейш. В это время Бурлак силами своих групп 1, 2, 5 и 6-й проверял, возможен ли переход через реку Ваг вблизи Незбудска-Лучки. Установив, что дорога перекрыта войсками, Бурлак отказался от перехода через Ваг и отошел назад в горы. На обратном пути банда наткнулась на патруль стражмистра Новотного.

Стражмистр Горжейш первым заметил вооруженного человека, одетого в форму солдата чехословацкой армии. Он приказал ему остановиться. Думая, что это военнослужащий чехословацкой армии, стражмистр потребовал назвать пароль. Вместо пароля он услышал ответ на польско-русском языке. Незвестный заявил, что он украинский брат, и попросил Горжейша не стрелять. Как только стражмистр понял, кто находится перед ним, он сделал предупредительный выстрел, чтобы привлечь внимание остальных членов патруля, а сам отскочил в дверь кухни. Бандит тут же скрылся.

Старший патруля стражмистр Новотный, считая, что стычка с бандеровцами неизбежна, приказал приготовиться к круговой обороне. Стражмистр Горжейш должен был прикрывать вход в кухню и окно в сад, стражмистр Гакл — второе окно. Старший патруля вместе со стражмистром Кристлом заняли позиции возле окон в комнату.

Через некоторое время кто-то бросил камень в окно, охраняемое Новотным, затем послышался крик:

— Сдавайтесь!

— Сколько вас там? — спросил старший патруля.

— Сто пятьдесят, — ответил чей-то голос. — Мы хотим есть. Дайте нам хлеба!

— У нас нет хлеба, — ответил стражмистр Новотный.

После этого некоторое время было тихо. Потом бандиты предложили кому-нибудь выйти к ним на переговоры. Стражмистр Новотный, в свою очередь, попросил, чтобы кто-нибудь из бандитов без оружия вошел в дом. Бандиты призывали патруль сдаться, угрожая поджечь дом. Командир патруля стражмистр Новотный подошел к окну и ответил:

— Мы не сдадимся! Будем сражаться!

Тут мимо окна промелькнула фигура, по которой стражмистр Новотный дал очередь из автомата. Так завязался бой патруля из четырех человек с многократно превосходящими силами банды УПА.

После короткой перестрелки снаружи слышался сильный стук по забору. Видимо, кто-то из бандитов подавал сигнал остальным. Потом раздался взрыв гранаты, брошенной через окно в кухню. Бандеровец, кинувший гранату, попытался скрыться. Стражмистр Новотный открыл по бандиту огонь, и тот стал стрелять в ответ. Стражмистр Новотный был тяжело ранен в живот. Падая, он попытался вытащить из кобуры пистолет, поскольку его автомат оказался поврежденным. Прежде чем он успел это сделать, автоматная очередь прошила ему голову и правую сторону тела, так что он сразу же скончался. Автоматная перестрелка продолжалась.

В темноте, дыму и пыли патруль продолжал сражаться. Минут через пять вражеский огонь прекратился. Бандеровцы заметили идущее к воинам подкрепление и тут же скрылись в лесу.

В бою с многократно превосходящими силами противника патрульная четверка проявила настоящий героизм. Как потом выяснилось при допросе пленных, в бою участвовало 35 бандеровцев под командованием самого Бурлака».

Стражмистр Милослав Новотный стал первым из тех воинов, кто погиб накануне полного разгрома банды Бурлака. Но, к сожалению, не последним.

6

В то утро на календаре стояла дата — 20 августа. Воины роты поручика Новотного поднялись раньше обычного. Причина известна: приказано идти в горы на двухдневную разведку. О том, как она проходила, командир батальона «Клен» в своем донесении докладывал:

«Часть «Клен-3» под командованием поручика Новотного имела задачу достичь в качестве первого рубежа высоту 1146, к которой она и вышла в установленное время. Здесь воины переночевали, а в шесть часов утра на следующий день, 21.8 1947 г., вышли на разведку в направлении Сухи и высоты 1468. Рота двигалась с боевым охранением, впереди следовал четвертый взвод под командованием стражмистра Карела Гладика. Среди высланных в охранение разведчиков находились стражмистр Милослав Клицпера и Рудольф Михл.

Местность, на которой проводилась эта операция, представляла собой крутой склон, поросший густым ельником. В лесу было темно. Сначала разведчики Клицпера и Михл шли рядом, но потом в связи с плохой видимостью и трудностью передвижения были вынуждены пойти друг за другом по узкой

тропинке. Первым шел стражмистр Клицпера, в двух шагах следом — стражмистр Михл.

Вдруг впереди раздался выстрел. Стражмистр Михл дал командиру взвода сигнал двигаться быстрее. Затем оба разведчика стали пробираться к тому месту, откуда слышался выстрел, чтобы установить силы противника. Вскоре стражмистр Клицпера остановился и крикнул: «Стой!»

Примерно в пятнадцати шагах впереди разведчиков появилась фигура с автоматом на изготовку. Клицпера и Михл попытались быстро найти укрытие и приготовили оружие к бою. Не успел стражмистр Клицпера укрыться за тонким деревом, как раздался еще один выстрел, а потом автоматная очередь.

Михл дал ответную очередь, но винтовка Клицперы молчала...

В последующих строках донесения коротко констатировалось, что Милослав Клицпера погиб от автоматной очереди, выпущенной по нему бандитом.

Это было последнее утро в жизни двадцатидвухлетнего стражмистра Милослава Клицперы. Он уже не вернется в лагерь у Варина, не поедет в гости к родителям в Лису-над-Лабой или в Нове-Место-под-Смреком. Его жизнь оборвалась в горах Малой Фатры.

Кроме донесения командира батальона сохранилось еще одно свидетельство о последних минутах Милослава Клицперы. Это письмо, написанное командиром взвода разведчиков родителям Клицперы после завершения операции «Бурлак».

«Дорогие друзья!

Разрешите мне, командиру взвода, в котором служил ваш сын Милослав, написать вам несколько строк и рассказать о последних минутах моего верного, хорошего и надежного товарища.

Во время пребывания в Словакии мы с ним все время находились вместе. Он был моим заместителем. В свободное время мы вообще были неразлучны. И, как это бывает у товарищей, мы поверяли друг другу и личные тайны, советовались и помогали один другому. В большинстве случаев мы ночевали в палатках, поэтому у нас на двоих обычно была одна палатка, которую он называл командирской. Мила легко преодолевал все трудности походов и подавал остальным добрый пример. До последней минуты он был здоров и весел и часто мечтал о том, как будет жить после возвращения из Словакии, что купит на скопленные деньги.

Утром 20 августа 1947 года наша рота покинула оборонительные позиции под Варином и отправилась в горы Малой Фатры на двухдневную разведку. В первый же день мы наткнулись на шайку из семидесяти бандитов, которая после короткой перестрелки отступила в лес. Ночь мы провели под открытым небом на высоте под названием «Копа». Всю ночь из долины, от деревни Красняны, доносились выстрелы. Там

бандеровцы несколько раз пытались прорваться через наши оборонительные позиции, но были отбиты и понесли значительные потери.

После холодной промозглой ночи наша рота с шести часов утра продолжала вести разведку. Мой взвод был назначен головным, а Мила добровольно вызвался идти впереди в разведдозоре.

Через несколько минут после выхода мы встретились с бандой, отступавшей после ночного боя у Краснян обратно в горы. В завязавшейся перестрелке погиб и ваш сын Милослав. В него попало несколько пуль из вражеского автомата, и он умер сразу. Это случилось в шесть часов десять минут утра...

В заключение письма разрешите мне выразить вам искреннее соболезнование всех товарищей нашего взвода.

Сучаны, 31 августа 1947 года».

Стражмистр Милослав Клицпера стал одним из воинов, пожертвовавших своей жизнью в борьбе с бандитами, стремившимися прорваться на запад. Но в час, когда он умирал, происходило еще одно событие — стычка солдат КНБ с бандеровцами у Краснян, о чем упоминает в своем письме командир взвода.

7

В то утро 20 августа 1947 года, когда подразделения части «Клен» ушли на разведку в район Малой Фатры, на оборонительных позициях осталась лишь небольшая часть солдат. Перед ними стояла задача удерживать кольцо окружения, из которого сотня Бурлака не должна была вырваться.

Среди тех, кто остался в обороне, находились стражмистры Паточка и Браборец. Они жалели о том, что позиции взвода назначили охранять именно их. Тем самым их лишили возможности рассчитаться с убийцами. Паточка и Браборец даже немного завидовали своим товарищам.

Но ближайшие же часы показали, что завидовали они совершенно напрасно. Два неразлучных друга, а вместе с ними и стражмистр Франтишек Вондроуш вскоре получают возможность лицом к лицу встретиться с коварным врагом и на деле проявить свою храбрость. Но не все из них останутся в живых после этой стычки с бандой Бурлака. Стражмистр Браборец позже расскажет об этом в протоколе:

«После того как все солдаты нашей части ушли на разведку, я и стражмистры Вондроуш и Паточка остались в палаточном лагере у высоты 456 с задачей охранять этот лагерь. На случай нападения у нас имелся один пулемет и 300 патронов, два автомата с 280 патронами и одна винтовка с 60 патронами. Кроме того, у каждого из нас был личный пистолет с 15 патронами и в общей сложности 35 ручных гранат.

Лагерь был разбит возле горного ручья в котловине, что позволяло нам успешно обороняться.

Наша оборонительная позиция выдвигалась несколько вперед. Вторую линию обороны занимал батальон «Осина», располагавшийся в 250 метрах за нами.

20 августа около 23 часов в расположении батальона «Осина» началась сильная перестрелка, продолжавшаяся примерно полчаса. Из этого следовало, что бандиты УПА, стараясь пробиться через кольцо окружения, наткнулись на позиции «Осины».

Сразу же после начала перестрелки наша группа заняла позицию у пулемета, нацеленного в сторону леса. Через некоторое время нам, однако, пришлось спуститься ниже в котловину, поскольку наша первоначальная позиция обстреливалась со стороны «Осины».

Мы залегли фронтом к ручью и стали наблюдать за местностью. Стражмистр Паточка залег на левом фланге и вел наблюдение вдоль ручья. Мы со стражмистром Вондроушем старались следить за поляной, расположенной за ручьем. Но стало так темно, что мы даже не видели друг друга. Вдруг в десяти метрах от нас послышался громкий разговор бандеровцев. Мы изготавились к стрельбе, приготовили гранаты. Потом стражмистр Вондроуш начал стрелять и медленно отходить к ущелью. Почти в тот же момент, когда Вондроуш сделал первый выстрел, передо мной на расстоянии нескольких метров появилась фигура человека, по которому я сделал четыре выстрела из пистолета. Человек бросился бежать, слышались его стоны. Сразу же после этого я перебежал ближе к ручью, и мы все стали бросать на поляну ручные гранаты. Но голоса бандитов ниже нас не смолкали.

Стражмистр Паточка решил пойти к ручью и выяснить, что там происходит. Он попросил меня взять ручные гранаты и пойти вместе с ним. Я отказался и одновременно предупредил Паточку, что к ручью спускаться не следует, поскольку не видно, кто там находится. Несмотря на это, стражмистр Паточка пошел к ручью. Вондроуш побежал было за ним, но не догнал его и вернулся назад.

В это время снова завязалась перестрелка. Бандиты, скрывавшиеся в зарослях у ручья, начали нас обстреливать.

Через четверть часа бой прекратился, но стражмистр Паточка так и не вернулся. Потом стихли голоса у ручья, прекратилась и стрельба. Около трех часов все началось снова. Мы с Вондроушем стали бросать на поляну ручные гранаты. Когда стало светать, стрельба прекратилась. Я пошел осмотреть местность. Сначала я наткнулся на двух убитых бандеровцев. Один из них лежал около того места, где занимал позицию стражмистр Вондроуш, второй — напротив меня. В это время к нам подошел командир части, и мы с ним начали осматривать густые заросли ольхи вдоль ручья. Примерно в пят-

надцати метрах от лагеря мы нашли убитого стражмистра Паточку».

Стражмистр Паточка уже не вернется на заставу Бартошовице, что в Орлицких горах, не приедет и в Ровенск-под-Тросками, но все равно он останется в памяти людей. Своими поступками, мужеством и бесстрашием он вписал свое имя в число тех, кто не будет забыт никогда.

8

20—21 августа 1947 года банде бандеровцев, руководимой Бурлаком, был нанесен решающий удар, от которого она уже не смогла оправиться. После боя с солдатами батальонов «Клен» и «Осина» в районе Малой Фатры было обезврежено девять бандитов, остальные сдались в последующие дни, поняв, что выйти из окружения им не удастся.

3 сентября 1947 года в 23.15 воинами чехословацкой части «Тигр» были взяты в плен сам Бурлак—Володимир Щезыкельский, его любовница Офелия и члены банды Зинко, Нестор и Сулико.

Тем не менее борьба с раздробленными остатками банд продолжалась. Горстка бандитов из группы Хроменко проникла на территорию Моравии, пробрались на нашу территорию и другие бандиты. Операция против бандеровцев была окончательно завершена 17 ноября 1947 года. В итоговой информации, предназначенной для министра внутренних дел Вацлава Носека, говорится:

«Прорыв бандеровцев через территорию Чехословакии закончился неудачей. Большинство — примерно 80—85 процентов бандитов УПА, пришедших летом и осенью на территорию Чехословакии, — было ликвидировано или обезврежено. В ходе операций с 10 июня по 12 ноября 61 бандит был убит, 41 ранен и взят в плен, 219 ранено, остальные добровольно сдались чехословацким органам безопасности. Среди пленных оказалось десять высших руководителей и агентов УПА. Из командиров бандеровских сотен пробиться на запад удалось лишь Хроменко, группа которого шла первой. В ходе операций понесли потери и чехословацкие части. В боях с бандеровцами летом и осенью 1947 года погибло 13 чехословацких воинов и 8 сотрудников КНБ. Жертвами бандеровцев стало более 20 чехословацких граждан».

Уже в первые недели июня сорок седьмого года стало ясно, что лето будет необычайно жарким и душным.

Действительно, так оно и было...

Была засуха, неурожай, жара.

Но были и борьба на политической арене, и бои в горах Словакии, в ходе которых воины наших вооруженных сил преградили путь бандитам, направлявшимся на запад.

НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

Корпус национальной безопасности сыграл важную роль в ходе исторических февральских событий 1948 года. Подавляющее большинство его сотрудников поддерживали политику КПЧ, рабочего класса и народно-демократического строя. Поэтому этой решающей битве прогрессивных сил с реакцией в Музее КНБ и войск МВД уделяется исключительное внимание. На стендах и в витринах отражены многие события, которые привели к победе трудового народа в нашей стране. Борьба за характер республики приобретала самые разнообразные формы. Об одной из схваток, проходившей на невидимом фронте, рассказывают следующие факты.

1

В этот октябрьский вечер сорок седьмого года охотничий домик в Беле-под-Бездезем опять посетили гости. Об этом свидетельствует свет, пробивающийся из окон в туманную тьму. Но его лучи слишком слабы и проигрывают схватку с темнотой сразу же возле домика.

На улице холодно и неприветливо. Но это не слишком беспокоит двоих мужчин, находящихся под крышей охотничьего домика. Час назад они вернулись с охоты, где с самого вечера ждали красавца оленя. Но не дождались и вот теперь сидят у растопленной печки и запивают свою охотничью неудачу щедрыми глотками виски. Трудно сказать, кто из присутствующих хозяин, а кто гость. Яромир Неханский, помоложе, был одним из арендаторов в здешнем районе, однако все, что подано на стол, привез в домик его приятель из американского посольства Курт Тауб. Но ни того, ни другого этот факт особенно не волнует. Неханский понимает, что Таубу не составляет труда достать нужное количество продуктов и деликатесов, сигарет и первосортных напитков. И не только для таких поездок на охоту, как сегодня.

Курт Тауб лежит, заложив руки за голову, на давно отслужившем свой срок диване, безучастно смотрит куда-то в угол комнаты и спокойно говорит:

— И все-таки нужно было прихватить с собой какую-нибудь пражскую красотку... А так нам вечер покажется ужасно длинным.

— Ты хочешь сказать, что будешь скучать в моем обществе?

— Я хочу сказать, что без дамского общества мы будем скучать оба.

— А может быть, и нет. По крайней мере, Курт, у меня появилась возможность спокойно поговорить с тобой о некоторых вещах, которые вот уже несколько недель тревожат сердце.

— Ну, не станешь же ты меня убеждать в том, что в Праге у тебя нет возможности говорить со мной когда угодно и о чем угодно.

— О чем угодно, может быть, но для того, о чем я с тобой хочу поговорить сегодня, наиболее подходящее место — именно этот покинутый домик.

— Ты меня интригуешь. Так в чем же дело?

— Речь идет о современном политическом положении. Нет, ты не улыбайся! То, что происходит в республике в последние месяцы, требует, чтобы мы делали больше того, что делаем сейчас.

— Подожди, Мирек, я что-то тебя не совсем понимаю... Чтобы делали больше мы или вы?

— И мы, да и вы тоже. Мне кажется, что мы теряем одну позицию за другой. Уже в прошлом году мы проявили нерешительность, и коммунисты во время выборов оказались на коне. А потом начали вылезать все больше и больше. Дртинке они суют нос в судопроизводство, а Масарику — во внешнюю политику. Они не довольствуются уже только национализацией ключевых отраслей промышленности, страховых компаний и банков, а берут в свои руки все новые и новые предприятия. Недавно им удалось протащить земельную реформу. А главное, о чем тебе известно не хуже меня, — они буквально торпедировали принятие плана Маршалла. Как ты думаешь, что последует за этим?..

— Рюмка виски, дружище. Я вижу, ты решил сегодня вечером для такого ничтожно маленького человека, как я, устроить обстоятельную научную лекцию на тему: «Что делают коммунисты в республике?».

— Ну, насчет этого ты, Курт, заблуждаешься. Речь идет только об одном. Я хочу, чтобы ты понял, что теперь самое время остановить этот проклятый сдвиг республики влево — к большевизму! У вас что, этого никто не понимает?

— Конечно, понимают, уважаемый пан майор, тем не менее я с удовольствием послушаю, что лично вы придумали против большевиков. Каковы ваши предложения?

— Мои предложения... Послушай, я прежде всего солдат. В Англии я прошел специальный курс работы в подполке. На курсах... — И майор чехословацкой армии Яромир Неханский со все большим азартом начинает говорить о своей собственной персоне.

Курт Тауб не прерывает его, хотя все то, что он теперь слышит и еще услышит в дальнейшем, ему известно так же хорошо, как его собственная биография. Он уже давно основательно проштудировал материалы о Яромире Неханском, хранящиеся в сейфе полковника Чарльза Катека. Из них видно, что прошлое этого чехословацкого офицера гораздо богаче, чем можно было бы судить по его мальчишескому лицу в очках.

Неханскому не было и двадцати лет, когда после оккупации Чехословакии гитлеровскими войсками он бежал на запад — в Англию. Там он вступил в боевую часть и в Беласисе закончил специальные курсы по диверсионной работе в тылу врага. Но прежде чем его забросили на территорию тогдашнего протектората, он окончил еще и специальные курсы парашютистов и разведчиков. А потом был включен в группу, задачей которой была организация подпольного движения в оккупированной Чехии и саботажей, сбор разведывательных данных. Для того чтобы проявить себя на этой работе, у Неханского было мало времени — всего три месяца, тем не менее он успел сделать свое дело. Поэтому неудивительно, что в апреле сорок пятого года он был избран в Чешский национальный совет.

«И тогда, 8 мая, мы впервые и встретились, — вспоминает Курт Тауб, которому не слишком мешает монолог Неханского. — Это было где-то около Пльзеня. Неханский приехал в штаб генерала Паттона вести переговоры о том, чтобы мы дали Праге кое-какое оружие... В то время мы еще друг о друге, по сути дела, ничего не знали. Я и не подозревал, что за прошлое у этого парня, а он тоже не мог знать, что моя работа переводчика для меня второе дело после моей основной работы разведчика. Но со временем нам удалось поладить. Это уже было в Праге, куда меня перевели вместе с американской военной миссией. Ее шефом стал Чарльз Катека, в то время еще майор, но вскоре уже и полковник. Мы с Катеком продолжали делать то, что делали всю войну, хотя официально у нашей миссии были другие задачи — разыскивать места захоронения павших американских летчиков и обеспечивать эксгумацию, сотрудничать при розыске военных преступников и при выселении немцев. Внешне мы и крутились вокруг всего этого, а на самом деле делали свое. Может быть, и не всегда слишком ловко, поскольку год спустя господам коммунистам удалось добиться в правительстве принятия решения о закрытии нашей миссии. Но они нас не слишком этим огорчили. В сущности, в этом же составе мы перешли работать в американское посольство в качестве его сотрудников. Резиденция нашей военной миссии на Лоретанской площади, 2 стала резиденцией нашего шефа — полковника Катека. И все идет по накатанному пути: приемы, банкеты, ужины, вечера. Всегда с людьми, которые нас интересуют или же нам нужны...

Тогда, в сорок пятом, — вспоминает далее Тауб, — мы сошлись с Неханским поближе. Он рассказал мне о себе больше, чем я ожидал, и я с ним был более откровенен, чем с другими. Он часто ходил к нам на вечерние коктейли. Может быть, по этой причине его ни с того ни с сего из генерального штаба перевели на более низкую должность. А потом еще раз и еще ниже. Этот парень, который надеялся, что за свои заслуги военной поры через несколько лет станет по меньшей мере начальником генерального штаба, спуск с вершины переживал

довольно тяжело. И кажется, что желчь у него разливается чем дальше, тем больше. Точно по прогнозу Катека...»

— Так что ты на это скажешь, Курт? Ты слушал меня?

— Конечно, слушал, но я так и не понял, как ты все это себе представляешь?

— Господи боже мой, Курт, ты разве не понимаешь? Я хочу что-нибудь делать! И хочу это делать с вами! Не станешь же ты утверждать, что вы не создаете у нас в республике свою разведывательную сеть?..

Услышав это, Курт Тауб настораживается. Он садится на диване, берет стакан виски и не спеша говорит:

— Ты, наверное, удивишься, Мирек, но не создаем. Мы не плетем никакой паутины, потому что пока она нам не нужна. Seriously, не нужна. Нам вполне достаточно устроить какой-нибудь банкет, пригласить несколько депутатов-социалистов или представителей народной партии, чтобы получить самую свежую информацию непосредственно от первоисточника. А зачастую эти вечера нам и не надо устраивать. На вилле пана Странского или у пани Кожелуговой собирается довольно солидное общество, которое вообще не скупится на информацию. Они дают нам ее с удовольствием и бесплатно. Seriously, Мирек, пока что нам не нужно ничего организовывать.

— Ты слишком подозрительно подчеркиваешь это словечко — «пока»! Ладно, пусть пока не нужно, но я хотел бы, чтобы ты знал, что как только это словечко «пока» и отрицание исчезнут, вы можете на меня рассчитывать! Я не хочу служить режиму, который не способен оценить то, что человек сделал для республики и чем пожертвовал.

— В этом я с тобой совершенно согласен. И если понадобится, мы обратимся к тебе. А сейчас ты, может быть, делаешь для нас одну мелочь? Нас интересуют взгляды офицеров на ситуацию, сложившуюся в Словакии. Понимаешь, что я имею в виду? Там провалилась афера, в которой были замешаны функционеры демократической партии...

— Будь уверен, на следующей неделе получишь об этом информацию.

И опять виски полилось из бутылки в стаканы, а из стаканов в желудки обоих мужчин. Вечер в домике лесника близится к концу, и напрасно опасался Курт Тауб, что они будут скучать. По мере того как увеличивается число выпитых рюмок, тем для разговора становится все больше.

2

Кабинет военного атташе американского посольства в Праге Чарльза Катека обставлен со вкусом, без излишеств. В нем можно свободно принимать людей и устраивать совещания с сотрудниками разведгруппы. Для проведения совещаний в ка-

бинете полковника предназначен круглый стол, обставленный креслами и диваном. Именно здесь не раз обсуждались многие важные проблемы, интересующие вашингтонскую штаб-квартиру ЦРУ.

В этот ноябрьский вечер сорок седьмого года у круглого стола сидят двое — полковник Катека и его ближайший сотрудник Курт Тауб. Но у элегантного полковника с репутацией жуира, одинаково уверенно чувствующего себя и на дипломатическом приеме, и в чужих спальнях, настроение сегодня не слишком радужное. Скорее наоборот. И Курт Тауб понял это сразу же, едва переступив порог кабинета Катека. Поэтому он предпочитает пока покорно слушать и молчать.

— ...Мне кажется, что Центр нас теперь все больше будет нацеливать на военные дела. Политические и экономические проблемы постепенно перемещаются в сферу деятельности посла. Тем самым я, конечно, не хочу сказать, что мы должны их полностью упустить из поля зрения. Центром нашего внимания в предстоящие месяцы должна стать прежде всего армия. Там необходимо создать широкую разведывательную сеть. Одного полковника Кашпара, Чамбалика и этого майора Станьки из авиации нам теперь уже недостаточно. А наши информаторы из парламента имеют по специальным военным вопросам лишь глобальные сведения. Кроме того, этот Кашпар слишком затянул с ответами на наши запросы для Центра. То он ссылается на штабные учения, то его куда-то посылают с инспекцией, то его просто не устраивает время назначенной нами встречи...

— Я думаю, Чарльз, что не будет особой проблемой создать в армии солидную разведывательную сеть, — осмелился наконец Тауб прервать монолог шефа. — Несколько офицеров я уже мог бы назвать сейчас. И не только в генеральном штабе, но и в полках и дивизиях. Некоторые из них даже сами предлагают нам свои услуги. Помнишь, что я тебе говорил месяц назад о своем разговоре с майором Неханским?

— Неханского пока оставим в покое, Курт.

— Почему? Тебе не кажется, что мы слишком долго заставляем его вариться в собственном соку? Или ты ему не веришь? Если говорить конкретно о нем, то я гарантирую, что этот офицер сыт коммунистами по горло.

— Возможно, но, я думаю, наверняка не помешает, если коммунистам удастся еще немного его в этом смысле позлить. Тогда пан майор станет более сговорчивым. Конечно, я имею в виду использовать Неханского, хотя, откровенно говоря, это мне не слишком нравится.

— Неханский тебе не нравится?

— Пойми, Курт, ведь это человек, которого выучили англичане. А теперь он вдруг ни с того ни с сего предлагает свои услуги нам. Почему, черт возьми? Тебе не кажется это несколько странным? Почему же он, интересно, не обратился к нашим коллегам от господина посла Никольса? Или, возмож-

но, в посольстве на Туновской улице ему дали от ворот поворот? Так что пусть пока поварится в собственном соку, а мы его еще немножко прощупаем.

— Я думаю, что это ясно. Неханский хочет что-то делать против экспансии коммунистов в Чехословакии, а англичане для этой цели ему кажутся слишком консервативными. Поэтому он и обращается к нам. А что касается его прощупывания, то я уже пробовал его привлечь к словацким делам. Я имею в виду эту историю с арестами. Неханский не только выяснил, что об этом думают его коллеги в военной форме, но и проявил необходимую инициативу: он сумел всех, кого следует, заразить идеей о том, что аресты являются политической акцией коммунистических органов безопасности.

— Это утверждает Неханский?

— Не только он. Я слышал то же самое от одного из тех, кого убедил в этом Неханский.

— Ладно, оставим пока твоего протеже в покое и займемся другими. Пару кандидатур нам порекомендует полковник Кашпар...

3

Комната, в которой проходит совещание сотрудников чехословацкой контрразведки, для полудюжины сидящих здесь людей явно маловата. Накурено так, что не продохнуть. Но, кажется, никому из присутствующих это не мешает. Их мысли заняты сейчас другими проблемами.

— Что касается полковника Кашпара, — говорит офицер, ведущий совещание, — то в ближайшее время нам следует получить прямые доказательства его связи с агентурой Катека. Одного сообщения о том, что он встречается с шефом американской разведки в Праге и охотится за некоторыми секретными сведениями, не имеющими никакого отношения к его служебным обязанностям, нам недостаточно. Если мы не схватим его с поличным, хозяином положения будет он...

— Хозяином-браконьером, — замечает один из присутствующих. А после того как шеф бросает на него вопросительный взгляд, отваживается на более подробное разъяснение: — По моему мнению, доказательств тому более чем достаточно. Разве нормально, что начальник штаба ВВС собирает сведения о методах обучения сержантского и офицерского состава пехоты? Или о способах снабжения наземных частей в мирное время и во время возможного военного конфликта? И скажите мне, почему пан полковник прилагает столько усилий для того, чтобы выяснить точное количество и настроения военнослужащих наземных частей после увольнения в запас военнослужащих 1923 года рождения? Разве это не достаточные доказательства его шпионской деятельности? Лично я убежден в том, что он

получил от Катека целый список разнообразных вопросов, на которые должен дать ответ американцам.

— Этого никто из нас, Вацлав, не исключает, но все, что мы выяснили насчет Кашпара, — лишь косвенные доказательства, которые он может легко опровергнуть. Нам пужно что-нибудь более конкретное.

— Конкретное... Кашпар ведь не новичок, чтобы оставлять на столе вопросник Катека. Он занимался разведывательной работой с Моравцем еще в Англии. Русские разоблачили его во время войны и немедленно выслали обратно в Лондон. Потом его перевели офицером связи к голландским союзническим частям...

— Ты не открыл Америки, Вацлав. Каждый, кто здесь сидит, все это о полковнике Кашпаре знает. Но, чтобы снять его с занимаемой должности, нам нужно министерству представить прямые доказательства. Для того чтобы утверждать, что начальник штаба ВВС занимается шпионажем в пользу американцев, нужно иметь весомые доказательства. Точно так же, как нам необходимы прямые доказательства о деятельности майора Неханского. Нам тоже известно, что он связан с агентурой Катека. Подстрекает офицеров против существующего строя и против коммунистов, кричит, что операция, которую органы безопасности провели в Словакии против секретарей демократической, народной партии и агентов Дюрчанского, — это просто отвлекающий маневр, чтобы коммунисты смогли взять в свои руки власть в Словакии. Более того, Неханский утверждает, что это, мол, обычная выдумка наших органов безопасности. И если бы не было чехов в органах безопасности в Словакии, то, мол, не было бы и заговора «народников». Именно такие слухи распространяет пан майор Неханский среди своих коллег...

— Ну, этого ему надолго не хватит, — откликается другой участник совещания. — После того как были опубликованы факты о заговоре в Словакии, о центрах «народников» в Жилине и Братиславе и об их сотрудничестве с бандеровцами, такими разговорами никого не обманешь.

— Вот здесь ты здорово ошибаешься. Даже правду иногда можно намеренно исказить и приспособить так, как тебе это нужно. А у господ докторов Яна Кемпного, Милоша Бугара и Отто Обуха в партии Зенкла и Шрамека хватает адвокатов, готовых провозгласить, что они пострадали невинно. Им это очень пригодится для похода против правительства Готвальда, а главное — прстив нас, коммунистов. А Неханский — один из трубадуров Зенкла. Прежде всего в армии среди офицеров. Он обрабатывает их и готовит к тому, чтобы они скатились в антикоммунистический блок. Делает он это по своей инициативе или по приказу своих дружков из американского или английского посольства, вот что нам нужно проверить. Делом Неханского займется...

С этого декабрьского дня сорок седьмого года работники чехословацкой контрразведки начинают заниматься не только деятельностью Чарльза Катека, Курта Тауба, полковника Кашпара и их пособников, но и Яромиром Неханским. И еще несколькими другими офицерами чехословацкой армии, работающими в Праге, Колине и Бероуне. Схватка на невидимом фронте вступает в следующий этап.

4

Заглянем в один из домов, которые своим архитектурным обликом украшают правую сторону градчанской улицы с названием Увоз. В том доме помещается шведское посольство. Там же проживает пражский коммерсант Велеслав Вал. Из окон его квартиры в любое время года открывается изумительный вид на величественный Петршин и изящную долину, в которой расположены Страговский, Лобковицкий и Шенборнский парки.

Но майора Неханского, который в этот холодный январский день приехал в гости к Валу, прекрасный вид на зимнюю природу не привлекает. И не только потому, что в последние месяцы второй мировой войны Неханский скрывался в этой квартире и у него было достаточно времени насмотреться на Прагу. Главная причина состоит в том, что майор прибыл в отвратительном настроении. Он буквально ворвался в квартиру своего друга и разразился бранью, еще не раздевшись.

— Я, Славек, утверждаю, что американцы дураки. Глупые надутые дураки. Красуются на приемах и министерских банкетах, крутятся, как манекены, перед пражскими потаскушками, и им совершенно все равно, что коммунисты медленно, но верно захватывают в свои руки республику...

— Прошу тебя, Яромир, не преувеличивай...

— Я совершенно не преувеличиваю! Просто реально смотрю на современную обстановку. Мы получаем от коммунистов один урок за другим, как на конвейере. Они готовы использовать любую возможность для привлечения людей на свою сторону. Даже засуха и неурожай прошлого года им пригодились для ведения пропаганды. На каждом шагу теперь ты можешь услышать и прочесть, с каким великодушием русские у нас вытащили занозу из пятки. Готвальд на Новый год даже по радио хвастался, что первый год этой их двухлетки выполнен на сто процентов. Несмотря, мол, на неурожай. И конечно, по этому случаю он не забыл тут же подогреть свой просоветский супчик. Повсюду они теперь провозглашают свой любимый лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!» А теперь скажи мне, что предпринимают против этого похода коммунистов наши люди? Что думают деятели народной партии? И что американцы?..

— Ты на все, Яромир, смотришь сквозь черные очки, — с заученной улыбкой коммерсанта успокаивает Велеслав Вал своего гостя.

Но тем самым он только масла в огонь подливает. Неханский не дает себя перебить.

— Может быть, и через черные очки, зато все вы смотрите на события через розовые и страшно удивитесь, когда вокруг нас окажутся одни красные. Ты сам это скоро почувствуешь на собственной шкуре. Ты что, не видишь, что коммунисты уже суют нос в торговлю? Кричат, что борются против спекуляций и спекулянтов, а на самом деле хотят под этим предлогом ликвидировать оптовую торговлю текстилем и ввести государственное распределение. Говорят, что текстиль не поступает в магазины, что он продается из-под прилавка...

— Кричать, Яромир, они могут с утра до вечера, а мы все равно будем делать по-своему.

— Славак, ты ужасно наивен! Разве ты не понимаешь, что этот их крик — по сути дела прелюдия к наступлению?

— К наступлению? А на кого, скажи, пожалуйста?

— На всех нас, кто не тянет с ними в одной упряжке, не идет одной толпой. Ты только вспомни, что произошло два месяца назад с партией демократов в Словакии. Теперь уже в Братиславе существует новый корпус уполномоченных, а представители самой крупной в послевоенное время партии играют в нем вторую скрипку. Или даже третью. А после выборов им, наверное, и этого не видать, поскольку место дирижера займут коммунисты.

— Там это случилось из-за неблагоприятного стечения обстоятельств.

— Да брось ты, Славак, какое тут неблагоприятное стечение обстоятельств? Глупость это была! Урсини, Бугара с Обухом и других провели, как мальчишек. По своей неосторожности они, что называется, прямо в руки коммунистов выдали козыри. А те, не долго думая, нанесли удар. Да еще ловко связали вопрос с выступлением Зенкла в парламенте в защиту злосчастных бандеровцев. Действительно, это было не слишком разумно, поскольку народ со временем узнал, что речь идет вовсе не о несчастных оборванных беднягах, пробирающихся на запад, а о прекрасно вооруженных отрядах, которые не брезгают грабежами и убийствами. Урсини и члены его партии связали себя с ними и теперь расплачиваются за это полной мерой. И не только они. Горячие каштаны, бывшие в руках Урсини, теперь попали к нашим партийным лидерам, и мне весьма любопытно знать, что с ними будут делать Зенкл, Рипка и Дртина.

— Они уж придумают, что делать, ты, Яромир, за них не беспокойся. Ты на все смотришь глазами солдата, а это, дружище, политика. Высокая политика. А в ней Зенкл и Рипка

разбираются, конечно, лучше, чем какой-то там моравский столяр. И потом не забывай, что в одном ряду с нами стоит и президент. Бенеш никогда не допустит, чтобы в наши паруса дул восточный ветер. Насколько мне известно, скоро штурвал этого государства повернется совсем в другом направлении. Правительству это немного спутает карты, возникнут осложнения, и не исключено, что при этом коммунисты совсем выйдут из игры.

— Не знаю, Славек, откуда у тебя такие сведения, мне известно одно: коммунистов так просто из седла не вышибешь. За ними идет все больше и больше народу. И они знают это. Именно поэтому я и удивляюсь, что мы ничего не предпринимаем у них в тылу...

— Как ты можешь, Яромир, говорить, что мы ничего не предпринимаем? Я, напротив, могу тебя заверить, что делается многое. И делают именно те, кого ты называешь дураками.

— Американцы?

— Хотя бы и они.

— Не хочешь ли ты сказать, Славек, что у тебя с ними есть контакт? Тауб мне обещал, что если они что-нибудь начнут, то будут иметь меня в виду.

— Вполне возможно, что они и имеют тебя в виду, но дело пока еще не горит. Это только ты бьешь тревогу... Фамилия Бирдж говорит тебе о чем-нибудь?

— Уолтер Бирдж? Второй секретарь американского посольства?

— Именно он. Это как раз один из тех, кого ты так неслестно обзываешь дураком и кто, может быть, делает гораздо больше, чем ты думаешь.

— А у тебя есть с ним связь?

— Конечно.

— Так почему, черт возьми, ты не сказал мне об этом раньше? Знаешь, зачем я, собственно, к тебе сегодня пришел?

— Видимо, затем, чтобы предупредить меня о коммунистической опасности.

— И за этим тоже, но главное — чтобы договориться с тобой. Послушай...

Неханский лезет в нагрудный карман и вытаскивает из него сложенный лист бумаги.

— Что это? — интересуется Вал.

— Схема подпольной разведывательной сети, которую я имею в виду создать в ближайшее время. Как во время войны. Сейчас ведь тоже война.

— Но... Ты нетерпелив...

— Я не хочу больше ждать...

Велеслав Вал пробегает взглядом исписанный лист бумаги, на его лице опять появляется легкая, скорее искусственная, улыбка. Дочитав, он обращается к Неханскому:

— Я вижу, ты и меня в своем плане не забыл...

— Конечно! При подготовке такой акции нельзя забывать опытных и испытанных во время войны бойцов. Я рассчитываю на тебя в качестве руководителя пражской и юго-чешской группы. Потом на юге Чехии тебя кто-нибудь заменит. Сам я возьму северную и западную часть Чехии. А йиглавский доктор Смолин будет работать в Моравии.

— А знают ли про твой план те, кто у тебя здесь записан?

— Пока не знают. Я, естественно, убежден, что никто из тех, на кого я рассчитываю, не откажется с нами сотрудничать. Скажем, эти два офицера, которых я включил в твою группу, — штабс-капитан Тайхман и штабс-капитан Немечек. Оба служат здесь в штабе пражской дивизии. Оба поддерживают тесные связи с «Союзом готовности к защите родины», а Немечек, кроме того, курирует курсантскую школу в Бероуне. В случае необходимости ее слушатели могут...

— Подожди, Ярмир, ты же говорил что-то о разведывательной сети, а теперь вдруг намекаешь...

— Конечно, прежде всего я имею в виду разведывательную деятельность. Но необходимо установить связь с нужными людьми.

— Значит, ты не имеешь в виду саботажи и террористические акты?

— Сейчас, разумеется, нет. Нам теперь нужно как можно быстрее договориться о сотрудничестве с Бирджем. Надеюсь, он будет более разумным, чем Курт Тауб, иначе... Если американцы будут слишком ломаться, я обращусь к англичанам. Ты когда, Славек, можешь связаться с Бирджем?

— Связаться с ним не проблема, но я не строю никаких иллюзий относительно того, что они примутся за дело с таким же энтузиазмом, как и ты. Видимо, будут ожидать развития событий после поворота штурвала на нашей скорлупке. Кстати, проинформировал меня о готовящемся расколе в правительстве именно Уолтер Бирдж. И я чувствую, что его шеф посол Штейнгарт обсуждал этот вопрос с лидерами нашей партии.

— Чувства, Славек, это одно, а настоящая работа — другое. Я предпочитаю второе...

День незаметно переходит в вечер. В комнате, в которой беседовали Велеслав Вал и майор Неханский, по-прежнему темно, но свет только мешал бы им.

5

Вилла Яна Странского на Мала-Стране в этот февральский вечер сорок восьмого года освещена снизу доверху. Через парадный и служебный боковой входы в нее каждую минуту входят все новые и новые гости. Нет сомнений в том, что сын пана министра просвещения Ярослава Странского сегодня опять устраивает один из своих знаменитых коктейлей.

Двое сотрудников чехословацкой контрразведки, следящих из окна одного из домов напротив за незаметным боковым входом в виллу Странского, на этот раз просто удивлены.

— Сегодня, Милош, что-то не похоже на обычный прием. Видишь? Вместо обычных барышень из парикмахерского салона на Водичковой улице здесь собирается более благородное общество.

— Вижу... Здесь уже почти весь ансамбль пана полковника Катека — Бирдж, Таггарт, Колларек и Тауб...

— Любопытно, что все эти гости идут через служебный вход, а сам Катека, видимо, проследует через парадный.

— В конце концов, если через служебный вход может ходить пан генерал Флиппо, которому Франция благодарна за самые актуальные сведения о чехословацких вооруженных силах, или пан полковник Кашпар, то почему бы через него не ходить и подчиненным Катека?

— А это кто еще идет, черт возьми?

— Не знаешь? Тогда разреши обратить твое внимание на аса голландской разведки пана ван Дама. Сегодня они с Катеком наверняка будут беседовать не о тюльпанах... Насколько я понимаю, дружище, этот вечер организован на гораздо более высоком уровне, чем все предыдущие...

— Похоже на то. На этот раз я Йозефу не завидую.

— Почему? А я, наоборот, на этот вечер с ним поменялся бы местами. Знаешь, сколько интересного можно узнать, обслуживая гостей?

— Я думаю, нам будет вполне достаточно того, что мы завтра узнаем из рапорта Йозефа...

Февральский раут на вилле Странского на этот раз действительно носит несколько иной характер, чем все предыдущие. И не потому, что на него собралось намного больше гостей, а главным образом из-за разговоров, которые между собой ведут, например, чехословацкий министр внешней торговли Губерт Рипка и американский военный атташе полковник Чарльз Катека.

— У вас не найдется для меня минутка, полковник?

— Сколько угодно, пан министр. Я к вашим услугам.

— Довольно будет нескольких минут, дружище, хотя речь пойдет о деле, которое несомненно войдет в историю... Я хотел бы вас проинформировать кое о чем, что должны были бы знать в вашем посольстве.

— С удовольствием, пан министр, доложу соответствующим лицам.

— Я просил бы вас об этом. По мнению руководства нашей партии, пришло время покончить с диктатом коммунистов в правительстве. Мы договорились с некоторыми другими политическими партнерами антикоммунистического блока, включая и социал-демократов, что при первом же удобном случае выразим недоверие правительству Готвальда и вынудим его уйти

в отставку. Причину найти можно. Может быть, даже в эту пятницу при обсуждении закона о национальном страховании.

— Понял вас, пан министр.

— Хотя президент Бенеш и поручит Готвальду как представителю самой сильной партии сформировать новое правительство, наш блок предъявит такие требования, которые коммунисты не смогут принять, и все переговоры завершатся крахом.

— Превосходно задумано!

— Нашего председателя, брата Зенкла, как представителя второй самой крупной партии коммунисты не примут, и президенту не останется ничего другого, как самому назначить правительство. Могу вас заверить, что президент Бенеш не будет возражать против такого развития событий.

— Это просто великолепно, пан министр. Можно ли узнать, кто войдет в новое правительство?

— Конечно, это дело президента. Насколько мне известно, он рассчитывает на участие генерала Бартика, не исключена и кандидатура посла Йины. Во всяком случае, я вас более подробно проинформирую, когда вопрос будет решен.

— Большое спасибо, пан министр, я вам очень благодарен за честь, которую вы мне оказали. Уверяю вас, что я подробно обо всем проинформирую господина посла Штейнгарта.

— Жаль, что посла нет в Праге.

— Будьте уверены, пан министр, господин посол в случае необходимости здесь появится!

— Благодарю вас, полковник...

6

Мартовским вечером сорок восьмого года Курт Тауб заглядывает в ресторан «У художников». Зал почти пуст. Только в отдельной кабине сидит пара немолодых влюбленных, а в углу зала — одинокий мужчина. Этот одинокий мужчина — майор Неханский. В штатском он скорее походит на усталого банковского служащего, чем на офицера. Но так только кажется. При появлении Курта Тауба майор сразу оживает.

Старые знакомые обмениваются приветствиями и заказывают бутылку вина. Прежде чем поднять бокалы, они начинают говорить о деле, ради которого, собственно, и встретились.

— Мир, мы все испортили. К черту все испортили! — произносит расстроенным голосом Тауб.

— Вы или мы?

— И вы, и мы. Мы недооценили Готвальда и вообще коммунистов. И это нам дорого обошлось. В течение нескольких дней февраля им удалось предпринять такие шаги, которые застали нас врасплох, особенно Катека. Поэтому принято ре-

шение сменить место нашей деятельности и переехать из Праги во Франкфурт-на-Майне.

— Отлично... Но, я смотрю, Прага что-то не собирается прощаться с вами залпами торжественного салюта.

— Скорее наоборот. Они с великой радостью забили бы нас в эти пушки и выстрелили. И не только пражане, но и наши дирижеры из Вашингтона. Без этого, видимо, в нашей профессии не обойтись. Пока дела идут хорошо, все остается в тайне, а как только споткнешься, получишь по шее.

— На этот раз, Курт, мы не просто споткнулись, а сделали хорошенькое сальто-мортале. После него мы еще долго будем зализывать полученные раны. Но я тебя в свое время предупреждал. Помнишь нашу осеннюю встречу в охотничьем домике? Я уже там тебе говорил...

— Миро, прошу тебя... Упреки и брань я теперь слышу каждый день. Ты, по крайней мере, мог бы пощадить меня. Но я тебя сегодня пригласил сюда не для того, чтобы лить слезы над разбитой тарелкой.

— Я тоже подумал, что ты со мной хочешь говорить о другом. Слушаю тебя...

— Когда-то в том домике ты, Миро, предлагал мне сотрудничество. Это предложение остается в силе?

— Конечно, остается в силе.

— Спасибо... Как мне стало известно, что-то ты уже начал делать за несколько недель до того, как на нас все это свалилось...

— Начал, только кое-что в феврале провалилось и у меня. Я, например, рассчитывал на штабс-капитана Тайхмана... А он попал с паном генеральным секретарем Краиной в какую-то аферу с оружием и с нападением на здание радио и теперь сидит за решеткой. Его схватили, когда он собирался дать тягу из республики. Аналогичная история случилась со штабс-капитаном Немечеком. Тот тоже собирал для Краины кое-какое оружие и тоже попался.

— Я думаю, ты со своими связями наверняка сумеешь найти им подходящую замену. Речь прежде всего пойдет о людях, которые имеют возможность получать достоверную информацию о чехословацкой экономике, об армии, органах безопасности и о политической ситуации в республике.

— Понятно.

— Инструкции и снаряжение для своих людей получишь от Уолтера Бирджа, который пока остается здесь в посольстве. С ним и будешь поддерживать связь. Но, конечно, гораздо больше, чем до сих пор, придется соблюдать конспирацию. В прошедшие месяцы мы на этот основной принцип разведывательной деятельности не обращали особого внимания. И поэтому, может быть, мы и проиграли.

— Может быть. Но я, Курт, основную ошибку вижу в совершенно другом. Вы исходили только из односторонней инфор-

мации, доставляемой вам людьми, для которых падение власти коммунистов было делом желаемым, но очень далеким от реальности. Ведь даже самого большого желания мало для того, чтобы кого-то лишиться власти. Не ждите, что мы будем вам посылать различные сказки. Это будет только проверенная, реальная информация, которой вы, разумеется, можете доверять.

— Рад это слышать, Миро. А теперь давай договоримся о конкретных мерах...

7

За забранными решетками окнами комнаты, в которой сидят следователь государственной безопасности, стенографистка и бывший майор чехословацкой армии Яромир Неханский, стоит солнечный августовский день сорок девятого года. Неханский здесь не впервые. Со времени его ареста прошла почти неделя, и он уже кое-что рассказал о своем прошлом, о шпионской и антигосударственной деятельности, угрожавшей безопасности республики.

— Теперь расскажите о своей преступной деятельности начиная с марта 1948 года, когда из Праги уехали полковник Катека и его сотрудник Курт Тауб, с которыми вы собирались сотрудничать.

— После отъезда из Чехословакии Катека и Тауба я установил с помощью Велеслава Вала контакт с сотрудником американского посольства в Праге Уолтером Бирджем. Как я уже упоминал в своих прошлых показаниях, я знал Бирджа еще до февральских событий, но тогда мы еще не говорили о конкретном сотрудничестве. Произошло это в марте 1948 года. Мы встретились на квартире у Вала, чтобы обсудить вопросы, связанные с моим сотрудничеством с американской разведкой. Бирдж потребовал снабжать его сведениями о партийных собраниях организаций КПЧ, интересовался характеристиками руководящих партийных деятелей, их взаимоотношениями и взглядами. Моей главной задачей была шпионская деятельность в армии. Бирдж от меня требовал данные о дислокации частей армии, о размещении военных аэродромов, о моральном состоянии офицеров и личного состава, их настроениях и так далее.

— Как вы передавали эту информацию Бирджу?

— Обычно мы встречались раз в две-три недели на квартире у Вала. Поскольку Вал живет в доме, где находится шведское посольство, нам это казалось сравнительно безопасным, так как наши встречи Бирдж мог прикрыть посещением этого посольства. Таким образом мы встречались с Уолтером Бирджем до ноября 1948 года, когда он передал меня другому сотруднику американского посольства.

— Как в дальнейшем развивалось ваше сотрудничество с агентами американского ЦРУ?

— Уже во время сбора шпионских сведений для Бирджа в период между мартом и ноябрем 1948 года я занимался созданием широкой разведывательной сети в Чехии и Моравии. Это делалось на основании нашей договоренности с Бирджем. В этих целях я использовал старую организационную структуру, которую мы с Валом разработали еще до того, как установили контакты с американцами. Возглавляли отдельные группы трое: Вал, который занимался Прагой и областями Южной Чехии, доктор Смолин, который работал на Чешско-Моравской возвышенности и занимался организацией нелегальных групп в Моравии, и я, возглавивший агентурную сеть в Западной и Северной Чехии...

— В чем состояли задачи этих групп?

— Прежде всего они занимались сбором шпионской информации, которую от нас требовал Бирдж. Кроме того, в районе Сушице и Клатови мы попытались создать каналы для перехода границы и подобрать надежных проводников, способных беспрепятственно доставить наших людей на запад или же, если это потребуется, и в республику.

— И как вам это удалось?

— Осенью сорок восьмого года мы установили контакт с одним проводником из района Гартманице и еще с одним из района Железна-Руды. Далее я хочу отметить, что примерно в середине июля 1948 года мы получили от Бирджа обещание, что некоторые наши группы будут снабжены радиопередатчиками. Подробности я должен был обговорить с радиоспециалистом американского посольства на специальной встрече. Такая встреча позже состоялась. Мы встретились с этим человеком недалеко от дейвицкого вокзала в начале августа 1948 года.

— Вы знаете фамилию этого человека?

— Да, это был Самуэль Мерин. С ним я договорился, что он сначала передаст нам два радиопередатчика. Еще один, для Смолина, мы должны были получить позднее, когда группа будет достаточно сильной.

— Когда и где Мерин передал вам радиопередатчик?

— Это произошло примерно две недели спустя. Он доставил его на квартиру Вала вместе с шифром. Когда мы потом проводили опытный сеанс связи, выяснилось, что планы связи и некоторые знаки шифра непонятны. Тогда у меня было такое чувство, что Мерин или его руководитель, сотрудник американского посольства Спенсер Таггарт, все это подстроили специально. Мне пришло в голову, что американцы нам не доверяют...

— Почему вы так решили?

— Это я сообразил уже во время второй встречи с Мерином, на которую он привел с собой и Таггарта. Он очень подробно меня расспрашивал. Интересовался моими личными и служеб-

ными связями и задавал при этом вопросы, которые я считал коварными. При этом он вел себя по отношению ко мне очень холодно, даже презрительно. Затем Мерин стал настаивать, чтобы я передал ему списки лиц, работающих в отдельных группах нашей подпольной организации. Я решительно отказался сделать это, сказав, что это противоречит правилам конспирации. После этого недоверие американцев ко мне и моим сотрудникам усилилось. Потом я узнал, что люди Таггарта за моей спиной интересовались мною. Это разозлило меня до такой степени, что я стал подумывать о том, чтобы прекратить сотрудничество с Мерином и Таггартом и обратиться к своим знакомым Катеку или Таубу. Позже я так и поступил. Через своего знакомого инженера Сыроватку, который был связан с Катеком и его службой с марта 1948 года, я послал во Франкфурт-на-Майне жалобу на поведение Таггарта. И Катеки тогда действительно дело поправил. Не знаю, в результате ли его вмешательства или под влиянием других обстоятельств Таггарт и Мерин весной 1949 года из Праги были отозваны. Потом Мерин все-таки вернулся в Чехословакию. Тогда он привез мне письмо от Таггарта с извинениями и на встрече, о которой мы с ним договорились по телефону, это письмо мне передал.

— Когда точно это было?

— Встреча состоялась в начале июня 1949 года. Мы встретились тогда в Стромовке. Мерин передо мной извинился и просил восстановить наше сотрудничество в полном объеме. На этой встрече он сообщил мне пожелания Вашингтона.

— О каких пожеланиях тогда шла речь?

— Это было что-то вроде вопросника, в котором были вопросы, касающиеся как меня лично, так и деятельности нашей подпольной организации. Например, я должен был ответить, каково в настоящее время мое положение в армии, в каком состоянии находятся отдельные группы, где у нас спрятаны передатчики. Кроме этого, в ЦРУ хотели знать фамилии радистов, места работы передатчиков, а также фамилии моих главных сотрудников. В инструкциях содержались указания по курьерской связи с границей, а также строгий приказ прекратить всякую связь со всеми работниками американского посольства, кроме Мерина. Я сам на этой встрече попросил Мерина помочь нам финансовыми средствами, он пообещал это сделать...

Бывший майор Яромир Неханский далее рассказал о разведывательной и антигосударственной деятельности и о работе отдельных подпольных групп организации, о своих агентах внутри страны и в пограничных районах. Допрос шел не только в этот солнечный августовский день, но и в последующие дни и недели. А тома дела о его преступной деятельности, направленной на то, чтобы ликвидировать в республике народно-демократический строй, день ото дня становились все более толстыми.

Дело это закончилось судом в 1950 году, когда Яромир Неханский вместе со своими подручными оказался на скамье подсудимых.

Шеф шпионской организации, стремившийся стать одним из руководителей чехословацкой армии, получил тогда за измену родине высшую меру наказания. Строго были наказаны и подручные Неханского. Однако наказание понесли не все преступники, пытавшиеся воспрепятствовать строительству нового, народного строя в республике после февраля 1948 года.

Полковник Чарльз Катек, Курт Тауб, бывший полковник чехословацкой армии Ярослав Кашпар (этот агент ЦРУ был тайно переправлен за границу проводником, с которым сотрудничала группа Неханского) и многие другие сотрудники американской разведки продолжали и в последующие годы проводить свою подрывную деятельность против Чехословакии. Они были главными организаторами акций, во время которых на нашу территорию забрасывались агенты, террористы и саботажники. Но это уже другие истории, которые происходили после февраля 1948 года. Схватки на невидимом фронте продолжались и были намного интенсивнее, чем в первые послевоенные годы. Они, по сути дела, не прекращаются и до сих пор.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЕЛОВОМ ЛЕСУ

Пистолеты, ружья, взрывчатка, показания преступников и свидетелей и, прежде всего, ряд документальных снимков — все это музейные экспонаты, напоминающие о трудном периоде первой половины пятидесятых годов. В это время убийства и террор стали одними из главных средств борьбы реакционных сил против коллективизации деревни. Убийства функционеров КПЧ, народной власти и сельхозкооперативов, горящие стога и кооперативные коровники, испорченные сельскохозяйственные машины — все это должно было запугать народ и заставить его отвернуться от коллективизации. Но народ не отвернулся. Однако по сторонам этой дороги к счастливой жизни в деревне кое-где встречаются и могильные кресты.

1

Четверг, 10 января 1952 года.

На землю опускается вечер, но уже сейчас ясно, что прежде, чем настанет ночь, мороз станет еще сильнее. Правда, человека, севшего в черный «форд» в Праге на Пльзенской улице перед домом номер 80, холод особенно не волнует. Он хорошо одет, да и в машине тепло. Сев рядом с водителем и

захлопнув дверцу, мужчина вместо приветствия строго приказывает:

— Поехали!

— Мы только вдвоем поедem? — удивленно спрашивает водитель, прежде чем повернуть ключ стартера. — Где Ланда? Он отказался?

— Зачем ему отказываться?.. С Ландой все в порядке. Он ждет нас внизу, около кладбища. Мы не можем рисковать, нельзя, чтобы нас здесь видели всех вместе. Поезжай!

«Форд» медленно трогается в сторону Смихова. Но прежде чем доехать до перекрестка, он останавливается еще раз. На заднее сиденье молча садится третий мужчина.

— Взял? — спрашивает его сидящий рядом с водителем.

— Взял. На каждого из нас по одной штуке и по две полных обоймы.

— Нормально. Давай, Йозеф, гони...

Черный «форд» выезжает из Смихова сначала на противоположный конец Праги, а потом по шоссе в сторону Кутна-Горы. В машине тихо. Разговаривать никому не хочется. Кто знает, какие мысли сейчас у каждого в голове?

Думают ли они о прошлом или о будущем?

Вряд ли они предполагают, что через несколько часов станут действующими лицами тягчайшего преступления, которое потрясет не только жителей кутногорского района. Один из них нажмет курок пистолета и хладнокровно застрелит мать двоих детей, которую до сих пор совсем не знал.

На их языке эта поездка именуется «карательной экспедицией». Они едут ликвидировать врага. Своего врага.

Почему?

Простой вопрос, который требует пространного ответа. Поэтому необходимо хотя бы коротко рассказать о прошлом убийц, спешащих к месту преступления.

Тот, кто будет стрелять, сидит сзади. Другие фамильярно называют его Ланда или просто Тоник, хотя знают его всего несколько недель, а его прошлое им вообще неизвестно. Сидящих вместе с ним в «форде» и всех других людей, знающих о «карательной экспедиции», вчерашний день Ландовского, в сущности, не интересует. Достаточно того, что однажды он сказал о себе: «Ненавижу коммунистов. Они отняли у меня все мое имущество и мои заслуги. Они не признают того, что я во время войны был парашютистом и каждый день рисковал жизнью ради того, чтобы наша республика стала свободной...»

Странно, но никто его тогда не спросил, о каких «заслугах» идет речь и какого имущества он лишился. Если бы даже кто-то сделал это, то услышал бы еще один рассказ — плод буйной фантазии Ландовского. На самом деле этот человек ни в какой армии не воевал, а парашют видел разве только во сне.

Антонин Ландовский за тридцать семь лет своей жизни не принес никакой пользы. Лишь время от времени ему удавалось обманывать людей. Он сменил большое количество профессий и ни на одной так и не остановился. В молодости он пек булки и хлеб, работал поваром и мельником. Всюду от него требовали работу, а работать не хотелось. После войны он устроился заведующим одной из пекарен на севере Чехии. Но вскоре вступил в конфликт с законом и лишь чудом не попал за решетку. Женился, стал отцом двоих детей, но и в семье не задержался, как и во всех местах работы.

В 1950 году он встретился с Марией Новотной. Вероятно, именно этой разведенной женщине он впервые стал рассказывать свои сказки о мнимом героизме под куполом парашюта, стремясь снискать ее благосклонность. В глазах Марии он скоро сделался непризнанным героем. Поверив лгуну, она старалась поправить несправедливость по отношению к Ландовскому тем, что рассказывала о его «героизме» своим знакомым. В большинстве случаев ее выслушивали скептически...

Рядом с водителем черного «форда» Йозефом Купилом сидит Йозеф Кабелка. Он самый старший из экипажа машины. В конце ноября 1952 года ему исполнится пятьдесят. Он не только самый старший, но и самый энергичный из них. Наверное, потому, что в жизни он привык приказывать. Сначала батракам и прислуге в имении своих родителей в Горни-Крутах. Потом продолжал отдавать приказы, когда стал сам вести хозяйство. Но он не собирался оставаться навсегда на родной земле. Женившись в сорок пятом году, он сдал свое поместье в аренду, а сам переехал в Прагу, где купил преуспевающую прачечную и гладильню. Тем самым количество людей, которым Кабелка мог приказывать, существенно увеличилось. Соответственно возросла и прибыль. Кабелка командовал уже не только батраками и прислугой, но и более чем полудюжиной работников и учениц.

Семья Кабелки жила безбедно во время войны и пару лет после ее окончания. Из деревни им поставляли продукты, из прачечной и гладильни текли деньги. Но потом пришел февраль 1948 года, а с ним и конец частного предпринимательства. Кроме того, новые законы республики говорили о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Ни то, ни другое в расчеты семьи Кабелки не входило. Их первоначальное недовольство новым общественным строем вскоре превратилось в ненависть к тем, кто вводил новые законы в жизнь, — к коммунистам.

Уже весной сорок восьмого года в квартире Кабелки стали собираться люди, которые, как только речь заходила о социализме, начинали сопеть, словно разъяренные индюки. Бывшие предприниматели Ярослав Ледашил, Йозеф Купил и земляк Кабелки Йозеф Птак сначала ходили сюда послушать передачи радиостанции «Свободная Европа». В этом кружке под-

стрекательские разговоры падали на живительную почву. Не прошло и нескольких месяцев, как они дали свои плоды.

В один прекрасный день в доме номер 80 на Пльзенской улице появился ручной печатный станок, а вскоре и антикоммунистические листовки. Они предназначались для жителей не столицы, а сельской местности. Листовки предостерегали людей от создания сельскохозяйственных кооперативов и вообще от коллективизации деревни. В районах Колина и Кутна-Горы их распространяли Птак и жена Кабелки. По вечерам они ездили на мотоцикле Кабелки по деревням и разбрызгивали там свою ядовитую бумажную слюну. Делали они это неоднократно, пока не поняли, что их старания совершенно бесплодны.

В начале пятидесят первого года, когда «Свободная Европа» стала постоянно призывать к террористическим актам против каждого, кто разделяет идеи социализма, раздался голос и Анны Кабелковой.

— То, что мы делали до сих пор, — пустое занятие. Коммунисты в деревне укореняются все больше и больше. И хуже всего то, что люди им начинают верить...

— Факт, — поддакнул Кабелковой Йозеф Птак. — Только вряд ли что-нибудь можно изменить.

— Это почему же? Если вы не наложите в штаны, кое-что сделать можно. Нужно загнать их в тупик, нагнать страху на этих сельских хозяев. Они должны бояться вступать в этот их колхоз! А тем, кто агитирует за кооперативы, нужно задать как следует!

— Ты думаешь, Аничка...

— Да, думаю. Парочку нужно было бы прирезать, а остальные уж поостереглись бы пускаться на что-нибудь подобное...

Эти циничные слова были произнесены женщиной. И тогда, в январе пятидесят первого года, впервые было названо имя жертвы — Анна Квашова. Произнес его Йозеф Птак. И он прекрасно знал, почему сделал это...

В последние годы он лично несколько раз сталкивался с Анной Квашовой. С тех пор как Анна стала председателем местной организации КПЧ в Храстне и начала работать в национальном комитете, она несколько раз принималась за Птака. Называла его спекулянтом и лодырем...

— Может быть, я и спекулянт, — сказал тогда у Кабелки Птак, — но какое до этого дело грязной деревенщине? Я что, с ней торгую? Каждый кормится как умеет, и никакие коммунисты не должны в это дело совать свой нос. Я разве не прав, Аничка?

— Но Квашова, насколько мне известно, лезет не только во все дела в Храстне. Ты знаешь, что она сказала год назад на конференции коммунистов в Кутна-Горе? Крестьяне, мол, спекулируют мясом и мукой, а рабочие голодают. Да-да, прямо так и сказала, и за это ей тогда здорово хлопали, помнишь?

— Я помню только то, что за ее выступление через пару дней мы выбили у нее все стекла. Но она после этого все равно не успокоилась. А теперь мне сестра пишет, что Квашова оказалась подписать ей заявление на продовольственные карточки, потому что, мол, она сама себя обеспечить может, а продукты, вместо того чтобы их сдавать, продает спекулянтам. Это она на меня намекала...

— Дело, ребята, яснее ясного. Теперь надо что-то делать, — прервала выступление Птака Анна Кабелкова. — Нам нужно найти какое-нибудь оружие, а потом уже видно будет, кто возьмет верх — Квашова или кто другой...

С тем тогда и разошлись. И прежде чем снова начали говорить об Анне Квашовой, прошло более полугода. Но это время Кабелка с женой использовали в своих целях — устанавливали контакты с людьми, настроенными одинаково с ними, искали оружие и источали на каждом шагу ненависть по поводу всего нового, что рождалось в республике.

Осенью пятьдесят первого года Мария Новотная познакомила их с Ландовским, представив его как непризнанного героя и парашютиста, как человека, умеющего обращаться с оружием, у которого дома якобы имеется несколько пистолетов.

В декабре Ландовский несколько раз встречался с четой Кабелок и их друзьями. На этих встречах Йозеф Купил, Птак и Кабелка учились обращаться с оружием и разрабатывали план своей первой карательной экспедиции против коммунистов. Первой в их списке стояла Анна Квашова.

На встречах главное слово принадлежало Ландовскому. Не только потому, что он выступал как инструктор по стрельбе. В разговорах он всюду пускал в ход свою буйную фантазию.

С тщательностью, которая для него никогда не была характерной, он перечитывал все сообщения печати о преступлении агента Малого, возмущившем в конце лета пятьдесят первого года всю республику. Ландовский и не думал отставать от агента Малого. Он только не собирался кончать свою жизнь подобным образом и потому довольно часто говорил о его деле на встречах в доме Кабелки.

— Малый и его люди могут кое в чем быть для нас примером... — много раз повторял Ландовский. — Они много сделали для свободы нашей республики...

Малый и его люди... Они начали убивать людей незадолго до того, как Ландовский познакомился с Кабелкой и его друзьями.

2

Была середина апреля 1951 года. Как-то среди ночи в окно дома лесника, что неподалеку от Гералтице, постучал мужчина с рыжеватой бородой и попросил у лесника Копулетега по-

мощи. Лесник открыл дверь. В дом вошли два человека. Один из них держал в руке пистолет.

— Я капитан Малый, — заявил он испуганному леснику. — А это один из членов моей подпольной группы. Нас послали сюда и сказали, что вы якобы можете нам помочь.

— Я? — удивился Копулетый. — С чего вы это взяли? Кто вас ко мне послал?

— Ну, скажем, Антонин Плихта из Шебковице, или священник Була из Рокитнице, или Стеглик из Цидлины... Хватит? Короче, те, кто думает о режиме в республике так же, как вы или я. И кто сыт им по горло. Или я не прав?

— Садитесь...

Так это началось. Потом на сцене появилась еще жена Копулетевого, которая ни минуты не сомневалась в том, что их неожиданный ночной гость именно тот, за кого он себя выдает: капитан Малый, присланный с Запада для организации антикоммунистических акций. Убедительнее всяких фальшивых документов, предъявленных Малым, был его рассказ. Он поведал о том, как в сорок девятом бежал за границу и попал там на курсы разведчиков, чему его там научили, сколько раз он потом побывал в республике, кого отсюда перевел на ту сторону, как несколько дней назад пробирался через Дунай на территорию Чехословакии.

Малый был умелым рассказчиком, и неудивительно, что скоро на столе появились бутылка сливовицы и четыре рюмки.

— Мне необходимо в районе Тршебича сколотить сильную подпольную организацию, — продолжал он. — Сотни две людей, которые ненавидят коммунистов и вообще все, что пахнет этим их социализмом. Мы дадим этим людям оружие и начнем истреблять красных одного за другим, как хищников. Пока что у меня имеется дюжина надежных людей. Мы собираемся вскоре приступить к делу, причем к такому, от которого коммунисты задумаются, зачем они вообще вступили в партию. Я превращу их в трусливых зайцев, запугаю их так, что они побоятся собирать эти свои комитеты и пленумы... Одному мне этого не сделать, поэтому я пришел к вам за помощью.

— Вы думаете, что я должен...

— Нет, вы будете по-прежнему стрелять только серн и зайцев, с красными рассчитаемся мы сами — мои люди и я. От вас мне нужно только надежное укрытие. И, может быть, ваша подсказка насчет тех лиц, которые исповедуют их политику вместо библии.

— Это, Франтишек, не такая уж сложная проблема, — вмешалась в разговор Божена Копулета. — Если вы немного приведете в порядок тайник, который у нас был во время войны под пчельником, то несколько человек на какое-то время всегда там укрыться смогут. И еда у нас для них тоже найдется.

Копулетый некоторое время безучастно смотрел на жену, потом кивнул и сказал:

— В пчельнике, я думаю, вполне можно. Утром посмотрите, а там видно будет...

Спать они ложились уже тогда, когда во дворе пропели первые петухи. Их пение было своего рода предупреждением для тех, кто решил встать на преступный путь. Но они не захотели этого понять.

Через неделю после той долгой ночной беседы в доме лесника дежурный районного отдела КНБ в Моравске-Будеевице принял сообщение, в котором говорилось:

«22 апреля вечером в квартиру председателя городского национального комитета в Гералтице Йозефа Балоуна ворвались двое вооруженных мужчин и заставили его отвести их в канцелярию комитета. В служебном помещении, где находилось несколько человек, они заставили председателя и других функционеров выдать им некоторые служебные документы, печать и партийные билеты. С полученными документами грабители скрылись...»

Эта служебная информация была первой из серии подобных, которые в последующие дни стали поступать из разных мест по телефону и телетайпу. Все это происходило в районе между Тельчем и Моравске-Будеевице.

Вечером 24 апреля 1951 года произошло событие, о котором его свидетель Карел Коварж — коммунист и член временного комитета сельхозкооператива в Гералтице — рассказал следующее:

«В тот день я был дома и оформлял ведомости на оплату яиц. После восьми вечера кто-то вдруг сильно забарабанил в окно на кухне, и вскоре послышался голос председателя нашей партийной организации Богдалека: «Карел, выходи!» Я поднял занавеску, чтобы посмотреть, что, собственно, происходит. На улице стоял Богдалек, в которого целился из пистолета какой-то незнакомый человек. Второй мужчина с пистолетом стоял под окном и требовал, чтобы я немедленно вышел. Я не стал медлить. Бросился на пол, потом отполз в соседнюю комнату, где у меня было ружье. Быстро зарядил его, поскольку слышал, что бандиты пытаются выломать дверь на веранде, запертую на замок. Вскоре это им удалось сделать, и один из них ворвался в кухню. Туда в это время, к несчастью, вошла моя жена, в которую бандит тут же прицелился и стал требовать, чтобы она показала, где прячусь я и где у нас хранятся деньги. Жена ему ответила, что это не его дело, и стала отступать к двери в прихожую. Туда проскочил и я, а когда жена спряталась за угол, выстрелил в этого мужчину в кухне. Видимо, в тот же миг нажал на курок и он, поскольку я тут же почувствовал жгучую боль в левом предплечье. Но грабитель уже бросился наутек. Я выбежал за ним и еще несколько раз выстрелил с веранды. Тут я услышал го-

лос Богдалека: «Карел, они ушли, не стреляй». Потом он пришел к нам на кухню и стал рассказывать, как двое террористов напали на него дома и заставили показать, где я живу. Бандиту, который был в кухне, я определенно куда-то попал, потому что в прихожей остались следы крови. Прежде я этого человека никогда не видел, но Богдалек утверждает, что он проживает в наших краях, потому что Богдалек когда-то с ним встречался».

После первого же нападения в Гералтице сотрудники органов безопасности приняли все необходимые меры к задержанию преступников. И не только в Гералтице. В Шебковице, в Горни-Уезде и других селах они собирали данные, которые могли бы помочь в поисках преступников, решивших террором запугивать людей, вставших на путь социализма.

Скоро удалось установить, что одним из террористов, стрелявших в Гералтице в Карела Коваржа, несомненно, был сын предпринимателя Немеца из Веверки, Драгослав. Этот двадцатилетний авантюрист, незадолго до этого выпущенный из тюрьмы, где сидел за попытку незаконного перехода государственной границы, примерно за десять дней до нападения на Коваржа ушел из дому и пропал без вести. Точно так же где-то бродяжничал в это время и сын кулака Митиски из Горни-Уезда, Антонин, родители которого не могли найти правдоподобного объяснения его отсутствию. И не только они. Так же обстояло дело и с сыновьями помещика Плихты. Кольцо вокруг тех, кто совершил это террористическое нападение, стало неуклонно сжиматься. Тем временем произошло еще одно событие.

28 апреля лесник Копулетый заявил, что на него тоже напали террористы. Он рассказал, что они заставили его дать им продукты и вывести на дорогу, ведущую к Моравске-Будеевице.

Франтишек Копулетый слишком хорошо знал, с какой целью он сделал это заявление. Но в его показаниях обнаружилось некоторые несоответствия, заставившие сотрудников органов безопасности обратить более пристальное внимание на события в доме лесника.

Три дня спустя лесник Франтишек Копулетый и его жена были арестованы. Сначала они все отрицали, но в конце концов во всем сознались.

Тогда же следователи впервые слышали о Ладиславе Малом.

В ходе изучения документов и допросов этот авантюрист предстал в самых различных ракурсах: как избалованный сын бывшего жандармского стражмистра и неудавшийся студент, безответственный служащий и хронический алкоголик, как растратчик, старавшийся скрыться от наказания за границей. Сведения последнего времени следователям дали сотрудники контрразведки. Они сообщили, что капитан-самозванец Ладис-

слав Малый прошел курс обучения агентурной разведке и недавно в качестве агента заброшен в Чехословакию.

В начале мая был раскрыт и тайник террористов под полом пчельника. Из показаний Копулетой сотрудники органов безопасности узнали, что кроме Малого в тайнике скрывался Драгослав Немец. При нападении на Карела Коваржа он был ранен, сбежал от Малого и, видимо, скрылся где-то у своих родителей в Веверке.

Вскоре раненый бандит Немец именно там был обнаружен и арестован. Но на этом дело не кончилось. Ладислава Малого никак не удавалось задержать.

Каждый день агент менял свое убежище, писал угрожающие письма и листовки, подбирал помощников для своей террористической деятельности. И нашел их. Конечно, далеко не столько, сколько он рассчитывал собрать. Среди первых подручных Малого были Антонин Митиска и Антонин Плихта.

Июньской ночью 1951 года Малый пришел с ними в дом священника в Горни-Уезде, и там зародился план преступления, в результате которого погибли трое честных людей.

Вечер незаметно сменила ночь. В домиках Горни-Уезда час назад погасли огни, и деревня погрузилась в сон. Лишь кое-где раздавался лай собак.

Но не все жители деревни в этот час лежали в постелях. В окнах дома священника еще за полчаса до полуночи светила лампа, а по его саду пробирались трое таинственных мужчин. Они шли осторожно, но уверенно, направляясь к заднему входу дома священника.

Один из ночных гостей взялся за ручку калитки. Она была открыта. Трое бесшумно вошли во двор. В коридоре стояла горящая свеча, а в дверях кухни их встретил священник Франтишек Паржил.

Он подождал, пока к нему приблизятся все трое, и приглушенным голосом сказал:

— Добро пожаловать, друзья, в этот дом, да благословит вас господь!

Священник распахнул дверь и пригласил ночных гостей войти.

Пришедшие поставили к стенке автоматы, вытащили из карманов пистолеты и гранаты и положили их на лавку у печки. Первым заговорил самый молодой из ночных гостей, которого священник Паржил знал как своего прихожанина Антонина Митиску.

— Это, ваше преподобие, командир нашей группы капитан Малый. А это пан Плихта из Шебковице. Он пришел к нам, потому что органы безопасности шныряют по всей округе. Ему

нельзя оставаться дома. И его сыновьям — тоже. Они пока что прячутся у добрых людей...

— Благодарение богу, еще есть такие отважные люди, которые не боятся дать убежище нуждающимся. Садитесь, панове, кухарка сейчас принесет вам что-нибудь поесть и выпить. Мне приятно, пан капитан, приветствовать вас в этом доме.

— Я благодарю вас, ваше преподобие. Хочу вас заверить, что о вашей любезности мы никогда не забудем.

— Я это делаю не ради благодарности. Это лишь мой скромный вклад в дело, которое вы вершите против этих безбожников.

— В таком деле, святой отец, скромность неуместна. Вы для нас сделали много уже тем, что изъявили готовность предоставить убежище моим людям. Оно нам очень пригодится.

— На все воля божья.

Еще не раз звучала эта фраза в ту ночь, даже в те минуты, когда шла речь о планах убийства. Антонин Митиска позже рассказал следователю:

— Мы пришли к священнику Паржилу с целью договориться о том, чтобы в его доме спрятать людей и оружие и создать опорную базу для операции, которую мы готовили в Шебковице. Там мы собирались в ближайшие дни схватить сторонников народной власти и коммунистов. Плихта нам предложил повесить на деревенской площади возле пожарного депо пятнадцать человек.

Священник Паржил был в курсе дела всех наших предыдущих операций в Гералтице и Цидлине и, как он сам заявил, читал некоторые листовки, которые писал и размножал Малый, а мы потом распространяли в деревнях.

Когда мы поели и выпили несколько бутылок вина, кухарка отвела Малого и меня в подвал, где планировалось разместить тайник. Вернувшись на кухню, мы продолжали обсуждать предстоящие операции. Мы решили поджечь сарай кооператива в Микуловице, а потом организовать карательную экспедицию против активистов в Бабице.

Священник Паржил согласился со всем, что мы собирались предпринять, но предупредил нас, чтобы мы были осторожны. При этом всем нам — Малому, Плихте и мне — он дал четки, которые мы повесили себе на шею. Вместе с благословением Паржил нам внушал, чтобы мы молились святому Тадеушу, который должен был охранять нас во время опасной деятельности. С этого дня Малый стал подписывать свои листовки буквами «СвТ», что значит «Святой Тадеуш».

В доме священника мы пробыли два дня. Кухарка нам выстирала белье, приготовила продукты. Когда мы уходили, священник трижды перекрестил нас, мы поцеловали ему руку и через сад ушли в свое укрытие в полях...

Они ушли, чтобы во имя святого Тадеуша совершать преступления. Одно из них было совершено в деревне Бабице.

В тот день на календаре было 2 июля. По понедельникам в Бабице регулярно проводились заседания совета местного национального комитета.

Члены совета сидели в одной из комнат бабицкой школы и обсуждали график поставок зерна во время предстоящей жатвы.

А вечером, когда до половины десятого оставалось несколько минут, и произошло это несчастье. Внезапно двери открылись, и в них появились двое неизвестных.

О том, что произошло дальше, можно узнать из протокола допроса одного из участников этого собрания Франтишека Блага.

— На последнем совете национального комитета нас было четверо — учитель Томаш Кухтик, который являлся председателем национального комитета и одновременно секретарем нашей партийной организации, кассир национального комитета Богумир Нетоличка, заместитель председателя Йозеф Роупец и я. Около половины десятого в комнату, где мы сидели, ворвались двое неизвестных. У одного была рыжеватая борода. Он нам крикнул, чтобы мы подняли руки вверх. Сразу спросил, есть ли у нас оружие. Мы ему ответили, что оружия у нас нет, а я его еще спросил, в чем, собственно, дело. Вместо ответа он пнул меня в ногу, потом обратился к Кухтику с вопросом, кто жаловался на бабицкого священника Дрболу, что тот не участвовал в марше мира. Кухтик пожал плечами и ответил, что не знает, а из нас никто этого не делал. Как только он сказал это, террорист схватил стул и ударил Кухтика по спине. Потом он разбил лампу и радиоприемник и приказал нам выйти в коридор. Там нас заставили встать с поднятыми руками на лестницу, спиной к двум вооруженным террористам. Тот, что с бородой, стал нас опрашивать, как наши фамилии и какие должности мы занимаем. Сначала отвечал Богумир Нетоличка, а когда пришла очередь Роупца, бородач крикнул: «А кто здесь секретарь коммунистической организации?» Томаш Кухтик повернулся к террористу и сказал: «Это я!» Террорист тут же в него выстрелил, следом раздались выстрелы из автомата второго бандита. Я увидел, как упал Йожка Роупец, и сам почувствовал, что ранен в спину. Я сбежал со ступенек на площадку и там упал без сознания. Очнулся я только тогда, когда над моей головой наклонилась жена Кухтика, которая прибежала, услышав, что в школе стреляют...

Франтишек Блага, единственный из четырех бабицких активистов, пережил бандитское нападение. Коммунисты Кухтик, Роупец и Нетоличка скончались. Позже выяснилось, что кроме Малого и Митиски в операции участвовали сыновья Ан-

тонины Плихты, которые во время убийства охраняли вход в школу.

Бандитское преступление в бабицкой школе вызвало волну возмущения по всей стране. В район между Тршебичем и Моравске-Будеевице приехали десятки сотрудников КНБ и несколько частей народной милиции.

Пришло время положить конец терроризму.

Через восемнадцать часов после преступления в Бабице сотрудники органов безопасности нашли убежище преступников, которые забились в норы, как крысы, на ржаном поле около Лоуковице.

Бандитов окружили. Но прежде чем в деле террористической группы Малого была поставлена точка, между сотрудниками КНБ и террористами произошла перестрелка. Двое сотрудников, шедших по следам преступников, были ранены. О ходе этой схватки давал показания Митиска:

— В тот день, 3 июля, около четырех часов дня я вдруг услышал какие-то голоса. В это время мы четверо — Малый, братья Плихты и я — лежали на ржаном поле. Я лежал метрах в трех от Малого и тут же предупредил его, что кто-то идет. Он бросил мне автомат, пистолет и гранату. Потом мы начали стрелять туда, откуда слышались голоса. Окружившие нас тоже открыли огонь. При этом меня ранило в ногу и в бок. Автомат выпал у меня из рук. Тогда я стал стрелять из пистолета. Когда я увидел, что Малый и оба Плихты вдруг перестали стрелять и неподвижно лежат на земле, я понял, что это конец, и сдался...

Вскоре после этого были арестованы и те, кто помогал террористам в их преступной деятельности. Среди них были священники Паржал и Дрбола, которые в своей ненависти к социализму не задумываясь благословляли убийц.

3

В черном «форде», который направляется из Праги к Кутна-Горе, сидят преступники, для которых террорист Малый и его подручные стали примером. Печальным примером.

На границе кутногорского района «форд» останавливается. Мужчины выходят и заменяют номер, после чего машина снова трогается в путь.

— Где нас должен ждать Птак? — спрашивает Ландовский Йозефа Кабелку.

— На перекрестке у Храстне.

— На него можно положиться?

— Конечно. Так же, как на тебя или на меня. У него с этой бабой свои счета.

— Отлично, сегодня он с ней может рассчитаться.

— Только не Птак, его все в деревне знают. Он нам только покажет, где живет Квашова, а пойдешь к ней ты сам. Тебя она никогда в жизни не видела. Мы с Купилом останемся в машине.

— Ясно, так мы и договаривались...

Черный «форд» с новым номером приближается к Храстне. На перекрестке около деревни их ждет Йозеф Птак.

Они останавливаются и долго о чем-то договариваются.

Вечер, начало десятого. Храстна лежит в темноте, только в здании национального комитета да в двух-трех других домах еще горит свет.

В домике Квашовых уже легла спать двенадцатилетняя Яна. Но у ее матери дел еще полно. Вечером управлялась со скотиной, потом прибралась в доме, приготовила ужин, а теперь сидит над талонами на продовольственные карточки для смрковских и храстненских жителей. Она считает записанные данные и сравнивает их с теми, которые указаны в заявлениях некоторых крестьян о снижении поставок мяса и зерна.

Чувство возмущения охватывает ее, когда она читает имена тех, о которых точно знает, что они спекулируют мясом, мукой или яйцами и все-таки не стесняются писать заявление о снижении поставок.

Временами морщинистая, натруженная рука Квашовой берет карандаш и пишет на заявлении замечания. Завтра заявления будут разбирать на заседании комитета, и там Анна хочет сказать свое мнение. Так было и много раз до этого. О скрягах и эгоистах, о том, что они думают только о себе и забывают, что живут в обществе, которое хочет добра всем, кто трудится...

Завтра...

Завтра Анна Квашова уже никому ничего не скажет. Ни в национальном комитете, ни дома. Ни своей дочери Яне, ни сыну Карелу, который именно теперь, когда он ей так нужен, служит в армии. Ни своему мужу, который поехал на заработки в Прагу.

Завтра...

В тот день, 10 января 1952 года, неподалеку от домика Квашовой остановился черный «форд». С заднего сиденья сошел худощавый мужчина в глубоко надвинутой на глаза шляпе и направился во двор небольшого хозяйства...

О том, что случилось в следующие минуты, позже рассказала двенадцатилетняя Яна Квашова:

«После десяти вечера к маме пришел какой-то незнакомый человек. Сначала он дернул за ручку, но поскольку дверь была закрыта, он подошел к окну комнаты, где лежала я, и постучал. Когда я откликнулась и спросила, кто там, он спро-

сил, дома ли мама. Это уже услышала и она. Накинула на голову платок и пошла открыть дверь. Пригласила войти этого человека, а он уже в прихожей сказал ей, чтобы она скорее одевалась, потому что он должен отвезти ее в Прагу в секретариат партии. Мама спросила его, в чем дело, и попросила этого человека предъявить документы. Мне кажется, он показал ей какое-то удостоверение. Потом он сказал, чтобы она поторопилась, потому что им нужно еще заехать за каким-то Марешем. И что он пока пойдет сказать шоферу, чтобы раз-вернулся.

Когда тот человек вернулся, мама уже оделась. Она надела вишневое вельветовое платье, которое брат подарил ей на рождество, а на голову пестрый платок. Прежде чем надеть пальто, она предложила этому человеку поест ливерной колбасы с хлебом и сама завернула с собой завтрак. Еще я помню, что она положила в сумку паспорт и партийный билет.

Потом оба ушли...»

Черный «форд» с тремя мужчинами и одной женщиной выехал из засыпающей деревни. Он направился к Праге, но вскоре свернул с шоссе.

Анна Квашова с беспокойством смотрела по сторонам, потом потребовала от мужчин объяснения. Но вместо слов бандиты вытащили пистолет.

О том, что было потом, будет давать показания один из соучастников этого преступления, Йозеф Кабелка:

«Ландовский сказал Квашовой, зачем мы ее увезли. Он строго сказал ей, что мы будем ее судить. Но он не сказал ей, что она уже заранее приговорена к смерти.

Потом мы все молчали. Только я показывал Купилу, куда нужно ехать. Мы ехали по полевой дороге через Хлум на край Ратайского заповедника. Там я сказал Купилу, чтобы он остановился.

Ландовский вытолкнул Квашову из машины, а потом мы ее отвели в еловый лес. Примерно в пятидесяти метрах от леса Ландовский велел ей сесть на кучу хвой.

В это время у всех нас были в руках пистолеты, а Ландовский объявил Квашовой, что наш «особый трибунал» приговаривает ее к смертной казни за ее деятельность в коммунистической партии и в национальном комитете. Она настолько была этим потрясена, что не сказала ни слова.

Она не плакала и ни о чем не просила. Только молча смотрела.

А потом Ландовский выстрелил.

Я видел, что он попал Квашовой в голову. Видимо, она тут же умерла. Мы все сразу же побежали к машине. Я сменил на машине номера, и мы уехали в Прагу...»

«Особый трибунал». Действительно, особый — суд бандитов над честным человеком.

Настоящий суд, перед которым предстанут эти преступники, тоже будет заседать, хотя и спустя несколько лет.

Понадобилось пять лет для разоблачения и наказания участников этого жестокого убийства, хотя и в этом случае сотрудники органов безопасности делали все возможное для того, чтобы найти преступников как можно быстрее. По стечению обстоятельств это событие в Храстне произошло в то время, когда там действовала и другая террористическая группа, руководимая братьями Машиными. Эти бандиты предательски убили нескольких человек. Поиски именно этой группы сбили сотрудников органов безопасности со следа, по которому они пошли после убийства Анны Квашовой. Хотя...

Вскоре после убийства Анны Квашовой органы безопасности арестовали Йозефа Птака в качестве одного из подозреваемых. Это был именно тот человек, который когда-то первым произнес имя Анны Квашовой, когда заговорщики обсуждали, с кем пужно расправиться в первую очередь.

Но те, кто вели расследование, в то время ни в чем не могли уличить Йозефа Птака. У него было надежное алиби, подтвержденное несколькими свидетелями. Во время преступления он был в Сморке в трактире.

Действительно был, поскольку он свою роль в этом деле уже сыграл. Выяснил, что Анна Квашова дома, что в ее доме нет никого постороннего, а потом показал убийцам дорогу.

После трехмесячного расследования Йозеф Птак был освобожден.

Те, кто задумали и совершили преступление в еловом лесу, на некоторое время затаились. Убийца Ландовский в конце пятидесят второго года попытался бежать за границу, но был задержан и приговорен к заключению на несколько месяцев. Однако во время следствия по его делу об убийстве ничего нового не прояснилось. Террористам все еще везло. И в доме на Пльзенской, 80 вновь зрели коварные планы.

Еще не вернулся из тюрьмы Ландовский, а Кабелкова и ее муж уже готовили новые антигосударственные акции. На этот раз их внимание было направлено на саботаж на заводах. Они попытались еще найти оружие, запаслись взрывчаткой.

Однако дело об убийстве Анны Квашовой не было закрыто. Когда сотрудники органов безопасности выяснили, что случай в Храстне не имеет ничего общего с террористическими актами в районе Кутна-Горы и Колина, организованными братьями Машиными, снова вернулись к преступлению в еловом лесу. Данные собирали по крупицам. Йозеф Птак был первым звеном цепи, от которого шли связи к другим участникам преступления и ко всей террористической группе, возглавляемой Йозефом Кабелкой.

В начале 1958 года лица, принимавшие участие в убийстве Анны Квашовой, собрались все вместе. Но на этот раз не в доме на Пльзенской, 80. Дом, в котором они оказались, был обнесен высокой стеной, и окна в нем были забраны решеткой.

25—27 марта 1958 года в городском театре в Кутна-Горе состоялся суд. Перед подлинным судом предстали настоящие преступники.

Наказание соответствовало вине. Ландовский, Кабелка и Птак были приговорены к смертной казни, остальные к длительным срокам заключения. Тщетно они старались помешать коллективизации нашей деревни и свернуть народы нашей страны с пути строительства социализма.

«ДЬЯВОЛЫ» ДОКТОРА ПАСТОРА

Среди преступников, сколачивавших в республике банды террористов, было немало специально обученных агентов иностранных разведок, заброшенных на нашу территорию в основном в первой половине пятидесятых годов. Поэтому не случайно рядом с музейными экспонатами, повествующими о террористических актах, выставлены предметы и документы, связанные с деятельностью шпионов в Чехословакии, в том числе фальшивые паспорта, радиопередатчики, фотоаппараты, пистолеты, резиновые перчатки, фотокопии шпионских сведений, кусачки для проволочных заграждений. Когда-то эти предметы принадлежали агентам-ходакам. Пограничники, служившие тогда на границе, называли их «дьяволами». Об истории двух таких «дьяволов» в музее мы узнаем следующее.

1

В пятницу 7 августа 1953 года в Борованах около Ческе-Будеевице был арестован человек, имевший при себе паспорт на имя Йозефа Гахи. Судя по данным паспорта, его владелец родился 1.12 1922 года в Яловце, работает учителем и живет в Ческе-Будеевице, улица Чешская, 50. Фотография соответствовала личности арестованного. На первый взгляд, с паспортом у задержанного было все в порядке.

На первый взгляд...

В действительности же человек, сидевший перед следователем, не был Йозефом Гахой, да и остальные сведения в паспорте тоже были фальшивыми. Правильные данные арестованный продиктовал позднее при составлении протокола. В нем говорилось:

«Станислав Сосина, родился 24. 4 1920 года в Пршедборжице, район Милевско, служитель римско-католической церкви, по национальности — чех, чехословацкий гражданин, холост, последнее место жительства — Италия, Рим».

Когда следователь поинтересовался подробностями биографии задержанного, он услышал следующие показания:

«В Пршедборжице у Седльчан я закончил начальную школу и городское училище. Потом закончил шесть классов гимназии в Ческе-Будеевице, где в 1939 году получил аттестат о среднем образовании. С ноября 1939 года до сентября 1945 года я находился в Риме, где изучал философию и богословие. Затем вернулся в ЧСР и работал до октября 1947 года капелланом костела в Писеке. В это же время в течение года изучал частным образом теологию на богословском факультете в Праге. В сентябре 1948 года меня перевели администратором в Бенешов-над-Черной...»

2

Бенешов-над-Черной...

Когда-то это был оживленный пограничный городок. В 1930 году в нем насчитывалось около 1700 жителей. В то время когда сюда приехал Станислав Сосина, чтобы принять доверенный ему приход, здесь осталось всего 600 человек. По сравнению с довоенным временем эта цифра невелика, но вполне достаточна для того, чтобы Станислав Сосина начал осуществлять планы своей церкви, ради которых его, собственно, и перевели в Бенешов-над-Черной.

Ческе-будеевицкий епископ Глоуха, обсуждавший с ним вопрос о переводе из Тргове-Свини в этот приграничный город, не прибегал на этот раз к своим излюбленным иносказаниям. Он говорил Сосине откровенно:

— Для церкви, сын мой, наступили тяжелые времена. С коммунистами разговаривать стало трудно, и, если мы хотим сохранить церковь в этой стране, мы должны с ними бороться. Твое место будет на границе. Ты будешь помогать тем, для кого пребывание в этой республике станет невыносимым, и им придется уходить за границу. Нам нужно создать для них надежный путь, а твой будущий приход должен стать одной из первых станций на этом пути. Найди там среди верующих тех, кто предан нашему делу, и будьте готовы помогать нашим друзьям...

С такой миссией, а также с ненавистью ко всему, что происходило в республике после февраля 1948 года, администратор Станислав Сосина приезжает в Бенешов-над-Черной. И соответственно начинает действовать. Уже с первых дней своего пребывания в этом селе он устанавливает контакты с лицами, которые, как он полагает, думают так же, как и он. В протоколе значатся следующие его показания:

«Приехав в Бенешов-над-Черной, я стал подбирать среди верующих нужных мне лиц, с которыми в будущем смог бы решить задачи, поставленные передо мной епископом Глоухой. Первым человеком, с которым я установил тесный контакт, была Маркета ЕнтшEROва. Она регулярно посещала цер-

ковь, и я вскоре узнал, что к существующему государственно-му строю она настроена враждебно. Более тесную связь с ней я установил во время крещения ее последнего ребенка в январе 1949 года. Поскольку мне было известно, что после февральских событий 1948 года ее муж нелегально бежал за границу, я стал оказывать ей финансовую помощь. В течение 1949—1951 годов я передал ей около восьми тысяч крон и некоторые продукты: мясо, сало, масло, яблоки. Тем самым я привлек Ентшерову на свою сторону и мог уже ей полностью доверять. Она относилась ко мне так же. Через Ентшерову я познакомился поближе еще с одной женщиной, по фамилии Крейзлова, которая на упомянутых крестинах была кумой. С помощью этих двух женщин я впоследствии организовал первый нелегальный переход через границу. Это было в феврале 1949 года, когда туда перешли супруги Розсыпал.

В то время ко мне в приход пришел молодой человек, представившийся Борживоем Розсыпалом. Он сказал, что обращается ко мне от имени моего знакомого, священника Йозефа Ирана, и просит помочь ему нелегально перейти через границу. Как он сообщил мне, Ирана он знает еще по Праге, где они в 1947 — 1948 годах учились на богословском факультете. Розсыпал сообщил, что он оставил богословие, что в настоящее время его разыскивают органы безопасности и ему грозит арест за антигосударственную деятельность. Я устроил так, чтобы Розсыпал и его жена спрятались у Крейзловой, поскольку ее муж в 1948 году тоже бежал за границу и в доме свободного места было достаточно. Потом я попросил Ентшерову организовать переход за рубеж супругов Розсыпал при помощи ее мужа, который, как мне было известно, время от времени нелегально переходил границу, чтобы повидаться с семьей. ЕнтшEROVA пообещала мне сделать это. Действительно, через несколько дней, во второй половине февраля, эти люди были переведены через границу каким-то австрийским парнем, о котором мне известно лишь то, что он из Линца.

Постепенно круг моих помощников расширялся. К обеим женщинам добавился сначала почтовый служащий Ондражей Галачек, потом лесоруб Ян Эндлвебер и их жены. Особенно полезным для меня оказался Галачек. Впоследствии они вместе с Эндлвебером обеспечивали нелегальные переходы через границу многих людей. Среди них были, например, священники Штефан Нагалка и Ярослав Шубрт и двое студентов, которые их сопровождали. Галачек, работая на почте, располагал отличной информацией обо всем происходящем в деревне: что думают люди о готовящейся организации сельхозкооператива, как они оценивают политическое положение. Часто ему удавалось узнать и то, что обсуждалось на собраниях местной организации КПЧ. Я собирал у него подобные сведения и соответственно строил свои проповеди или же беседы с верующими...»

Каково было содержание этих проповедей, стало ясно позже из рассказов некоторых свидетелей. Станислав Сосина в бенешовской церкви не только открыто агитировал против организации кооператива, против коммунистов и членов народной власти, читал верующим издания антигосударственного содержания, но и всеми силами старался повлиять на настроения учеников местной школы в духе собственных реакционных взглядов.

Как показал один из свидетелей, Вацлав Кучера, Сосина наставлял детей в школе не принимать участия в воскресниках по уборке урожая. Тех, кто осмеливался ослушаться, он клеймил в проповедях в церкви или во время уроков закона божьего. На этой основе возник конфликт между священником и родителями этих детей, во время которого Сосина поносил наш государственный строй.

Но Станислав Сосина не ограничивался одними словами. Через Крейзлову он установил контакт с ее мужем — беженцем Крейзлом, который нелегально посещал Бенешов-над-Черной. На этих встречах Сосина передавал им сведения шпионского характера, предназначенные для Ватикана.

Естественно, что такое поведение бенешовского священника привлекло внимание жителей пограничной деревни. Они стали говорить об этом. Неудивительно, что вскоре Сосиной заинтересовались органы безопасности.

Но «дьявол в сутане священника», как кто-то в Бенешове называл Сосину, учитывал и такую возможность. Он уже давно договорился с Ондржеем Галачеком, что в том случае, если ему будет угрожать опасность, он уйдет за границу тем же путем, который он до сих пор использовал для своих друзей.

3

Станислава Сосину должны были арестовать 31 октября 1952 года. Но этого не случилось. Почему его не арестовали, он сам расскажет на допросе спустя десять месяцев:

«Вечером 29 октября 1952 года ко мне в костел пришел Ондржей Галачек и предупредил, что в ближайшее время меня должны арестовать. Он якобы подслушал на почте телефонный разговор, где шла речь о моем аресте. Мы условились с Галачеком о том, что в случае, если мне будет грозить опасность и я не смогу его найти, я уйду из деревни в лес и вечером того же дня мы встретимся на склоне горы Томаша. А оттуда пойдем к Эндлвеберу.

В пятницу 31 октября после обеда в Бенешов-над-Черной приехала машина госбезопасности. В это время я был в школе, куда и прибежала одна из моих прихожанок предупредить, что меня разыскивают. Я немедленно отправился к условленному месту. Вечером туда пришел Галачек, и мы вместе по-

шли в Черную долину к дому Эндлвебера. Это было примерно в десять часов вечера. После короткого разговора с Эндлвебером мы направились к государственной границе. Там я простился со своими проводниками, дал им примерно тысячу крон, которые у меня были с собой, и направился в Австрию».

Тогда, в конце октября 1952 года, Станиславу Сосине удалось избежать ареста. Но ненадолго. Он собирался снова вернуться в республику, чтобы пожать посеянные им здесь плоды.

И действительно, он вернулся, получив соответствующие указания, на этот раз не от епископа Глоухи, а от других лиц. Между тем прошел почти год, который у Станислава Сосины был заполнен деятельностью против своей родины. Но давайте проследим за делами Сосины после его нелегального бегства за границу.

4

Ноябрьский вечер 1952 года.

Из поезда, прибывшего на венский вокзал из Гмюнда, выходит мужчина с белым воротничком священника.

Это Станислав Сосина.

Так же быстро, как он добрался сюда от чехословацкой государственной границы, устраивает Сосина свои дела и в Вене. Ночь он проводит у одной из своих приходских овечек, которая несколько месяцев назад переселилась из республики в Австрию. Утром следующего дня он является в главную резиденцию австрийской епархии. Ее работники хотя и не встретили его с распростертыми объятиями, тем не менее выразили готовность оказать ему помощь. Правда, с одним условием: Сосина должен ответить на все интересующие их вопросы.

Бывший бенешовский священник охотно принимает это условие. В течение трех дней он рассказывает священнику, которого остальные называли «герр доктор», все, что этот «духовный отец» хотел слышать: о политическом и экономическом положении Чехословакии, об уборочной кампании на юге Чехии, о методах создания единых сельскохозяйственных кооперативов, о положении церкви в республике, о воинских частях и аэродромах, о новых мерах чехословацкого правительства по охране государственной границы. Пана доктора интересуют фамилии функционеров КПЧ, органов народной власти в районе Ческе-Будеевице, а также люди, не согласные с послефевральским режимом и готовые работать против него. «Духовного отца» интересует и многое другое, о чем Сосина ему с готовностью рассказывает.

«Герр доктор» исповедует Сосину, а человек в штатском, присутствовавший на всех их встречах, тщательно все записывает. Только потом бывший бенешовский священник узнает, что этот человек в штатском — представитель «американской католической епархии». Но пока Сосину это не особенно ин-

тересует. Свои сребреники за представленную информацию он уже получил: нижнее белье, мыло, зубную щетку и 300 шиллингов. За сведения, переданные «герру доктору», это низковатая плата. Но господа из епархии, видимо, знают, что делают.

Выяснив все, что требовалось, они передают беглеца из Чехословакии другому учреждению, которое тоже весьма интересуется информацией Сосины. Человек, представляющий эту организацию, назвался инженером Колманом. Он достает Сосине документы и организует переезд в Зальцбург. А там уже Станислав Сосина встречается со своим старым знакомым, мужем своей бывшей сотрудницы из Бенешова-над-Черной, Карелом Ентшером, а также знакомится с его шефом из так называемой «координированной разведслужбы НАТО» — доктором Пастором.

И вновь повторяется то, что было в Вене. С той лишь разницей, что доктора Пастора интересует более подробная информация Сосины о военных делах. И беженец буквально из кожи вон лезет. Он чертит планы военных объектов, на которых ему приходилось бывать, рассказывает об офицерах, пришедших служить на государственную границу, сообщает адреса лиц, на которых можно рассчитывать в случае антикоммунистического выступления. В отличие от венского «духовного отца» доктор Пастор более щедр. Сосина получает 100 марок наличными, а кроме того, агенты из «координированной разведслужбы НАТО» достают ему разрешение на выезд в Ватикан.

Говорят, что все плохое случается трижды. И в случае с Сосиной эта поговорка подтвердилась. На этот раз в Риме. Здесь он опять попал к «духовным отцам», теперь уже в лице монсеньора Бафилы из Ватиканского государственного управления, и к шефу ватиканского радиовещания на чешском языке иезуиту Фершту.

Для этих господ Сосине пришлось написать трактат почти на тридцати страницах, содержащий как церковные, так и светские данные. В этом докладе, по сути дела, было обобщено все, что Сосина рассказывал в Вене и доктору Пастору. А то, о чем он забыл написать, было дополнено во время бесед со священнослужителями.

И за эту услугу Станислав Сосина получает награду. Ему разрешено жить в чешском колледже Непомука в Риме, а со временем его переводят в католический дом Нативита.

Но там он не задерживается надолго. Уже через полгода Сосина каким-то образом получает из Чехословакии известие, что его мать серьезно больна и хотела бы встретиться с сыном. Иезуит Фершт, принесший эту весть, свое дело, видимо, знает хорошо и ждет решения священника. Он дает ему два дня на размышление и между делом напоминает, что если, мол, Соси-

на решит поехать к матери, то перед поездкой он должен встретиться с монсеньором Бафилой.

Сосина принимает решение, которое эти господа ждут и приветствуют. Тем более что с поездкой шпиона особых забот у них не предвидится. Все необходимое, связанное с нелегальным переходом Сосины, брала на себя «координированная разведслужба НАТО».

5

В середине июля 1953 года Станислав Сосина прибывает в Зальцбург, а вскоре после этого в Розенгейм и опять попадает в общество Карела Ентшера и доктора Пастора. На этот раз больше говорит доктор Пастор, а не священник. Он соглашается достать Сосине фальшивые документы, необходимые для пребывания в Чехословакии, но за это требует определенную услугу.

Сосина принимает предложение Пастора без размышлений.

А потом уже «дьявол в сутане священника» проходит тщательное обучение для того, чтобы выполнить поставленную перед ним задачу. Об этом говорится в его показаниях:

«В субботу 18 июля 1953 года доктор Пастор начал меня готовить для моей предстоящей работы в Чехословакии. Сначала он познакомил меня с тем, как сделать чернила для тайнописи с помощью квасцов, фруктового сока, молока, лимонной кислоты и бромистого калия, и объяснил мне, как ими пользоваться. Потом он научил меня фотографировать шпионские сообщения. После этого технического курса Пастор меня проинформировал, как «координированная разведслужба НАТО» будет связываться в Чехословакии с людьми, которых я во время своего пребывания завербую.

На следующий день доктор Пастор познакомил меня с порядком составления и шифровки шпионских сообщений. Для шифровки мы пользовались книгой Эрбена «Букет». Эту же книгу я должен был достать и для людей, которых завербую, и обучить их правилам шифровки. После изучения этих вопросов Пастор проинструктировал меня о деталях шпионских заданий.

Прежде всего мне предстояло организовать подпольную группу. В связи с этим я назвал ряд лиц, на которых, по моему мнению, можно было опереться, и мы договорились о кличке для каждого из них. Затем доктор Пастор изложил, какие сведения его интересуют в первую очередь. Они были из области промышленности и военного дела. Он интересовался металлургией и рудными шахтами, тяжелым машиностроением и электропромышленностью, химической и топливно-энергетической промышленностью. Другие вопросы, полученные мною от Пастора, были связаны с производством машин и самолетов. Не-

которые из данных я должен был сообщить лично ему сразу же по приезде из Чехословакии, другие должны были постепенно собирать люди, которых мне удастся завербовать для сотрудничества. От доктора Пастора я получил также адреса нескольких агентов, которых я должен был разыскать, чтобы передать различные поручения. Их имена я уже называл в прошлых показаниях.

На следующий день доктор Пастор стал проверять, насколько я понял и усвоил его инструкции. Вечером 20 июля он передал мне миниатюрные снимки шпионских заданий, которые мне предстояло выполнить, затем я получил небольшое увеличительное стекло для чтения фотоснимков, фальшивый паспорт на имя Йозефа Гахи, который я дополнил отпечатком правого большого пальца и подписал. В этот вечер доктор Пастор передал мне две вырезки из карты Южной Чехии и пограничной зоны Австрии, где мне предстояло перейти границу, компас, резиновые перчатки и кусачки для колючей проволоки. Наконец, я получил от Пастора 2300 крон в новых чехословацких деньгах и 30 марок. Кроме того, он обещал мне, что попытается найти какого-нибудь человека, который проводит меня к границе. В связи с этим он сообщил, что в настоящее время перейти нелегально на территорию Чехословакии гораздо труднее, чем тогда, когда я работал в Бенешове-над-Черной, так как пограничные части были значительно усилены...»

В ночь на 23 июля 1953 года священник переходит в Чехословакию, получив инструкции по ведению шпионажа.

«Дьяволу», снаряженному доктором Пастором, в эту июльскую ночь везло. Можно сказать, чертовски везло. Ему удалось ускользнуть от чехословацких пограничных дозоров и перейти на территорию республики.

6

Работать в Чехословакии Станислав Сосина начал там же, где и десять месяцев назад,— на хуторе у Эндлвебера. Тот позаботился о том, чтобы к Сосине пришла его верная овечка Маркета ЕнтшEROва, пришла не столько для того, чтобы получить известие от своего мужа, сколько для того, чтобы помочь Сосине установить контакты с единомышленниками. И ЕнтшEROва действительно сделала все, что было в ее силах.

Сначала она обеспечила Сосине пристанище в Боровани близ Тргове-Свини, а потом и безопасный переход в это убежище.

ДомиК двух одиноких борованских жЕнщин на несколько дней превратился в базу для осуществления шпионских целей Сосины. Отсюда шли указания в Ческе-Будеевице, в Суликов в Моравии и в Тргове-Свини. Сюда приходили бывший воспи-

танник францисканского монастыря Алоиз и борованский священник Сукдол, суликовский учитель и сестра епископа Глоухи. Приходили и другие лица, на которых Сосина рассчитывал. «Дьявол» раскидывал свои сети, соблазнял, обещал, угрожал, обучал, организовывал. Он вдруг совершенно забыл о своей больной матери и совсем не спешил в Милевско. Гораздо важнее для него было задание, которое ему дали монсеньор Бафила, иезуит Фершт и доктор Пастор.

Блокноты Сосины в эти дни разбухают от полученной информации, постепенно расширяется и круг людей, готовых в будущем работать на доктора Пастора...

Но всему приходит конец. Уже с момента нарушения чехословацкой государственной границы в операцию включились несколько десятков человек. Им становится известно, что преступник, перешедший границу неподалеку от горы Томаша, — это священник, ускользнувший от правосудия в прошлом году.

В пятницу 7 августа 1953 года в Боровани около Ческе-Будеевице был арестован человек, имевший при себе паспорт на имя Йозефа Гахи. Доктор Пастор и монсеньор Бафила хлопотали напрасно.

7

Со времени ареста Станислава Сосины прошло неполных три недели. Все еще идет август 1953 года.

В одном из домов на окраине Франкфурта-на-Майне в строго обставленной чердачной комнате сидят двое мужчин и ведут степенный разговор. Доктор Пастор угощает своего коллегу из американской разведслужбы коньяком, сигаретами и делится информацией.

— Я получил через Ватикан сообщение о том, что в Чехословакии арестован некий пастор, который должен был выполнить и наше задание. Похоже, что не выполнит...

— Ходок? — коротко спросил Аллен Браун, собеседник Пастора, имея в виду агента-пешехода.

— Да, ходок. Но в отличие от других подавал неплохие надежды. Интеллигентный человек, имевший широкие контакты со священниками не только в Южной Чехии, но и в Моравии.

— Но теперь, раз он попался, все контакты полетят к черту, доктор. Вы хотели что-то узнать?

— Вот именно! Когда вы в ближайшее время отправляете человека за «занавес»? И кого?

— В ближайшее время никого... Есть тут, правда, у меня один парень, который прошел курс полетов на шарах в Англии, но похоже, что он отправится не раньше чем через месяц.

— Значит, прилично подготовлен?

— Учитывая вложенные в него средства, вполне сносно. Мы рассчитываем, что он сколотит в Чехословакии группу надежных людей, которая будет заниматься, главным образом, военными вопросами.

— Это и нам пригодилось бы.

— Что пригодилось бы?

— Тот ходок, который уже не вернется, имел задание установить связь с одним человеком в Таборе, который довольно свободно разбирается в авиации. Этот человек законсервирован у нас с сорок восьмого года, и пока мы его не трогали. Теперь бы он нам очень пригодился, да вот пастор провалился...

— А вы хотели бы, чтобы направляемый нами человек выяснил, видал ли пастор вашего агента в Таборе?

— Неплохо бы.

Аллен Браун отхлебнул глоток коньяка из рюмки, закурил сигарету и важным тоном, не соответствующим его положению, сказал:

— Что касается меня, то я ничего не имею против. Но вам, доктор, конечно, придется договориться с Моравцем, которому подчиняется этот парень. Насколько мне известно, Бероун не так далеко от Табора, чтобы из-за этого возникли какие-либо проблемы. Кроме того, Моравец, может быть, и будет рад оказать вам услугу.

— Этот парень будет работать в районе Бероуна?

— Где-то в тех местах.

— Прекрасно. С Моравцем, я думаю, договоримся. А знаете, Браун, мне с вами хорошо работается...

Они разговаривали еще долго. В том числе говорили и о судьбе человека, который должен был приехать во Франкфурт-на-Майне, чтобы оттуда отправиться дальше на Восток.

8

До полуночи остается немногим более часа. А в лесах, раскинувшихся восточнее западногерманского пограничного городка Арцберг, у группы из шести человек еще полно работы.

Трое американских военнослужащих на склоне горы готовят к запуску небольшой шар, еще трое, в штатском, стоят перед военной палаткой и разговаривают.

— Можете готовиться, минут через пятнадцать полегите,— глуховатым голосом произносит мужчина, передавший перед этим Ладиславу Крживачеку штурманские принадлежности и метеорологическую карту.— Кажется, полет будет удачным. Часа через три приземлитесь. Не забывайте только следить

за высотой. Тысяча шестьсот метров, не больше и не меньше.

— Понятно, Вилли. Тысяча шестьсот, не больше и не меньше. Ну, пока!

Вилли дружески хлопает Крживачека по плечу, а третий из штатских, Аллен Браун, протягивает ему руку:

— Ни пуха ни пера, Лацо! И не забудь про голубей. Идашека пошлешь сразу же, как приземлишься, а Златоглавека — когда немного осмотришься и определишь место посадки.

— Ясно, Браун. Ну, я пойду.

Ладислав Крживачек усаживается в небольшую корзину под шаром. Через несколько минут солдаты отвязывают канаты. Шар устремляется вверх и берет направление на восток. Сидящий в нем человек таким путем возвращается в страну, где он родился двадцать два года назад.

Родился Крживачек под знаком Скорпиона 31 октября 1931 года. Ровно через двадцать лет, тоже в октябре, он бежал из Чехословакии на Запад. И вот теперь, спустя два года, в последний день октября, он вновь возвращается в республику.

Аллен Браун, готовивший его для этого путешествия, утверждал, что люди, рожденные под знаком Скорпиона, — дети фортуны. У них, мол, выходит все, за что они принимаются, потому что они отважны и хитры.

Когда Ладислав Крживачек впервые услышал эти слова Брауна, он сразу им поверил. Но теперь, когда он никак не может избавиться от неприятного ощущения где-то в груди и временами в горле, он начинает сомневаться в их достоверности.

«Это, наверное, просто слова, которыми Аллен пытался придать мне уверенности, — думает Крживачек. — Если бы я действительно был дитя фортуны, то не лишился бы в семь лет отца. И наверное, не сидел бы сейчас в этой проклятой скорлупке, которая тащит меня бог знает куда. Конечно, это были просто слова, хотя... Фактом, однако, остается то, что кое-что в моей жизни могло бы сложиться еще хуже. Когда отец в тридцать восьмом году умер, меня взяла к себе бабушка. И мне с ней жилось неплохо. Она дала мне все, что могла. Дала, несомненно, больше, чем в то время могла дать мне мать. Да и торговую школу я закончил благодаря бабушке. А потом стал служащим славной бироунской больничной страховой конторы. Это, конечно, не бог весть что! Хорошо еще, что в то время у меня была своя скаутская компания и был еще аэроклуб. Это хоть чуточку поддерживало интерес к жизни. Там я познакомился с Иркой Ржигой и еще несколькими ребятами, которым жизнь при коммунистической диктатуре не нравилась так же, как и мне. Они не признавали ее. Не могли признавать, потому что она лишила их возможности заниматься предпринимательством. Всех нас лишила возможности найти себе применение — дантиста Климека,

Поспишила, у которого была своя авторемонтная мастерская, дочь аптекаря Иржину и меня тоже. Уже служа в своей конторе, я все поглядывал, не подвернется ли где какой бизнес. А при моих способностях я вполне мог бы этим заняться, но после сорок восьмого года с частной торговлей стало плохо, и мне не оставалось ничего другого, как распределять больничные пособия. Противная подешщина. И разве удивительно, что я оттуда сбежал? От больничных листков и из республики вообще... Мы направились с Иркой Ржигой на Запад. И нам повезло, что на границе нас не схватили. Но потом...»

Потом за границей удача отвернулась от Ладислава Крживачека. Его представления о жизни на Западе растаяли как осенний снег. Вместо свободного предпринимательства, на поиски которого он отправился, ему предложили работу в лесу или в карьере. Это при его-то образовании и способностях...

Но об этом теперь, во время своего путешествия на воздушном шаре, Ладиславу Крживачеку думать не хотелось. Ничего приятного в этом не было, и вспоминать об этом он не любил.

Не любил... И все-таки скоро этот безрадостный период своей жизни ему придется воскресить во всех подробностях. Сделает он это перед следователем, когда будет давать показания. Кроме всего прочего, он сообщит:

«...А потом западногерманская полиция передала нас американцам. Они сначала взяли у нас отпечатки пальцев, сфотографировали, а затем приступили к допросам. Нас расспрашивали о личной жизни, о родственниках, о взаимоотношениях на работе и по месту жительства, о том, что мы знаем о военных объектах, и о многом другом. Меня спрашивали об аэродромах, поскольку я был членом аэроклуба.

Это продолжалось несколько дней, а потом нас передали в лагерь для беженцев «Война». Там нас опять стали расспрашивать журналисты, которые говорили, что они из радиостанции «Свободная Европа». Может быть, они действительно были оттуда, но их вопросы подозрительно смахивали на те, на которые мы уже отвечали американцам. Мы с Ржигой искали хоть какую-нибудь работу и попросили журналистов нам помочь. Только все было напрасно. Потом начальник барака сказал, что одной строительной фирме нужны рабочие. Мы пошли туда, но от нас потребовали документы и водительские удостоверения. Однако эти документы американцы отняли у нас при первом же допросе. Мы стали их искать, и тогда нам сказали, что эти документы уже ликвидированы и нам нужно в немецкой полиции получить новые. При этом мы познакомились с парнем, которого звали Ярда. Он предложил нам работать на американцев. Мы спросили, какую работу от имеет в виду, и он намекнул нам, что мы могли бы работать на одну шпионскую группу, которой руководит бывший чехословацкий генерал Моравец. Когда мы согласились, он рассказал нам

подробности. Сказал, что мы пройдем специальный курс обучения, а потом нас с определенным заданием пошлют обратно в республику. Мы подписали заявления и с той поры стали получать 20 марок в неделю до конца января 1952 года, когда меня отвезли в Сонтхофен на курсы разведчиков.

Эти курсы назывались Отто-II, руководил ими американец, который представился нам как Джеймс Гранвилл. Но само обучение вели инструкторы-чехи из шпионской группы Моравца. Во время обучения нас учили обращаться с bussолью и картой, ориентироваться на местности, закладывать сообщения в тайник и доставать их оттуда, писать донесения о наблюдаемых объектах; мы учились фотографировать, обращаться с передатчиком и стрелять из пистолета, винтовки и автомата.

Обучение продолжалось до сентября 1952 года. Потом нас перевели в Дизбург, где мы должны были ждать инструкций. При этом нас учили преодолевать различные препятствия, пользоваться надувными лодками и скафандрами, мы изучали организацию чехословацкой армии, воинские звания и вооружение.

В конце октября в Дизбурге меня вызвал начальник шпионской группы Моравец и спросил, чувствую ли я себя достаточно готовым для предстоящей заброски в Чехословакию. Я ответил, что готов. Он стал меня расспрашивать, как я знаю Прагу, кто у меня там есть из друзей, к которым я смог бы обратиться. Я сказал, что Прагу знаю, но люди, которые могли бы спрятать меня, живут только в районе Бероуна. Потом Моравец мне сказал, что сначала меня отправят в республику для проведения какой-то акции. Но этого не случилось. Не знаю почему. Наверное, раздумали, потому что, как мне потом сказал Браун, меня хотели использовать, учитывая мои успехи на курсах, для более крупной операции.

Аллен Браун приехал ко мне уже в Дизбург и сказал, что он мой начальник. Я с ним встречался каждый день, и однажды он сказал мне, что скоро я отправлюсь в Чехословакию. До этого мне предстояло закончить в Англии курсы полетов на воздушном шаре.

Вскоре мы с Брауном действительно улетели в Англию. Я получил заграничный паспорт на имя Йозефа Каплана и американские документы на имя Лацо Конрада. Неделю мы жили в Лондоне, а потом я стал тренироваться на воздушном шаре на аэродроме в Бедфорде.

В течение месяца я знакомился с метеорологией, теорией полетов, с правилами обращения с воздушным шаром и с навигацией. Я самостоятельно совершил шесть тренировочных полетов.

В середине августа 1953 года мы улетели обратно в Германию. Меня отвезли во Франкфурт-на-Майне. Там я получил точные указания, что буду делать в Чехословакии. Главной моей задачей было организовать в районе Бероуна подполь-

ную антигосударственную группу, инструктировать ее членов таким образом, чтобы они были готовы выполнять шпионские задания. Прежде всего речь шла о сведениях военного характера.

В том случае если такую группу организовать не удастся, я должен был сам получить информацию о военных объектах и аэродромах в Западной и Северной Чехии. Потом мне нужно было найти некоего Роберта Глобила в Таборе, передать ему таблицы с шифром и установить с ним сотрудничество.

Кроме того, на территории республики я должен был заложить ложный тайник. В случае ареста без шпионских сведений я должен был говорить, что в республике я первый день и что моей задачей было забрать сведения из тайника...»

Все это Ладислав Крживачек скоро будет рассказывать. А пока что он даже не подозревает, что его ждет. Он сидит в корзине воздушного шара, который плывет октябрьской ночью на юго-восток. Люди на государственной границе пока что не подозревают о том, что ее пересек еще один «дьявол» доктора Пастора.

9

До рассвета остается два часа, когда шар с Ладиславом Крживачеком приземляется на лугу неподалеку от села Добржина в районе Роуднице-над-Лабой. Несколько дальше, чем рассчитал Вилли. Но это идеальное место для человека, попавшего в эту страну нелегально. У него есть достаточно времени для того, чтобы замести следы.

Сначала Крживачек разминает затекшее тело, а потом достает из коробки голубя.

— Лети, Идашек, пусть там знают, что мы добрались счастливо, — довольно говорит Крживачек и быстро собирает вещи. Навигационные приборы, карты, передатчик. Портфель, из которого он предварительно достал пистолет и кинжал, он кладет рядом с шаром, который останется на лугу там, где он приземлился. В его корзине вместо балласта находятся пачки с литературой, чтобы обмануть органы безопасности, которые должны принять шар за один из тех, которые засылают из Баварии на территорию республики с антикоммунистическими листовками.

Ладислав Крживачек очень доволен. Теперь остается только сориентироваться, отправить второго голубя, спрятать передатчик — и к Бероуну.

«Да, Аллен Браун все-таки был прав, — думает Крживачек, стоя перед дорожным указателем, из которого следует, что он находится в нескольких километрах от Роуднице-над-Лабой. — Люди, рожденные под знаком Скорпиона, действительно дети фортуны. Самое плохое уже позади. Теперь около Бероуна я

найду несколько человек, расскажу им, что и как, съезжу в Табор, а потом отправлюсь обратно во Франкфурт, где меня ждут конверт с марками и несколько недель беззаботной жизни».

Так думает Ладислав Крживачек, сидя утром в автобусе, направляющемся в Кладно, и потом, когда идет пешком к Нижбору.

На самом же деле все обернется совсем по-другому. Это следует из показаний Ладислава Крживачека:

«В Нижборе я хотел остановиться у Ярды Гурны, с которым встречался до своего отъезда за границу и который, как мне было известно, новый режим не любил. Но прежде чем попасть к Гурне, я случайно неподалеку от Унгоштя встретил другого своего знакомого — Миру Крчмаржика. Это было не слишком приятно, поскольку Крчмаржик знал, что я бежал из республики, и, насколько мне было известно, являлся коммунистом. Как только мы сказали друг другу несколько фраз, он сразу стал убеждать меня пойти вместе с ним в органы безопасности. Я отказался и, чтобы поскорее избавиться от него, пообещал, что сделаю это, но сначала хочу повидаться со своей матерью. Он, наверное, мне не поверил, потому что, когда мы расставались, прямо сказал мне, что все равно куда следует сообщит обо мне. Я учел это обстоятельство. Неподалеку от места нашей встречи я заложил ложный тайник, чтобы в случае ареста сказать, что оттуда я должен забрать информацию.

Потом я пошел в Нижбор и вечером разыскал Гурну. Ему я сказал, что приехал из-за границы, и попросил на время спрятать меня. Гурна не возражал, но его родители об этом и слышать не хотели. У меня было достаточно денег, и я пообещал за эту услугу хорошо им заплатить. Но они все равно отказались. Наконец я уговорил их позволить мне переночевать хотя бы на чердаке. За эту услугу я дал Гурне тысячу пятьсот крон, рассчитывая тем самым так связать всю семью, чтобы они по крайней мере не сообщили обо мне органам безопасности. Они действительно не сообщили, тем не менее поведение людей, на которых я рассчитывал, меня поразило. Это касалось не только Гурны. Когда я потом нашел других людей в районе Бероуна, которых планировал завербовать, я повсюду встретил негативное отношение. Тут я понял, что за прошедшие два года, пока я жил за пределами республики, мышление людей изменилось. Те, кто раньше ругал коммунистов и выступал против новых порядков, теперь стали другими. Пришлось мне изменить свой первоначальный план и начать выполнять второе задание — собирать сведения о военных гарнизонах в Западной и Северной Чехии. На этот случай Браун дал мне один адрес в Кадани, куда я должен был переместиться после выполнения задания в Бероуне и Таборе. В этот город в Южной Чехии я съездил, но Глобил по указанному

адресу давно не жил. Из Кадани меня через ГДР должны были переправить в Западную Германию.

Тем не менее в Кадани все получилось удачно. Я поселился в квартире Франтишека Шестяка, постепенно перенес туда передатчик и остальные вещи, которые я спрятал около Роуднице. Потом начал собирать сведения. Я объезжал различные места и аэродромы и по вопроснику, полученному от Брауна, собирал необходимые данные. Так продолжалось до 14 ноября 1953 года.

Закончив сбор информации, я при помощи передатчика связался со своим Центром и получил указания о том, каким образом меня переправят через границу.

Ночью 14 ноября я уехал в Теплице, где меня ждал проводник. Он отвел меня куда-то в район Циновца, где я должен был переждать два дня. 16 ноября во время перехода границы нас арестовали...»

Эти показания Ладислав Крживачек даст во время первого допроса. Потом он расскажет следователю другие подробности: о шпионской подготовке на курсах, о встрече с доктором Пастором, о своих действиях на территории нашей республики. Из всего этого следовало, что шпионская группа бывшего чехословацкого генерала Моравеца уделила обучению Крживачека исключительное внимание и не жалела на его подготовку средств. Однако из этого ничего не вышло. Все шпионские знания и способности Крживачека, которые так ценились во время учебы, после непродолжительного пребывания на территории нашей республики оказались бесполезными.

И второй «дьявол» доктора Пастора не вернулся назад. А когда потом последовали другие провалы, от услуг доктора Пастора «координированная разведка НАТО» вообще отказалась. Вместо него пришли другие пасторы. Их «дьяволы» перестали летать на нашу территорию на шарах. Но с лица земли они не исчезли. Они остались. Остались и вопросники, по которым сосины и крживачеки пытаются собирать информацию. Но шансов на успех у них не больше, чем у «дьяволов» Пастора.

И. Прохазка
РАССКАЗЫ

«ОХОТА НА ЛИС»¹

1

Над крышами, посеребренными ночным февральским морозцем, трепетал отдаленный, еле слышный звук кларнета.

Городок спал. Узкие дворики и улицы были испещрены причудливо переплетенными тенями деревьев палисадников и аллей. Неяркий свет уличных фонарей, делавший эти тени нечеткими, расплывчатыми, тускло поблескивал в грязных лужах, расползшихся по черной неровной мостовой. Темноту ночи сгущал холодный туман, отчего пятна луж становились почти невидимыми; фонари торчали из ночной мглы словно маяки.

Невесть откуда неожиданно вынырнула фигура человека, похожая на призрак, медленно плывущий среди загадочных теней. Он то освещался на мгновение светом уличного фонаря, то исчезал во тьме.

Казалось, шел не человек, а его тень. Шел на звук кларнета, который явно притягивал его к себе. Временами звук терялся в пространстве, мелодия пропадала, но через секунду снова слышалась за ближайшим домом.

Неожиданно она исчезла совсем.

Из широких окон здания местного спортивного клуба «Сokol» на тротуар падали два оранжевых прямоугольника света. Человек замедлил шаг и, войдя в один из них, остановился как вкопанный. С минуту он стоял неподвижно, как бы выжидая, но потом, словно решившись, быстро повернулся и поспешно шагнул в темноту.

¹ Вид состязания радиолюбителей, в ходе которого ведется поиск замаскированных передатчиков, периодически выходящих в эфир. — *Прим. пер.*

Ни звук отлетевшего в сторону камешка, ни глухой стук каблуков по мостовой не выдали неизвестного. Тишина стояла глубокая, и ничто не нарушало ее.

Из-за почетного стола с подчеркнутой степенностью поднялся инженер Чадек, еще довольно стройный мужчина лет пятидесяти, с заметным пивным брюшком и с вечной улыбочкой на интеллигентном лице. Он огляделся по сторонам, поднял фужер и замер, ожидая, пока присутствующие проникнутся важностью момента и прекратят разговоры. Сегодня здесь собрались почти все жители этого маленького пограничного городка, ибо считалось признаком хорошего тона посетить первый бал, устраиваемый по случаю Масленицы.

В другом конце зала Чадек увидел вихрастую голову председателя районного комитета коммунистической партии Богумила Кршижа. Рядом с ним белело пятно блузки его дородной жены Марии. Вместе с ними сидел также старый Свобода, мастер с завода Чадека по производству охотничьих ружей, со своей дочерью Бланкой. Они сидели далековато от почетного стола, но это не имело особого значения.

Инженер Чадек вдруг спохватился, что пауза, которую он себе позволил, слишком затянулась. Еще миг — и он упустит момент. Чадек приподнял фужер еще выше. Движение это было хорошо продумано и отрепетировано — рукав смокинга совершенно естественно чуточку сполз и обнажил ослепительно белую манжету рубашки с маленьким бриллиантом в золотой запонке.

— Позвольте мне, дорогие друзья, от имени местного охотничьего союза приветствовать вас на нашем балу. Я очень рад, что наш первый в этом году бал стал именно охотничьим. Желаю всем вам большого и хорошего отдыха, чтобы все вы без различия политической принадлежности и членства в обществах и союзах от души повеселились здесь. Вы, конечно, знаете, друзья, что в Праге сейчас обстановка сложная, наши политические деятели немного, так сказать, спорят и ругаются. Но нам-то что до этого? Все мы здесь в пограничье, прежде всего чехи, патриоты, а сегодня, кроме всего прочего, еще и охотники. Поэтому разрешите поднять бокал за успех нашего сегодняшнего вечера, которому мы придали особый, символический характер — «охота на лис», — и пожелать нам, мужчинам, чтобы каждый из нас сегодня поймал лисичку. Итак, за ваше здоровье!

Инженер осушил свой фужер, но не сел, а, покручивая в пальцах его длинную ножку, снова бросил взгляд на поднятые над центром стола рюмки, посмотрел на разноцветные гирлянды из креповой бумаги и зеленой хвои и, почувствовав,

что скованность и робость находящихся в зале еще не прошли, скомандовал:

— Капелла, музыку! Все в круг — и счастливой охоты!

Музыканты поспешно поставили под стулья недопитые рюмки, взяли инструменты; труба преждевременно взвизгнула и тут же стыдливо умолкла.

За столом Чадека, справа от него, сидел председатель районного национального комитета социал-демократ Брунцлик с женой, слева — жена Чадека Инка. В своем модном, с серебристым отливом, вечернем платье она выглядела среди этой деревенщины весьма эффектно. Но разве этот паршивый вечер мог заменить ей незабываемые балы довоенных времен, романтическую атмосферу, царившую в залах с прекрасными хрустальными люстрами, танцы на натертом до блеска паркетном полу, первое объяснение в любви, блестящих и остроумных танцоров, к которым относился и Риша Чадек?

Его жена Инка... Уже не та девочка в тюлевом платьице, с камелией в волосах, а женщина, в полной мере осознающая свою зрелую красоту и превосходство над другими в рамках этого маленького, захолустного городка. Со стороны казалось, что она почти не слушает своего мужа, переговариваясь с соседом по столу, штабс-капитаном Кристеком, начальником районного военного комиссариата. Этот местный селадон кружил вокруг нее, как шмель около распустившейся шляпки подсолнечника, и без конца жужжал.

Чадек решился как-то сразу. Он встал, выпрямил спину, немного втянул живот и направился в противоположный угол зала. По пути он обогнул несколько столов, ловко увернулся от танцующих пар, внявших его призыву, и остановился около Богумила Кршижа.

— Разрешите, товарищ председатель? — дружески улыбнулся он Кршижу и потом элегантно поклонился Марии: — Разрешите пригласить вас на танец, товарищ Кршижова?

Слово «товарищ» слетело с его губ так естественно, что Мария тут же встала и взяла Чадека под руку.

Оркестр уже разыгрался, музыка звучала громко и бодро, так что поймать ритм и энергично повести полную партнершу инженеру не представляло особого труда.

Когда Чадек в танце приблизился к своему столу, он поймал взгляд Инки. Иронический, насмешливый.

Красавица пани Инка, пик расцвета которой был на исходе, была обречена на медленное увядание в этом провинциальном городке. Пока еще она каждый день ловила на себе любопытные взгляды прохожих и, испытывая неутихающую настойчивость штабс-капитана Кристека, была глубоко оскорблена.

Инженер Чадек снова увел свою партнершу на другую сторону зала, но и там его не ждало ничего хорошего. Богумил Кршиж нахмурившись сидел над кружкой недопитого пи-

ва и что-то говорил фрезеровщику Йозефу Свободе, председателю профсоюзной организации на заводе Чадека.

Быстро сориентировавшись, Чадек предпочел присоединиться к другим парам в центре зала и запел вместе с ними:

В лес на охоту
Пошел молодой охотник...

Весь зал дружно подхватил эту песню.

— Всем танцевать, ребята, всем! — крикнул Чадек тем, кто еще сидел за столами.

Он так кружил Марию, что у нее дух захватывало. Да и у него самого на лбу выступили капельки пота, лицо побагровело больше, чем обычно. Но он мужественно выдержал до конца. Подведя Кршижову к столу, он поклоном поблагодарил ее мужа и устало побрел к своему месту.

— Ты меня удивил, — шепнула ему Инка на ухо, когда он тяжело опустился возле нее на стул и начал вытирать белым платком вспотевший лоб.

— Тебе этого не понять, дорогая, — усмехнулся Чадек и закурил сигарету. — Это тактика, ясно? С врагами тоже надо уметь работать.

Пани Инка усмехнулась; ей были хорошо известны подобные дешевые фразы мужа — их она уже давно не воспринимала всерьез.

Оркестр заиграл новую мелодию. Чадек подумал, что теперь пора потанцевать и с Инкой. Он бросил в пепельницу сигарету и уже собрался встать, но пани Инка его опередила. Повернувшись к мужу спиной, она с очаровательной улыбкой произнесла:

— Не пойти ли нам потанцевать, пан штабс-капитан?

Кристек вскочил, щелкнул каблуками и с сияющим видом повел свою соседку в центр зала. Чадек не рассердился. Он с явным облегчением воспринял преподанный ему урок, опять тяжело опустился на стул и вытащил из серебряного портсигара новую сигарету.

Оркестр заиграл танго. В исполнении духовых инструментов, привыкших к полькам и вальсам, оно звучало не лучшим образом, однако танцующим нужно было перевести дух после зажигательного танца «Охотничек». Многие пары вернулись к своим столам, официант выставил на столы новые пивные кружки.

На противоположных концах зала одновременно встали два молодых человека и направились к одному и тому же столу. Это были Карел Мутл, токарь с завода Чадека, и старший вахмистр Корпуса национальной безопасности Ян Земан. На этот раз Земан был не в военной форме, а в темном гражданском костюме. Примерно на полпути оба мужчины посмотрели друг на друга. Оба шли к столу, за которым сидели члены ру-

ководства районного комитета КПЧ и молодежная активистка Бланка Свободова.

В то время как Карел Мутл, обходя несколько столов, задержался около двух подвыпивших старичков, Земан шел напрямик, не останавливаясь. Поэтому он первым пригласил Бланку Свободову на танец.

Карел Мутл отстал от него всего на два шага. Застигнутый врасплох и обескураженный улыбкой Бланки, с которой она кивнула Земану, Карел сначала остановился, но тут же гордо вскинул голову и пошел к стойке бара.

— Одну двойную, — показал он на бутылку с дешевым коньяком.

Официант исполнил просьбу Карела. Тот опорожнил рюмку и тут же попросил налить еще. Старый Свобода, отец Бланки, работавший вместе с Карелом на заводе, заметил это, подошел к стойке и сказал:

— Поосторожней, Карел, советую попридержать шляпу, а то ты поехал слишком быстро.

Однако Мутл резко бросил:

— Я пока еще стою на ногах и пью за свои деньги!

Между тем музыка умолкла, пары остановились в ожидании следующего танца. После медленного танго наверняка теперь последует какая-нибудь бешеная полька. Поэтому гости старались набраться сил, глубоко вдыхая пропитанный сигаретным дымом воздух.

И тут от стойки бара, пошатываясь, в сторону музыкантов направился Карел Мутл. Опершись рукой о перегородку перед оркестром, он ударил сотенной бумажкой о дирижерский пульт.

— А теперь одну для меня! — потребовал он. — Соло вон для той прекрасной пары! — Он показал на Бланку и Земана, которые вместе со всеми стояли в ожидании нового танца, поднял руки над головой и пьяным голосом запел:

Вижу я, стоит красotka
На углу у перекрестка...

Музыканты моментально с большой охотой подхватили мелодию. Люди в зале поняли замысел Карела и теперь, образовав вокруг Земана и Бланки круг, с интересом ждали, как развернутся события.

Земан не знал этой песни и, ничего не подозревая, с улыбкой обнял Бланку за талию, чтобы пуститься в пляс. У песенки был быстрый веселый ритм. Ноги сами отрывались от пола, сердце трепетало от радости, а душа пела: смотрите, какие мы оба молодые, как нам хорошо танцуется вместе!

Только я к ней подбежал,
Как жандарм меня поймал...

Этого момента все ждали. Ну и смех поднялся, животики надорвешь! Все-таки этот Карел — большой озорник. Вы только посмотрите на этого перепуганного хранителя безопасности государства! А какой он важный, когда надевает форму! Совсем не то, что сейчас!

И вы, люди, не видали,
Как он потерял...

Земан резко остановился, увидев перед собой довольные, смеющиеся лица. Вскипевшая от злости кровь ударила в виски. Он даже не заметил, как Бланка в смущении выскользнула из его рук, прорвала окруживший их круг и исчезла где-то в середине зала. Земан побледнел, сжал кулаки и бросился на Мутла. Но тот был готов к этому. Парни яростно вцепились друг в друга.

В этот момент слышался спокойный, решительный голос:

— Что здесь происходит, товарищи? Прекратите драку! Разойдитесь!

Толпа сразу расступилась.

Никто не видел, откуда появился Лойза Бартик, невзрачный очкарик в форме сотрудника госбезопасности, которая никак не сочеталась с его тщедушной фигурой.

Он подошел к разгоряченным мужчинам и, ко всеобщему изумлению, быстро и решительно разнял их.

2

Земан и Бартик молча вышли в студеную февральскую ночь. Ян на ходу застегнул пальто, поднял воротник и со злостью засунул руки в карманы. Он пришел в себя на свежем ночном воздухе, и ему вдруг стало стыдно за все, что произошло, за ту ярость, с которой он бросился на пьяного Карела.

Но разве мог он поступить иначе?

У него было такое ощущение, что Карел Мутл оскорбил не только его лично, он оскорбил память о его отце, он оскорбил и майора Калину, прекрасного человека, участника революционной войны в Испании, который и рекомендовал Земана в Корпус национальной безопасности. Он оскорбил и старого подпоручика Выдру, с которым Земан уже столько пережил в этом пограничном районе, и его друзей — парней из дежурного полка КНБ, которые отдавали жизни в борьбе с головорезами из банд Бандеры, бежавшими через территорию Чехословакии на Запад.

Не прошло еще и трех лет с тех пор, как товарищ Земана по концентрационному лагерю старый коммунист Вацлав Калина уговорил его подписать заявление о приеме в органы госбезопасности. Земан долго колебался. Он никогда не лю-

бил форму и муштру и охотнее всего вернулся бы к станку на заводе, к спокойной жизни там, дома, на Высочине. Но после смерти отца, которого в первые послевоенные дни, когда он нес патрульную службу, застрелил один из фашистских приспешников, Ян Земан понял, что борьба еще не кончилась, что бой за ту справедливую, новую республику, о которой он мечтал, лежа на лагерных нарах вместе с Вашеком Калиной и доктором Веселым, только начинается. Он понял это и потому подписал заявление.

В течение почти трехлетнего периода службы на границе у него не было времени найти себе девушку, влюбиться, потанцевать, посидеть где-нибудь с молодыми ребятами... При этом надо заметить, что Земан несколько не был хуже их: рослый, узкий в талии и широкий в плечах, мускулистый, с волнистыми волосами и круглым славянским лицом, часто озаряемым мальчишеской улыбкой. Эта улыбка настолько была свойственна Земану, что в минуты гнева его лицо сразу становилось чужим, таким несовместимым со всем его существом, что казалось, будто он одолжил его у другого человека. Вообще же выражение лица Земана никак не вязалось со строгой формой, которую он носил, но, вступив на этот трудный и опасный путь, он старался служить честно и добросовестно, так же, как до этого честно выполнял всякую другую работу в своей жизни.

И над всем этим Карел Мутл хотел посмеяться?!

Стажер Лойза Бартик, этот неоперившийся еще цыпленок, который шел рядом с Земаном, не выдержал молчания и спросил:

— Ты бы на самом деле стал с ним драться, Гонза?

Земан еще с минуту шел молча, потом ответил:

— Не знаю... Если бы ты не пришел... Какой же он дурак!.. А кто тебя послал? — спросил он неожиданно и даже почти остановился, удивленный тем, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше.

— Наш новый!

— Что? Неужели он уже прибыл? И сразу приступил к работе?

— А как же! Прямо на вокзале. Выдра встретил его с вечерним поездом и тут же получил втык.

— Злюка?

— Еще какой! Хотел выбросить мою радиостанцию со всеми деталями. Это, видите ли, не положено здесь иметь, и он не потерпит здесь свинарник, — жаловался Лойзик с обидой в голосе.

— Ничего, спесь с него быстро слетит, — успокаивал Земан Бартика. Злость его уже прошла, и мысли были теперь заняты совершенно другим. — Через недельку эта сонная дыра затянет его, — продолжал он, подходя к зданию КНБ, — и наш новый начальник, как и Выдра, начнет интересоваться тем,

где и у кого сегодня забивают свинью, где играют в карты, и другими подобными вещами. В конце концов из него получится совершенно обычный районный начальник, вот увидишь...

Они миновали неосвященный коридор районного отдела КНБ, и где-то за их спинами, как теплые, золотые капли, скатились последние глухие звуки бального кларнета.

Посреди строгой канцелярии стоял высокий стройный мужчина, заложив руки за спину. Он немного свысока взирал на вошедших и едва заметно раскачивался на носках. Форма надпоручика КНБ сидела на нем безукоризненно, это Земан и Бартик определили с первого взгляда. На груди его они сразу же увидели орденские колодки военных наград. Одним словом, перед ними стоял прирожденный военный человек. Когда он говорил, голос его разрывал воздух, словно бич. Недалеко от него, чувствуя себя явно неудобно, ежился бывший начальник отдела подпоручик Выдра.

— Как вы себе это представляете, панове? Это ведь районный отдел, а не какая-нибудь голубятня. А вы здесь дрыхнете, как заросшие, завшивевшие черти районного масштаба, которые, чтобы убить время, ловят блох. Так вот, этой идиллии пришел конец, прошу запомнить мои слова! Отныне здесь будут воинский порядок и дисциплина!

Вспотевший от волнения Выдра вытер платком пот:

— Я, собственно, уже неделю нахожусь на пенсии, пан надпоручик,— отважился заикнуться он.— И только ждал вашего прибытия...

Надпоручик Блага резко обернулся:

— Вас пока никто ни в чем не упрекает. Кто вас замещал?

— Старший вахмистр Земан,— указал Выдра на побледневшего Яна.— Человек, надежный во всех отношениях...

Но Блага не дал ему договорить. Он шагнул ближе к Земану, довольный тем, что получил конкретную жертву, на которую теперь мог обрушить всю свою иронию и сарказм.

— Стало быть, пан старший вахмистр? А где же был пан старший вахмистр? Что? На балу?!

— Я был там уже после службы, пан надпоручик,— попытался защищаться Земан.

— Хороший полицейский никогда не бывает вне службы, во всяком случае, у меня такого не будет. Особенно здесь, в нескольких километрах от границы, которая через неделю или две может превратиться в линию фронта. А вам эту службу обеспечивали один стажер да вахмистр! — гремел Блага.

— Повышенную готовность никто не объявлял, пан надпоручик,— вставил Земан. И хотя он проговорил это спокойно и твердо, все заметили, какого напряжения ему это стоило.

Вот, значит, что их ожидает. А до сих пор здесь было абсолютно спокойно.

Надпоручик Блага неожиданно подскочил к столу Земана, разгреб лежавшие там бумаги и взял одну из них.

— Вот как? А что это? — Он поднес бумагу почти к самому лицу Земана.

Земан тщетно пытался понять, о чем идет речь.

— Не напрягайтесь, раз уж ничего не знаете. Это лежало на вашем письменном столе в то время, когда вы были на балу. Сейчас я вам скажу, что это такое. Это сообщение о розыске военного преступника, который вчера сбежал из Бор. Познакомившись с описанием преступника, я вспомнил, что похожий на него подозрительный субъект ехал со мной в поезде. Парень посматривал на меня всю дорогу и вышел здесь вместе со мной. Его поведение было весьма странным. Он местный? Вам известно что-нибудь о нем? Как это так, что вы о нем ничего не знаете? Да мимо вас и мышь не должна проскочить незамеченной, если объявлен общегосударственный розыск. Куда, по-вашему, направится этот беглец? К границе. А где мы находимся? На границе. А у нас здесь, судя по вашим словам, спокойствие, мы танцуем на балу. Так, пан старший вахмистр?

На столе зазвенел телефон.

Бартик ответил глухим голосом:

— Слушаю.

Из трубки доносился негромкий голос — звонивший передавал какое-то сообщение. В канцелярии стало тихо. Земан и старый Выдра стояли без движения, потрясенные новым веянием, которое заполнило их канцелярию с приходом Благы. Тот сел и отвернулся к стене с поблекшим трафаретом и механически, без всякого интереса рассматривал отрывной календарь местного производства.

Выслушав сообщение, Бартик положил трубку, выпрямился и растерянно произнес:

— Пан надпоручик, путевой обходчик сообщает, что только что какой-то неизвестный пытался проникнуть в здание возле аэродрома. Спугнутый обходчиком, он скрылся в лесу.

Блага вскочил со стула. На его узких губах играла победная улыбка.

— Итак, спокойной жизни конец! Немедленно объявить тревогу! Начинаем действовать!

Через несколько минут старый Выдра, Земан, Бартик и все собранные по тревоге сотрудники КНБ во главе с надпоручиком Благой выбежали во двор. Минуту спустя они заняли места в стареньком военном грузовике и на двух видавших виды мотоциклах, и тишину ночи спящего городка разорвал хрип моторов, взвизгнули колеса на брусчатке, пучки света лизнули заиндеветшие тротуары, скользнули по фасадам домов.

В ту минуту когда машина и мотоциклы скрылись в морозной тьме, от стены противоположного дома отделилась тень. Человек был одет в темный непромокаемый плащ, глубоко надвинутая шляпа скрывала пол-лица.

На секунду он остановился, еще раз посмотрел на окна опустевшего здания КНБ и бесшумным шагом направился в ту сторону, где только что исчезли красные сигнальные огни автомобиля.

— А это что? — вполголоса спросил Блага Выдру. — Футбольное поле?

— Нет, это тот самый аэродром аэроклуба. Его используют местные планеристы.

— А большой самолет здесь может приземлиться?

— Однажды после войны здесь села «дакота», — не без гордости произнес бывший начальник районного отдела.

— А как с охраной? — тут же осадил его Блага. — Что вы сделали для того, чтобы она не могла здесь приземлиться во второй раз?

Выдра не ответил.

Озябшие, невыспавшиеся, страшно недовольные этой, как им казалось, напрасной паникой, они основательно прочесывали лес, осматривали каждую чащу, каждый куст и дерево, за которыми кому-либо чудилась тень. Но нигде не было ни единой живой души. На безлесом склоне холма проступили очертания нескольких домов. Приблизившись к домам, они проверили все двери, ставни, висевшие замки. Никого!

Неожиданно Бартик молча сжал локоть Земана и кивком показал на поленницу дров, за которой будто бы что-то промелькнуло. Это немое предостережение по цепочке передалось всем членам оперативного отряда. Цепь остановилась.

Блага молниеносно выхватил пистолет и крикнул:

— Именем закона! Выходите!

Однако вместо ответа грохнул выстрел, пуля просвистела так близко от головы Благи, что ему стало не по себе.

Затем какая-то темная фигура выскочила из-за поленницы и скрылась в чащобе.

После выстрела цепь быстро залегла, и все открыли беспорядочную пальбу в темноту.

— Не стрелять! — приказал Блага. — Прекратить стрельбу! Он нужен мне живым!

После этих слов надпоручик бросился за убегающим, Земан последовал за ним, и оба они исчезли из поля зрения. Только звук ломающихся веток да топот ног указывали на направление этой дикой погони.

— Я схватил его! — неожиданно послышался крик Земана. — Сюда, ко мне!

Все члены отряда побежали на голос Земана. Перед ними

катались по земле два тела. Земану удалось выбить из руки неизвестного пистолет и ногой отбросить его еще дальше. Он прижал лицо беглеца к замерзшему мху.

Блага прыгнул к Земану, быстро и ловко заломил неизвестному руки за спину и поставил его на ноги.

— Браво, Земан! — Затем надпоручик повернул пойманного к себе лицом и тут же разочарованно произнес: — Это не он! Тот, в вагоне, выглядел совсем иначе. — Затем он посветил фонариком на разорванный рукав неизвестного. — Однако и эта птица не простая, посмотрите сюда.

Разорванный рукав обнажил руку задержанного, и на коже просматривались вытатуированные буквы «СС» и девиз: «Моя честь — верность».

Блага усмехнулся. Усмехнулся впервые с той минуты, как прибыл в городок.

— Земан, вы его схватили, вы его и отведите. — Он повернулся к Выдре: — А теперь мне можно и представиться председателю районного национального комитета.

Место и позднее ночное время не совсем подходили для официального представления. Но у надпоручика Блага, очевидно, было свое мнение на этот счет.

Когда в сопровождении подпоручика Выдры он вошел в зал, там наступила почти полная тишина. Прекратились оживленные дебаты и споры, которые завладели всеобщим вниманием после сообщения об отдаленной стрельбе, донесшейся откуда-то из леса. Глаза всех участников бала были прикованы к вошедшему, который, вероятно, мог объяснить, что же произошло.

Подпоручик Выдра подвел его к столу, за которым сидел председатель национального комитета Брунцлик.

Блага четко остановился и вытянулся по стойке «смирно».

— Пан председатель, докладываю, что по приказу высших органов министерства внутренних дел я только что вступил в должность пачальника районного отдела Корпуса национальной безопасности. Надпоручик Павел Блага.

Брунцлик пожал ему руку, чувствуя себя немного стесненным слишком официальным докладом и тем, что представление произошло ночью, на глазах у подпившей публики.

— Приветствую вас, пан надпоручик. Мы вас ждали. — С грубоватой фамильярностью он хлопнул старого Выдру по спине: — Видите ли, когда Йозеф решил вместо борьбы с преступниками уйти на пенсию и заняться разведением кроликов, мы тут уж ничего не могли поделать. Но вам здесь понравится, здесь у нас спокойно.

Блага иронически усмехнулся:

— Конечно. В этом я только что убедился!

После этого он отвернулся от председателя и с поклоном

представился остальным присутствующим. Пани Инке надпоручик галантно поцеловал руку:

— У вас великолепный туалет, милостивая пани. Он из Праги?

— Вы разбираетесь в женской моде, пан надпоручик?

— Мы должны уметь разбираться во всем, милостивая пани. Бывают случаи, например, когда фирменная этикетка одежды или белья на трупе помогает нам раскрыть убийцу.

Произнесено это было настолько естественно, что довольная улыбка сразу сошла с лица Инки.

Однако тут в разговор с готовностью вмешался инженер Чадек:

— Не присядете к нам, пан надпоручик? Хотя бы на минутку! — Показав на орденские колодки Блага, он с восхищением воскликнул, обратившись ко всем сидевшим за столом: — Вот это биография, панове!

Он быстро попросил официанта принести еще один фужер, чтобы первым выпить с этим необычным гостем, который появился среди них так неожиданно.

— Так выпьем за то, чтобы вам сопутствовала удача во всех ваших делах!

Блага с улыбкой сделал глоток из протянутого ему фужера и сел. Чадек расценил это как разрушение официальных перегородок, пододвинул свой стул поближе к нему и с любопытством спросил:

— Что произошло, пан надпоручик? Кажется, за городом сейчас стреляли?

Блага с усмешкой ответил:

— Ничего особенного не произошло. Не обращайтесь внимания. Это была лишь небольшая тренировочная охота... На лисицу!

— Вы любите охоту?

— Очень!

— Тогда я приглашаю вас к себе на дачу. Я покажу вам свою коллекцию оружия и трофеев.

Блага бросил взгляд на пани Инку и со значением проговорил:

— Обязательно приду! Мне кажется, что на некоторые ваши трофеи действительно стоит посмотреть! Уверен, что они меня заинтересуют!

Веселая карнавальная ночь становилась уже в тягость. Зал почти опустел, порванные кое-где гирлянды свидетельствовали о недавнем буйном веселье. Здесь остались лишь облитые вином и пивом столы, помятые, обсыпанные пеплом салфетки, беспорядочно стоящие стулья, на которых сидели несколько человек из числа тех, кто не мог решиться идти домой. Но оркестр все еще играл, хотя и без прежнего азарта. Звучало

уже в который раз танго, и посреди зала раскачивались две самые выносливые пары.

Одним из танцующих был Карел Мутл, который после ухода Земана прочно завладел Бланкой Свободовой и теперь крепко прижимал ее к себе, словно вообще не хотел отпустить.

Двумя другими упорными танцорами были штабс-капитан Крестек и пани Инка. Крестек едва стоял на ногах. Тяжело дыша, с застывшим лицом и остекленевшими глазами пьяницы, он давно уже не воспринимал окружающий мир, потому что алкоголь подавил в нем все — зрение, слух, мозг и сердце. Он больше топтался на месте, чем танцевал, небрежно волоча свою партнершу по затоптанному паркету, и было удивительно, что пани Инка терпела такое обращение. Но и ее не обошла стороной усталость: великолепное платье местной красавицы обвисло, прическа и лицо как-то увяли.

Инженер Чадек продолжал занимать гостей, сидящих вместе с ним за почетным столом, своими умными речами. Блага слушал его с иронической усмешкой, председатель Брунцлик сидел без всякой охоты, не решаясь уйти. Его жена, явно чувствовавшая себя весь вечер не в своей тарелке рядом с сияющей женой инженера, открыто засыпала у всех на глазах.

Чадек был неутомим.

— Я скажу вам, панове, что этот бал — лучший в моей жизни.

— На самом деле? — усмехнулся Блага.

— Клянусь вам. Более того, каждый такой бал можно назвать самым лучшим, потому что он может стать последним. Поэтому есть смысл петь и танцевать до самого рассвета. Те, кто этого не понимает и уже ушли, — жалкие ничтожные людишки!

Музыканты твердо решили сыграть еще один танец и на этом закончить. Последним танцем был вальс. Крестек уставился на свою партнершу бессмысленными водянистыми глазами, согнувшись в поясе, как надломленный тростник. Если бы он не держался за нее, то наверняка бы переломился окончательно и упал.

Пани Инка бросала отчаянные взгляды на свой стол, но Чадек ее не замечал. Держась за сердце, он забавлял соседей байками о том, как трагически он переносил свою разлуку с молодостью, с любовными похождениями. Только надпоручик Блага понял ее умоляющие взгляды. Он пробежал рукой по пуговицам кителя, проверяя, все ли они застегнуты, и направился в центр зала. Подойдя к танцующим, он решительно высвободил Инку из объятий Крестека:

— Разрешите, пан штабс-капитан? Думаю, вам не мешает немного отдохнуть!

И прежде чем Крестек сообразил, что произошло, Блага закружился с Инкой в другом конце зала.

Кристек с минуту недоуменно смотрел на них, потом сплюнул и проговорил:

— Гнида!

Пошатываясь, он подошел к столу, трясущимися руками налил себе вина и залпом выпил. При этом часть вина из фужера он вылил на себя и начал вытирать лацканы своего парадного мундира влажными потными ладонями, ругаясь вполголоса:

— И чего пани Инка компрометирует себя с таким?.. Ведь это же гнида, коммунист, полицейский...

Чадек умолк на секунду и неожиданно трезво и разумно поправил его:

— Будьте умнее, мой милый. Это не кто-нибудь, а местный начальник КНБ, а знакомством с начальником КНБ никогда не следует пренебрегать. Особенно нам, да еще в такое время. В конце концов, что вы можете знать? В Праге Носек снял с руководящих постов в КНБ восемь начальников, которые не устраивали коммунистов. Может быть, это один из них.

— Вот этот? — Кристек снова сплюнул. — Это всего лишь дешевый фрайер, и ничего больше!

На паркете осталась одна только пара танцующих — надпоручик Блага и пани Инка.

Блага приблизил губы к ее уху:

— Знаете, как я сейчас себя чувствую?

Инка немедленно приняла его игру:

— Так же, как и я, — прекрасно!

Однако надпоручик поправил ее:

— Нет, мне грустно!

— Почему? — удивилась Инка. — Вам со мной нехорошо?

— В голову лезут воспоминания...

— О ком?

— Вернее, о чем, — сказал Блага. — Впрочем, и о ком. О друзьях, которых уже нет в живых. О веселых ребячьих глазах, которые однажды застыли широко открытыми навечно, а потом упали вниз с неба, будто горящие звезды...

— Не понимаю вас.

— Когда-то этот вальс мы слушали всякий раз перед боевыми вылетами для бомбардировок Германии. Навстречу снарядам зенитных пушек, навстречу смерти!

— Вы во время войны были в Англии?

— Да, летал на «либерейторе». Штурманом.

— А почему теперь вы занимаетесь этим?..

— Почему? Потому что прошедшая война крепко в нас засела. Мы не можем перестать воевать, слишком привыкли. Нам необходимы тревога, опасность — как наркотики. Иначе мы подохнем. Одни из-за этого вступили в иностранный легион, другие увлеклись алкоголем. Ну а я стал полицейским!

— Вы и в самом деле какой-то особенный, пан надпоручик.

— Ничуть, совершенно обыкновенный. Как и все. По крайней мере, в своих стремлениях.

Прощальный вальс дотрепетал как ночная бабочка с обожженными крыльями.

Блага повернулся к грязным стеклам больших окон:

— Посмотрите, уже светает!

Он нежно прижал ее к себе и повел к столу. Пани Инке вдруг почудилось, что ею овладевает дурман совсем иного свойства, нежели тот, какой вызывало вышито этой ночью вино.

3

За окнами канцелярии районного отдела Корпуса национальной безопасности забрезжил хмурый февральский рассвет. Земан с отвращением отодвинул от себя пепельницу, полную окурков — боже, как только он может вдыхать в свои легкие такую дрянь?! Он был изнурен до крайности, так же, как и Бартик, который сидел рядом в напрасной надежде написать хотя бы несколько строчек, чтобы впоследствии из них можно было составить протокол допроса. Человек, арестованный в начале ночи, молчал. Он сидел неподвижно напротив ярко горящей лампочки с закрытыми глазами и молчал, погруженный в самого себя, а может, не хотел говорить с этими двумя чехами, потому что презирал их.

Надпоручик Блага, появившийся в канцелярии минуту назад, снял пальто и налил в умывальник воды из ведра. Он прошел мимо группы, сидящей у письменного стола, даже не посмотрев в их сторону, как будто здесь не велся никакой допрос, как будто это его совершенно не интересовало.

Земан подавил зевок и механически, не скрывая усталости, выцалил серию новых вопросов:

— Итак, спрашиваю в последний раз! Вы что, немой, что ли? Ведь вы у нас в руках, и мы все равно получим от вас все, что нам нужно. Сегодня, завтра или через неделю. Так зачем же понапрасну усложнять себе жизнь? Какой смысл? Отвечайте! Почему вы от нас убегали? Кто вы? Почему стреляли? Кто вам дал оружие?

Но допрашиваемый продолжал сидеть молча, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Земан вдруг взорвался:

— Черт побери, отведи его, Лойза, а то у меня уже нервы не выдерживают!

В ту минуту Блага, плескавший себе на лицо холодную воду в углу канцелярии, выпрямился и бросил:

— Подождите, Земан!

Он вытер лицо, вытащил сигарету, не спеша и небрежно сунул ее в рот, еще медленнее достал зажигалку, зажег ее и долго еще держал пламя у кончика сигареты. Дважды глу-

боко затянувшись, надпоручик оставил сигарету прилепленной к нижней губе. Потом медленно двинулся к задержанному, на ходу закатывая рукава рубашки:

— Так ты не хочешь говорить, голубчик?

Бывший начальник отдела подпоручик Выдра, находившийся в соседней комнате, удивленно поднял голову, услышав крик. Он сидел за своим столом, вытаскивал из ящиков разные мелочи и аккуратно раскладывал их на две кучки. Одни вещи он отнесет домой, а другие останутся здесь. Каждую такую вещичку, бывшую свидетелем и памятью о том или ином периоде его трудной службы в Словакии и тяжелой работы на фабрике в Бохуме во время войны, поскольку он не хотел служить оккупантам, а после войны — нелегкой службы здесь, на границе, он с любовью перебирал в пальцах, будто ласкал, не решаясь расстаться. Каждая вещь была своеобразным связующим звеном между ним и повседневной жизнью, но прежде всего между ним и его молодостью. С каждой той вещицей он как бы откладывал один год, одну бусинку из четок. Сколько их там, этих бусинок, какой длины четки уготованы ему на этом свете? И эта захватанная печать, и огрызок карандаша, которым он в свое время кропал первые записи для будущих следственных актов, имели особое значение в эту минуту расставания. Наконец подпоручик вытащил свою старую полевую форму, офицерскую полевую сумку, фонарик и ремень. Все это теперь лежало перед ним, и ему вдруг стало грустно. Он даже не заметил, как в комнату вошла Бланка Свободова. Старый подпоручик поднял голову лишь тогда, когда она обратилась к нему:

— Значит, вы уже собираетесь, пан Выдра?

Выдра только кивнул вместо ответа, нагнулся и стал что-то перебирать в нижних ящиках. Он будто устыдился того, что был застигнут в минуту проявления слабости. Он вытащил замусоленную папку и машинально перевернул листы. Уголовный кодекс, свод законов, служебные инструкции.

— Да, собираюсь, вот немного и загрустил.

— Почему? — Девушке хотелось как-то подбодрить его. — Ведь вы с таким нетерпением ждали, когда будете иметь время выращивать ваших ангорских кроликов.

— Это так, только... — Выдра не закончил фразу. Среди бумаг он что-то нашел. Фотография! Он долго смотрел на нее, потом подал Бланке: — Посмотри, каким я был, когда мне было тридцать. Тогда мы еще ходили в жандармской форме. Хорош парень, правда?

— Хорош, — засмеялась Бланка.

— Только служба в полиции, моя дорогая, это не профессия, это удел, — продолжал Выдра свои рассуждения. — Удел,

от которого уже не избавишься до самой смерти. Ведь я без службы сойду с ума с моими кроликами.

Он медленно вытащил из кобуры пистолет, тщательно проверил магазин и ствол, чтобы убедиться, что они пусты... Подержав пистолет напоследок в ладонях, он положил его затем на самый верх кучки предметов, олицетворявших всю его бывшую жизнь.

— А к кому ты, собственно, пришла? К Земану?

— Почему именно к Земану?

— Ну, я думал... Мне всегда казалось, что у него глаза так и постреливают в твою сторону, когда ты проходишь мимо.

— Я пришла за Лойзой Бартиком. Товарищ Кршиж срочно созывает внеочередное совещание районного комитета КПЧ.

— Лойза в соседней комнате, у начальника. Не знаю, отпустит ли его сейчас Блага.

В этот момент снова раздался протяжный жуткий крик. Потом второй.

Бланка испугалась:

— О господи, что там происходит?

— Допрос, — объяснил ей Выдра. — Обрабатывают того парня, которого мы схватили ночью.

— И при этом его бьют?

Выдра обиженно выпрямился:

— В этом отделе еще никого никогда не били, запомни, девочка. Во всяком случае, при мне! — Он все же вышел в соседнюю комнату, однако тут же вернулся, бледный, с нервной дрожью в пальцах. — Он сейчас придет. Его отпустили. — После этих слов он тяжело оперся о дверной косяк, будто ему сразу стало плохо.

— Что с вами, пан Выдра? — подскочила к нему Бланка.

— Ничего, ничего... — И, как бы отгоняя кошмарный сон, он добавил: — Мне кажется, что мои мечты об ангорских кроликах пока что останутся мечтами!

Глаза допрашиваемого, расширенные от ужаса, лихорадочно бегали, по шее стекали ручейки пота. Надпоручик Блага положил перед собой на столе пистолет, придвинул стул и сел на него верхом.

— Кто тебя укрывал? Отвечай! Кто показал тебе путь к границе? Отвечай! С кем ты имеешь связь здесь? Их имена! Отвечай!.. Отвечай!.. — При каждом вопросе он бил линейкой по столу, и звуки эти были такими громкими, что напоминали выстрелы. Потом он неожиданно схватил пистолет и приставил его к виску допрашиваемого. — Вот этой хлопушкой я отстрелю тебе нос, уши и пол-лица, если не будешь говорить. Или сразу вышибу мозг из черепа. Считаю до трех. Отвечай! Один... два... три!..

Он нажал на спусковой крючок, но ударник шелкнул вхолостую. Допрашиваемый дернул головой.

Блага рассмеялся. Он вытащил из кармана обойму и только теперь вставил ее в пистолет. После этого надпоручик положил пистолет на стол.

Погасшая сигарета все еще висела у него на губе. Он снова ее раскурил, потом поднес к шее допрашиваемого:

— Неужели ты и впрямь немой?

Тут он заметил молчаливое неодобрение в глазах Земана. Он снова вернул сигарету на прежнее место и насмешливо проговорил:

— У вас такие слабые первы, Земан? Если вам трудно выдержать это, то можете идти.

— Нет, — ответил Земан, — выдержать можно, но мне не нравятся такие методы допроса!

— Да ну! А почему?

Земан не спеша отвернул воротничок своей форменной рубашки и показал ему рубцы на шее:

— Мне уже однажды пришлось испытать такое! На себе! Во время войны, в концлагере!

Усмешка сползла с лица Блага.

— Мне кажется, Земан, что мы еще многого не знаем друг о друге. — Он перестал обращать внимание на допрашиваемого и глядел теперь прямо в глаза Земану. — Только между тем, что они тогда делали с нами, и тем, чему учили нас, все же есть разница. Знаете какая? Различие идей! Мы были защитниками свободного мира, борцами против зла, рабства, угнетения, а в борьбе во имя этих святы человеческих прав — все средства святы. Понимаете? Все! И даже определенная жестокость...

Допрашиваемый, который в течение всего их разговора нервно бросал на них взгляды, неожиданно вскочил, кинулся к лежавшему перед Благой пистолету и схватил его. Он судорожно нажал на спусковой крючок, однако и на этот раз выстрела не последовало.

Блага, видимо, только этого и ждал. Одним ударом он свалил задержанного на пол и выбил из его руки пистолет. Подняв пистолет, он с презрением сказал задержанному:

— Дурак!

Воцарилась тишина.

Допрашиваемый потихоньку поднялся с пола, изо рта его текла кровь. Он сразу как-то обмяк, обвис, как мокрая тряпка, было видно, что в его сознании произошел перелом и воля покинула его. Он хрипло заговорил, и каждое его слово звучало, точно удар молота по наковальне.

— Мое имя Ганс Егер. Я был блокляйтером в концлагере Терезин. Я хочу говорить, господин комиссар.

Блага бросил ему грязное полотенце, висевшее возле умывальника.

— Вытрись! Земан, отведите его в камеру!

Земан ничего не понимал.

— Но он же хочет давать показания, пан надпоручик!

Блага снова сел на стул, лениво потянулся и положил на стол свои длинные ноги.

— Теперь он сделает это в любое время. Меня это больше не интересует!

Надпоручик уже просто не замечал Ганса Егера. Земана он тоже игнорировал. Вытащив из кармана десантный нож, он принялся чистить им ногти, тихонько напевая «Прощальный вальс».

4

Февраль 1948 года был необычайно морозным. Под стать погоде свирепствовали и страсти в политике. После войны прошло три года, но борьба за политический облик послевоенной Европы все еще продолжалась. Чехословацкая Республика была одним из спорных пограничных камней между двумя мирами. Не зря Бисмарк когда-то сказал: «Кто владеет Чехией, тот владеет Европой». И вот за это сердце континента развернулась борьба — скрытая, изощренная. Те, кто в самой стране в борьбе против социализма говорили громкие слова о демократии, свободе и грозящем «тоталитарном режиме», все эти зенклы, пероутки, галы, шрамеки, дротины, майеры в первой половине февраля пустились в самую рискованную авантюру своей политической карьеры — в борьбу за власть.

Правительственный кризис, собственно, начался уже 13 февраля. В тот день представители буржуазных политических партий впервые сорвали заседание правительства. В качестве повода была использована реорганизация Корпуса национальной безопасности, которую — якобы без их ведома — собирался провести министр внутренних дел коммунист Вацлав Носек, и перевод восьми высокопоставленных работников службы безопасности из Праги на периферию. Но мнимая реорганизация КНБ была только поводом. В действительности реакция хотела развалить всю систему Национального фронта, свергнуть правительство Готвальда, создать бюрократическое буржуазное правительство, убрать этот пограничный камень между миром социализма и миром капитализма с запада и перенести его на восточную границу республики. Речь, таким образом, шла об антиправительственном, реакционном путче.

В один из февральских дней Богумил Кршиж, так же как и остальные функционеры КПЧ на территории страны, чуть свет созвал внеочередное заседание районного комитета партии. Он зачитал переданное телеграфом сообщение президиума

ЦК КПЧ, в котором говорилось, что скоро — в ближайшие часы или завтра — решится вопрос огромной исторической важности.

Растопленная на скорую руку печь еле-еле согревала комнату, сквозь запотевшие стекла окон скупо пропикал свет студеного пасмурного февральского утра. Бланка Свободова, эта вечно хохочущая и поющая девушка с черными цыганскими волосами, несущая радость взорам всех мужчин городка, не спускала глаз с Кршижа. Она стала членом районного комитета от молодежи не совсем обычно: ее избрали скорее за веселую откровенность, желание заниматься общественной работой, ходить на собрания, жертвовать своим свободным временем на десятки различных мероприятий, на которые ее посылал Кршиж, чем за политический опыт. Может быть, она не очень четко понимала сейчас, что означали переданные телеграфом предложения. Но она видела сосредоточенные лица присутствующих, и всеобщее напряжение передавалось и ей.

Кршиж продолжал читать, предложения следовали за предложениями.

— «...Руководство партии, сознавая серьезную опасность, возникшую для народно-демократического режима и новой республики, решило принять все необходимые меры для того, чтобы воспрепятствовать осуществлению грязных планов реакции и обеспечить дальнейшее спокойное развитие республики... — И дальше: — В этот чрезвычайно важный момент необходимо, чтобы весь трудовой народ, рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенция, все демократически и прогрессивно настроенные люди без различия их партийной принадлежности сообща... — В этом месте Кршиж оторвался от телеграфной ленты, бросил укоризненный взгляд на Карела Мутла и повторил: — ...сообща были готовы всеми силами немедленно, в самом зародыше ликвидировать любые подрывные намерения реакции и защитить интересы государства и народа!»

Невольно в голову ему пришла мысль, что он, собственно, никогда еще не задумывался над тем, в какой степени он может положиться на каждого из них в решающую минуту, как они поведут себя, кто из них действительно не заколеблется, выдержит, не отступит. Это был не тот однородный коллектив, с которым он привык иметь дело на заводе и в других партийных организациях. Здесь были люди, прибывшие из всех уголков Чехии, Моравии и Словакии, тут были цыгане, волынские чехи, всевозможные перелетные птицы, представители городских низов и сельского пролетариата, честные работяги и авантюристы. Трудно было работать, когда он приехал сюда три года назад. Помнится, сразу после возвращения из рейха он обратился в пльзенский секретариат КПЧ и со свойственной ему молодой энергией попросил какую-нибудь работу. У него спросили, располагает ли он каким-нибудь транспортным средством. Он кивнул (у него был старый велосипед).

Тогда, сказали ему, езжай на границу — в Тахов, Клатови, Домажлице, куда хочешь, — и создай там партийную организацию. Будешь секретарем. Он выбрал этот городок. Тогда ему показалось немножко смешно работать здесь секретарем, ведь было тут всего два коммуниста — он и Свобода.

Да, на того можно положиться, это старый, проверенный товарищ. Всю войну просидел в концлагере, причем вместе с женой, а дочь в то время воспитывалась у тети, где-то в Моравии. Свобода вернулся, а жена так навсегда и осталась там — не выдержала, бедняжка. Не мог он без нее жить на прежнем месте, все напоминало о ней и навевало непреодолимую тоску. И вот он, забрав дочь, переехал сюда. Его Бланка тоже не отступит, хотя она еще несмышлениш, который больше думает о парнях, чем о политике. Но от отца она получила прекрасные задатки. А этот вертопрах Карел Мутл... Тщеславный, неуравновешенный, и что-то в нем есть от бродяги. Это драчун и гордец, но в то же время слесарь золотые руки, его можно ставить на любую работу, и он справится. И потом, это человек чистосердечный, открытый и честный по отношению к людям. Да, на него можно положиться. А жена Мария? А этот «пражанин» Бартик? Да что там думать, все они твердые, надежные люди, ведь он сам выбирал их, принимал в партию, готовил для активной работы. Если бы он не верил им, то не мог бы верить и самому себе!

Первым подал голос старый Свобода:

— Жарко сейчас, наверное, в Праге!

Все с облегчением повернулись к Свободе. Тягостная тишина после выступления Кршижа была нарушена. Гнетущее напряжение, возникшее при мысли о надвигающихся событиях, сразу спало под влиянием одной лишь произнесенной с хрипотцой фразы Свободы. Возникла необходимость поговорить, обменяться впечатлениями, оценить ситуацию.

— Сейчас жарко везде, Йозеф, — поправил Свободу Кршиж. — И здесь тоже.

— Здесь мы одолеем, Богоуш, — оптимистически возразил ему Свобода. — Это красный район, здесь все заводские, все сельские рабочие, служащие учреждений и работники торговли пойдут с нами. Помнишь, каким было в этом году празднование Первого мая? А торжества по случаю годовщины Великой Октябрьской революции?

— Но на председателя районного национального комитета Брунцлика мы положиться не можем. Это была большой ошибкой, товарищи, что мы отдали такой важный пост социал-демократам.

— Я поговорю с его Божкой, — неожиданно сказала Мария Кршижова. — Она работает на стачке рядом со мной.

... Ну... и еще у нас имеется пап штабс-капитан Крестек, — продолжал Кршиж, — с его «Союзом готовности к за-

щите родины». И пап инженер Чадек с его очень занятым заводом по производству охотничьих ружей и патронов!

Коммунисты оживились, теперь их собрание стало походить на все другие, когда каждый свободно высказывал свое мнение. Заскрипели стулья под теми, кто нетерпеливо тянул руку, желая выступить, из зажженных сигарет поднялись струйки дыма. Все наконец вновь обрели уверенность и почувствовали под ногами твердую почву.

— Однако, Богоуш, ты забываешь, что на этом заводе работаем и мы! — ответил старый Свобода. — Чадек никогда не вмешивался в политику. Это, скорее всего, технический мозг завода, человек, помешанный на ружьях. И потом он ни в коем случае не захочет разрывать с нами отношения. Ты ведь обратил внимание, как он подкатил к нашему столу в тот вечер.

Мутл не выдержал и крикнул:

— К Кршижовой он подкатил, а не к столу!

Участники заседания прыснули со смеху, но Кршижова не разозлилась.

— Ну и дурак же ты! — сказала она Карелу, повернувшись в его сторону.

Вряд ли стоило Мутлу бросать эту реплику. Тем самым он снова привлек к себе внимание Кршижа.

— Это хорошо, что ты напомнил о себе, Карел, а то я чуть было не забыл о бале. В конце собрания, товарищи, мы обсудим партийный проступок Карела Мутла, который грубой выходкой в общественном месте бросил пятно на доброе имя нашей партии... да еще в такой ответственный момент!

Мутл прямо подскочил:

— Что? Выходит уже, что фрайеру, уволокшему у меня девчонку на танцульках, и по зубам дать нельзя?

Бланка бросила на него грозный взгляд:

— Кого?

Мутл сразу присмирел и поспешил исправиться:

— Девушку, с которой мне хотелось потанцевать.

— Нет! — прогремел Кршиж. — Дело касается члена районного комитета, поскольку он затеял драку с коммунистом, а Земан — коммунист! И происходит это в конце февраля, который в этом году, как ты сам хорошо знаешь, для партии чертовски горячий!

— Ну все, пропал. После такого перечисления провинностей нужно ожидать хорошего нагоняя. Меня уже заранее трясет от страха, — ухмыльнулся Карел.

— Подожди, ты скоро перестанешь смеяться, вот увидишь, — осадил его Кршиж и снова обратился ко всем присутствующим: — Но сейчас меня, товарищи, беспокоит не Брунцлик, не Чадек и не штабс-капитан Кристек. Больше всего меня волнует вопрос, сможем ли мы в наступающие критические дни положиться на наш отдел госбезопасности?

Лойза Бартик, который после бессонной ночи с трудом следил за разговором на заседании, предпринимая отчаянные усилия, чтобы не уснуть от усталости, встрепенулся:

— Как ты вообще можешь задавать такой вопрос, товарищ председатель? Неужели мы когда-нибудь расходились с партией? Неужели мы когда-нибудь отклонялись от линии партии?

— Не торопись, Лойзик, — спокойно заговорил Кршиж, охлаждая справедливый пыл Бартика. — Я знаю, что на тебя можно положиться. И на Земана, и на остальных сотрудников тоже. Но у вас сейчас новый начальник! — Он испытующе посмотрел на Бартика. — Расскажи нам, что это за человек.

Бартик немного подумал и произнес:

— Твердый!

— И это все?

— В совершенстве знает свое дело. Я бы сказал, что это офицер и полицейский до мозга костей. Это деятель явно более крупного, не районного масштаба.

— И все?

— Не любит немцев! По всей вероятности, патриот!

— По крайней мере, хоть что-то! — Кршиж подвинулся ближе к столу и провел растопыренными пальцами по своим еще густым темным волосам. — Послушай, Лойза, — продолжал он. — Теперь один вопрос по существу. Нам известно, что ты знаешь его всего несколько часов. Сейчас тебе очень трудно делать какие-нибудь выводы. Но в жизни коммуниста бывают моменты, когда времени на размышления нет и необходимо принять важное решение немедленно, руководствуясь классовым инстинктом. Итак, скажи нам: сможем мы на него положиться, если дело примет серьезный оборот?

Бартик долго молчал, не решаясь что-либо сказать. Опустив взгляд вниз, куда-то на ремень, он чувствовал, что на него смотрят десятки пар глаз. Затем он поднял голову и тихо, но достаточно твердо ответил:

— Да!

Широко зевнув, Земан потянулся на койке. Прошедшая ночь совершенно вымотала его. Но уснуть Земан не мог и теперь смотрел в потолок и размышлял.

У стола сидел Лойза Бартик с неизменными очками на носу, такой же, как и Земан, возбужденный и взволнованный. Видимо, чтобы успокоиться, он что-то паял в старом немецком трофейном радиоприемнике. Как бы между прочим Лойза бросил:

— Гонза, Карел Мутл за вчерашнюю драку получил выговор с предупреждением!

Земан присвистнул:

— Вот те на! — И тут же рассмеялся: — Не повезло бедняге. Мне его даже жаль. Его счастье, что ты за мной при-

шел, а то бы я его как следует там отделал. Жаль, что Бланка осталась с ним.

Не поднимая глаз от приемника, Бартик добавил:

— Нам придется побеседовать в нашей организации с тобой. Не сердись!

Земан перестал смеяться, рывком поднялся с кровати и с раздражением спросил:

— И тебя вызывали туда только для этого?

— Нет, совсем не для этого. Речь шла о гораздо более важном. Ты же читаешь газеты...

— Еще бы! Кто сейчас не знает, что правые в республике готовят бучу? Но мой отец, если бы он был жив, сказал бы: «Спокойствие, ребята, Готвальд найдет выход!»

Бартик с минуту молча занимался приемником.

— Меня также спрашивали о Благе, — признался он,

— И что ты сказал?

Бартик заколебался:

— Ответил «да»!

— Что «да»?

— Что на него можно положиться!

Земан задумался:

— Не знаю, Лойза. Я лично никак его не пойму и, признаюсь, даже немного побаиваюсь. Одно могу сказать: этот парень не слабачок и прекрасно знает, чего хочет. Может быть, и хорошо, что он оказался здесь именно сейчас. Он умеет быть твердым. Обладает способностью быстро принимать решения и добиваться их выполнения. Он, конечно, не зананикует, как Выдра, когда станет по-настоящему жарко...

Бартик отложил паяльник и начал опробовать свой подхитивший больше для музея аппарат. Он поворачивал ручку настройки, извлекая из приемника потоки резких пульсирующих звуков, которые действуют на нервы всем простым смертным.

Земан, разозлившись, отвернулся к стене:

— Да оставь ты приемник в покое! Не забывай, что мы в состоянии готовности, так что лучше отдохнуть, пока тихо... Ведь ты тоже не спал всю ночь.

В ответ Бартик мечтательно улыбнулся:

— Ты представить себе не можешь, Гонза, как это прекрасно. Особенно ночью... Ты, например, можешь слушать голоса судов, которые находятся где-нибудь под созвездием Южного Креста в Тихом океане... И самолетов... И всего мира... А если совсем окунуться в это царство звуков, то можно услышать, как шепчутся звезды...

— Нет, ты все-таки ненормальный, Лойзик, — со смехом проговорил Земан. Но уже через секунду лицо его сделалось серьезным, и он сказал то, о чем думал с самого начала их разговора: — Лучше бы мне быть сейчас в Праге. Все теперь решается там. Завидую нашим ребятам, которые патрулируют

сейчас по пражским улицам, дерутся за трудовой народ, в том числе и за нас... А что мы здесь? Самое большее, что мы можем сделать, — это валяться на кровати и ждать... В этой дыре никогда не произойдет ничего важного...

Лойзик, крутивший все это время ручку настройки своего приемника, неожиданно воскликнул:

— Гонза, пойдй сюда!

В возгласе его было столько удивления, что Земан тотчас же поднялся и подошел к нему. Бартик взволнованно протянул ему наушники, из которых неслись громкие быстрые пикающие звуки.

— Послушай, — произнес он возбужденно, — вчера этой станции здесь еще не было. Насколько мне известно, такая штучка в наших краях есть только у меня. То, что ты слышишь, передает какая-то нелегальная станция, и передает она откуда-то отсюда шифром!

5

Воскресным утром инженер Чадек и его жена Инка решили показать гостю прелести своего края. Чадек говорил без умолку, обращая внимание надпоручика Блага на разные интересные вещи, в то время как сам Блага говорил мало, а пани Инка вообще молчала. Ноги ее то и дело подворачивались на узкой и неровной лесной тропинке, и при каждом таком случае она с благодарностью принимала своевременную помощь галантного надпоручика.

Выйдя из леса, они отутились на краю оврага. Чадек отодвинул в сторону длинную нависшую ветку ели, и перед Благой неожиданно открылся чудесный вид на широкую полосу пограничных лесов.

Это, очевидно, было любимое место Чадека, где он всякий раз испытывал блаженство. И теперь ему хотелось, чтобы Блага тоже испытал что-нибудь подобное.

— Посмотрите, пан надпоручик! Разве это не красота?! Знаете, у меня было прекрасное положение в брненской «Зброевке», и я долго колебался, прежде чем пуститься в авантюру с этим маленьким оружейным заводом. Инка хныкала: у нее в Брно было свое общество. Только и слышал от нее: граница — это конец. И вот видите, сегодня мы не променяли бы этот край ни на какой другой. Если бы вы знали, сколько здесь всяких зверей! Косули, олени, зайцы. Если вы действительно любите охоту, я приглашу вас как-нибудь поохотиться на лисицу. Конечно, если у вас будет время и настроение.

Блага безмятежно осматривал лежавшую перед ним местность.

— А почему бы им не быть?

— Вы ведь знаете, что сейчас творится в Праге. Прави-

тельство трещит по швам из-за реорганизации в министерстве внутренних дел. Мы являемся свидетелями правительственного кризиса. Одному богу известно, что будет дальше...

Блага вернулся назад на тропинку, спокойно предложил руку пани Инке, и та ухватилась за нее с сияющими глазами.

— Видите ли, пан инженер, полиция существует для того, чтобы охранять законы, порядок и государственные интересы страны. И не имеет значения, кто находится у власти — Готвальд или кто-нибудь другой. У нас всегда будет хлеб... Вы сказали, что пригласите меня поохотиться на лису? — перевел он разговор на другую тему. — Без собаки? Такая охота требует большой терпеливости и умения метко стрелять. Как у вас со стрельбой?

Вместо ответа Чадек сдернул с плеча ружье, прицелился в макушку высокой ели, на которой покачивалась гроздь золотисто-коричневых шишек, и первым выстрелом сбил одну из шишек.

— Подходяще, — похвалил его Блага, потом вдруг вытащил из кобуры свой пистолет и выстрелил несколько раз по оставшимся шишкам. Одна за другой все они упали на землю.

Узкая тропинка, вившаяся по густому молодняку, привела к лесной поляне, где совершенно неожиданно взору Благи предстал прекрасный деревянный двухэтажный домик. Здесь можно было ожидать увидеть какой-нибудь примитивный сруб из толстых бревен, но никак не солидное, можно сказать, роскошное строение, уютно стоявшее в тени могучих елей.

Супруги Чадеки вели гостя в свою летнюю резиденцию. Инженер Чадек остановился и театральным жестом показал в сторону дома.

— Фантастическое место, не правда ли? — обратился он к Благе, ожидая от него восторженной реакции.

Но Блага только еле заметно приподнял брови:

— Гм... неплохое...

— Так пойдемте, пойдемте, — быстро проговорил Чадек, чтобы скрыть свое разочарование. — Посмотрите наш домик внутри.

Блага, засунув в карманы шинели руки, последовал за ним неторопливым пружинистым шагом. Его взгляд скользнул по закрытым ставнями окнам.

— Так, значит, это ваш охотничий домик, пан инженер? — проронил он наконец.

— Да, пан надпоручик. Раньше это была собственность какого-то оберштурмбаннфюрера, а теперь — моя лисья нора!

— Лисья нора? — засмеялся Блага. — Это скорее прекрасный, обитый бархатом теремок для серебристой лисицы.

Пани Инка шла сзади. С иронической улыбкой она смотрела на идущих впереди нее мужчин, как бы сравнивая их. Бо-

же, что же произошло с ее Чадеком? Ведь когда-то и он был таким же стройным, остроумным, обаятельным и интересным, как этот хладнокровный, самонадеянный полицейский. Поэтому-то она его так любила. А теперь?.. Он, конечно, еще мужчина в силе, но почему мужчины, как только достигнут своего и женятся, сразу становятся ленивыми, живот и душа их обрастают жиром? Только новая женщина способна их расшевелить. Каждая умная жена должна позаботиться о том, чтобы ее муж имел любовницу. Только таким образом можно держать мужчину хоть немного в форме!

Чадек торопливо вытащил из кармана ключ, вставил в замок, и тяжелые дубовые двери со скрипом отворились.

— Если позволите, я пойду первым. — Чадек бросился к следующим дверям справа и через мгновение быстро открыл одну ставню за другой.

Блага рассматривал деревянную обшивку стен, многочисленные фотографии незнакомых охотников, висевшие повсюду. По полу были разбросаны шкуры, в камине лежала куча дров. Было здесь и чучело лисьей головы.

— Садитесь, пан надпоручик, — предложил гостю Чадек, — сейчас здесь будет гораздо уютнее. — Он чиркнул спичкой, и вскоре языки пламени уже лизали в камине кору березовых поленьев.

— Видите ли, завод и ружья — это мое хобби. Дом и вилла — мое спокойствие и уют, а этот охотничий домик — моя любовь. — Чадек уселся в кресло-качалку и, мечтательно прикрыв глаза, продолжал: — Как только представляется возможность — сразу сюда. Сяду к камину и смотрю на пламя, вдыхаю аромат горящих дров, запах смолы. Хочется помечтать. Знаете, именно здесь мне пришли в голову самые лучшие идеи! Живой огонь — это, конечно, волшебство...

Пани Инка бесцеремонно нарушила его сентиментальный монолог:

— Мечтай, мечтай, а они придут и все у тебя отнимут. Завод, эту дачу, даже твои сны. Они уже готовятся к этому, разве не так, пан надпоручик?

Блага сделал вид, будто не слышит ее, и продолжал осматривать помещение. Проходя вдоль стен, надпоручик остановился у висевших на одной из них охотничьих ружей.

— Это ваша знаменитая коллекция, пан инженер?

Чадек сразу очнулся.

— Нравится? — спросил он и с довольным видом встал с кресла.

Блага снял со стены трехствольное ружье:

— Особенно вот это. Третий ствол нарезной. С оптическим прицелом... Великолепное оружие!

Услышав эти слова, Чадек невольно раскрыл рот. Он был удивлен познаниями надпоручика в охотничьих ружьях.

— Вы прямо положили меня на лопатки. Каждый, кто

здесь бывает, прежде всего обращает внимание вот на эту украшенную серебром модель «Ланкастер».

— Это ружье скорее для улады глаз. В воскресенье с таким ружьем можно ходить по деревне и очаровывать девчонок. Но для серьезной охоты я бы предпочел взять вот этот старый «манлихер». — Он снял со стены ружье и, осмотрев его, подал Чадеку.

— Вы в самом деле в этом разбираетесь, — просиял Чадек. — Это же великолепно! Наконец-то нашелся человек, которому можно действительно похвалиться! — Он потянулся к следующему ружью: — Посмотрите вот на это. Отличное охотничье ружье, не правда ли? И этот штуцер, сделанный нашей «Зброевкой», тоже известен во многих странах. Над этим штуцером я проработал в Брно в течение нескольких лет. А здесь, на своем заводе, я попытался соединить качества этих двух ружей. Посмотрите вот на это комбинированное ружье. Его я начал конструировать уже здесь и думаю, что у него большое будущее. Попробуйте, какое оно легкое и как хорошо и удобно упирается в плечо. А какой у него мягкий и нежный спуск!

Инка, которой явно надоел мужской разговор, нетерпеливо вмешалась:

— Хватит о ружьях! Теперь вы пропали, пан надпоручик. Я его знаю. Сейчас он в течение нескольких часов будет вам рассказывать о том, как собирается прославить этот свой дробовик или как его там... среди богатых охотников, которых он будет приглашать на охоту из Германии, как будет продавать свое изобретение в Америку... Послушай, мой милый, — подошла она к Чадеку, — прежде всего будь любезен предложить пану надпоручику что-нибудь погорячее, здесь все еще холодно. Хорошенько растопи камин и заготовь дрова, а то скоро нечего будет подкладывать. Ну а потом уж можешь продолжать свою тираду.

— Прости, дорогая, — опомнился Чадек и, пододвинув Блага кресло поближе к камину, открыл шкаф с небольшим баром.

— Что желаете выпить, пан надпоручик? Джин, виски, коньяк, водку?

Надпоручик Блага выбрал себе совсем другое. Он показал на одну бутылку и с элегантною иронией произнес:

— Вот эту самую обыкновенную народную можжевельку. Думаю, что это будет соответствовать духу времени, ведь в этой стране сейчас правит народ.

— Мне коньяк, — попросила Инка.

Чадек налил обоим.

— А теперь прошу меня извинить, я отлучусь на минуту, чтобы притащить немного дров.

Чадек выбежал наружу. После его ухода Инка нервно закурила сигарету.

— Простите его, он просто невыносим. Болтливый, хвастливый и нудный. Человеку вашего уровня это, должно быть, сильно действует на нервы.

Блага рассмеялся:

— Знаете, что меня в вас, женщинах, больше всего пленяет?

Инка пожала плечами:

— Откуда мне знать? Женственность, хрупкость, нежность, секс?

— Нет, — Блага засмеялся еще громче. — Нет, наоборот! Хладнокровная, продуманная целеустремленность и холодная, почти циничная жестокость. И все это прикрыто маской нежной, сладострастной кошечки.

Этот молодой человек просто бесил ее своим превосходством, насмешками, таившимися в его прищуренных глазах, даже если он говорил серьезно и учтиво. И одновременно он притягивал ее именно этим своим цинизмом, уверенностью, что он может иметь все и всех, что ему никто не нужен и что все окружающие его люди ему безразличны. Вот почему ее влекло к нему. Влекло неудержимо. Ей хотелось хотя бы на минуту увидеть его покоренным, умоляющим, хотя бы несколько секунд властвовать над ним.

Длинными пальцами с ухоженными ногтями она подвинула рюмку к Благе:

— Выпьем?

Инка и Блага посмотрели друг другу в глаза, как два борца, пытающиеся определить силу соперника, и выпили.

— Однажды ночью в Лондоне я бродил по берегу Темзы с одной прелестной английской студенткой. Я трепетно гладил ее руки, шею, бедра, целовал ее... На большее, учитывая ее хрупкую молодость, я не отваживался. Я говорил ей самые прекрасные, нежные и поэтические слова, какие только способен был выдумать. И вдруг она прерывает меня и говорит: «Мы напрасно теряем время. Сегодня ночью у нас дома никого нет, пойдем, а утром ты мне дорасскажешь...»

Инка приняла игру:

— Вероятно, мне следует поступить так же?

Блага чувствовал, что его обаяние начинает действовать на Инку, и решил продолжить:

— Но у нас для этого, наверное, мало времени?

— Вы правы, он вернется с минуты на минуту.

Блага привлек ее к себе, поцеловал и тихонько прошептал на ухо:

— Должен тебе сказать, что после того вальса, который мы вместе танцевали, я постоянно ощущаю твой запах, твоё тело, думаю о твоих глазах...

Однако Инка холодно оборвала его:

— Вы снова теряете время попусту!

Он как-то вдруг вышел из роли и задал глупый вопрос:

— А что же мне делать?

— Приходи сюда завтра к десяти утра. Его не будет, он уедет в Пльзень и вернется только ночью. У нас, таким образом, будет целый день. А потом ты мне, может, и дорасскажешь...

Она вытащила из кармана своей меховой безрукавки запасной ключ от охотничьего домика и подержала его перед глазами Блага. Они молча посмотрели друг на друга, потом Блага взял ключ и опустил себе в карман.

В эту минуту в комнату вошел Чадек, неся охапку свеженapiленных березовых поленьев.

— Этого хватит, как минимум, на два дня. Ты довольна? — Он бросил дрова к камину и стряхнул с рукавов опилки.

6

И снова наступила ночь — морозная, тоскливая. Под ее черной вуалью дрожали точки звезд. Протяжный звук кларнета сегодня не нарушал покоя спящих людей...

Это была уже третья ночь после того дня, как сюда прибыл новый начальник, надпоручик Блага. Этот страшный человек, свалившийся словно с луны, казалось, совсем не нуждался во сне. Одних он очаровал, на других нагнал страх. Что касается Земана, то у него от общения с Благой углубились морщинки на молодом лице. Удивительный человек! Неутомимый, будто чуть-чуть рассеянный, но с цепкой памятью. Несколько пригоршней холодной воды снимали с него всякую усталость, а сигарета, небрежно прилепленная к губе, вливала в него новую энергию. Надпоручик умел дать разгон подчиненным. И все же у них иногда создавалось впечатление, что мыслями Блага пребывает совсем в другом месте, где-то в высших сферах, о чем провинциальным служивым, очутившимся под его командованием, даже думать не положено.

Окна канцелярии районного отдела КНБ одиноко освещали пустую улицу. Ко всеобщему удивлению, надпоручик Блага был в великолепном настроении. Заложив руки за спину и высоко подняв голову, он привычно мерил шагами канцелярию, со снисходительной улыбкой слушая взволнованный доклад болванов-романтиков Земана и Бартика о неизвестной радиостанции. Когда они замолчали, надпоручик несколькими резкими словами охладил их пыл.

— Мне кажется, что вы чересчур увлекаетесь детективами, ребята, — процедил он презрительно. — Земан, приведите-ка лучше нашего задержанного. Надо закончить допрос.

— Есть! — подскочил Земан и вышел.

Блага остановился перед Бартиком, стоявшим по стойке «смирно» и напряженно ожидавшим решения по поводу обнаруженной радиостанции.

— Так вы говорите, нелегальная радиостанция, Бартик? А вы в этом уверены? Ведь вы же всего лишь любитель, дружище. Бог знает, что вы там могли услышать.

Бартик уже хотел было оскорбленно возразить, броситься защищать свою профессиональную честь радиста, но Блага опередил его:

— Знаете, как мы себя опозорим, если объявим ложную тревогу и вызовем сюда напрасно технику для радиоперехвата?

Бартик упорно молчал, убежденный в своей правоте, и в выражении его лица читалось явное несогласие.

— Ну, хорошо, — уступил Блага, — напишите мне докладную записку по этому вопросу, а я потом решу, что делать.

В этот момент в комнату влетел бледный и взволнованный Земан:

— Пан надпоручик... Тот, в камере, повесился!

— Что? На чем?

— На полотенце, которое вы ему дали!

Блага вскипел:

— Проклятие! А вы куда смотрели? Такое свинское ЧП! Можете себе представить, какое там, наверху, раздуют из этого дело?

Он вытащил из кармана десантный нож и бросился в камеру для задержанных.

У Земана от волнения дрожали пальцы.

— Вот те на! Еще одна неприятность!

— Мы здесь ни при чем. Полотенце дал ему он! — выкрикнул Бартик.

Блага снова появился в дверях и некоторое время молча взирал на двух своих сотрудников, которые стояли, понурив головы, словно провинившиеся школьники.

— Я перерезал полотенце и положил его на пол. Все равно было уже поздно. Вызовите доктора, пусть он составит акт о смерти, а вы оформите протокол. — Спустя минуту, срывая на них злость, он снова заорал: — О глупостях разных думаете, Бартик, а к служебным обязанностям относитесь спустя рукава! Тюрьма по вас плачет! — Блага сорвал с крючка свое кожаное пальто и фуражку и вышел из канцелярии, громко хлопнув дверью.

После его ухода в помещении несколько минут стояла абсолютная тишина.

Время шло уже к полудню, а покрасневший диск зимнего солнца лишь с трудом проглядывал сквозь клочья белой дымки.

В казарме районного отдела КНБ сотрудники сидели одетыми, с оружием в руках. Их лица были серыми от утомления: всю ночь они попарно патрулировали, страшно устали, но никто из них не спал. Бартик упрямо сидел в наушниках возле своей станции и крутил ручку настройки.

— Да брось ты, — улыбнулся Земан. — В этом нет ника-

кого смысла, Лойза. Через минуту нам снова идти на дежурство. Поймай лучше Прагу, послушаем, что там происходит. Я чувствую, что там сегодня свершится что-то важное. Приказ о введении повышенной боеготовности среди ночи нам спустили не зря!

— Он назвал меня любителем, — твердил свое Бартик. — Но я же его слышал, собственными ушами слышал радиста, который отсюда вел передачу, слышал...

Он сидел у своего детища с упорством, которое трудно было ожидать от этого очкастого тщедушного человека. Неожиданно раздался его возбужденный голос:

— Я снова его поймал! Подойди сюда, Гонза! Иди быстрее!

Земан нехотя поднялся с койки. Бартик подал ему один наушник:

— Слышишь? Передает шифром. И находится он где-то поблизости. Сигналы очень сильные... — Он повернул свою примитивную антенну. — Черт, как жаль, что у меня нет круговой антенны. Или иметь бы еще одну станцию, мы бы взяли его в перекрест. Мне кажется, что это в том направлении. У аэродрома или чуть дальше за ним, в лесу... у дачи Чадека...

Земан отложил наушник и взял свой автомат.

— Пошли, — неожиданно решительно кивнул он Бартику и направился к выходу.

Бартик удивленно посмотрел на него, потом схватил автомат и выбежал вслед за Земаном.

Шаг за шагом пробирались они через чащобу леса с автоматами на изготовку. Идти старались по возможности тихо, однако невольно наступали на сухие ветки и вспугивали птиц, а те своими криками выдавали присутствие людей.

Друзья осматривали все подозрительные темные места, приподнимали свесившиеся до земли ветви елей, не оставляли без внимания и ложбины. Они шли по определенному Бартиком маршруту, проходившему параллельно лесной тропинке. И через некоторое время оказались на лесной поляне возле охотничьего домика Чадека.

Земан и Бартик укрылись за низкими соснами и стали наблюдать. Нигде никого. Тогда они перебежали участок поляны, отделявший их от дома, и снова застыли в неподвижности, прижавшись к стене дома. Потом Земан медленно пошел вокруг дома. Он попробовал двери, ставни и возле одной из дверей остановился.

— Лойза, подойди сюда, — шепотом позвал он Бартика. — Посмотри, видишь эту выемку?

— Ага! Это от ножа, и она совсем свежая.

— Вот именно! Кто-то орудовал здесь совсем недавно ножом как рычагом,

Земан не спеша провел рукой по ставне — она свободно отошла. Возбужденные, они почти прижались носами к этому окну, за которым могла скрываться разгадка тайных радиосигналов, обнаруженных Бартиком, как вдруг за их спинами послышался громкий и знакомый голос:

— Вы что здесь делаете?

Земан и Бартик резко обернулись. Надпоручик Блага! Он незаметно подошел к ним откуда-то из леса. Очевидно, наблюдал за ними длительное время.

— Здесь кто-то был, пан надпоручик. Может быть, и сейчас находится здесь...

— Кто разрешил вам проводить розыск, Земан? Это что за партизанщина? — гремел Блага. — Вздумали поиграть в сыщиков? Хотите, чтобы я приказал посадить вас под замок?

Бартик испуганно, стараясь быть как можно менее заметным, сделал шагок назад. Но Земан не сдавался:

— Это наша обязанность, товарищ надпоручик! Объявлена повышенная боеготовность.

Услышав это, Блага закричал еще громче:

— Боеготовность распространяется только на город! Прочь отсюда немедленно!

Земан обиженно повернулся и последовал за Бартиком, который уже спешил к лесу.

По лицу Благги пробежала презрительная усмешка.

— Идиоты! — облегченно произнес он. Потом надпоручик протянул руку к густым зарослям сзади себя и мягко произнес: — Пошли! — Он помог пани Инке выйти из кустарника и поспешно открыл ее ключом дом.

Они торопливо вбежали в комнату. Блага закрыл за собой дверь, повернул ключ в замке, и охотничий домик с закрытыми ставнями снова погрузился в тишину, храня скрытую в нем тайну.

7

В душе штабс-капитана Крестека о военной карьере остались только горькие воспоминания. Он слишком поздно окончил военную академию в Границе, не успев ничего добиться во времена первой республики. И все же по сей день его глаза застилал сентиментальный туман, когда он вспоминал того стройного рослого офицера в красных галифе кавалерийского полка, на которого с надеждой поглядывали девушки в местах гуляний города Клатови.

Однако, прежде чем он сумел проявить талант офицера-кавалериста и воинскую доблесть, чтобы хотя бы получить звание надпоручика, немцы оккупировали Чехословакию. Его демобилизовали и превратили в младшего чиновника магистрата по выдаче продовольственных карточек, за что он люто возненавидел немцев и их чешских слуг. В течение всего перио-

да оккупации бывший поручик давал им понять, что не признает эту деградацию. Он продолжал щелкать каблуками, представлялся не иначе как поручиком Кристоком, а двумя подчиненными командовал так, будто проводил с солдатами занятия на плацу. Все это время он мечтал об отмщении. Когда в мае началось восстание, он одним из первых раздобыл оружие и пустил его в ход против немцев. На следующий день Кристек приветствовал вступивших в город американцев.

Он был счастлив, что эти пять унижительных лет оккупации наконец-то позади. Бывший кавалерист тут же выбросил их из своей жизни, будто их вообще не существовало, и радовался тому, что вновь стал военным. Он ожидал, что теперь начнется новая жизнь, что он, пробужденный от этого ужасного сна в магистрате, от канцелярской тоски с ее клеем, печатами и чернильными пятнами, теперь снова взлетит к голубым высотам своей военной карьеры. Однако новая армия, хотя она и приняла его в свои ряды, вовсе не собиралась удовлетворить его мечту. Для руководящих постов у нее были свои, новые офицеры (примитивы и неучи, как он их сам называл). Это были люди, проверенные фронтом, настоящими боями. И вот так Кристек снова очутился в затхлой вони канцелярии в этой районной дыре на границе, с горькой обидой и жгучей ненавистью в сердце, а свои мечты о воинской славе, свой непризнанный талант офицера он мог реализовать только в обучении допризывников да демобилизованных офицеров времен первой республики в «Союзе готовности к защите родины» и в ностальгической, нежной любви к единственной женщине, соответствующей его уровню, — прекрасной пани Инке.

Поэтому он стоял сейчас у дверей виллы Чадека, как и каждое субботнее утро, быстро поправлял безукоризненный узел галстука, стряхивал воображаемую пыль со своей безупречно выглаженной формы, нервными дрожащими пальцами приглаживал тонкую бумагу на букете гвоздик, совмещая все это с галантной светской улыбкой, отражавшейся в застекленных дверях. Затем он решительно позвонил и замер в ожидании.

Наконец внутри раздались шаги, кто-то энергично повернул ключ и нажал на ручку — в дверях появился инженер Чадек.

Увидеть его здесь Кристек никак не ожидал и поэтому растерялся.

— Разве вы не уехали в Пльзень?

— Я поехал, да вернулся, — сказал Чадек, не заметив его растерянности. — Вы что, не знаете, что сейчас творится? Уже началось. Проходите, у меня сидит председатель районного национального комитета Брунцлик.

Сбитый с толку Кристек поплелся за ним.

Брунцлик, испуганный и взволнованный, сидел у радиоприемника, из которого гремел энергичный голос Готвальда:

— ...Граждане и гражданки, дорогие друзья!

Я призываю всех вас к бдительности и боевой готовности. Я призываю всех вас — честных чехов и словаков, всех вас — рабочих, крестьян, ремесленников и мелких торговцев, интеллигентов, к единству и сплоченности. Создавайте в селах, районах и областях комитеты действия Национального фронта из демократически настроенных прогрессивных представителей всех партий и общенациональных организаций. Подавляйте в зародыше любые провокации реакционных агентов. Будьте едины и решительны — и ваша правда победит!

Да здравствует правительство Национального фронта, очищенное от подрывных элементов и реакционеров!

Да здравствует народно-демократическая Чехословацкая Республика!

Да здравствует прочный чехословацко-советский союз — гарантия нашей национальной свободы и государственной независимости!¹

Готвальд кончил говорить — из радиоприемника вырвался мощный, восторженный рев, похожий на грохот океанского прибоя. Это было стотысячное море людей, выразивших в Праге на Староместской площади свое горячее одобрение руководителю коммунистической партии.

Первым опомнился Чадек:

— Приглушите его, ради бога, а то я сойду с ума! Ведь это ж черт знает что!

Брунцлик послушно убавил звук, но приблизил свое ухо к приемнику, из которого теперь звучал взволнованный женский голос.

— Сейчас от партии социал-демократов говорит депутат парламента, какая-то Коушова-Петранкова.

— В вашей партии тоже имеются порядочные негодяи, — раздраженно прокомментировал это Чадек. — Слышали, пан штабс-капитан? — повернулся он к Кристеку, который глядел на Брунцлика и Чадека выцветшими от постоянного употребления алкоголя, отупевшими глазами. — Вот и началось, Кристек. Теперь на карту поставлено все!

— Это ужасно, — запричитал Брунцлик. — Как хорошо и спокойно мы здесь жили. Как одна семья. И вот на тебе!.. Что будем делать?

Штабс-капитан Кристек вдруг опомнился, осознав, что сама судьба дает ему возможность отличиться. В голове Кристека вихрем пронеслось его активное офицерское прошлое. Он же начальник военного комиссариата, хотя и небольшого рай-

¹ Цит. по: Готвальд К. Избранные произведения. М., 1957, т. II, с. 190.

она, следовательно, фигура куда более значительная, чем эти два беспомощных, обделавшихся со страха штатских.

— Что будем делать? Дадим им по морде! Сразу и крепко, как это сделали в Греции и во Франции, прежде чем они успеют организовать.

Брунцлик испуганно подскочил:

— Я не думаю, что вы говорите об этом серьезно! Неужели вы хотите начать гражданскую войну? Это ведь ужасно — из-за политики начинать кровопролитие!

— Лучше кровь, чем такое. Сейчас каждый должен решить, на чьей стороне он будет!

Штабс-капитан уже давно положил букет цветов на стол, потому что вручать их все равно было некому. Он взирал теперь на Брунцлика и Чадека свысока, как на двух подчиненных сотрудников, и, энергично, по-наполеоновски прохаживаясь по комнате, отсекал слова, словно отдавал приказ.

Брунцлик трясущимися руками стал вытаскивать из кармана платок, чтобы вытереть капельки пота, выступившие от возбуждения на его высоком плешивом лбу и жирном затылке.

— Прошу меня извинить, панове. Но сейчас я должен быть в национальном комитете. Поймите, в такой важный момент... я наверняка им потребуюсь... Бог знает, что там теперь происходит...

— Если вас туда еще пустят! — насмешливо бросил ему вслед Чадек. — Вы ведь слышали! Создаются комитеты действия!

Но Брунцлик не стал задерживаться и исчез за дверями.

Кристек сплюнул:

— Хорошо, что он исчез отсюда, трус!

— Оставь его в покое! Он еще может нам понадобиться. Если не для борьбы, то по крайней мере для голосования. Мне звонил брат из министерства юстиции. Это решающая схватка, Кристек. Мы должны сплотиться против них в единый монолитный фронт: национальные социалисты, «народники», словацкие демократы и настоящие социал-демократы во главе с президентом. Если мы выступим сообща, западные союзники нам помогут. Здесь рядом, за границей, стоят две американские дивизии.

Кристек решительно прервал его:

— Сколько у вас на складе ружей?

— Триста!

— А патронов?

— Нужное количество, — ответил удивленный Чадек. Он смотрел на Кристека с нескрываемым напряжением. «Что у этого человека на уме?» — думал он с испугом, но отвечал покорно и учтиво, как ученик своему учителю.

— Для небольшого района это вполне приличная огневая мощь!

— Что вы хотите делать? — тихо выдавил из себя Чадек.

— Я мобилизую свой союз готовности. В формирование войдут все те, кто ненавидит коммунистов: офицеры запаса, допризывники, спортсмены... Думаю, речь пойдет о чем-то несомненно более важном, нежели простое голосование! — Неожиданно он подошел к Чадеку вплотную и посмотрел ему прямо в глаза. — Вы дадите мне свои ружья, Чадек?

Чадек с секунду колебался, затем быстро ответил:

— Да! Когда решается вопрос о свободе и демократии, — продолжал инженер с пафосом, — никакая жертва не может быть чересчур большой. Собирайте своих людей и приезжайте на грузовой машине. Завтра, послезавтра, когда угодно. Я открою вам свои склады.

Кристек улыбнулся:

— Не бойтесь, здесь справиться с ними не составит большого труда. Кого мы имеем против себя в качестве боееспособной организованной силы? Несколько людишек из КНБ с пистолетами да двумя-тремя автоматами. Они тут же накладывают в штаны, как только мы, старые бойцы, выйдем на улицу.

Чадек уже был увлечен Кристексом, он уже верил в его командирскую решительность.

— Было бы весьма интересно узнать, что теперь делает их командир, пан надпоручик Блага? — ухмыльнулся он.

— Тот... — пренебрежительно махнул рукой Кристекс и неожиданно запнулся: — А... а где ваша пани Инка? — Он огляделся, ища свой букет.

— Инка? Даже не знаю, — рассеянно ответил Чадек. — Я сейчас о ней не думаю, у меня другие заботы. Садитесь, пожалуйста, — пригласил он Кристека в мягкое кресло. — Мы должны хорошенько все продумать!

Инженер поспешил за бутылкой коньяка. В такие минуты это лучшее подкрепление для нервов. А они сейчас никак не должны их подвести!

Прозвучали последние слова «Интернационала», сопровождаемые ударами о мостовую ног тысяч людей, которые в далекой Праге уходили колоннами со Староместской площади.

Десятки голов, склоненных до этого момента к радиоприемнику, вновь поднялись. Помещение секретариата районного комитета КПЧ было переполнено людьми. Старый Свобода, Бланка, Карел Мутл, Кршиж, Кршижова, Земан, Бартик и многие другие функционеры и рядовые коммунисты собрались сюда в этот исключительно важный момент.

Говорили, перебивая один другого. Нервы, которые во время выступления Готвальда были напряжены до предела, немного успокоились, каждый стремился выговориться, высказать свое мнение, задать вопрос. В небольшом помещении поплыл сигаретный дым. Спустя минуту уже трудно было по-

нять, кто с кем разговаривает и о чем, собственно, идет речь. Напрасно Кршиж стучал по столу кулаком и взывал:

— Спокойно, товарищи, спокойно! — Только через несколько минут ему удалось придать этому вулканическому бурлению какой-то определенный порядок. — Товарищи, здесь теперь находится революционный штаб, где прежде всего должны соблюдаться спокойствие и порядок. Вы слышали выступление товарища Готвальда. Слышали, что происходит в Праге. Происходящие сейчас в стране события — это дело не только Праги, Брно, Пльзень и крупных заводов и фабрик. Это и наше дело, дело каждого честного гражданина нашей республики. Реакция не будет гнушаться ничем, чтобы уничтожить республику и вырвать власть из рук народа. В нашу партийную задачу входит немедленное создание дежурной службы. И днем и ночью по городу будут патрулировать группы из двух человек, в которые будут входить по одному сотруднику КНБ и одному члену нашей организации. Мы возьмем под контроль все важные предприятия...

Последние слова он договаривал в абсолютной тишине. Все смотрели на Кршижа и поражались, откуда у него вдруг взялась такая решительность и твердость. Они часто подшучивали над ним, когда он вот так же распалялся на собраниях, начинал говорить возбужденно и сбивчиво. Но теперь его слова звучали по-иному. Коммунисты молча признавали его опыт и авторитет.

Первым после Кршижа заговорил Мутл:

— А кто даст нам оружие, Богоуш?

— Не беспокойся, — махнул рукой Кршиж. — Партия даст нам оружие, когда это станет необходимым. И потом, работая на заводе Чадека, вы практически всегда имеете его под рукой. Должен вас предупредить: вы должны тщательно охранять его, даже если вам и покажется, что здесь абсолютный покой и ничего не может произойти. Не исключайте того, что в определенный момент на нас могут напасть с тыла. Бдительность и осторожность — таков сейчас закон для каждого коммуниста!

Кто бы мог быть этим самым врагом, опасным и коварным, о котором предупреждает Кршиж? Здесь? Ведь в городке все знают друг друга! Здесь о людях почти все известно, и каждая парочка, направляющаяся, скажем, в лес, непременно будет замечена чьим-нибудь недремлющим оком, а каждый новый шкаф, привезенный в квартиру, обязательно станет предметом обсуждений. Старая сельская привычка... И опять Кршижу пришлось долго кричать, чтобы успокоить людей, начавших бурный обмен мнениями теперь уже по поводу оружия.

Только Бланка молчала. Но девушка чувствовала, что наступил действительно большой день, историческая, неповторимая минута, чрезвычайно серьезная и торжественная. От

волнения у нее даже дух перехватывало. Ей хотелось плакать от счастья, как и три года назад, когда она, держа в руке красный флажок, вместе с тетей встречала первые советские танки или когда из концентрационного лагеря вернулся ее отец. В тот день на перроне играли государственный гимн, а на флагштоке после долгих лет вновь взвился государственный флаг. Нечто подобное она переживала и сейчас.

Она так ушла в себя, что Земан вынужден был дважды ее окликнуть, и только после этого она заметила его. Он протиснулся к ней сквозь толпу спорящих, с которыми минуту назад сам жарко дискутировал.

— Я только хотел тебя спросить, — несмело выдавил из себя Земан, — не пошла бы ты патрулировать со мной в паре?

Намек был настолько прозрачен, что Бланка даже покраснела. Девушка отвела глаза, не зная в первый момент, что ответить, но потом решительно покачала головой:

— Не сердись, Гонза! Я пойду с Карелом! Знаешь, после того бала я с ним дружу...

Земан понял, что в ту ночь, когда впервые встретился с Благой, он проиграл все. В том числе и свою любовь.

— Тогда прости, — с трудом проговорил он и быстро исчез в толпе, чтобы никто не заметил его обидного поражения.

Но от внимания Карела Мутла его робкая попытка не ускользнула.

Уже несколько часов в городке дежурили патрули. Они ходили по улицам, по площади, мимо фабрики. И казалось, что все в городке идет по-старому: тот же ритм, тот же распорядок, те же привычки. Одно только было новым — красные флаги на воротах и на трубе завода Чадека.

Как раз перед этими воротами остановились Бланка и Карел Мутл с красными нарукавными повязками. И было им хорошо оттого, что они могли долгое время быть вместе, не скрываться от кого-то, не встречаться тайно. Сейчас они разговаривали на глазах у всех, глядя друг на друга влюбленными глазами, прохаживались вдоль забора. Вот только руки немного мерзли, но разве холод — помеха для влюбленных? Любовь хорошо должна греть, как поется в старых фабричных песнях. В городе было тихо, и они могли мечтать и забавлять себя приятными разговорами, на которые так горазды влюбленные. Они могли бы патрулировать вот так до самой смерти!

Неожиданно издали донесся гул мотора, и вскоре из-за угла показался грузовик, крытый брезентом. Сидевшие в нем люди, видно, не ожидали увидеть здесь патруль — водитель резко затормозил, и машина остановилась почти рядом с Бланкой и Карелом.

Из кабины высунулся инженер Чадек и с удивлением спросил:

— Что случилось, Карел?

— А что могло бы случиться?

— Почему закрыты ворота? Откройте, у меня нет времени!

Карел Мутл побледнел. Однако, когда он заговорил, голос его был решительным и твердым.

— Это невозможно!

Чадек вышел из машины:

— Вы с ума сошли! По какому праву? Это мой завод!

— Был, пан инженер!

Чадек закричал, не в силах сдержать себя:

— Как так был?! А кому он принадлежит теперь?

— Нам, тем, кто на нем работает.

Штабс-капитан Кристек, сидевший в кабине вместе с Чадеком, взвизгнул от злости:

— Что вы там с ним нянчитесь, Чадек? Откроем сами! Ребята, вылезай!

Из кузова грузовика на мостовую выпрыгнуло человек двадцать. «Ребята» эти были уже далеко не молодыми, но, судя по внешнему виду и манерам, относились к числу любителей почесать кулаки.

Чадек испугался:

— Подождите, пан штабс-капитан! Не надо насилия. В этом нет никакого смысла. Я попробую решить вопрос иначе. Пойду за помощью к председателю национального комитета. Ведь это настоящее своеволие, а своеволие не может быть чьей-либо программой. Сам я всегда был сторонником благоразумия и терпимости... — Он повернулся и помчался в национальный комитет.

Мутл тихо сказал Бланке:

— Беги в цехи за людьми. Скажи им, что дело плохо.

Бланка кивнула и исчезла за воротами завода.

Таким образом, перед закрытыми воротами остались один на один Карел Мутл и штабс-капитан Кристек, если не считать его братии. Обе стороны воинственно поглядывали друг на друга.

Но одиночество Карела длилось недолго. Заводские ворота широко распахнулись, и не успел Кристек опомниться, как перед ним уже стояла стена людей, молчаливая, грозная.

Грузовик дернулся назад и остановился, окруженный парнями Кристека. Ни единое слово не нарушало тишину. Стороны обменивались только враждебными взглядами. Противники ожидали, кто первым даст сигнал к атаке.

К счастью, в это время на улице показались три человека, спешившие сюда. Это были инженер Чадек, председатель Брунцлик и старший вахмистр Земан.

— Товарищи, люди... — на ходу проговорил Брунцлик, стараясь успокоить рвавшиеся наружу страсти.

Рабочие, стоявшие перед заводом, молчали.

— Что вы делаете? — продолжал председатель. — Будьте благоразумны. В нашем городе всегда было спокойно.

В ответ — молчание. Никто не отреагировал на слова Брунцлика.

— У нас в республике есть более серьезные заботы, чем эти ненужные споры в пограничном районе. За это вас не поблагодарил бы и сам пан председатель правительства. Это предприятие слишком маленькое. Согласно закону, оно не подлежит национализации. Поэтому пан инженер совершенно прав. Разойдитесь и пропустите его на территорию завода.

Неожиданно раздался голос старого Свободы:

— А что он там хочет делать?

— Я хочу взять со склада свои ружья, — ответил Чадек.

Стена из людских тел недовольно качнулась:

— Нет!

Чадек повернулся к Брунцлику:

— Вот видите, пан председатель, я отношусь к ним по-доброму, как всегда. А они... Прямо не знаю, что делать. Я хочу взять только ружья, — неожиданно повысил он голос. — Эти ружья — плод моей работы, моего мозга. Я изобрел и сконструировал это комбинированное ружье. И поэтому хочу забрать свое творение, а завод пусть остается в их руках. Но ружье... ружье мое!

— Вот это? — насмешливо спросил старый Свобода и показал ему оружие, которое он до сих пор держал за спиной.

— Люди... — снова умоляюще заговорил Брунцлик.

— Нет! — прозвучал однозначный ответ.

Беспомощность, страх и отчаяние вызвали в Брунцлике взрыв истерии:

— Вот вы как! Пан старший вахмистр, уступаю место вам! Наведите порядок! Мы органы народной власти и не позволим, чтобы нам диктовала улица.

Теперь все выжидающе смотрели на Земана. Старший вахмистр медленно двинулся к Свободе и, подойдя к старому рабочему, протянул руку за оружием, которое тот держал. Свобода попятился.

— Дайте сюда ружье! — приказал Земан.

Наступившая минута была решающей. Все хорошо знали: этот парень в зеленой форме получил приказ, который должен выполнить. И все же...

Свобода молча и нерешительно протянул Земану оружие.

Земан осмотрел ружье, взвесил его в руке, потом открыл затвор и удовлетворенно проговорил:

— Все в порядке! Заряжено! — Затем он повернулся к Брунцлику, Чадеку, Крчстеку и его шайке, наставив на них ружье.

— Это красное знамя, пан председатель, является знаменем моего отца. Против него я никогда не пойду! — И он с ружьем в руках на глазах изумленного Брунцлика присоединился к рабочим.

Десятки человек, твердо стоявших у заводских ворот, одобрительно зашумели. Этот возглас и громкое скандирование: «КНБ идет с народом!», «Да здравствует КНБ!» — будто гроза пронеслись над заводом и улицами городка, сопровождая трусливо удиравший грузовик Чадека и Крестека.

Рабочий отряд уже имел не одно, а сотни ружей, и все они находились теперь в верных и надежных руках.

8

На вилле Чадека царил переполох. Распахнутые шкафы, разбросанные листы бумаги, переносимые по полу сквозняком... Набивавшиеся вещами чемоданы то ставились в одном месте, то почему-то переносились на другое; люди в суматохе спотыкались о них. Пани Инка, всегда такая хладнокровная и целеустремленная, вдруг потеряла голову. Она бессмысленно вытаскивала одежду из шкафов, чтобы тут же положить ее в другое место. Она бросалась за какими-то мелочами, без которых, как ей вдруг начинало казаться, она не проживет, потом хваталась за какую-нибудь вазу, как будто это было сейчас самым важным на свете...

Когда среди этого переполоха послышался звук затормозившего перед виллой автомобиля, пани Инка подскочила к окну. Перед входом остановился роскошный лимузин, из которого вышли стройный молодой священник и элегантный мужчина с седеющими висками.

Пани Инка полетела по ступенькам навстречу и радостно обняла в дверях элегантного мужчину.

— Бертик! Как хорошо, что ты здесь! Именно сейчас! — Она истерически заплакала. — Ты не знаешь, что с нами произошло, Берта...

Франт быстро высвободился из ее объятий:

— Со всеми сейчас что-то происходит, дорогая... Позвольте мне вас представить, — обратился он к молодому священнику, который не торопясь подошел к ним и стоял молча. — Это Макс, мой хороший приятель... Однако хватит с нас твоих сцен, Инка. У нас просто нет времени. Надо собрать в кулак всю энергию и волю.

В это время появился инженер Чадек и в ужасе уставился на своего брата. Значит, обстановка действительно серьезна, если уж сам Роберт приехал.

Роберт даже не поздоровался с братом.

— Пойди помоги нам, — сказал он. — Мы не можем взять все это с собой. Надо кое-что перепаковать.

Все трое мужчин направились к машине за чемоданами...

Инженер Чадек втащил в комнату объемистый чемодан Роберта и тяжело уселся на него. Вытер носовым платком вспотевший лоб.

— Как дела в Праге, Берта? — решился наконец он задать этот неприятный вопрос.

— Дртина больше не работает в министерстве, — махнул рукой Роберт. — Он там пытался еще чего-то говорить, добиваться, но его выгнали, представь себе, как мальчишку. Всех их повыгоняли. И они теперь испуганно пищат, бегают по кругу, как зайцы. Лихорадочно снимают со счетов деньги, вместо того чтобы драться. Слабаки! Разве так делается большая политика? Ведь этот их жалкий правительственный кризис — позор на весь мир.

— И что, никакой надежды, Роберт? — испуганно спросил Чадек.

— Надежда еще есть. Бенеш! Но это такая карта, на которую не поставит даже Макс, а он игрок весьма толковый и оправданного риска не боится.

— Значит, конец! — Пани Инка застонала.

Оба брата недоуменно посмотрели на нее, будто удивляясь, откуда она вообще здесь взялась. Но молодой священник, который до сих пор безучастно грел руки у раскаленной решетки камина и делал вид, что все здесь происходящее его не касается, повернул к ней свое лицо:

— Нет, это только начало, пани. Теперь мы должны начать бороться снова, по-другому. Тверже, умнее, без сантиментов. Эта крепость пала из-за своей слабости и внутренних раздоров. Я уверен, что мы сможем захватить ее снаружи.

— Но каким образом? — слабо возразил Чадек. Его голос выражал совершенную безнадежность. — Как мы можем сделать это?

— Ваш городок — как раз самое идеальное место, откуда быстрее всего упорхнуть за границу, — засмеялся с видом превосходства Роберт. — Мы знали это и потому имеем здесь своего человека, который на нас работает. Кое-что он уже сделал.

— Здесь, у нас? Кто же это? — спросил инженер Чадек.

Роберт таинственно улыбнулся.

— Увидите, — сказал он, сбросил пальто, ослабил узел галстука и свалился в ближайшее кресло. — Ты могла бы предложить нам чего-нибудь, — бросил он Инке, давая понять, что об этом деле он говорить больше не будет.

Земан стоял по стойке «смирно» в канцелярии районного отдела КНБ. Мимо старшего вахмистра, нагоняя на него страх, прохаживался его начальник надпоручик Блага. Наконец Блага остановился.

— Вы с ума сошли, Земан! — воскликнул он и бросил на

стол перед Земаном какие-то бумаги. — На вас жалуется сам председатель районного национального комитета. Вам известно, что он в два счета может вытряхнуть вас из вашей зеленой формы? И ему надо было бы это сделать. Все равно из вас не получится порядочного полицейского. Что вы отмочили возле завода? Вы думаете, что поможете Готвальду, если будете устраивать здесь беспорядок? Мы — государственная власть и должны защищать законы. Когда правительство примет новый закон о национализации и начнет проводить его в жизнь, мы будем защищать этот закон! Но чтобы до того... Подобные действия до принятия соответствующего закона — самоуправство, незаконность, преступление!

Земан стоял перед ним бледный, потрясенный его вескими и неоспоримыми аргументами.

— Наверное, я плохой полицейский, пан надпоручик, — согласился он. — И когда я сам решу, что пришла пора, я подам рапорт об отставке и уйду на гражданскую работу. Но я не могу забыть, что пришел на службу прямо из концлагеря и что я — рабочий!

В это мгновение двери распахнулись, и в кабинет Блага без всякого разрешения влетел Бартик.

— Включите радио! — кричал он. — Быстрее! Готвальд говорит сейчас на Вацлавской площади! Бенеш подписал отставку! Мы выиграли!

Он подбежал к радио, и Земан, который сразу же забыл, что явился на доклад к начальнику, тоже подскочил к радиоприемнику. Ян и Лойза в возбуждении даже не заметили, как остались в помещении одни.

Надпоручик Блага, не закончив разносить своего подчиненного, тихо выскользнул из кабинета. Он на ходу застегнул пуговицы своего кожаного пальто, по старой привычке приподнял воротник, надвинул фуражку на лоб. Его внимательные глаза с профессиональной тщательностью ощупали пустынную улицу.

Затем он быстро зашагал вверх по холму в направлении леса.

Длинными быстрыми шагами отмерял Блага расстояние до полевого аэродрома. Чтобы сократить путь, он преодолел небольшую ложину и направился прямо к деревянному строению, стоявшему на краю летного поля. Опершись спиной о дверь, он бросил изучающий взгляд вокруг и вошел в дом.

В тот же миг из леса вынырнула фигура человека, серая и невыразительная, как тень, неотличимая пока что от других теней, которые бросали на землю зайндевевшие сосны, кусты малины, ежевики и можжевельника под низким, грязным февральским небом.

Несколькими перебежками неизвестный приблизился к дверям, за которыми только что исчез Блага. С минуту он настороженно слушал, потом легко надавил на дверь, и та, на первый взгляд запертая, под давлением его руки медленно открылась. В другой руке неизвестного был пистолет.

— Хватит, пан надпоручик, отпередавались!

Блага резко обернулся. Перед ним стоял человек в темном потрепанном пальто, в такого же цвета помятой шляпе. Он иронически улыбался, не опуская пистолета. Блага инстинктивно потянулся к подмышечной кобуре, но голос неизвестного остановил его:

— Стоп! Не двигаться! Я стреляю так же быстро и метко, как и вы! — Затем последовал приказ: — Положите этот радиопередатчик на землю! Придвиньте его ко мне ногой!

Блага медленно нагнулся и поставил возле ног незнакомца маленький переносной радиопередатчик. Потом потихоньку носком ботинка толкнул его к неизвестному. Он подчинялся беспрекословно, но чувствовалось, что в эту минуту он лихорадочно думает, как поступить, напряженно ищет хоть какой-нибудь просчет в действиях неизвестного, ну хотя бы расслабления на какую-то сотую долю секунды, в течение которой черный зрачок пистолета ушел бы в сторону. Он бросился бы на землю, совершил бы непостижимый кувырок, как его учили, молниеносно вытащил бы оружие и еще быстрее выстрелил бы. Но он не может этого сделать! Боже, он все еще не может!

Неизвестный долго молча наблюдал за ним. Может быть, он не знал, что делать дальше, а может, просто хотел таким образом окончательно выбить Благу из колеи. Однако в течение этих долгих минут, пока он хмуро смотрел на Благу, его рука с пистолетом не дрогнула. Он сказал:

— Ваше оружие я потом заберу сам. Мне бы не хотелось, чтобы вы сейчас к нему прикасались. Знаете что? Садитесь пока. Вот сюда. — Он ногой пододвинул к Благе какой-то старый ящик, валявшийся в углу.

Блага сел, не спуская глаз с неизвестного. Он все еще настойчиво ждал удобного случая.

Неизвестный слегка улыбнулся, и эта мрачная улыбка не предвещала Благе ничего хорошего. Впрочем, это была даже не улыбка, а едва заметное искривление узких губ.

— Давайте сначала поговорим. Я не спешу. Хотите знать, что меня интересует?.. Кто еще придет, кроме вас?

И тут раздался резкий повелительный голос:

— Я! Руки вверх! Бросай пистолет! Лбом к стенке, быстро!

В дверном проеме стоял Земан с автоматом в руках.

Неизвестный даже не пытался сопротивляться. Он бросил пистолет на землю и повернулся к стене.

Блага с облегчением встал:

— Отлично, Земан! Вы пришли как раз вовремя! Из вас получится когда-нибудь хороший полицейский!

Земан сиял от счастья.

— Вот видите, пан надпоручик, — сказал он. — Лойза был прав. Наконец-то мы захватили этот передатчик. Лойза снова поймал его сигналы. На одну лишь минутку, но этого было достаточно. Я не мог сидеть спокойно.

Блага дружески похлопал его по плечу:

— За это, Земан, я представляю вас к повышению в звании. И Бартика тоже.

Он поднял пистолет неизвестного, положил себе в карман. Потом подошел к задержанному сзади и со знанием дела провел руками вдоль тела.

— Больше ничего нет! Наденьте на него наручники, Земан!

Земан выполнил приказание.

— А теперь отведите его, — распорядился Блага. — Он ваш, вы имеете на это право. — Он нагнулся и поднял передатчик. — А эту игрушку я пока возьму с собой. Надо осмотреться вокруг, может быть, он был не один.

Он еще раз посмотрел на неизвестного и быстро вышел. Через минуту он уже исчез в лесу.

После ухода Благ Земан подошел к незнакомцу и ткнул автоматом ему в спину:

— Пошли!

Однако тот тихо процедил сквозь зубы:

— Болван! Сними с меня наручники! Быстро! Ведь он изменник!

Земан изумленно вытаращил глаза — он ничего не понимал.

— Я поручик Житный из второго отдела областного управления государственной безопасности. В левом нагрудном кармане лежит мое удостоверение. Меня послал сюда капитан Калина, ты его хорошо знаешь. С самого первого дня моего появления здесь я нахожусь в контакте с Богумилом Кршижем, председателем районного комитета партии.

Вот это да! Такие повороты сбили бы с толку и старого, опытного полицейского, не то что горячего, помешанного на романтике зеленого юнца, каким все еще был Земан. Кому теперь верить — командиру или этому незнакомцу? В замешательстве Земан забыл о всякой осторожности. Он опустил автомат и сунул руку в левый карман незнакомца.

Удостоверение действительно лежало там!

Неизвестный теперь уже командирским тоном приказал ему:

— Беги в районный комитет! Быстрее! Пусть мобилизуют народную милицию и займут аэродром! Это их канал на Запад. Туда не должна проскочить и мышь!

Пани Инка была как во сне. Сначала ее обуял ужас, когда в дверях аэроклуба, к которому они в невероятной спешке добирались в лимузине Роберта, появился надпоручик Блага. Он улыбнулся Инке, но ей вдруг стало страшно...

Роберт сказал:

— Вот этот человек нас здесь и ожидает. Не бойтесь, он надежен, хладнокровен и точен как машина.

Однако испуг пани Инки не прошел. Наоборот, с этой минуты страх стал душить ее как петля. Казалось, ожиданию не будет конца. Пассивное времяпровождение убивало ее, наполняло душу отчаянием, и беспокойство женщины передавалось всем. Инка причитала:

— Что с нами будет? Господи, что с нами будет?

— Спокойно! Никаких истерик! — прикрикнул на нее Блага. — Нас не оставят на произвол судьбы. Это надежные, хорошие ребята, я знаю их! — Он настойчиво работал на передатчике, посылая в эфир серии зашифрованных сигналов. Неожиданно он просиял: — Спокойно, уже летят!

Через минуту вдали над облаками раздался глухой рокот авиационных моторов.

— Они здесь! Слава богу! — выкрикнул инженер Чадек и высунулся из маленького окошка.

Началась суматоха. Все лихорадочно похватали свои чемоданы и устремились к выходу.

Однако священник преградил им дорогу:

— Всем ждать здесь! Никакого лишнего движения на поле! Пусть они спокойно сядут. Выходить по моей команде!

Над аэродромом несколько раз пролетел маленький самолет, видимо, пилот выбирал место для посадки. Священник, стоя перед аэроклубом, махал руками и указывал направление ветра. Самолет приземлился и, не заглушая моторов, подкатил к зданию, где прятались беглецы, которым он казался сказочной птицей, несшей на своих крыльях надежду.

— Самолет сел, — сказал священник тем, кто был внутри, и скомандовал: — Вперед!

Из здания выбежали возбужденные, растерянные люди с сумками и чемоданами.

И тут совсем неожиданно на краю аэродрома раздались выстрелы. Беглецы оглянулись, и кровь застыла у них в жилах.

Растянувшись цепью, к ним бежали люди с красными повязками на рукавах.

Это была народная милиция. Тут же бежали Кршиж, Земан, Бартик и тот неизвестный.

Блага яростно крикнул преподобному отцу:

— Дело дрянь, Макс! Этот идиот отпустил его! Отстреливайся на ходу!

Сам он во время бега обернулся и несколько раз выстрелил из пистолета. Цепь милиционеров мгновенно залегла.

На глазах у всех Макс сбросил свою черную сутану и из кармана гражданского пальто, которое под ней скрывалось, вытащил пистолет. Он бросился за Благой, стреляя в преследователей на бегу твердой рукой солдата, а не осеняющей крестным знаменiem дланью священника.

Пани Инка бросила чемодан, упала, снова поднялась. Она понимала — сейчас решается вопрос о ее жизни. Казалось, кроме страха, она ничего не испытывала. Она уже перестала осознавать, что происходит вокруг нее. Единственное, что она видела, это удаляющуюся фигуру Благой.

— Не оставляй меня здесь, Павел! Ради бога, не оставляй! Возьми меня с собой!

Она споткнулась, снова упала и не смогла подняться — не было сил.

Двое мужчин, бежавших перед ней, приближались к самолету, но машина уже начинала разбег. Пилот, конечно, понял, что произошла какая-то осечка, испугался и, не желая рисковать, решил удрать.

Блага, бежавший впереди Макса, заорал:

— В той стороне, на запад... баварская граница!.. Беги туда!

Самому ему удалось догнать самолет, который уже отрывался от земли, и схватиться за полуоткрытую дверцу.

То, что произошло, смахивало на отчаянный каскадерский трюк, от которого даже дух захватывало. Стрельба утихла, все теперь смотрели вверх, словно загипнотизированные.

Около минуты надпоручик Блага висел на руках над пропастью, которая все более увеличивалась под ним, затем чьи-то руки подтянули его вверх, и вскоре он исчез в брюхе самолета. Набирая высоту, самолет удалялся на запад. Внизу гремели выстрелы, но сидевшие в самолете уже не слышали их из-за шума моторов.

Четверо беглецов-неудачников — братья Чадеки, штабс-капитан Кристек и пани Инка — медленно поднимались, держа руки высоко над головой, ошарашенные и потрясенные всем происшедшим. Их надежды превратились в маленькую точку, готовую вот-вот исчезнуть в сером зимнем небе. Два человека, которым они доверились, бросили их. Один непостижимым образом сумел улететь, а второй...

Второй еще не сдавался, он убегал, петляя, словно заяц, стрелял через плечо, наугад. До леса ему было уже рукой подать, а там — спасение! Лес для лисицы — дом родной. Гоните ее, охотники, по чащам и оврагам, по сестням и тысячам

тропинок. И хотя круг замыкался, поблизости был спасительный лес, который своими густыми ветвями и кустами ставил заслон между ним и его преследователями.

Но, вбежав в заросли, человек вынужден был остановиться. От нового приступа страха сердце его забилося так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. А все дело было в том, что в спину ему уперся жесткий ствол и хриплый суровый голос приказал:

— Хватит погони! Руки вверх! Бросай оружие!

Макс выполнил приказ и, бросив пистолет на землю, сделал резкое движение, намереваясь обезвредить противника... За ним стоял старый мужчина в потрепанном ватнике, держа в руках не винтовку, а обычную стариковскую палку. Макс бросился на старика точно зверь, готовый убить его за такие шутки, но было уже поздно.

Минутной задержки хватило, чтобы его догнали и окружили. Теперь на него были направлены стволы винтовок и автоматов.

Старый Выдра довольно проговорил:

— Попался-таки, субчик. Берите его, ребята!

Наш таинственный незнакомец, поручик Житный из областного управления госбезопасности, с чувством большой признательности пожал руку старику:

— Вы оказали нам большую помощь. Этот человек не кто иной, как капитан Максимилиан Павлик, американский разведчик, опытный и опасный враг нашего государства. Ну что ж, можно сказать, охота наша удалась!

— Жаль, что Блага ушел, — удрученно произнес Земан. — Это я виноват, товарищи!

— Никакой ошибки с твоей стороны не было, — ободряюще сказал Житный. — Мы его еще поймаем, увидишь. Я сам на него крепкий зуб имею! — Он ловко надел на арестованного наручники и сказал: — Вот и пришел конец этой авантюре! Теперь нас ожидает не столь романтическая, а, напротив, более тяжелая и ответственная работа. — И он скомандовал: — Пошли!

УБИЙЦА СКРЫВАЕТСЯ В ПОЛЕ

1

Официальное название этой местности было совершенно иным, но все называли ее Красивой долиной, поскольку это определение более всего подходило к этому захолустному уголку чешской земли.

— Действительно красиво!

— Вы что-то сказали, товарищ поручик?

— Нет, ничего. Остановись!

Служебный седан зеленого цвета мягко затормозил перед дорожным указателем «На высотах» и остановился на обочине. Поручик Земан нетерпеливо открыл дверцу и вышел из машины.

— Пойду дальше пешком.

— Мне вас тут подождать?

— Нет, поезжай в Тршемошнице, выпей кофе на станции, а потом привези мне сюда в национальный комитет участкового.

— Есть, — улыбнулся ему из окошка водитель, и машина снова тронулась по избитому шоссе. Поручик Земан некоторое время смотрел ей вслед, затем пружинисто спрыгнул на обочину дороги. Сделав еще несколько шагов, он перепрыгнул через канаву и остановился, опершись о потрескавшийся ствол старой сливы. Перед ним простиралось большое ржаное поле. Налитые зрелым зерном колосья слегка волновались при слабых порывах ветра.

Стояла духота. От раскаленного хлебного поля исходил жар. Земан зачарованно смотрел на долину, не в состоянии сдвинуться с места. Перед ним открывался милый сердцу вид на родную чешскую землю, словно нарисованный на картине. Внизу диковинно петляла между заросших берегов тихая речушка. Там, где ее поверхность была подернута мелкой рябью, солнечные лучи отражались множеством серебряных зайчиков. Вдали за рекой высились поросшие лесом холмы. Воздух был настолько чист, что, несмотря на расстояние, можно было отчетливо увидеть верхушки старых елей, усыпанные шишками, и яркую зелень берез.

В этой прелестной долине лежала деревушка: домов тридцать—сорок, выбеленных мелом, небольшой костел с пузатой башенкой в окружении могучих лип и дом с крышей в стиле барокко. Что это еще могло быть, как не крыша дома священника? И над всем этим — чистое небо, полное голубизны и покоя, с одним-единственным белым облачком, выплывшим между вершинами холмов за рекой. Поручик Земан не стал возвращаться на шоссе и двинулся по проселочной дороге, которая вела к деревне через глубокую балку. Ему было хорошо, как никогда. Земан перебросил через плечо пиджак светлосерого костюма, нагнулся и, как когда-то в детстве, сорвал на меже стебелек травы. Ему вдруг захотелось почувствовать себя беззаботным бродягой, о котором поется в старой песне. Он взял стебелек в рот, пожевал его горьковатый конец и засвистел ту самую песенку о бродяге. Неожиданно его насвистывание прервалось.

«Теперь, когда у нас есть, чего мы хотели, веселее за работу!..» — заорал вдруг громкоговоритель на одном из первых домов.

Идиллического настроения как не бывало. Разом исчезли навевающие сон стрекотание сверчков и жужжание пчел.

Правда, через секунду звук громкоговорителя пропал. Теперь до Земана доносилось только прерывистое шипение. Однако тут же рев раздался с новой силой, будто взорвался снаряд. Эти ужасные звуки всполошили гусей и собак, на крыльцо некоторых домов вышли любопытные жители.

Когда поручик Земан миновал густые заросли сирени на окраине деревни, он увидел мужчину, стоящего на высокой лестнице и устанавливающего на доме этот дьявольский аппарат.

— Пан управляющий, слышите? Везде хорошо слышно? — кричал человек кому-то внизу.

Земан остановился почти у самой лестницы и засмеялся:

— Не бойся, твое радио услышал бы и глухой!

Мужчина на лестнице обернулся, с удивлением посмотрел на него, потом вскрикнул:

— Гонза, боже мой, как ты здесь очутился?

Он быстро спустился с лестницы, позабыв о чуде современной сельской техники вещания, которое без его помощи продолжало издавать громкие хриплые звуки.

Мужчины крепко пожали друг другу руки, обнялись, а потом вдруг начали смеяться, бог знает почему, может быть, от радости, а может, просто от удивления.

— Вот уж никак не ожидал, Карел, что именно тебя увижу здесь первым!

— Думаешь, я ожидал тебя увидеть? Пошли к нам! Бланка с ума сойдет от радости, когда тебя увидит. Такую встречу после стольких лет нужно непременно отметить, — торопливо сыпал Карел Мутл.

Он схватил Земана под руку и повел через пыльную деревенскую площадь к своему дому. Как во всякой деревне, за ними наблюдали десятки любопытных глаз.

За окнами цвели кусты мускатного ореха, внутри сияли белизной занавески — все было так, как и должно быть. По полу медленно двигалось светлое пятно солнечного луча, о стекло с нервным жужжанием билось несколько мух в напрасных попытках вырваться наружу.

Это был хороший уютный домик. Земану уже показали все небольшое хозяйство: сарайчики, крольчатник и, конечно, розового поросеночка Лойзу. Откуда-то прибежала Мушка, облезлая и наверняка блохастая деревенская собачонка неопределенной породы, именуемая дворняжкой, и с огромным удовольствием принялась тереться о штанину гостя. Ему пришлось погладить это ласковое существо.

— Вот эти окна заложу и сделаю одно большое, трехстворчатое, — объяснял Карел.

— Зачем? — удивился Земан. — Мне больше нравится так. Своим современным окном ты испортишь всю привлекательность фасада.

— Перестань. Ты бы стал жить в таком доме? Здесь уже многие сделали в своих домах большие окна. Я обещал Бланке построить и веранду. Теперь на них большая мода. Только когда? До двух работаю на фабрике, а после обеда не знаю, куда бежать, хоть на части рвись: национальный комитет, добровольная бригада, сельхозкооператив, партсобрания... Бланка злится, что я все время пропадаю на собраниях. Нас всего тут раз, два и обчелся, всем приходится вертеться, но больше всего достается ломовым лошадям, к которым отношусь и я.

— Хватит плакаться, все равно ты любишь общественную работу, ведь я тебя знаю. И до веранды очередь дойдет, когда тебе к Бланке подлизаться нужно будет, — засмеялся Земан.

После пятилетней разлуки они снова сидели вместе — он, его старый друг Карел Мутл, жена Карела Бланка, которая когда-то ответила Земану отказом, и ее отец, бывший фрезеровщик с завода Чадека, теперь уже пенсионер, Йозеф Свобода.

Бланка поставила на стол все, что могла найти в лихорадочной спешке хозяйка, встретив неожиданных гостей. Она открыла прошлогоднюю банку чудесной свинины, нарезала своего хлеба, который был вкуснее, чем городской. Карел открыл бутылку настоящей моравской сливовицы, по его словам, тоже домашней.

— Столько лет, Гонзик, столько лет мы не виделись! — повторял уже в который раз Свобода, покручивая в руке недопитую рюмку. — Я до сих пор не забыл, как во мне все оборвалось, когда ты сказал мне тогда перед заводом: «Дайте сюда ружье!» Откуда я мог знать, что ты только хотел убедиться, что оно заряжено?

— Не ворошите прошлое, дедуля, — нетерпеливо проговорил Карел. — Сейчас уже другое время. Лучше расскажите ему, как вы меня сюда привезли и сделали из меня деревенского лежебоку.

— Вот как это произошло, — наклонился старик к Земану. — В этом доме жила наша бабушка, точнее — тетя моей жены, у которой воспитывалась во время войны Бланка. Все свое состояние, — Свобода окинул взглядом дом, — тетя завещала Бланке...

— На черта он нам сдался, этот дом? — мрачно бросил Карел.

Земан не знал, как ему себя вести. Он чувствовал какое-то напряжение, но определить причину не мог. Завладеть таким домиком — что же тут плохого? Красивый, сухой, добротная кровля. Чем же Карел недоволен?

И для Бланки эта тема была неприятна. Она поспешно начала убирать со стола, отодвинув бутылку сливовицы подальше от своих мужчин.

— А как ты поживаешь, Гонза? — попыталась она перевести разговор на другую тему. — Где ты теперь живешь?

— В Праге.

— Все еще служишь в органах безопасности?

— Служу. В криминальном отделе. Поручик.

Бланка вся порозовела и оттого, казалось, похорошела и помолодела. А Карел почему-то сделался мрачнее. Привстав, он дотянулся до бутылки сливовицы, выпил и теперь сидел, опустив голову.

Старый Свобода, улучив момент, взял бутылку из его руки и сказал:

— Черт возьми, ты уже офицер. За это надо выпить! — Он налил себе, поднес рюмку к губам и разом опрокинул ее. — Послушай, теперь тебе можно было бы и жениться.

— Представьте себе, эта мысль и мне пришла в голову, — со смехом проговорил Земан. Он заметил, как у старика дрожат руки. «Стареет, — подумал он. — Или много пьет».

Бланка, не скрывая волнения, села за стол:

— Так ты, значит, женился, Гонза?

— А что мне оставалось делать, — шутливо проговорил он, — если ты мне тогда отказала? Какое-то время я переживал, но потом в Праге встретил Лиду, очень добрую и красивую девушку. Она учительница. Подожди, я покажу тебе ее фотографию... — Он вытащил бумажник и положил перед Бланкой фотографию. — Вот она. Красивая, правда? — спросил он не совсем кстати.

Бланка не ответила, она рассматривала портрет. Лицо ее вдруг стало серьезным и грустным.

Земан положил перед ней еще одну фотокарточку:

— А в прошлом году нас стало трое. Теперь у нас есть прелестная девочка, посмотри...

Старый Свобода снова взялся за бутылку, Карел молча смотрел куда-то вниз.

— Ну а как у вас дела? — спросил Земан.

Бланка положила фотографию на стол, глаза ее вдруг наполнились слезами. Ни с того ни с сего она повернулась и выбежала из комнаты.

Земан понял, что затронул такое, о чем здесь не говорят. Он в замешательстве положил фотокарточки опять в бумажник и повернулся к Карелу:

— Я, собственно, здесь по служебным делам, Карел. Проводишь меня в национальный комитет?

Карел молча встал и направился к дверям. Земан последовал за ним.

— Но вечером ты придешь, — тоскливо произнес старый Свобода, — Ты обязательно будешь спать у нас.

Земан только кивнул, а когда, уже на пороге, обернулся, то увидел, как седая голова старика тяжело легла на сложенные на столе руки. Наверное, это от сливовицы...

Когда они вышли на пустынную в эти часы деревенскую улицу, солнце скрылось за набежавшую тучу...

2

Бурное то было время — пятидесятые годы. Оно было похоже на упряжку из двух совершенно разных лошадей: буйного молодого полнокровного жеребца, которому не терпелось мчаться вперед, и старого ленивого мерина, который больше стоял, раздумывал и пятился, чем шел вперед. Поэтому повозка, на которой мы тогда ехали к социализму, вела себя довольно странно: она то бешено неслась, с грохотом подпрыгивая на ухабах, камнях и прочих препятствиях этого тяжелого пути, то едва тащилась, трещала и стонала, ежеминутно грозя развалиться от натуги, пока молодой конь не брал верх и снова не увлекал упряжку вперед.

Да, в городах, на фабриках и шахтах, в учреждениях и на театральных подмостках, на экранах кинотеатров, в книгах и газетах все тогда было оптимистично, просто и ясно. Это было время большого, восторженного строительства, время голубых комсомольских блузок, поющих на работе добровольных бригад и майских демонстраций, которые больше походили на латиноамериканские карнавалы, чем на серьезные политические мероприятия; это было время красных знамен и веселых красных флажков.

Однако это было время, когда деревня еще не была окончательно убеждена и перетянута на сторону социализма. Подобно старой женщине, отягощенной заботами и ничего не замечающей вокруг, она упорно и уныло шла своей дорогой, не доверяя царившему в городе оптимистическому веселью. Заплатанные рубахи, разделенные межами клочки земли, головы крестьян, забитые собственническими пережитками и упрямой гордыней, — вот какой была тогда деревня.

Это было время жестоких классовых схваток, и в марши энтузиастов-строителей иногда вплетались звуки стрельбы, текла кровь. Это было время агентов-террористов и агентов-ходоков, тех азартных игроков, которые точно летучие мыши перелетали ночью в Чехословакию через западную границу с одной лишь безрассудной мыслью: помочь более слабому в этой упряжке, тому колебавшемуся, упиравшемуся мерину, повернуть воз вспять и выиграть.

Вот в какое время поручик Ян Земан приехал в Планице для встречи с членами местного национального комитета. Он уже познакомился с несколькими прибывшими товарищами, пытающимися втиснуться в школьные парты почти новой шко-

лы, которая своей строгой архитектурой сильно отличалась от деревенских изб и нескольких небольших усадеб, выходящих на площадь стрельчатыми воротами. Здесь собрались Йозеф Бабицкий, 45-летний рабочий с тршемошницкой линейной дистанции, с большими руками, очевидно, более привыкший подбивать щебень под шпалы, чем выступать на собраниях, Карел Мутл и тршемошницкий старшина КНБ Матис. Ожидали также прибытия председателя единого сельскохозяйственного кооператива Вчелака и какой-то Анны Шандовой. За ней побежали на поле.

Председатель местного национального комитета товарищ Томан, которого по традиции все называли паном управляющим, был типичным сельским учителем с гривой белых, кажущихся искусственными волос и спокойным лицом местного интеллигента, горячего патриота и просветителя. Он по привычке сел за кафедру и с ее высоты строго смотрел на своих слушателей.

Хотя были каникулы и из школы уже давно упорхнуло многоголосое эхо веселого гомона мальчишек и девчонок, здесь до сих пор держался знакомый запах, свойственный всем школьным классам: смесь аромата, исходящего от маленьких, перепачканных чернилами ладошек, на которых от трудных заданий и вопросов на уроках выступает пот, запаха завтраков и испарений влажной детской одежды.

Земан выбрал крайнюю парту в первом ряду и сел прямо на крышку, украшенную затейливыми иероглифами мечтательных резчиков по дереву, которые уже не одно десятилетие при помощи ножичка изображают на партах свои представления о мире. Все было так, как в его детские годы, только портреты на стенах висели другие.

Земан молча смотрел через открытое окно в сад, расположенный по соседству и принадлежавший священнику: стоящие в ряд улья, клумбы роз, своим ухоженным видом говорившие о том, что о них заботится педантично аккуратный, чувствительный и спокойный человек...

Наконец в помещение буквально вбежали высокая угловатая женщина, на ходу поправлявшая платок на вспотевшей голове, и коренастый молодой человек в вельветовых брюках, давно потерявших свой первоначальный цвет... Это были председатель сельхозкооператива Вчелак и член кооператива Анна Шандова.

Пан управляющий Томан по старой привычке бросил на них укоризненный взгляд, как на опоздавших учеников, и постучал по кафедре карандашом.

— Вот мы все и собрались, товарищ поручик. Это весь совет нашего местного национального комитета вместе с товарищем старшиной... И не смолите мне здесь, — добавил он строго, заметив закуривавших за партами мужчин. — Это школа,

а не курилка. Кто будет за вами убирать пепел и окурки? — Он повернулся к Земану: — Можете начинать.

Земан немного растерялся. Неожиданно ему показалось, что он вызван к доске, как в школьные годы, и ему должны задать вопрос, на который он не знает ответа. Но он превозмог непонятную застенчивость и заговорил перед внушающей страх кафедрой.

— Я — поручик Земан, товарищи, — представился он прежде всего. — Меня послал сюда товарищ Калина из министерства внутренних дел, чтобы я разобрался здесь... с одной жалобой...

Он замолчал, долго и нервно роясь в карманах, прежде чем вытащил какое-то письмо и заглянул в него. Глаза сидевших напротив его за партами людей внимательно и с любопытством наблюдали за ним.

— Некий Вацлав Босак, — продолжал он, — лесник вашего участка, написал в министерство, что здешний национальный комитет и другие местные органы не уделяют должного внимания серьезным вопросам безопасности, игнорируют их, а преступные действия, по сути дела, скрывают. В качестве доказательства он приводит случаи частых пожаров в районе, причины которых не устанавливаются, и... — Он искал точную формулировку в письме Босака. — ... и нападение на лесную сторожку, в результате которого грабители в масках украли продукты питания и одежду. Якобы это ограбление, несмотря на многочисленные настойчивые требования и протесты, не было расследовано, и, что еще хуже, властями не были сделаны надлежащие выводы...

Земан еще не договорил, а в классе уже стоял такой шум, будто взорвалась бомба. Все повставали и кричали, перебивая друг друга.

— Это черт знает что!

— Все это чепуха, Гонза! — возмущенно протестовал Мутл.

— Пошел он к чертям собачьим! — вмешался Вчелак. — Посылать донос прямо в Прагу! — Он воспользовался суматохой и тут же закурил. — После такого я обязательно должен покурить, пан управляющий, — прогудел он Томану. — Когда меня разбирает злость, я всегда должен выпить чего-нибудь, чтобы потушить огонь внутри, так что простите. — Он вытащил из кармана уже открытую бутылку пива и сделал несколько больших глотков.

— Я же расследовал этот случай, товарищ поручик, — защищался старшина Матыс. — Но ничего не обнаружил. Ни единого следа... Он выдумал это нападение. Подделал.

Однако все возмущенные голоса перекричала Шандова:

— И не стыдно вам надоедать честным людям, товарищ? Мы тут не знаем, за что хвататься, а вы морочите нам головы такой ерундой. Вы больше верите какому-то мерзавцу, чем

честным и уважаемым представителям народной власти. Хороша же у нас тогда карающая рука рабочего класса!

— Замолчите, Шандова! — прикрикнул на нее Томан, которому были неприятны ее слова. — Вы не член комитета!

Бабицкий виновато посмотрел на Земана.

— Она с ним, — показал он на Вчелака, — всегда ходит на собрания и заседания. Тоже, так сказать, представляет кооператив и следит, чтобы он не голосовал за разные глупости.

— Она вообще-то золотая женщина, заботливая, — иронически отозвался Вчелак, — если бы не ее страшный язык.

Он снова вытащил бутылку с пивом и сделал несколько глотков.

Они поняли, что зря заговорили об этом, будто не знали Анку. Она тем временем выскочила из-за парты, вбежала на возвышение, на котором рядом с кафедрой стоял Земан, и, уперев руки в бока, зашебетала ему в лицо:

— Пусть послушает, что люди ему скажут в лицо, а не в доносах!.. Мы здесь, товарищ, агитируем как сумасшедшие, чтобы убедить всех согласиться на обобществление скота, а коровник еще не достроен, потому что нет материала, да и строителей нелегко найти. Вот о чем надо было бы подумать в Праге. В кооперативе всего три тысячи крон денежного фонда, кооператив фактически у нас разваливается, потому что председатель, — она показала на Вчелака, — запутал нам все, что мог, а теперь хлещет пиво, запивая печаль. А единственный человек, который мог бы спасти дело, потому что он действительно имеет авторитет и, кроме того, является еще секретарем партийной организации, это сидящий здесь Карел Мутл, так он не хочет этого председательствования, потому что ему, видите ли, работа в деревне не подходит. Нам здесь хоть надорвись, а вам в Праге все равно, вы уже в Праге, наверное, живете в коммунизме!

Вчелаку с трудом удалось стянуть ее с возвышения.

— Молчи, Анка, ведь за такие речи тебя могут посадить!

Земан с интересом смотрел представление, вызванное его выступлением. Он не вмешивался, ожидая, пока все выскажутся. Наконец все успокоились, и он смог продолжать. Поручик говорил спокойно, без всякого волнения. Он знал людей, научился понимать их за семь лет работы в органах безопасности. Он видел разных людей — твердых и слабых, горячих энтузиастов и равнодушных, скромных тружеников и лодырей, честных и лгунов, говорунов и молчаливиков...

— Я с радостью взялся за выполнение этого задания, товарищи. Во-первых, я установил, что здесь живет мой друг, Карел Мутл, а во-вторых, этот Босак меня лично интересуется. И наконец, ведь здесь же действительно часто случаются пожары!

В классе опять воцарилась тишина. Матыс обиженно бросил:

— Но не на моем участке. Здесь у нас порядок и спокойствие.

Земан потянулся за папкой, вытащил из нее карту, разложил на столе. Все столпились вокруг, даже пан управляющий и тот сошел вниз, чтобы посмотреть.

— Сами судите, — показал им Земан. — Горит вокруг вас. Здесь... здесь... здесь... Горят амбары, стога сена, хозяйственные постройки, сараи с машинами и инвентарем. Уже месяц ходит красный петух вокруг вашей деревни. И ходит он по правильному кругу. Заметили? Знаете, что это значит? Либо это спираль, и рано или поздно она закончится здесь. Либо это круг, и в таком случае поджигатель живет тут, в вашей деревне. Вот об этом, находясь в далекой Праге, мы думали, товарищи, — говорил он всем, глядя на Шандову, которая также, как и остальные, озадаченно смотрела на карту. — И мы также знаем, что борьба за социализм гораздо упорнее и суровее, чем вы думаете. Поэтому я и приехал.

Первым пришел в себя Томан:

— Поджигатель? У нас? Это страшное подозрение, пан поручик, иначе не назовешь. Мы живем в порядочной спокойной деревне. Здесь нет даже обычных мелочных споров о межах и заборах. У нас хорошие и честные люди, я ручаюсь за них. И в период оккупации все здесь держались вместе, ни одного негодяя не нашлось. Нет, не верю! Тут никто не может сделать ничего плохого!

— Если не брать во внимание Эмана, — неожиданно подал голос Карел Мутл.

Земан насторожился:

— Кто это?

— Некий Эман Заградник, бывший кулак, забияка, пьяница и лоботряс.

— Ровно месяц назад я вынужден был задержать его за одно бесчинство, — вставил участковый. — Однако районные власти освободили его, так как якобы у меня не было достаточного материала. Знаете ведь, товарищ поручик, с прокуратурой у нас вечная проблема. Я уже тогда знал, что с ним мы хлопот не оберемся...

Когда они вошли, галдеж в трактире сразу затих. Завсегда-таи, обсуждавшие за кружкой пива различные проблемы, устремили на вошедших свои взгляды. Все здесь хорошо знали друг друга, и поэтому чужой человек, а именно такого привел сюда Карел Мутл, сразу возбуждал любопытство.

Помещение пивной было небольшим, стены посерели от дыма дешевых сигарет и сигар, который каждый вечер облаками возносился вверх и оседал на имевший когда-то зеленый цвет узор наката. Столы без скатертей были мокрыми, на них, как и на полу, лежали кучки пепла, а кружки с бурно пеня-

щимся пивом, которые разносил трактирщик, отнюдь не выглядели чересчур чистыми.

В торце длинного стола, за которым обычно собиралась местная пивная и картежная элита, сидел гармонист. Он первым опомнился от растерянности, вызванной появлением незнакомца, и приветствовал вошедших песней.

Это был уже немолодой сухощавый человек с некрасивым, но выразительным лицом и насмешливыми глазами. Он пел визгливым, срывающимся голосом и ухмылялся, поглядывая на Мутла и Земана. Сидевшие в трактире тоже улыбались, ожидая, что последует за этим.

— Это он, тот самый Заградник. Провоцирует, скотина, — нахмурившись, сказал Мутл Земану, когда они садились за небольшой столик. Не сдержавшись, Карел крикнул: — Перестань, а то получишь по морде!

Эман Заградник сразу перестал петь и с деланной наивностью спросил:

— Разве ты не любишь новые прогрессивные песни? Я думал, что доставлю тебе удовольствие!

Трактир взорвался злорадным смехом: смотрите, вот так потеха, он осмелился пошутить с председателем партийной организации, а нам, сидя в сторонке, можно позабавиться за чужой спиной... Эман, ободренный успехом у публики, тут же запел другую песню. На этот раз ее подхватили все остальные. Наверное, здесь собрались сегодня одни весельчаки. Но трактирщик почуял недоброе и прервал их веселье. Он схватил Эмана за плечо и вытолкал вон:

— Пошел отсюда, негодяй! Не хватало еще, чтобы из-за тебя конфисковали мое добро! — И он включил на полную мощность радио, из которого лилась скучная спокойная музыка в исполнении духового оркестра.

Не спрашивая Земана, Карел Мутл заказал две рюмки водки и два пива. Он считал это само собой разумеющимся. Однако Земан лишь из вежливости сделал один глоток, в то время как Карел опрокинул рюмку водки и пиво и тут же знаком попросил трактирщика повторить. Земан молча наблюдал за ним. Что происходит с этим человеком? Раньше он таким не был. И зачем Карел его сюда затащил? Чтобы посмотреть на людей? Конечно, не мешает познакомиться с ними поближе, в непринужденной обстановке, когда они веселятся. Видимо, пребывание в трактире — единственное развлечение в этом захолустье. Зайти сюда после тяжелого трудового дня, чтобы прополоскать горло плохим пивом, поболтать, попеть, поорать громким голосом «для разрядки». Но Карелу-то зачем это нужно? Ведь его ждут дела и Бланка... «Счастливы ли вообще эти два человека?» — мелькнула вдруг мысль у Земана.

Карел опустошал одну кружку пива за другой.

— Видишь их? — проговорил он вдруг отяжелевшим языком и показал на соседний стол, за которым шел разговор, не-

сомненно касавшийся их двоих. В голосе Карела уже чувствовалась жалость к самому себе, которая приходит с алкоголем. — И из-за них я должен уйти с фабрики? Бросить работу, которую люблю, бросить рабочих, с которыми прошли лучшие дни моей жизни и где доброе слово было добрым словом, а пощечина — пощечиной? Связать свою жизнь с этими недалекими сиволапыми мужиками, которые никак не хотят расстаться со своей землей и признают только одну философию: что им солнышко покажет и куда ветер подует? Нет уж! Об этом не может быть и речи!.. Две водки и два пива, пан трактирщик, — попросил он.

— Ты уже забыл, как мы с тобой когда-то запоем читали «Поднятую целину», Карел? Неужели ты не хотел бы стать здешним Давыдовым, который... — Земан искал слова, чтобы говорить убедительнее, но ничего подходящего в голову не приходило. — Какой ведет крестьянские массы и учит их рабочей правде?

Карел Мутл выпил очередную рюмку водки, запил ее пивом и сердито стукнул кружкой о стол, чтобы трактирщик принес еще.

— Нет, не хотел! Ты даже не знаешь, Гонза, как я здесь несчастен... — У него неожиданно дрогнул голос. — Не надо было нам сюда переезжать! Этот дом, который мы унаследовали, камнем висит на шее. Разве мне нужна была собственность? Да пропади она пропадом! Все мечты мои рухнули. Ты уже в Праге, ты поручик и еще можешь в жизни многого добиться... И я тоже хотел, по крайней мере заочно, хотел чего-то достичь. А в результате — ничего! Сейчас будущее страны решается на больших стройках, ребята получают ордена, а я здесь вожусь на дворе с курами, хлопочу насчет цемента, чтобы подремонтировать хлев. Да и Бланка стала здесь какая-то другая, чужая, будто эта сельская рутина обволокла ее душу. Представь себе, она даже ходит помогать нашему священнику, она, жена коммуниста, председателя партийной организации!.. А какая это была раньше девушка, помнишь ее в феврале сорок восьмого? Твердая! Сильная! Настоящая комсомолка! Ведь ты же мне тогда завидовал, ну признайся, что завидовал... Все вы тогда мне завидовали... А здесь она стала на себя не похожа...

Так Карел прерывающимся голосом изливал накопившуюся в нем горечь и пил, пил, пытаясь утопить свою боль на дне рюмки и пивной кружки.

Земан молчал, слушал, грустно смотрел в отсутствующие глаза Карела, которые все больше и больше угасали и блекли... Когда Земан днем осматривал с пригорка этот райский уголок, окруженный зеленью прелестных рощиц на холмах, любовался гладью реки, поверхность которой волнует слабый, напоенный ароматом ветерок, лугом и полями, он думал, что

здесь должны жить только счастливые люди. Увы, ожидание его не оправдалось. Такие люди здесь не живут, к сожалению.

И ему стало очень жаль чего-то...

Когда Земан с Карелом дотащились до дома, было уже довольно поздно.

— Не сердись, Бланка, — оправдывался Земан. — Мы немножко выпили, ведь столько лет не виделись. Уложи его спать, он за ночь проспится.

Но Карел Мутл схватился за дверной косяк и не хотел идти дальше. Бланка даже с места не тронулась, чтобы ему помочь, только покраснела от стыда. Тогда поднялся старый Свобода, схватил Карела под руки и оторвал его от косяка.

— Пойдем, Карлуша, я тебе постелю...

Карел, однако, вырвался и, бросив на Бланку сердитый взгляд, проворчал:

— Оставьте меня, я сам все сделаю.

Покачиваясь, будто шел по палубе корабля, он побрел в спальную комнату. Свобода на всякий случай пошел следом.

Земан и Бланка остались в горнице одни. Только сейчас при свете электрической лампочки Земану бросилось в глаза безвкусное сочетание городских вещей и предметов сельского быта. На полу, выкрашенном коричневой краской, лежал новый ковер, стояли тут книжный шкаф и современный диван, за диваном на стене висело какое-то подобие ковра с оленями и луной, на кресле лежала подушка с вышитыми красными маками, на столе красовалась ваза с искусственными цветами, возле нее овальная рамка со свадебной фотографией — две прижатые друг к другу головы, как будто фотограф в приступе бешенства сломал изображенным на ней людям позвоночники.

Бланка села на диван под фотографией, грустно опустила руки и, не поднимая на Земана глаза, тихо выдавила из себя:

— Это не единственный случай, Гонза. Он теперь пьет гораздо чаще...

Земан сел рядом с ней и тихо, осторожно спросил:

— Никак не могу понять, Бланка... Что между вами произошло?

— Не знаю, — печально ответила Бланка. — Что-то испортилось. Как в часах иногда пружина ломается... Пробежала вдруг между нами черная кошка — и все, конец. Но в этом виноват только он! — повысила она голос.

Земан не удержался, спросил:

— А священник?..

Бланка вспыхнула:

— Неужели жаловался?

— Я всегда считал тебя неверующей.

— То, что я делаю, не имеет отношения к вере, — отрезала она. — Поверь мне. Я такая же, какой была прежде. Дело в том, что я в долгу перед этим священником. В период оккупации, когда гестапо арестовало моих отца и мать, а все жители деревни, испугавшись последствий, отвернулись от нас, он единственный не испугался и ходил к нам с тетей. Этот человек помогал нам и делом и советом. Он много раз приносил нам еду, а мне игрушки. А теперь он совсем старый и одинокий. Я хоть убираюсь у него время от времени. Что в этом плохого? По крайней мере с мудрым человеком могу поговорить. Он добрый, Гонза. Гораздо лучше некоторых жителей этой деревни.

— Тебе, конечно, виднее, — сказал Земан. — Я верю тебе! — И он сочувственно погладил Бланку по руке.

Они сидели перед домом на деревянной скамейке и молча смотрели на небо, усеянное яркими звездами. Прямо против них висела Большая Медведица. Звезды сверкали над их головами точно украшения на рождественской елке, только вытяни руку, немножко приподнимись на носках — и дотянешься до этого блестящего чуда. Некоторые звездочки мигали, как будто замирали в огромной дали, потом вдруг отрывались и, падая вниз, сгорали.

Когда падает звезда, то загаданное влюбленными желание обязательно исполнится!

— Когда я была девочкой, расположение звезд в этом созвездии всегда напоминало мне королевскую корону, — прошептала неожиданно Бланка. — Не знаю почему, но никто больше корону там увидеть не мог.

— А мне, — Земан посмотрел вверх, — эти четыре звезды с тем хвостиком напоминали бумажного змея.

Ночь стояла теплая, душная. Над деревней повисла сонная тишина, только крикнет ночная птица да изредка донесется собачий лай. Иногда со стороны трактира были слышны громкие песни, звуки гармошки Эмана, крики и смех подвыпивших мужчин. Но это доносилось издалека, как из-за глухой стены.

Они сидели рядом, и Земан с тоской подумал, что со стороны выглядят они сейчас, наверное, довольно банально. И ему и ей вдруг стало не по себе. Они неуверенно, на ощупь подбирали в этой душной ночи слово к слову. И опять упала звезда...

— Мне иногда бывает так тяжело, Гонзик, — тихо призналась Бланка. — Но сегодня... Мне хорошо...

Земан помолчал с минуту, потом так же тихо сказал:

— И я тоже рад, что оказался вместе с тобой... — Он тут же поправился: — С вами обоими. Ведь вы — частичка моей молодости.

Бланка вздохнула:

— Если бы я только знала, где найти свою часть того давнего старого счастья! — И она снова замолчала.

Земан чувствовал, как поддается дурману этой ночи, чувствовал близость тела Бланки. Он несмело положил свою руку на шероховатое дерево лавки рядом с ее рукой, чувствуя, как его пальцы словно магнитом притягиваются к ней... Вот они встретились с ее пальцами...

Неожиданно за ними открылась дверь, на пороге появился старый Свобода:

— Иди, Бланка, ему нехорошо.

Они сразу очнулись.

Бланка поспешно ушла. На ее место возле Земана уселся Свобода. Он будто знал, о чем они здесь разговаривали.

— Они еще любят друг друга, Гонзик, — сказал он. — Очень любят! Только вот не могут об этом сказать. После того несчастья они как бы потеряли общий язык.

Земан насторожился:

— После какого несчастья?

— Ребенок у них умер... Я находился здесь один, когда начались роды. Карел, как всегда, был занят партийными делами. Я бросился в школу, чтобы вызвать по телефону доктора, тебе ведь известно, как у нас с докторами. Когда я возвратился, ребенок уже родился... мертвый... Это был мальчик. Потом объяснили, что он захлебнулся околоплодными водами...

— Значит, это был мальчик?

— Мальчик... Ты же знаешь, что это значит для женщины, Гонзик. Полгода она ходила как тень, а при виде детской коляски начинала плакать. А Карел начал пить, ему стало ненавистно здесь все. Единственное его желание — вырваться отсюда. А ведь здесь так хорошо, правда?.. И при этом сделать-то надо всего малость — взять ее на руки, обнять хорошенько, чтоб у нее дух захватило, и сказать: «Я тебя очень люблю, Бланка, все будет хорошо...» Она ждет этого, Гонзик, и она была бы благодарна каждому, кто бы ей помог... Каждому, слышишь?.. Может быть, и тебе... — добавил он осторожно и испытующе посмотрел на Земана, но вряд ли сумел в темноте рассмотреть его лицо.

Земан быстро сказал:

— Не бойтесь, я завтра уеду. Вообще-то мне больше в районный центр нужно. Я остался здесь только на одну ночь.

— Ты выбрал хорошее время, — с нескрываемым облегчением проговорил Свобода. — Сегодня как раз самая прекрасная июньская ночь — душистая. В такую ночь лучше бы сидеть с какой-нибудь девушкой, а не с таким замшелым дедом, как я. Посмотри, вон из-за холма выходит месяц. Через минуту он засияет, как большая медовая ватрушка...

Земан уже раньше заметил зарево над горизонтом и при

словах Свободы снова посмотрел в сторону леса. Неожиданно он вскочил со скамейки:

— Нет, дядя Йозеф, это не месяц! Это где-то горит!

В ту же минуту по деревне разнесся тревожный колокольный звон, и глубокую летнюю ночь пронзила резкая сирена пожарной машины.

3

Новый планицкий коровник горел всю ночь.

Три пожарных команды из Планице и близлежащих сел тщетно пытались погасить огонь. Длинные красные языки пламени лизали и уничтожали еще не оконченное творение рук членов планицкого сельскохозяйственного кооператива. Очевидно, подожжено было в нескольких местах одновременно. Поджигатели, видимо, использовали какой-то горючий материал. Кроме того, внутри коровника лежала солома, подготовленная для подстилки коровам. Так что новостройка пылала во тьме ярким факелом, жар от нее исходил такой, что люди даже не рисковали приблизиться. В конце концов, взвесив ситуацию, тушившие пожар решили сосредоточить усилия на том, чтобы не дать огню распространиться, и стали поливать водой рядом стоящие избы и сараи.

Сколько же труда было затрачено на то, чтобы построить этот коровник! Люди бескорыстно работали на воскресниках и субботниках. Несколько безземельных крестьян, одним словом — бедняков, которым нечего было терять, основали здесь три года назад кооператив. Вся деревня смеялась над ними как над фантазерами, когда они начали совместно обрабатывать свои крохотные полоски земли, разделенные большими массивами богатых землевладельцев. Однако вскоре произошло объединение наделов, причем кооператив получил изрядный кусок земли, выкроенный как раз из участков злостных насмешников. Потом здесь появился первый трактор, государство экспроприировало для бедняков технику — сеялку, молотилку, веялку, косилки, — и люди перестали смеяться. Нашлись умные головы и среди середняков, которые, поразмыслив, тоже вступили в кооператив.

А потом, наконец, по тем, кто рьяно выступал против кооператива, был нанесен серьезный удар. Служба безопасности устроила обыск у самого богатого кулака в деревне Вацлава Заградника и обнаружила у него скрытые запасы зерна, муки, кожи, мануфактуры и промышленных товаров. То, что произошло, было весьма похоже на раскулачивание, но до суда дело не дошло: старый Заградник повесился в сарае вместе со своей женой. Таким образом, от старой крепкой кулацкой семьи остался только один Эман, который с легким сердцем и без всякого сопротивления передал отцовское имение в кооператив. Он не имел хозяйской жилки и был в семье, так сказать, «уро-

дом». Короче говоря, не в отца пошел — предпочитал шататься по трактирам, вести веселую жизнь с друзьями. Привыкнув тратить отцовские деньги, он совершенно не беспокоился об их накоплении.

После операции, проведенной органами безопасности, противники коллективизации совсем попритихли, и вскоре все жители деревни добровольно вступили в кооператив. Испугались зажиточные хозяйчики, ведь и за ними водились грешки, и у них были тайники с разными запасами, да и деньжонки немалые были припрятаны. Поэтому боялись обысков как черт ла- дана.

Численно кооператив сразу вырос, но дела в нем шли далеко не блестяще. Его председатель, бывший сельский кузнец Йожка Вчелак, был человек нерешительный, слабый организатор, и главное, никудышный хозяйственник. Для обработки полоски земли, которой он владел раньше, его знаний и умения хватало, а теперь, когда надо было руководить многими людьми, техникой, выращивать урожай на больших площадях, он растерялся. Но бывшие хозяева не помогали ему, не советовали, как лучше вести дела. Заложив руки за спину, они с наглой усмешкой и даже издевкой говорили: «Ну, давай приказывай, что нам делать, решай, если ты нас сюда пригнал. Ты все должен знать, ведь ты же коммунист». Он пробовал с ними по-доброму, просил, требовал, но изменить положение к лучшему не сумел, а участия и сострадания в сердцах тех, с кем имел дело, так и не нашел. Более того, все стали называть его плаксой. А за его спиной шел злой шепоток, бог знает кем пущенный, будто бы он и выдал старого Заградника и теперь на его совести две человеческие жизни. Плакса Вчелак узнал об этом, но вместо того, чтобы энергично пресечь подобного рода слухи, совсем пал духом и начал пить.

Стало ясно: если ничего не предпринимать и пустить дело на самотек, то кооператив развалится. Нужно было найти и поставить во главе коллективного хозяйства нового человека, способного предотвратить надвигавшийся крах. Было ясно и другое — налаживанию дел могло помочь только развитие животноводства, обобществление домашнего скота и совместное его выращивание, производство в больших объемах молока, говядины и свинины. Поэтому в кооперативе и начали строить коровник, и у людей появилась надежда спасти кооператив...

А теперь от бывшего коровника остались лишь дымящиеся руины, закопченные четыре стены с полопавшимися стеклами да провалившиеся обгоревшие балки кровли.

Жители, всю ночь впустую сражавшиеся с огнем, невыспавшиеся и грязные, уныло скручивали шланги, собирали ведра, багры. Ими вдруг овладело желание все бросить, забыть, закрыть глаза и заснуть.

Пожар тушили почти все, у кого были здоровые руки и ноги, даже те, кто наиболее рьяно выступал против объедине-

ния крестьян. Такое уж в деревнях неписаное правило — в случае пожара забываются все распри и обиды, на борьбу с огнем поднимается вся деревня. Вместе с жителями деревни всю ночь тушили пожар и Земан со старшиной Матысом.

Пани Томанова тихо уговаривала своего мужа:

— Пойдем, тебе надо хоть пемножко поспать. В восемь утра начинаются уроки.

Однако пан управляющий не трогался с места, хотя ему уже давно нечего было делать на пожарище. Потрясенный этой ужасной ночью, он понуро сидел на обгоревшем бревне.

— Что я теперь скажу детям, — жалобно причитал он, — как мне теперь смотреть им в глаза, как объяснить им, что и здесь, среди нас, среди их родителей и знакомых, есть враг республики, поджигатель?!

— Вот видите, пан управляющий, а вы мне не верили, — осторожно напомнил ему Земан.

— Только бы схватить этого негодяя! — зло процедил сквозь зубы Бабицкий, сжав кулаки, размеры которых могли привести в ужас кого угодно. — Только бы узнать, кто это сделал!

— Кто? — прохрипел еще не совсем протрезвевший Карел Мутл. — Эман Заградник, кто же еще?! Решил отомстить. Только у него была причина для этого. И кстати, только его одного и не было здесь во время тушения. Так?

— Не бойся, — заверил его Матыс, — мы его найдем. Где он может спрятаться?.. Разве что в лесу. Далеко от нас он не уйдет.

В эту минуту у пожарища резко затормозила «татра», и из нее вышли два человека. Анна Шандова бросилась навстречу одному из них, обняла его и зарыдала:

— Павел!.. Здесь всему пришел конец... Мы не знаем, что делать дальше...

Плотный мужчина средних лет, с энергичным лицом, легко высвободился из ее объятий и прикрикнул:

— Какой конец?! Это они хотели бы видеть конец! Но они забыли, что коммунисты просто так не сдаются! — Он за руку поздоровался с остальными. — Выше головы, товарищи! А ты не реви, сестра, — повернулся он к Шандовой. — Не паникуй... Подготовьте для обобществленных животных помещение старого пивоваренного завода. Это ведь можно сделать, не правда ли? А в воскресенье созывайте общее собрание коммунистов и членов кооператива. Я приеду. С завтрашнего дня к вам для оказания помощи буду посылать бригады с фабрики. Недели за три построим новый коровник. Ну как, идет?.. Они хотят устроить пробу сил, ну что ж, давайте покажем им, с кем они схватились.

Чувствовалась внутренняя сила этого человека, он пользовался заслуженным авторитетом среди сельских жителей, но Земана больше интересовал тот, кто приехал вместе с ним.

Тем временем Шанда подал руку Земану, представился:

— Павел Шанда, секретарь районного комитета партии.

— Поручик Земан.

— Мы знаем о вас, товарищ. Так что вам удалось установить?

— Это был поджог. Среди обгорелых бревен мы обнаружили канистру, в которой, очевидно, была нефть. Вот, пожалуй, и все. — Земан устало пожал плечами. — Другие следы уничтожили огонь, вода и люди, которые тушили пожар.

— Ничего, мы их разыщем, — уверенно заявил Шанда и представил Земану того, с кем приехал: — Это поручик Житный. Начальник районного отдела госбезопасности.

Житный только улыбнулся:

— Мы с Земаном знакомы еще с тех пор, когда частенько постреливали. Но теперь нам задали задачу посложнее. Дело в том, что это не совсем обычный поджог. Посмотрите, чем одарили ночью наш район... — Он вытащил из портфеля пачку грязных листовок и протянул их Земану...

Да, это был тот самый человек, с постоянной иронической усмешкой на неподвижном лице, с которым судьба связала Земана в решающие февральские дни.

— Так, значит, у той спирали есть мерзкая змеиная голова, — тихо произнес Земан. — Я этого ожидал. — Потом он обратился к остальным: — Надо было бы поискать этого Эмана. Прочесать лес. Я бы также хотел поговорить с вашим лесником. Кто из вас пойдет с нами, товарищи?

Стоило Земану произнести эти слова, как все вдруг оторопели, растерялись, будто оказались в тупике. Смерть старых Заградников после рейда сотрудников госбезопасности все еще висела мрачной тенью над деревней, и жители, естественно, хотели быть подальше от того, что в будущем могло бы осложнить их жизнь. Они молчали.

В конце концов Бабицкий сказал за всех, выразив общее мнение:

— Мы устали за ночь, да к тому же настает утро, а нам надо собираться на работу. Так что это уж ваше дело искать преступников.

Сказав это, железнодорожник повернулся и пошел домой, остальные последовали его примеру.

Из жителей села возле пожарища остался один только Карел Мутл.

— Я пойду с вами! — решительно заявил он.

Они брели по сосновому лесу среди папоротников и кустов черники, мечтая о том, чтобы где-нибудь меж золотистых стволов сосен появилось лесное озеро с чистой водой, к которой можно было бы припасть и ополоснуть вспотевшее лицо, искусанное тысячами комаров и мошек, поднимавшихся с травы и

из зарослей кустов, через которые продирались идущие. Но вместо кваканья лягушек до их слуха донесся резкий звук пил, вгрызавшихся в стройные стволы высоких сосен где-то впереди.

Увидев на просеке группу полицейских, лесорубы распрямили уставшие спины, вытерли пот. Появление неожиданных гостей давало законный повод для отдыха и глотка пива из бутылок, заботливо укрытых в тени деревьев.

Итак, группа рабочих во главе с бородатым и строгим лесником Босаком с интересом ждала, что будет дальше.

Карел Мутл молча кивнул в сторону долговязого парня и коротко бросил:

— Здесь он, так я и знал!

Старшина Матыс, который думал, что Земан еще не видел этого человека, добавил:

— Это Эман Заградник, товарищ поручик.

Эман понял, что интерес незваных гостей вызывает его персона. Он неторопливо всадил топор в ствол спиленной сосны и спросил:

— Что вы от меня хотите?

— Где ты был сегодня ночью?

— Дрыхнул, — усмехнулся Эман.

— Но не дома!

— В стогу!

— А почему?

— Захотелось мне в стожке поспать. Прекрасная была ночь. Я раньше всегда спал в стогу, когда выдавалась такая ночь. Но только в своем, — сознательно провоцировал их Эман.

Земан молча наблюдал за ним. Прислонившись к грубой коре дерева, он в раздумье жевал сорванную травинку, не вмешиваясь пока в допрос старшины.

— Почему ты здесь прячешься? — Старшина, видимо, хотел продемонстрировать пражскому криминалисту всю свою хитрую систему проведения расследования.

— Я не прячусь. Я здесь работаю.

— С каких пор?

— С сегодняшнего дня. Надо же мне как-нибудь содержать себя — у меня ведь теперь, с вашей помощью, ничего не осталось.

— Почему не идешь в кооператив?

— А кто меня возьмет после того, как я побывал в тюрьме? Я ведь теперь для всех только проходимец и уголовник, — усмехнулся Эман. Его речь была лениво-неторопливой, растянутой, явно чувствовалось, что он с ними играет, дурачит их.

— Что тебе известно о пожаре?

Лицо Эмана вытянулось в ироническом удивлении.

— О каком пожаре? Опять у вас что-то сгорело, товарищи?

Это паясничанье взбесило Карела Мутла. Он уже не мог больше терпеть:

— Перестань строить из нас дураков! Кто поджег коровник? Говори!

Эмана, однако, этот окрик не вывел из равновесия. Точно так же, как и старшине, он неторопливо ответил Мутлу:

— Откуда мне знать? Мне никто не исповедуется. Тебе-то об этом сподручнее знать. Твоя жена к исповеданию гораздо ближе, как-никак регулярно ходит в дом попа...

Карел Мутл вне себя от злости подскочил к нему:

— Сволочь!

Тут вмешался лесник Босак:

— Хватит! Драться я вам здесь не позволю! — Он разнял их и гаркнул Эману: — Собирай свои манатки и проваливай отсюда. Не хватало еще, чтобы у меня здесь арестовывали!

Житный, который до сих пор не принимал участия в разговоре, подошел поближе:

— Почему вы его прогоняете, пан лесник? Мы ведь только задали ему несколько вопросов.

— Мне не нужны уголовники, как, впрочем, и антигосударственные элементы, — парировал Босак. — Эти леса пользуются хорошей репутацией, я не позволю бродить здесь всякой дряни!

Земан пытливо посмотрел на него:

— Я рад, что вы такой принципиальный, пан лесник.

— А вы уверены, что в вашем лесу действительно нет ни одного негодяя? — спросил Житный.

— За этот лес я ручаюсь! — решительно ответил Босак. — Я знаю здесь каждый укромный уголок, каждую тропинку, обошел его вдоль и поперек. Здесь только эта бригада да я. И сейчас еще здесь находится мой сын. Приехал из Праги на каникулы.

— Наверное, насовсем, пан лесник, а? — насмешливо бросил Мутл. — Его же исключили после того, как он стащил на факультете какие-то деньги... В наш национальный комитет прислали об этом письмо.

— Не надо было вам упоминать об этом, пан Мутл. Вопрос уже давно решен, а те деньги Ярда вернул.

Между тем Эман Заградник так же неторопливо выдернул топор из бревна, сунул в карман завернутый в бумагу завтрак и бутылку пива. Потом, пошарив в зарослях, вытащил оттуда гармошку и повесил ее на плечо. Он уходил так, будто все происходившее здесь его совершенно не касалось. Однако, проходя мимо Карела, он с ненавистью процедил: «Все равно я тебя где-нибудь прибью, доносчик!»

Ночной ветерок охладил раскаленную пыль дорог и вместе с приятной свежестью принес в раскрытое окно тршемошницкого участка КНБ дурманящие запахи лета. Недалеко в озере квакали лягушки.

Земан и Житный уселись на койке, расстегнув рубашки и ослабив узлы галстуков, и пили из чашек черный кофе, которым их угостил старшина Матыс. Земан поглядывал на поручика Житного и раздумывал над их судьбами. Вот вам, пожалуйста, еще несколько лет назад, в феврале, Житный командовал Земаном, учил его и умирнял, как молодого буйного несмышлениша, а теперь Житный здесь, в этом отдаленном захолустном районе, в то время как он, Земан, в том же звании служит в Праге. А может быть, это еще ничего не означает, может, он сейчас здесь больше нужен, чем где-либо...

Самому Земану просто повезло. На его участке в пограничной зоне появился один субъект, который под видом проводника предлагал бежавшим за рубеж свои услуги, а по пути заводил их в непроходимые леса и болота и там грабил и убивал. Земану пришлось принять участие в поимке этого зверя, и Ян был замечен начальником пражского уголовного розыска майором Павласеком. Вскоре майор взял его к себе в Прагу. Не обошлось, правда, без помощи Калины, друга Земана по концлагерю, теперь крупного начальника в министерстве внутренних дел.

— Да... доказательств у нас мало, товарищи, — устало произнес Житный. — Слишком мало, чтобы строить какие-то планы.

Земан уточнил:

— Собственно, ничего нет.

— Но у нас, по крайней мере, есть уверенность в одном, — продолжал Житный. — Это, несомненно, не какой-нибудь обычный поджигатель-психопат, руководствующийся чувством мести. В районе действует диверсионная группа с антигосударственными целями. Мы, конечно, пока не можем знать, домашняя ли это, так сказать, группа или же ею руководят из-за границы. Не знаем мы также и того, с кем она поддерживает связь и где скрывается.

— Эман Заградник наверняка об этом что-нибудь знает, — буркнул Матыс, который, как и Мутл, имел зуб на Эмана. — А может, он и есть один из них. Вы слышали, как он угрожал?

— Именно угрожал, — рассуждал вслух Житный. — Я считаю, что для диверсионной работы он слишком открыт и резок.

— А у меня никак не выходит из головы сам лесник, — неожиданно проговорил Земан.

— Почему? — быстро спросил Житный. — У тебя есть какие-нибудь подозрения? Ты думаешь, существует какая-то особая связь между ним и его сыном?

Земан покачал головой:

— Нет... Может быть, то, о чем я сейчас думаю, не имеет вообще ничего общего с этим делом. Знаете, почему меня послал сюда Калина? Во время войны мы сидели с ним в концлагере. В нашем блоке находился один парень по имени Мареш. Хороший был человек, прекрасный товарищ. И знаете, за что он там сидел? За то, что укрыл кое-какие вещи своего дяди, коммуниста. Он частенько нам говорил: «Помните, ребята, если я отсюда не выйду, то сообщите кому нужно, что меня выдал лесник Босак». Не суждено было этому парню выжить. Умер от тифа, бедняга. А теперь представьте себе, что Калина в наши дни получает в министерстве внутренних дел жалобу от какого-то лесника Босака. Невероятное совпадение? Известно, что донесшему однажды трудно устоять от искушения повторять это в дальнейшем. Итак, стало быть, вызывает меня Калина и говорит: «Наверное, это глупость, Гонза, но ты все-таки поезжай, посмотришь на этого Босака».

Житный слушал Земана с большим интересом.

— Ты думаешь, это он?

— Не знаю. Скорее всего, нет. Я знакомился с его документами. После войны он приехал в наш район. Но откуда — вот что неизвестно. Немало было тогда разговоров на этот счет. Босаков оказалось много, а Мареш умер... Да мы, собственно, не слишком интересовались Босаком. Не было повода. Вместе с Калиной мы просмотрели всю картотеку гестапо, но Босак как доносчик в ней не значился.

— А отчеты финансового органа смотрели? — спросил Житный.

— А зачем? — удивился Земан.

— Видишь ли, в свое время я занимался такими доносчиками и агентами, и кое-какой опыт в этом деле у меня есть. Доносы, касавшиеся собственности, посылались обычно финансовым органам, и имя осведомителя стояло всегда внизу, в загнутой части листа. Но финансовые архивы еще не изучены и не обработаны, нет времени...

— Спасибо за хороший совет. — Земан посмотрел через окно на темно-синее небо, которое пересекал Млечный Путь с миллионами мерцающих звезд.

— Я сам посмотрю эти документы, — улыбнулся Житный.

— Но это не поможет в расследовании нашего дела, товарищи, — нетерпеливо вмешался Матыс, боясь, как бы поджог коровника не отошел на второй план.

— Думаешь, не поможет? — посмотрел на него Житный с характерной для него таинственной улыбкой. — А что бы ты сам предложил?

— Попросить подкрепление. Нас здесь мало, а участок, согласитесь, большой. Бандиты могут спрятаться где угодно, и лови потом блоху в перине. А если предпринять большую операцию, скажем, прочесать всю округу цепью, то, глядишь, и обнаружим какой-нибудь след.

— Считаю такое мнение ошибочным, — резко возразил Житный. — Никакой большой операции! Ни в коем случае нельзя их спугнуть. Наоборот, надо вести себя так, чтобы они подумали, что мы зашли в тупик и что для них все кончилось благополучно. Это добавит им смелости и поощрит к новым действиям. Через день-два они снова начнут высовывать головы из своих дыр...

Много еще звезд упало с неба, прежде чем в здании КНБ в Тршемошнице погас свет в окнах и три сотрудника закончили разговор.

Карел Мутл, подходя к дверям своего дома, увидел, как от них вдруг отделилась чья-то тень. Старый Свобода, ожидавший здесь Карела, взял его за рукав.

— Плохо дело, Карел, — проговорил он шепотом. — Слышишь, как она там гремит посудой. Что-то нашла у тебя в кармане, — добавил он предостерегающе и подтолкнул Карела к двери.

Карел рывком высвободил руку и быстро вошел в коридор. Из кухни и вправду доносился стук тарелок, которые Бланка мыла в лохани. Но Карел не обратил на это внимания.

— Что бы она могла у меня найти? — бросил он через плечо тестю. Резко нажав на ручку двери, Карел вошел в кухню. Снял пиджак, повесил его на спинку стула, сел сам. Лицо его было хмурым, он даже не поздоровался с женой.

— Дай мне что-нибудь поесть, — сказал он, не меняя выражения лица.

— Ешь там, где ищешь себе дом, — отрезала Бланка. Уверенность Карела поколебалась.

— А где я ищу дом?

Бланка протянула руку к буфету, бросила на стол какое-то письмо:

— Вот где!

Карел уже понял, из-за чего сыр-бор. Он пробежал лист глазами и решил продолжать разговор тем же независимым тоном.

— Ну и что здесь особенного?

— А то, что ты даже не посчитал нужным сказать мне, что хочешь переезжать!

— Но мы же хотели переехать, разве не так?

— При чем здесь я, если ты не хочешь со мной считаться?!

Старый Свобода между тем потихоньку пришаркал из коридора и в нерешительности остановился в дверях. С болью в

сердце смотрел он то на дочь, то на зятя, не зная, как предотвратить надвигавшуюся бурю.

— Дети, прошу вас, будьте благоразумны, — проговорил он, но Бланка с Карелом не слышали его.

На лбу Карела от возбуждения вздулись жилы.

— Снова начинаешь? — громко выкрикнул он.

— Если ты скрыл от меня, что тебе выделили квартиру от фабрики, то ты мог скрыть от меня и женщину, которая, может быть, уже там живет!

— Ты совсем с ума сошла!

— Может, тебе будет с ней лучше, — всхлипнула Бланка. — Она будет тебя понимать... родит тебе... здоровых детей...

— Опять вы завелись, ненормальные! Нет, я этого слушать не желаю! — не вытерпел Свобода, взял кепку и вышел на улицу.

— Ведь это же все бессмыслица, — попытался Карел успокоить свою жену. — Я ведь хочу только одного: начать снова. Слышишь? Начать все сначала и лучше. Жить и драться за лучшую жизнь. Бежать из этой гнилой дыры, пока я здесь совсем не спятил!

— Ну и беги!

— Но ты же пойдешь со мной?

— Нет!

— Бланка!

— Нет, то, что испорчено, надо исправлять здесь, на месте.

— Я тебя предупреждаю! — снова перешел на крик Карел. — Я больше так не могу, и если ты со мной не пойдешь, я уйду один.

— Иди. Хоть сейчас! — выпалила Бланка.

Она выскочила из кухни и через минуту появилась с периной в руках. Швырнула ее Карелу на колени и, не помня себя, бросила ему в лицо:

— Топай отсюда! И перину захвати, чтобы духу твоего не осталось в моей постели!

Карел, белый как мел, встал, взял перину и шагнул в горницу, громко хлопнув за собой дверь. Бланка опустилась на стул и заплакала.

Неожиданно за ее спиной, в прихожей, стукнула дверь. Бланка проглотила слезы, вытерла рукой покрасневшие щеки и сдавленным от плача голосом спросила, не оборачиваясь:

— Это вы, папа? Вы вернулись? Если у вас нет денег на пиво, возьмите в буфете!

Но ей никто не ответил. Тишина была такая странная, что это заставило ее повернуть опухшее от слез лицо.

Она застыла, не в силах даже вскрикнуть.

В дверях стояли двое незнакомых мужчин в черных резиновых плащах и с черными повязками на лице. В руках их

были пистолеты. Один из них спросил приглушенным голосом:

— Где твой муж, отвечай быстро!

Бланка встала и прижалась всем телом к двери в соседнюю комнату, куда минуту назад вышел Карел.

— Зачем он вам нужен? — вырвалось у нее. — Я не знаю...

Один из незнакомцев понял, почему она подошла к двери и закрыла ее своим телом. Он направил на Бланку пистолет:

— Лжешь. Прочь с дороги!

Бланка запричитала:

— Ведь он добрый человек! Что он вам сделал плохого?

Мужчины бросились к ней, пытаясь оторвать ее от двери. Бланка отчаянно сопротивлялась.

— Его нет дома! Говорю вам, его нет дома!.. Нет...

В этот момент дверь за ее спиной открылась, и в кухню ворвался Карел с охотничьим ружьем в руках, нацеленным на незваных почных посетителей.

— Так проходите, если вы пришли ко мне!..

И Карел выстрелил.

Один из мужчин закричал, дробь, видно, попала ему в плечо, и бросился наутек. Второй впопыхах успел дважды выстрелить не целясь и через секунду тоже исчез за дверью. Снаружи еще некоторое время доносился их топот, потом вновь установилась тишина.

С минуту Карел и Бланка стояли неподвижно.

Все, что произошло, было настолько невероятным, что показалось им кошмарным сном, горячечным бредом.

Карел подскочил к Бланке и так крепко обнял, что почувствовал, как стучит в груди ее испуганное сердце.

— С тобой ничего не случилось, Бланка? — спросил с тревогой и повернул к себе лицо жены. Глаза Бланки все еще были наполнены страхом. — Боже мой, ну скажи же что-нибудь! С тобой ведь ничего не случилось, правда?

Бланка покоилась в его объятиях, как неживая кукла, она была не в состоянии вымолвить ни слова и только покачала головой. Но в глубине ее души возникло чувство блаженства.

5

Планицкий священник и пан управляющий Томан были большими друзьями. Им совсем не мешало, что они исповедовали разную веру: пан священник свою пресловутую религиозную, в господа бога, а Томан — рабочую, большевистскую. Хотя иногда они и спорили, отстаивая свои взгляды, но спор их никогда не перерастал в неразрешимый конфликт, который не допускал бы компромиссов. Возраст научил священника терпимо относиться к мнениям других людей. Он давно уже не был тем молодым, страстным проповедником, который ко-

гда-то громогласно обращался к людям с церковной кафедры, вдалбливая им под угрозой вечного проклятия божественные истины. Долгие годы, проведенные в сельском костеле, научили его любезности, пониманию человеческих слабостей, сознанию того, что жизнь справедлива, прекрасна и божественна, такая, какая она есть, со всеми ее ошибками, прегрешениями и заблуждениями.

И теперь на научные аргументы Томана священник отвечал с любезной улыбкой: недостаток образования влечет за собой неверие в бога, а вот высокообразованность и развитие науки неминуемо приведут к пониманию высшей истины... Когда вы познаете все, что можно познать, только тогда вы осознаете, как все-таки непознаваем без бога этот мир... Когда вы взглянете на мир с высоты достигнутого, то у вас захватит дух от сознания того, как много вы еще не знаете, и вы с уважением склоните голову перед тем, кто создал этот непостижимый божественный порядок и кто, наделенный божественной мудростью, будет всегда знать больше, чем вы...

После сентенций подобного рода Томан предпочитал отвечать, что он уважает религиозные убеждения священника и спорить с ним не собирается. Хотя нетрудно было догадаться, что у него попросту нет аргументов, чтобы опровергнуть подобные утверждения. Мысленно он допускал, что священник образованнее его, а поэтому в дискуссии бывает более тонким, изощренным, хитрым. В конце концов, у священника и времени на чтение больше, чем у него, Томана.

Обязанности не слишком обременяли священника, поэтому он почти целыми днями мог заниматься любимыми делами — своим садом и чтением книг, в то время как управляющий и днем, и вечером должен был много времени отдавать школе, детям, подготовке к занятиям, любительскому хору, партийной работе. На книги и газеты ему оставалось только позднее почное время. Томан завидовал также богатой библиотеке священника, в которой были собраны все наиболее значительные произведения из чешской и мировой литературы — и не только это. В ней были также философские сочинения и энциклопедические словари, в которых можно было найти почти все из всех областей человеческого знания. Томан одалживал у него эти книги, но зачастую вынужден был с чувством внутренней неудовлетворенности возвращать их недочитанными, потому что не в силах был преодолеть усталость и вчитаться, например, в «Доктора Фауста» Манна, о котором священник так вдохновенно и взволнованно рассказывал. Однако священник никогда не показывал своего превосходства в образовании, наоборот, стоило ему почувствовать, что учитель слаб в той или иной области, как он тут же тактично и мягко переводил разговор на другую тему, с которой Томан был, так сказать, на «ты», например на древнюю чешскую литературу, которую оба они так любили.

Они, собственно, были двумя единственными образованными людьми в деревне и, естественно, не могли чураться друг друга. Наоборот, они взаимно нуждались друг в друге. Томан созывал собрания, проводил всевозможные мероприятия в те дни, когда не было церковных служб и религиозных праздников, а священник, со своей стороны, никогда не выступал против этих мероприятий, не настраивал людей не принимать в них участие, больше того, люди неоднократно слышали от него слова одобрения по поводу каких-либо начинаний местных властей.

Обычно они встречались по вечерам в своих садиках, расположенных по соседству, хвастались друг перед другом расцветшими по весне волчьими ягодами и крокусами, а осенью игольчатыми астрами, обменивались опытом обрезки яблонь и роз. Томан, на которого эти встречи действовали успокаивающе, улучшая его настроение после дневной суматохи, ожидал их с нетерпением и явно расстраивался, когда не видел за забором белую голову священника и не слышал его тихие, произнесенные с улыбкой слова: «Бог в помощь, пан управляющий, вот и снова вечер наступил, и еще одним божьим днем укорочен наш путь к могиле».

В тот вечер эта привычная фраза уже давно прозвучала, и пан управляющий Томан сидел в своем школьном кабинете, склонившись над методическими указаниями на новый учебный год, а священник, удобно устроившись в своей комнате под красивой деревянной настольной лампой, читал библию. В былые времена не каждый вечер брал он ее в руки, но к старости начал все больше и больше осознавать мудрость этой книги, которую он знал почти наизусть. Теперь он склонен был полагать, что это не только книга о вероучении, но и значительное литературное произведение.

Священник каждый день читал газеты и хорошо знал, что происходит в мире. И нужно сказать, новой войны он не желал. Наоборот, стоило ему вспомнить войну минувшую, как тело его охватывала неудержимая дрожь, он как будто уходил в себя, глаза его теряли приветливость, подернутые дымкой печальных воспоминаний. После этого он обычно исступленно молился целыми часами, не в силах сосредоточиться на чем-либо ином...

Неожиданно его глубокие размышления прервал тихий, но настойчивый стук в окно. Священник удивленно поднял голову, ведь была уже ночь. Однако он все же встал и тяжелой походкой подошел к окну; в этой деревне живут только добрые люди, которые его любят, так чего же ему бояться?

— Кто там? — спросил он.

За окном послышался приглушенный мужской голос:

— Друг! побыстрее, прошу вас! Откройте!

Священник скорее воображал, нежели видел человека, произнесшего в спешке эти слова. Там, за стеклами и занавеской,

просматривался почти растворившийся в темноте силуэт. Священнику и в голову не пришло спросить, почему этот «друг» не назвал своего имени и почему он не постучал в дверь, как обычно делают люди.

Он открыл окно. В комнату проникло дыхание душной летней ночи, занавески заколыхались под неожиданным напором ветра, который возвещал приближение грозы; небо над горизонтом уже вспарывали молнии.

— Что случилось? Кто-нибудь умирает и хочет исповедаться? — участливо спросил священник.

— Нет! — сказал неизвестный и пружинисто вспрыгнул на подоконник. — Я просто пришел вас навестить. Вы одни?

На незнакомце был черный резиновый плащ, лицо его заросло щетиной, колючие глаза иронически улыбались.

Священник немного испугался, когда мужчина спрыгнул внутрь комнаты.

— Кто вы? Чего хотите? Зачем навестить? Я никого не приглашал и никого не ждал!

— Сейчас вы все поймете. Хорошо, что вы дома один. Двоим нам говорить будет гораздо лучше. — Аккуратно закрыв за собой окно, он извинился: — Простите меня за этот необычный визит, но дверь вашего дома хорошо видна с улицы. — Он быстро обошел все помещения, тщательно и со знанием дела осмотрел все углы и шкафы.

— Что вы себе позволяете? Уходите отсюда немедленно! Я вас не знаю! — возмущенно воскликнул священник.

Но человек только спокойно улыбнулся:

— Вот видите! А я уже живу в этой деревне целый месяц!

— У кого?

— Это не имеет значения. Важно сейчас то, что там я не могу больше находиться и поэтому хочу переселиться к вам.

Священник задрожал от негодования. Если бы не его возраст, он вышвырнул бы этого непрошеного гостя за дверь.

— Не понимаю... Какое мне до вас дело? По какому праву вы решили у меня поселиться? Покиньте мой дом, пожалуйста...

— Очевидно, я просто хочу добиться вашей христианской любви, — ухмыльнулся неизвестный.

— Я старый человек и хочу покоя!

Священник снова почувствовал силу, он уже оправился от испуга. Он подскочил к окну и снова широко открыл его. Священник знал: стоит ему лишь крикнуть, как все деревенские псы тут же проснутся и душная предгрозовая ночь наполнится их громким тревожным лаем.

— Уходите! Немедленно уходите... или я позову на помощь!

Однако неизвестный даже не пошевелился. Тихо, с улыбкой, он спросил:

— Кого же? Уж не патера ли Лоренца?

Чувство негодования, охватившее было священника, снова исчезло, губы его побелели от страха. Постепенно, как бы колеблясь, он начал сдаваться. Закрыв окно, он прошептал:

— Но ведь он... Что вы о нем знаете? Он ведь давно здесь не живет...

— Верно, здесь он не живет. Он теперь живет в Мюнхене. И часто о вас вспоминает. Добрым словом, конечно. Он, кстати, поведал мне кое-какие интересные вещи о вашем прошлом, далеком прошлом времен войны.

Это доконало священника. Собрав последние силы, он спросил:

— Скажите, ради бога... Кто вы, собственно, такой?

Поняв, что старик повергнут на колени, незнакомец сказал со спокойным превосходством, что больше было похоже на приказ, нежели на ответ:

— Для вас я... штабс-капитан. Думаю, что на первое время этого будет достаточно. А теперь покажите мне, где у вас кровать. Я страшно хочу спать.

Говорят, что случай может решить все. Человек, которого искали в этой деревне Земан с Житным и который нашел теперь прибежище в доме священника, был не кто иной, как штабс-капитан Кристек, хорошо знакомый читателю по февральской «охоте на лис», проведенной несколько лет назад.

6

Сотрудники угрозыска фотографировали, снимали отпечатки пальцев, устанавливали траектории пуль, искали стреляные пули и гильзы.

Снаружи, за забором, собралась кучка любопытных, пораженных событием, взбудоражившим всю деревню. Ничего подобного здесь отродясь не видывали. Правда, когда-то в деревне застрелили священника, но это было скорее легендой, чем историческим фактом. Это случилось более ста лет назад, и убийство было совершено, по одним данным, братьями священника, а по другим — его незаконнорожденным сыном. Но это было так давно, что люди с неуверенностью показывали на кладбище на поваленный крест и полуизъеденную ржавчиной металлическую ограду вокруг могилы. Надпись от бесчисленных дождей и снегов стала неразборчивой — бог знает, кто там лежит в этой старой могиле.

И вот теперь здесь, в этой тихой деревне, где жители знали друг друга с первых детских шагов, где всегда было известно, что варится на обед в том или ином доме, кто кому дал пощечину и за что, кто с кем тайком гуляет, — здесь чуть было не произошло убийство. Невероятно!

Люди терпеливо выстаивали перед домом Мутлов, заглядывали в окна и приоткрытые двери, комментировали каждое

движение сотрудников уголовного розыска и с неослабевающим интересом слушали старого Свободу, который чувствовал себя героем дня и со все большими подробностями рассказывал о случившемся каждому вновь приходившему.

— ...Единственное, что спасло Карела, — это старый заряженный дробовик, висевший в кладовке. Если бы я был дома, — старик с серьезным видом огляделся по сторонам, — все бы наверняка было иначе. Я бы схватил топор или штык, и нас бы было с Карелом против них уже двое...

— Ведь это ужасно! — с испугом произнесла одна из женщин. — Выходит, уже и дома нельзя чувствовать себя спокойно.

— И так они, говорят, поступят с каждым, кто будет помогать коммунистам, — тихо добавила другая и с опаской оглянулась. — Это будто написано в тех листовках.

Матыса эта глазающая любопытная толпа выводила из себя. С одной стороны, ему казалось, что своим любопытством они мешают сосредоточенной работе районной следственной группы, а с другой — в голове его вертелось опасение, что двум самым старшим здесь начальникам, Житному и Земану, может показаться, что в его районе нет порядка, что он не пользуется здесь авторитетом. Выбежав на порог, старшина закричал:

— В чем дело? Почему собрались? Разойдитесь, здесь вам не театр!

Толпа зевак отступила на почтительное расстояние. Однако люди не разошлись, а только сомкнулись еще плотнее. Сейчас их вряд ли удалось бы разогнать и водометом.

Но Земан с Житным толпу не замечали. Они привыкли к интересу, проявляемому в таких случаях жадной до сенсаций публикой. Усевшись с Карелом Мутлом за стол, офицеры ждали результатов работы оперативной группы.

— Стало быть, они подняли головы, и двоих из них ты даже видел, — задумчиво сказал Житный Мутлу. — Теперь это уже не химеры, а люди, из мяса и костей, с определенным ростом и психологией, со страхом и отпечатками пальцев.

— Только вот головы этих людей пока что без лиц, — возразил Земан. — И мы теперь должны как можно быстрее открыть их, в противном случае опасность для жителей деревни возрастет, и особенно для него, — кивнул он на Карела.

И тут до них снаружи донесся хриплый и резкий голос подвыпившего и поэтому ничего не боящегося человека:

— Вот те раз, что же здесь произошло? А сколько полицейских! Уж не тело ли господне искать бросили такие силы?!

Это был Эман Заградник, который прибрел сюда со своей неразлучной гармоникой, страдалицей, как он ее любовно называл. Парень начал пробиваться через толпу зевак поближе к дому, а поскольку он не знал еще, что произошло, выкрикивал с деланным испугом:

— Неужели прямо здесь решили пришить Мутлика? Вот была бы красота!.. Да, похоже, что так, — убеждал он сам себя с бодростью подвыпившего человека. — Захлопнулась клеточка. Наконец-то...

Он привык выступать перед односельчанами в роли комедианта, радуясь тому, что люди смеются и получают удовольствие от его заносчивого, наглого шутовства, и потому теперь растянул мехи своей страдалицы и запел одну из своих с издевательскими намеками песенок.

Однако на этот раз никто не засмеялся, люди были слишком напуганы тем, что произошло, и поэтому пьяная, язвительная песенка Заградника повисла в воздухе, не найдя адресата. Это было настолько бестактно, что Матыс даже захлебнулся от волнения, когда закричал:

— Неужели мы и такое будем терпеть, товарищи?

У Земана тоже кровь вскипела от негодования, к тому же предметом издевок был Карел. С неожиданной резкостью Земан приказал Матысу:

— Арестуй его! Мне кажется, что мы можем его кое о чем спросить.

Это было настолько неожиданное, импульсивное решение, что Житный с удивлением посмотрел на Земана и чуть заметно пожал плечами. Потом он повернулся к членам районной оперативной группы, чтобы спросить их о результатах работы.

Люди, стоявшие на улице, стали расходиться. Итак, первое действие окончилось... первым арестом.

Было воскресное утро. Все громкоговорители, прикрепленные на крышах сараев и домов, разрывали воздух песнями и маршами о созидательном труде. На стене трактира висел плакат, призывающий всех жителей деревни принять участие в общем собрании, чтобы дать достойный ответ классовым врагам, которые делают попытки нарушить строительство социалистической деревни. Эта хорошая мысль пришла в голову Карелу Мутлу, он же и написал плакат.

Но это было еще не все.

Над входом в трактир висел транспарант, написанный второпях и неумело: «Коллективное ведение животноводства — еще один удар по поджигателям войны, новый этап на пути к счастливому будущему деревни!»

На деревенской площади уже не было ни души. Только одинокая курица рылась на дороге в пыли. Перед входом в трактир стояла группа коммунистов: Карел Мутл, Бабицкий, Анна Шандова и ее брат, секретарь районного комитета КПЧ Павел Шанда, который, как и обещал, приехал на это собрание. Он нетерпеливо посмотрел на часы:

— Так что, товарищи, придут люди или нет?

Карел Мутл курил одну сигарету за другой.

— Придут, — твердил он упрямо, больше, наверное, стараясь убедить в этом самого себя. — Наверняка придут, всегда ведь приходили. А теперь, когда в нас еще и стреляют, они станут уважать нас еще больше. — Он засмеялся с горькой иронией, а потом, оправдываясь, проговорил: — Знаешь ведь, в деревне сборы продолжаются долго. Пока натянут на себя черные парадные одежды, родить можно. Все здесь привыкли ходить в рабочей одежде.

Шанда с сомнением посмотрел на него:

— Как вы обеспечивали явку?

— Объявляли по радио и сами ходили парами по домам. Плакаты везде развесили, ты сам видел... А теперь по дворам пошел еще Йожка Вчелак, чтобы подогнать народ.

Музыка в громкоговорителях оборвалась, раздалось хриплое откашливание. Карел с надеждой задрал голову к динамику на фронтоне трактира.

— Послушайте, — обратил он внимание остальных.

Но все и без того невольно подняли головы вверх, откуда раздавался неестественно-торжественный голос Томана:

— Снова призываю всех граждан быстро собраться на общее собрание КПЧ, местного национального комитета и единого сельскохозяйственного кооператива. Собрание, в котором примет участие секретарь районного комитета КПЧ, состоится в местном трактире.

Из репродукторов опять полились звуки энергичной строевой песни, чтобы через минуту смениться повторным призывом. Но ликующая веселость марша посреди тягостной тишины безлюдной площади воспринималась как нечто неестественное и действовала на нервы.

— Ну что? Возымело действие? — нетерпеливо спрашивал еще издаലെка бегущий из школы пан управляющий Томан.

Ему никто не ответил. В этом не было нужды, и пан управляющий через секунду убедился сам, что деревня осталась глухой. Закрытые занавесками окна слепо и безжизненно смотрели на улицу. Только две старушки в черном одеянии с молитвенниками в руках крадучись пробирались вдоль стен к костелу.

Томан только вздохнул и от стыда перед Шандой опустил голову.

Анна Шандова не могла больше терпеть. Она привыкла к деятельности, ей всегда хотелось что-нибудь организовывать, предпринимать; она появлялась то здесь, то там, заражая людей своим энтузиазмом. Тягостное пассивное ожидание нервировало ее. Не торчать же им здесь, точно истуканам!

— Пойду посмотрю, хватит ли там на всех стульев, — неожиданно сказала она. — И закажу пива на стол президиума. Чего ты, Павел, хочешь? Малиновую настойку, пива или кофе?

Павел Шанда не ответил, ему было ясно, что вопрос сестры в эту минуту был лишним, да Анна и не собиралась ждать ответа.

Неожиданно для всех Карел Мутл потерял самообладание. Бросив сигарету, он выбежал на середину площади, повернулся к молчащим белым избам и, будто невменяемый, закричал срывающимся голосом:

— Что с вами, люди? Черт возьми, что же нам — идти вас просить?!

Ответом ему была тишина. Только несколько занавесок за густыми зарослями фуксий и пеларгоний слегка дрогнули, когда их быстро опустили те, кто минуту назад с интересом наблюдал за происходящим.

Единственным человеком, появившимся на площади, был председатель кооператива Вчелак. Он уныло подошел к Карелу и устало проговорил:

— Что ты здесь орешь? Зря все это. Никто из них все равно не придет.

— Как не придет? — не поверил ему Мутл.

— Боятся они!

— Чего им бояться, скажи, пожалуйста?

— А всего! Того, что спалили коровник, что на тебя напали, что Эмана вчера арестовали. Всего. Слишком много бед обрушилось вдруг на нашу деревеньку.

Мутл беспомощно сжал кулаки:

— Сиволапые мужики! Трусливые сиволапые мужики!

И тут Вчелак неожиданно одернул Мутла:

— Не ругайся. Что ты удивляешься? Ведь ты тоже боишься!

— Что? Я? — Мутл судорожно засмеялся.

— Зовешь их на собрание, а сам отсюда удираешь?

— Я?

— Все уже знают, что ты хочешь переехать в город. И можешь быть уверен, никто тебя в этом не упрекнет, никто не заругает и не осердится на тебя. Наоборот, люди говорят, что ты умно поступаешь. Здесь становится слишком жарко.

Мутл был потрясен этими спокойно произнесенными словами Вчелака и попытался вяло возразить:

— Но ведь это неправда... Я...

Его перебил энергичный голос Шанды:

— Не спорьте! В этом нет никакого смысла, товарищи! Дела здесь обстоят гораздо серьезнее, чем я предполагал. Надо посоветоваться в райкоме.

Он быстро простился с ними, пожав всем руки, и заспешил к «татре», которая ожидала его в тени трактира.

Машина уехала. Из репродукторов все так же гремели марши. Все вдруг почувствовали подавленность и тоску. Карел еще с минуту упрямо молчал, потом повернулся к Томану:

— Соберём сегодня вечером внеочередное заседание комитета, проведем его у вас в школе, пан управляющий, согласны? — Не ожидая ответа, он прошел мимо распахнутых настежь дверей трактира и, понутив голову, побрел домой.

В этот момент чья-то милосердная рука выключила наконец трансляцию.

7

До этого времени жизнь у старшины Матыса была, можно сказать, золотой. Он был сыном тршемошницкого сельского сапожника, выучился в близлежащем городке на слесаря, но во время службы в армии ему так понравилась военная форма, что, отслужив, он подал заявление о приеме в КНБ. После краткого обучения и еще более краткой практики его направили служить на пункт КНБ в центре участка, где он, по сути дела, был дома. Служба его не была тяжелой: мелкие кражи, драки на танцах или бешеные гонки сельских ребят на мотоцикле, вот, пожалуй, и все его заботы. Поэтому от весны до зимы он каждый день мог посвятить хотя бы несколько минут своей страсти — рыбалке. Складная удочка была всегда при старшине, даже на обходах. Как только подворачивался случай, он садился к воде, закидывал удочку и, наблюдая за поплавком на глади реки или озера, ждал. И главным для него был не улов — все равно пойманную рыбу он раздавал в селах, — а успокаивающее, блаженное созерцание гладкой поверхности пруда или речки.

Все его здесь знали, дружески с ним здоровались, называя запросто Вашеком. Он был для них скорее обычным жителем, чем полицейским, тем не менее, питая определенное уважение к форме, которую он носил, люди не забывали дать ему гостинец, например кусок мяса, когда он шел мимо дома, в котором только что забили какую-нибудь скотинку, поднести кружку пива, а то и чарочку в местном трактире, когда он сквозь пальцы смотрел на то, что трактир вовремя не закрыт, и давал вошедшим в азарт игрокам доиграть до конца.

Конечно, такие действия расходились с предписаниями, но Матыс хорошо понимал, что он добьется большего на своем участке, если будет относиться к людям с пониманием, а не сухо, по-казенному. Они, в свою очередь, тоже вели себя с ним открыто, не умолкали, когда он входил в пивную или в автобус, а поэтому у него было отличное представление обо всем, что творится на подведомственной ему территории, что за люди здесь проживают. Хорошее знание людей и обстановки позволяло ему сразу замечать чужаков, если таковые появлялись в его деревнях. Довольно часто ему удавалось предупредить преступления, потому что жители в беседах с ним забывали, кто он такой, и невольно выбалтывали много дове-

рительных сведений. Таким образом, он был счастлив, исполняя свои функции, потому что из бедного и не очень-то почитаемого сына сапожника вырос в авторитетное лицо и принадлежал теперь к местным властям, что давало ему возможность сидеть на различных мероприятиях не иначе как рядом с председателями национальных комитетов, председателями кооперативов и партийных организаций. Одного ему не хватало для полной удовлетворенности — семьи. Ему казалось легкомысленным болтать с девушками, шутить с ними, однако без этого, видно, вопрос решить было нельзя. Матыс очень надеялся, что однажды, раньше или позже, он найдет ту самую, единственную, с которой сразу можно будет начать счастливую семейную жизнь.

И вот конец всем его мечтам! События в Планице неожиданно лишили его уверенности и спокойствия. Теперь он знал, что ошибался; нет, ничего он не знает о своем участке и о людях, которые в нем живут!

То, что происходило в Планице, страшно опечалило его. Он воспринял происходящее как подлую измену, несправедливую плату за добрую дружбу и доверие, которые он ставил на первое место в отношениях с людьми. Выстрелы в Планице разбили в пух и прах весь его маленький, заботливо создаваемый мирок. Как теперь ему здесь жить? Ведь и люди теперь стали опускать перед ним глаза, а то и бежать от него в испуге, когда он хотел с ними переброситься несколькими словами. Его уже называли не «наш Вашек», а «тршемошницкий полицейский», который расследует планицкую попытку убийства, как будто в том, что произошло, есть и его вина, как будто и на нем остался кусок этой планицкой грязи. Поэтому он стремился побыстрее закончить это дело и схватить преступника, чтобы работать и жить здесь так же, как до сих пор. В эти дни ему пришлось позабыть и о рыбацкой страсти, он даже перестал ходить домой, почти не спал, днем и ночью подолгу допрашивая арестованного Эмана Заградника. Вдобавок он вдоль и поперек исходил свои деревни, посетил всех надежных информаторов — но напрасно. Ни одного следа! Даже собаки-ищейки не помогли. В ту роковую ночь к утру начался сильный дождь, который хотя и освежил воздух и напоил потрескавшуюся от жары землю, в то же время уничтожил все запахи и размыл следы.

Уставший, обозленный неудачами, с посеревшим от бессонных ночей лицом, Матыс сидел, склонив голову, за своим столом, когда в его бедно обставленный кабинет вошел Земан.

— Житный еще не звонил?

Матыс вскочил как ужаленный, протер глаза, чтобы побыстрее прийти в себя, и отрицательно покачал головой.

Земан, такой же, как и старшина, уставший и невыспавшийся, прошел к умывальнику и начал плескать себе на лицо холодную воду.

Матыс немножко потянулся, зевнул, потом снова сел за свой стол и закурил. Хриплым голосом он задал Земану вопрос, который больше всего занимал его сейчас:

— Как насчет подкрепления? Пришлют нам кого-нибудь сюда?

— Я только что приехал из районного комитета... С утра в понедельник милиция выставит патрули... Помогут нам прочесать этот район.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Матыс, — наконец-то! — И искренне признался: — У меня сейчас, товарищ поручик, частенько возникает желание бросить к черту это ремесло!.. Я вдруг почувствовал себя всего лишь одиноким беспомощным сельским старшиной, который не может решить ни одного серьезного вопроса...

Вытирая лицо полотенцем, Земан успокаивал его:

— Не хнычь, парень! Нам бы отыскать хоть какую-нибудь зацепочку! Вот увидишь, как мы начнем распутывать... Удалось чего-нибудь добиться от Эмана?

Матыс помрачнел:

— Я от него уже чуть живой... Так ничего и не добился. Паясничает, да и только!

Земан улыбнулся, представив их двоих на допросе.

— Где он у тебя? Давай води его сюда.

Матыс подошел к дверям соседней комнаты, где находился задержанный Эман Заградник, отомкнул их и строгим голосом гаркнул:

— Эман!

Из дверей медленно, развязно, засунув руки в карманы, вышел Эман Заградник, заросший, в помятой от лежания на парах одежде. Увидев Земана, он притворно поклонился ему:

— Добрый вечер, ваша светлость... Снова допрос? Не лучше ли нам сходить выпить пива?

— Вот видите, — сокрушенно произнес Матыс и прикрикнул на Эмана: — Хватит, я уже по горло сыт твоим глупым кривляньем! Тоже мне Швейк нашелся! Встань как следует!

Эман шутовски вытянулся по стойке «смирно».

— Теперь, когда вы меня сварили, можете и съесть меня, — изрек он словно Яношик, когда его вешали за ребро.

Матыс снова вышел из себя:

— Тебя бы следовало повесить за...

Он не договорил, потому что Земан резко прервал его, обратившись к Эману:

— Так как вы сами расцениваете свое положение?

— Все ясно как божий день. Напишите протокол, я вам его подпишу, и можете меня сажать. Другого выхода все равно нет...

— Почему?

— Потому что ярлык на меня навешен. Я теперь кулак

для вас на всю жизнь. Разве этого недостаточно, чтобы упрятать меня?

Этот парень начинал все больше и больше интересоваться Земана. Поручик показал Заграднику на диван:

— Садитесь. Скажите мне, пожалуйста, как из вас получился вот такой...

Эман засмеялся и закончил за него:

— Мерзавец? — Он сел. — Знаете, вы первый, кто меня об этом спрашивает. Все другие считали меня мерзавцем прирожденным.

— И почему же?

Эман удобно устроился на диване, как дома или в трактире, и заговорил:

— Наш пан управляющий иногда говорит мне: «Эман, ты однажды кончишь на виселице». Но при этом он всегда бывает ко мне добр. Единственный человек из всех. Погладит меня по голове и угостит самым красивым яблоком из своего сада... Дома ведь я жил впроголодь, все шло на продажу, чтобы хозяйство богатело и богатело. Отец заставлял меня работать с утра до позднего вечера, и все ради того же. Вот почему я возненавидел его, это хозяйство! Знаете, почему меня не любят планицкие крестьяне? Не потому, что я кулацкий сынок, а именно потому, что я никогда не заботился о нашем хозяйстве. Этого они просто никак не могли понять... Я вам даже благодарен за то, что вы у меня его конфисковали... Ведь я теперь вольная птица. Да вам и спешить не надо было так, все равно я со временем пропил бы все...

Матыс, молчавший до сего времени, раздраженно воскликнул:

— Перестань!.. Товарищ поручик, я бы его за такие провокационные речи так упрятал...

На это Заградник спокойно сказал:

— Я знаю это и хорошо все понимаю, Матыс. По-вашему, вы ведете классовую борьбу. Вот я и говорю: составьте протокол, пошлите кого-нибудь за пивом, а потом я вам все подпишу. Давайте не будем долго мучиться в этой жаре.

На столе зазвонил телефон.

— Это вас, товарищ поручик. Прага.

В трубке раздался далекий взволнованный голос поручика Житного:

— Ты был прав, Гонза! Я нашел в Рузиньском архиве нужный список. Лесничий Босак и тот самый осведомитель гестапо — одно и то же лицо. Думаю, этот факт поможет нам в дальнейшем. Не исключено, что это одно из звеньев нашего дела. Вряд ли человек с черной душой переродился за это время... Немедленно возвращаюсь, через три часа буду у вас. Соберите пока оперативную группу, как только приеду, сразу будем брать! — Житный повесил трубку.

«Боже мой, — подумал Земан, — предчувствие Калины оказалось верным».

И снова перед его глазами пронесся тот странный, нереальный сон, который мучил его иногда по ночам, наводя жуть и щемящую тоску. Колючая проволока и голод... Ночь и туман... Бесконечная грязь и трубы на горизонте... Рев охранников и бешеный, злобный лай собак... Постоянный страх перед построениями на плацу, когда жизнь каждого человека зависела от настроения зверей, облаченных в эсэсовскую форму... И ненависть... Ненависть к тем, кто отправил его в этот ад... Ненависть к людям-гиенам, подлым доносчикам, которые были готовы послать на смерть честных людей, только бы угодить незваным, ненавистным захватчикам...

И вот, стало быть, они раскрыли одну такую гиену, которая убивала и кусала даже сегодня...

Земан, не скрывая волнения, положил трубку. Он понимал, что начинает большое дело, что лед наконец-то тронулся. Вернувшись к действительности и вспомнив о допросе Эмана Заградника, он приказал:

— Отпустите этого болтуна, старшина!

Матыс, ничего не понимая, попытался протестовать:

— Товарищ поручик...

Но Земан резко его оборвал:

— Без разговоров! Я вам ясно сказал, отпустите его!

Рассерженный Матыс рывком открыл шкаф и бросил на колени удивленному Эману гармошку, шнурки от ботинок, ремень и несколько других вещей, изъятых у него при задержании.

— Пошел отсюда, Швейк!

Матыс схватил его за локоть и начал толкать к двери. Но Эман не преминул все же задержаться и заметить Земану:

— Как бы у вас из-за меня неприятностей не было, пан поручик, дело-то политическое! — И он вышел на улицу.

После его ухода Земан объяснил причину своего решения:

— По крайней мере, не будет нам здесь мешать. Быстро свяжите меня с районным угрозыском. Сегодня вечером мы, видимо, пойдем на одно дело. Гнездышко надо выбрать!

8

Стоял чудесный летний вечер, спокойный и тихий. Земля после позавчерашнего грозового ливня снова стала сухой и жаркой, а воздух был напоен ароматом засыхающей травы.

Бланка шире открыла двери, ведущие во двор, чтобы в дом попало побольше свежего воздуха, и, опершись о дверной косяк, машинально наблюдала за старым Свободой, который кормил кроликов сочной травой. Но мысли ее были совсем в другом месте. Обернувшись в комнату, она спросила:

— Тебя это сильно мучает?

Карел уже давно лежал на диване. Вернувшись после неудавшегося собрания, он сразу лег и встал лишь к обеду. Поев наскоро и без аппетита, он снова улегся и, уставившись в потолок, мрачно о чем-то раздумывал. Бланка, стоически терпевшая такое поведение мужа в течение дня, больше не могла молчать, и потому задала мужу этот вопрос.

Он сделал вид, что не понимает, о чем она спрашивает.

— Что мучает?

— Что люди не пришли на ваше собрание.

— Нет, почему ты думаешь, что это огорчает меня?

— Почему? Целый день валяешься, слова доброго не скажешь.

— Я размышляю.

— О чем?

— Обо всем. Иногда требуется разложить в голове все по полочкам.

— И о нас двоих тоже думаешь?

Этот вопрос Бланки прозвучал тревожно. Это было то, чего она боялась, о чем думала весь день. Она пристально посмотрела на него, но лицо мужа рассмотреть уже было нельзя — опустились вечерние сумерки.

Карел с минуту молчал, потом бросил:

— И об этом тоже думаю!

Бланка прижалась к дверному косяку и сразу же отшатнулась, побуждаемая сильным внутренним волнением, каким-то горячечным решением.

— Ты будешь сегодня вечером со мной дома?

— А что?

— Я хочу тебе, Карел, что-то сказать.

— Так скажи сейчас.

Она вдохнула побольше воздуха и потом выпалила то, о чем думала последнее время:

— Ты был прав!

— В чем?

— Нам надо отсюда уехать. Прямо завтра, послезавтра... Иначе я тебя потеряю... А я не хочу тебя потерять... Не могу!

Наступила минутная тишина. Карел, видимо, был удивлен. Потом он тихо проговорил:

— Я бы тоже хотел тебе кое-что сказать.

— Что?

— Что я был совсем не прав.

— Что ты имеешь в виду? Я тебя не понимаю!

— Я потом тебе объясню.

— А почему не сейчас?

— Потому что мне для этого нужно время, а я сейчас должен идти в школу на заседание комитета... И потом... я должен чувствовать тебя, когда буду говорить это... медленно, не

спеша. Я хочу иметь возможность тебя погладить... поцеловать... если ты вдруг не будешь меня понимать.

У Бланки перехватило дыхание. Она не хотела верить своим ушам, в голове у нее все перемешалось. Она бросилась от дверей к Карелу, упала рядом с ним на колени и горячо прошептала:

— Боже мой, Карел, ты снова меня любишь?

Карел нежно провел ладонью по ее волосам:

— Не снова. Я тебя все время любил и люблю. Только вот не мог говорить тебе об этом, как прежде.

Она пылко прижалась к нему, запустила свою руку в его волосы, так что у него даже кожа на голове заболела, и лихорадочно начала целовать его лоб, щеки, губы...

— А я, ненормальная, думала... Я так переживала! Ведь в жизни только одно имеет смысл... что мы любим друг друга, что мы живем, что мы есть! Все остальное ерунда, не имеющая никакого смысла. Я была не в своем уме и стыжусь за это. Я хочу быть с тобой, слышишь? И я пойду с тобой, куда ты захочешь...

Карел нехотя высвободился из ее объятий и встал. Надевая пиджак, он таинственно улыбнулся:

— Возможно, тебе не придется идти со мной очень далеко.

Бланка повисла у него на шее:

— Карел, останься со мной, прошу тебя! Мне столько надо тебе сказать!

— Я должен идти. Ведь я сам просил комитет собраться... У нас впереди целая ночь, — прошептал он ей на ухо и пошел к выходу. В дверях он столкнулся со старым Свободой, который понял его уход по-своему. Старик горько проронил:

— Опять? Боже, дети, что же у вас за жизнь?!

Карел не стал ему ничего объяснять и молча вышел из дому. Едва Свобода вошел в комнату, как Бланка схватила его за плечи и закружилась с ним, радостно восклицая:

— Что за жизнь? Прекрасная! Великолепная! Изумительная! Как я счастлива, папа!

Пан священник глубоко погрузился в чтение какой-то книги, а может, он только делал вид, что ничего вокруг не замечает. Штабс-капитан Кристек, стоя у стола, быстро наполнял патронами обоймы к пистолету и английскому автомату, которыми он был вооружен. В помещении с распятием на побеленной известкой стене занятие это было более чем странным. Но Кристек делал свое дело с такой естественной уверенностью и спокойствием, будто он перебирал горох. Может быть, поэтому священник даже не осознавал ужасного смысла того, что делал Кристек. Оба молчали, занятые своими размышлениями и воспоминаниями. Кристек восстанавливал в памяти события последних пяти лет жизни, которые казались ему те-

перь бредом, а не реальностью. После неудавшегося побега в феврале сорок восьмого он отсидел год в тюрьме. Выйдя на свободу, он в армию, естественно, не попал. Начались долгие и безуспешные поиски приличной работы, закончившиеся тем, что, переполненный обидой, горечью и ненавистью ко всем, он вынужден был наняться в бригаду лесных рабочих. Крестек занимался этой тяжелой, унижительной работой полгода, прежде чем нашел человека, который благополучно перевел его через границу. Наконец-то исполнилась его мечта! Он вырвался на свободу. Но попользоваться этой свободой ему не пришлось. Сначала лагерь для беженцев, потом учебный лагерь, а теперь он снова здесь, объятый страхом, как волк-одиночка. И лишь одно его поддерживало: что он не сдался, что он снова настоящий мужчина, что он борется. Воспоминания о жизни за границей были не из самых приятных, поэтому он предпочел нарушить молчание:

— Что это вы читаете, пан священник?

— Житие святых.

— Вера — прекрасное свойство человеческой души. Я вам завидую.

— А вы разве не верующий?

Крестек ухмыльнулся и покачал головой:

— Нет!

— Не верите ни во что?

— Нет.

— Даже в смысл своей борьбы?

Штабс-капитан засмеялся:

— Вы интеллигентный человек, пан священник, и вам я лгать не буду. Так вот: чтобы человек мог во что-то верить, он должен об этом хотя бы чуть-чуть знать.

— Я объясняю веру иначе, — возразил Крестеку священник. — Чем глубже и больше знаешь, тем сильнее веришь.

— Да, но в таком случае верить можно только в бога!

— Так почему вы тогда боретесь, если ни во что не верите?

— Потому что ненавижу.

— Режим?

— Нет. Себя.

— Не понимаю вас.

Штабс-капитан был настроен на беседу и потому спросил:

— Знаете, что такое получеловек? — И, не дожидаясь ответа, начал исповедоваться, изливать свою горечь и ненависть: — Ну, ну, не жмитесь... Не бойтесь... Получеловек! Грубое обращение, которое я слышал сотни раз. И знаете где? В учебном лагере в Баварии от конопатого вонючего Венцеля, американского фельдфебеля из английской разведки, который натаскивал нас по всем методам борьбы, а главное — учил тому, как пенавидеть самого себя. И знаете, он был прав, этот Венцель! Ведь я действительно ничего в жизни не добился: любовь, учеба, карьера — во всем этом я остановился на пол-

пути, я стал предметом насмешек, получеловеком, понимаете? Мать божья, как же меня унижал этот Венцель! «Вы — бывший штабс-капитан чехословацкой армии? Вы — такой полудурок?» А сам он кто был? Барахольщик, загонял жевательную резинку за забракованные воинские шмотки... А теперь знаете, что у него есть? Весьма доходный бар для военных в Мюнхене.

Священник, сгорбившись, сидел в кресле; истерический монолог Крестека испугал его. Он спросил встревоженно:

— Зачем вы мне обо всем этом говорите?

— Потому что вы уже давно хотите меня исповедать... Я знаю, я чувствую это... Вы очень интересуетесь тем, за что я, собственно, сражаюсь. Так я вам скажу: не за бога, как вы, и даже не за какие-то там дурацкие идеи, как коммунисты... а за то, чтобы совершить однажды что-нибудь великое, значительное, такое значительное, что позволило бы мне, если я туда вернусь, стукнуть кулаком по столу и доказать, что полудурки и полулюди — это они, а не я, и что никто из них и в подметки не годится мне как солдату, и что существуют и более приличные организации, чем этот их лагерь...

Священник боязливо произнес:

— Боже мой, а что же будет здесь с нами?

Крестек, стоявший спиной к столу, все еще возбужденный своей исповедью, медленно повернулся. Неожиданно холодно и без всякого сожаления он сказал священнику прямо в глаза:

— У вас тут есть свои маленькие предприятия... остались со времен оккупации. Вот и боритесь за них...

В этот момент раздался настойчивый стук в дверь. Крестек мгновенно насторожился, быстро вставил обойму в пистолет и прошептал:

— Кто это?

Священник сидел в своем кресле окаменев, словно парализованный.

— Не знаю. Я никого не жду, — с ужасом прошептал наконец он. И, стуча зубами, высказал предположение: — Может быть, полиция?

Крестек резко возразил:

— Чепуха, это исключено!

— Что мне делать?

— Откройте, — приказал Крестек священнику. — Посмотрите, кто там. Но при этом не забывайте, что я держу на прицеле вашу спину. — Он спрятался в углу за широкий шкаф, снял курок с предохранителя.

Священник медленно поднялся, дотащился до двери, ведущей на улицу, и сдавленным от страха голосом спросил:

— Кто там?

Снаружи послышался женский голос:

— Это я, пап священник, Бланка! Откройте!

Раздался звук отпираемого замка, дверь открылась, но священник неожиданно загородил собой проход и Бланку внутрь не пустил.

— Зачем ты пришла? Ведь сегодня воскресенье. Ты никогда не приходила в воскресенье, потому что он дома.

— Но сегодня его нет дома.

Священник понял ее слова по-своему:

— Значит, там все-таки собрались? Он ушел?

— Нет, собрание не состоялось, а Карел сейчас в школе, на каком-то заседании. Вернется часа через два, не раньше. А я у вас пока здесь приберу.

Она хотела войти, но священник в страхе схватил ее за руку:

— Нет... туда не надо входить!

Это остановило женщину, она почувствовала беспокойство священника, но никак не могла понять причину такого поведения.

— Почему? Что с вами сегодня, пан священник?

Священник, оказавшись в затруднительном положении, начал поспешно и неубедительно объяснять ей:

— Я больше не хочу... чтобы ты у меня здесь что-то делала... за спиной мужа. Я знаю, он против этого, и тебе лучше его послушаться, как нас учит святая церковь. Приказываю тебе... во имя святости супружеской... иди домой... иди... Прошу тебя об этом...

Бланка никак не могла понять, что с ним. Потом подумала, что человек он старый, а в таком возрасте людям свойственны всякие причуды. А может, он просто нездоров и хочет побыть один. Она улыбнулась ему и отступила:

— Как хотите, преподобный отец.

Двери за ней захлопнулись, священник запер их и с облегчением вздохнул.

Штабс-капитан Кристек вышел из своего укрытия, поставил курок на предохранитель и вложил пистолет в кобуру.

— Приятная девушка, — сказал он. — С искоркой.

Священник устало доплелся до своего кресла, вытирая платком вспотевший лоб.

— Я всегда ее любил. С детства.

Кристек загадочно усмехнулся:

— Я знаю.

— Что вы знаете?

— Все знаю о вашей любви. Во всяком случае, гораздо больше, чем она сама.

Священника снова охватило беспокойство, он содрогнулся.

— А чего она не знает?

— Кто во время оккупации выдал гестапо ее родителей.

Священник обмяк в своем кресле и начал судорожно ловить воздух открытым ртом. Сомкнув руки, он стал шепотом молиться, потом хрипло сказал:

— Но это были... враги церкви... Безбожники... Коммунисты...

Кристек холодно улыбнулся:

— Я знаю. Вы поступили благородно, но вряд ли это оправдает вас... — Он вытащил из ящика еще один пистолет и обоймы, которые там прятал, и начал их наполнять патронами. При этом он спокойно, командирским тоном говорил: — Впрочем, это хорошо, что она пришла и сказала нам о собрании в школе. Теперь я знаю, что мне сейчас делать. Сзовите сюда быстрее всю группу. Если все удастся, я уйду и оставлю вас в покое.

Священник с ужасом смотрел на него и шепотом читал молитву.

Кристек безжалостно поднял его с кресла и подтолкнул к двери:

— Отправляйтесь, пан священник, делайте то, что я вам приказал.

И священник ушел.

9

Около семи часов вечера оперативная группа районного отдела КНБ плотным кольцом окружила просеку, на которой стояла сторожка планицкого лесника. Житный и Земан подошли к дубовой двери сторожки.

Однако внутри никого не оказалось. Земан почувствовал досаду. Он знал, что лесник рано или поздно вернется домой, что они его обязательно возьмут, но ему было жаль, что это не случилось именно сейчас. Подсознательно он чувствовал, что сторожка — ключ к разгадке, что всякое промедление с операцией грозит большими неприятностями. Бывает у человека такое странное предчувствие, особенно когда с ним рядом гуляет смерть.

Они обошли сторожку, осмотрели ее со всех сторон. А в это время с сеновала за ними следили лихорадочно блестящие глаза насмерть перепуганного человека. В ту минуту когда Земан с Житным зашли за строение и не могли его видеть, он неожиданно спрыгнул на кучку сена, приземлившись сразу на четыре точки, и стремглав понесся через просеку в сторону чащи. Но далеко убежать ему не удалось, потому что раздался громкий крик:

— Стой! Именем закона!

Человек в ужасе запетлял как заяц, хотел повернуть назад, но старшина Матыс в несколько прыжков подскочил к нему и сбил с ног.

Это был сын лесника Ярда Босак, с перевязанным плечом и расширенными от испуга глазами. Матыс насмешливо крикнул:

— Куда это ты, Ярда? А где твой отец?

И тут Ярослав Босак задрожал, расплакался, потому что думал, что они все уже знают и пришли теперь за ним.

— Он в доме священника... Все в доме священника... Но я с ними не имею ничего общего... Я в Мутла даже не выстрелил, клянусь...

Они снова сидели, втиснувшись в школьные парты, и оттого казались немного комичными. Здесь были все четверо: Карел Мутл, железнодорожник Йозеф Бабицкий, Йожка Вчелак и пан управляющий Томан, сидевший за кафедрой. Только Анна Шандова не пришла — бог знает почему, может быть, у нее были какие-то неотложные дела дома или в кооперативе. Но, в конце концов, она не была членом комитета.

Света зажигать не стали, в полумраке разговор у них получался более полезный и доверительный. Говорил в основном Карел. С трудом подбирая слова, он не спеша рассказывал им обо всех своих проблемах:

— ...Я очень люблю свою профессию и никогда ни за что на свете не бросил бы ее... Однако сегодня я понял, что линия фронта сейчас проходит здесь... потому что здесь происходит такое, чего давно уже быть не должно. Люди растерялись, не понимают, кто здесь, собственно, сейчас хозяин положения — простые жители сел, члены сельскохозяйственных кооперативов, мы, коммунисты, или те несколько гадов, которые начали по почам стрелять. И вот я решил... что надо отложить в сторону личные планы и взяться за дело по-настоящему. Короче говоря: завтра я подаю заявление об уходе с фабрики, распрощаюсь с бригадой, верну им ордер на квартиру... Останусь здесь, с вами... Возьму на себя функции председателя кооператива.

Вчелак растроганно пожал ему руку:

— Слава богу, Карел, ты все-таки образумился! Ведь я бы окончательно спился на этой должности от жалости к самому себе. Я тебе этого никогда... И обещаю, что все...

В этот миг от дверей класса раздался резкий окрик:

— Руки вверх!

Члены комитета удивленно оглянулись. У дверей стояли трое. Все в черных резиновых плащах, на лицах черные повязки, в руках пистолеты и автоматы. Это было настолько неожиданно, что казалось неправдоподобным, и четверо мужчин, сидевших в классе, даже не успели испугаться. Потрясенные происходящим, они медленно поднимали руки. Пан управляющий Томан испуганно спросил:

— Что... вам нужно?

Один из пришедших заорал:

— Я сказал — руки вверх! Все лицом к стене без лишних вопросов! Кто из вас секретарь партийной организации?

— Я, — ответил Карел Мутл.

— А-а... Я знаю тебя, звереныш! Встань к стене, лапы вверх, ноги шире! Председатель национального комитета?

— Я, — сказал Томан.

— К стене! Председатель кооператива?

— Я! — негромко произнес Вчелак.

— К стене! А этот? — спросил убийца в черном и показал на Бабицкого.

— Тоже коммунист! Член красной милиции, — с готовностью подсказал ему один из его подручных.

— Значит, вы тут все вместе, — удовлетворенно произнес главарь. И с истерическим пафосом хриплым, срывающимся голосом завопил: — Во имя свободы и демократии, во имя нашего великого национального сопротивления!..

Такого Карел Мутл вытерпеть не мог. Он резко обернулся:

— Какого сопротивления, негодяй?

— Тихо! — гаркнул один из людей в черном.

Однако Карел не испугался окрика; он был настолько возмущен и разгневан, что перестал бояться.

— Вы обычные мерзавцы и убийцы, вот вы кто! Тоже мне сопротивление! Бойтесь прийти с открытыми физиономиями, бойтесь посмотреть людям в глаза... Но я тебя все равно узнал, Эман!

И тут один из бандитов яростно сорвал с себя черную повязку. Это был лесник Босак. То же самое сделали двое остальных.

— Смотри же, кто пришел с тобой расправиться!.. Посмотри, прежде чем подохнуть!

Вторым был трактирщик Бенеш. Третий, главарь, очень напомнил Карелу штабс-капитана Кристека из пограничного городка. Но Эмана Заградника тут не было...

Бланка вместе с другими жителями деревни бежала к костелу, к дому священника. Она слышала гул моторов автомобилей и мотоциклов на площади рядом с костелом, стук в дверь и громкие голоса: «Именем закона! Откройте!» Все были очень удивлены, никто ничего не понимал. Почему именно священник? Такой тихий, добрый человек. Одной ногой уже в могиле стоит.

Они сбежались под старые липы перед домом священника и молчаливо, неодобрительно смотрели, как милиционеры обыскивают дом. То, что они видели через ярко освещенные окна и двери, походило на какое-то нереальное, театральное представление. Затем в дверях показались Земан и Житный. Они вывели священника. Руки его были в наручниках. Идя к машине, Земан и Житный настойчиво спрашивали священника:

— Где остальные, говорите!

— Отрицать не имеет смысла, мы все знаем, говорите!

— В последний раз призываем помочь нам поймать преступников!

— Это ваша единственная возможность облегчить свою вину, говорите!

Однако священник молчал, полностью подчинившись воле ведущих его людей, неживой, оцепеневший, с пожелтевшим лицом. Только по шевелившимся губам можно было понять, что он напряженно и сосредоточенно молится.

Земан совсем вышел из себя. Схватив священника за локоть, он с силой потряхнул его:

— Где они? Говорите, черт бы вас побрал! Вы еще можете предупредить трагедию. Говорите!

Тут Бланка прорвалась сквозь ряды молчавших людей, бросилась к Земану и с горячностью попыталась вырвать из его рук священника.

— Ты что делаешь, Гонза? — воскликнула она. — Ведь это старый человек! Что ты с ним делаешь?.. Оставьте вы хоть здесь свою классовую борьбу!

В эту минуту со стороны школы донеслись выстрелы.

Сцена, представшая глазам тех, кто сразу после выстрелов вбежал в школу, была поистине чудовищной.

В классе, у стены, забрызганной кровью, лежали трое убитых и один умирающий. Над ними, словно статуя, с букетом красных роз застыла пани управляющая. Незадолго до этого букет как знак внимания по случаю годовщины свадьбы, о чем ее собственный муж забыл, вручил ей пан священник. Томанова специально несла цветы своему мужу, чтобы таким образом упрекнуть его в невнимании, но опоздала.

Земан, Житный, Матыс, члены оперативной группы и жители, потерявшие от ужаса силы, столпились в дверях и в коридоре, не веря в то, что произошло.

Бланка прибежала последней и протиснулась через толпу, которая молча расступилась, пропуская ее.

Карел лежал у стены на вытоптанном детскими ногами крашеном полу, и с каплями крови из его тела уходила жизнь.

Бланка не проронила ни слова, не заплакала, только молча, неподвижно смотрела на него. Видимо, еще не верила своим глазам.

Потом пошла медленно, тяжело, будто к ногам ее были привязаны тяжелые гири. Это были пять тяжелых шагов между жизнью и смертью, между летним вечером и вечностью.

Она упала на колени, приподняла окровавленную голову Карела и стала нежно приглаживать его всегда растрепанные волосы, потом поцеловала в холодеющие губы. И казалось, что только в тот момент, когда она прикоснулась к нему губами, она поняла смысл всего происшедшего.

Она повернула к Земану удивленное лицо и прошептала:
— Они убили его, Гонза?..

10

Когда Эман Заградник проснулся, стояло тихое летнее утро. Вокруг него волновалось большое поле ржи, над горизонтом уже поднялся огромный, раскаленный докрасна шар утреннего солнца, весело кричали птицы, спорили о чем-то зяблики, упорно подбирал новые мелодии дрозд.

Эман неторопливо вылез из теплой ямки в стогу прошлой годней соломы, потянулся, зевнул, с удовольствием втянул еще свежий, влажноватый после ночи воздух, стряхнул с волос соломинки и окинул взглядом поле. На его глазах рождался великолепный день. Чувствовал себя Эман превосходно, если не считать сухости во рту и горечи после сигарет и бесчисленного количества кружек пива и рюмок водки, которые он опрокинул в себя, отмечая свое счастливое освобождение. Эман вытащил из соломы свою гармошку, перекинул ее за спину, а поскольку он решил как можно быстрее найти какой-нибудь колодец, чтобы хорошенько залить горечь во рту, ловко съехал со стога вниз.

Тут-то он их и увидел. С расширенными от страха глазами, они сидели, согнувшись, у стога. Их было трое — лесник Босак, трактирщик Бенеш и еще какой-то неизвестный человек.

Все они страшно перепугались, когда он свалился на них сверху, как ангел с неба. Кристек резко замахнулся автоматом, чтобы разmozжить ему голову, но Бенеш успел остановить его:

— Не троньте его! Этот нас не выдаст... Этот на них зол не меньше, чем мы... — И плаксиво, дрожащими, словно в лихорадке, губами, он стал упрашивать Эмана: — Уведи их отсюда, Эман! Спаси нас, прошу тебя... Отвлеки их... Вспомни, как я наливал тебе бесплатно, когда у тебя не было денег. Очень тебя прошу об этом, Эман...

Заградник таращил на них глаза, ничего не понимая.

— Ты что мелешь, трактирщик?.. Кого я должен отвлекать? — Он заметил оружие в их руках. — И что вы здесь вообще, мужики, делаете? С утра ставите засаду?

— Вершим божий суд, Эман, — стуча зубами, тараторил Бенеш. — Божий суд.

Больше он ничего сказать не успел, потому что оба его друга, что-то заметив за ржаным полем, бросились бежать. Бенеш кинулся за ними. Они бежали по полю, падали, ползли на четвереньках, на животах.

Эман смотрел на них, забавляясь этой нелепой игрой в прятки. Потом он обернулся и все понял.

На пыльном проселке за ржаным полем выстроился ряд грузовиков, с которых спрыгивали с винтовками в руках парни в рабочих комбинезонах. Вел их Павел Шанда. Парни быстро пристраивались к цепи сотрудников органов безопасности, которые прибыли сюда раньше. «Народная милиция», — сразу сообразил Эман.

Им пришлось взяться за оружие после ночной смены, и приехали они сюда от станков и машин, в рабочей замасленной одежде. Никто из них не отказался принять участие в операции после того, как Шанда рассказал им, что случилось.

Цепь, охватившая все поле, двинулась к лесопосадке. В середине в качестве командиров шли Житный, Земан, Шанда и Матыс.

Эман никогда не любил полицейских, а уж о милиции и говорить было нечего. Поэтому он решил сыграть с ними злую шутку, запутать их, сбить со следа, как просил его Бенеш, умышленно послать их в другую сторону, чтобы потом вечером в трактире потрепаться, что столько людей напрасно болтались по полю.

Эман пошел навстречу цепи. Они сразу заметили его, беззаботно идущего среди колосьев. Над его головой заливались жаворонки, светило ласковое утреннее солнце, а он играл на гармошке и пел.

Матыс выругался и громко крикнул ему:

— Проваливай отсюда, Эман! Нам сейчас не до шуток. Здесь будут стрелять.

Но Эман, верный своей привычке, лишь весело рассмеялся:

— Да ладно вам, ребята!.. Так что же здесь намечается? Крестный ход?

На этот раз старшина Матыс не разозлился, наоборот, с серьезным и важным видом он произнес:

— Произошло нечто ужасное, Эман. Сегодня ночью убили Карела Мутла, Бабицкого, Вчелака и пана управляющего Томана.

От веселости Эмана не осталось и следа. С минуту он непонимающе смотрел на старшину, и губы его дрожали.

— Что, нашего пана управляющего? Убили нашего пана управляющего?

Бог знает, что произошло с ним вдруг. Он стал совсем другим, будто ему в рот насыпали песок, будто украли самое лучшее, что у него оставалось в очерстевшей под влиянием алкоголя душе, — детство. Его охватил страшный гнев, он почувствовал себя оскорбленным и обманутым.

Он вдруг хрипло закричал:

— Свиньи! И пана управляющего убили!.. Они здесь! Прячутся вон там, во ржи! До смерти перепугались, заведевши вас. Пойдемте, я покажу вам, где они скрылись...

Эман побежал вперед цепи в сторону стога, в глубь ржаного поля.

Со стороны поля донеслось:

— Ты, тварь паршивая! Предатель!

И прогремел выстрел.

Эман Заградник раскинул руки так, что его гармошка отлетела в сторону и со стоном приземлилась среди комьев земли. Он тяжело упал в пыль проселочной дороги, уткнувшись лицом в землю, которая пахла летом, хлебом и солнечной бродяжной жизнью, которую он так любил.

И в эту минуту, словно торжественная музыка, словно хорал в честь павшего, раздалась гулкая стрельба и прокатилось громкое «ура» сотрудников госбезопасности и народной милиции.

11

Деревня снова была спокойной и тихой, и многочисленные холмы вокруг нее плавали в полуденном пекле.

Когда арестованных грузили в машину, а было это в первой половине дня, на них уже никто не обращал внимания, потому что все жители занялись своими делами: обычный рабочий день вступал в свои права. Только Анна Шандова, возглавившая сельскохозяйственный кооператив, с отвращением сплюнула и сказала:

— И эти хотели нас освободить? Вот эти-то? — Она обратилась к остальным: — Ну что ж, товарищи, продолжим наше дело!

И жители деревни, молчаливо поддерживавшие ее призыв, без лишних слов начали сводить свой скот в общественное стадо...

Их взяли всех — обоих Босаков, священника, трактирщика Бенеша. Лишь штабс-капитан Крестек был убит в перестрелке. Он не хотел сдаваться и бежал куда глаза глядят, петляя, словно заяц, и бешено отстреливаясь. Но им руководили отнюдь не решимость и отвага. Это была истерия получеловека, который должен был кончить свою жизнь так же бессмысленно, как и прожил. В конце концов одна из очередей, выпущенных по ногам, прошила ему спину, когда он неожиданно нагнулся.

Земан медленно поднимался по тропинке среди поля к шоссе, где его ждала служебная машина. Внизу диковинно петляла между заросших берегов тихая речушка. Там, где ее течение было подернуто мелкой рябью, солнечные лучи отражались множеством серебряных зайчиков. Вдали, за рекой, высились поросшие лесом холмы. Воздух над ними был настолько чист и прозрачен, что, несмотря на расстояние, мож-

но было отчетливо увидеть верхушки старых елей, усыпанные шишками, и яркую зелень берез.

Боже мой, ведь прошло всего несколько дней с того времени, когда он впервые проходил здесь и смотрел на эту деревеньку, на эти тридцать — сорок побеленных домов, уютившихся в объятиях прелестной долины, на костельчик с пузатым куполом в окружении могучих старых лип, на крышу дома священника, выстроенного в стиле барокко. Здесь Земан впервые вдохнул воздух, настоящий на аромате тысяч трав и меда, здесь он с чувством зависти мысленно произнес, что, наверное, нигде не может быть более спокойной и мирной жизни.

А между тем...

Он повернулся к поручику Житному и Павлу Шанде, которые его провожали, и тихо попросил их:

— Помогите Бланке Мутловой хотя бы в тяжелое первое время. Сделайте это ради меня!

Они восприняли эту просьбу как само собой разумеющееся дело.

Житный, еще находившийся под впечатлением того, что произошло, задумчиво произнес:

— Будет еще много жестоких схваток с противником, Гонза, прежде чем мы завоюем счастливую, спокойную жизнь для нашей прекрасной страны!

Земан сел рядом с водителем, кивнул им на прощание. Машина тронулась и вскоре исчезла за поворотом.

Начинался новый день этой великой битвы.

КОНЕЦ ОДИНОКОГО СТРЕЛКА

1

Тот поздний осенний вечер навевал розовые сны. Приятно было сидеть на границе света и тьмы, греть в руке рюмку с хорошим французским коньяком, слушать грубовато-грустный и в то же время так страстно и правдиво отражающий жизнь голос Эдит Пиаф, льющийся из магнитофона, и смотреть в темноту старого сада, на падающие с деревьев листья.

Арнольд Хэкл, торговый представитель крупной британской фирмы «Бенсон и Бенсон», одетый в безукоризненный вечерний костюм, сидел с небольшой группой гостей на террасе своей виллы в Бржевнове, вероятно, даже не вникая в болтовню трех очаровательных молодых дам и двух мужчин-сибаритов.

Он весь погрузился в свои размышления, улыбался нахлынувшим мыслям, а гости, занятые светскими проблемами и сплетнями, тактично не нарушали его уединения. «Боже, как красив этот город и как мне в нем хорошо!» — думал Хэкл. Он уже видел Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк, Лондон, Осаку,

Париж, Стокгольм, Афины, Рангун, Каир, Рим, но ни один из этих городов не мог сравниться с Прагой. Может быть, такое ощущение сложилось у него оттого, что в тех местах он должен был много и тяжело работать, чтобы обеспечить свое существование, и в той суровой борьбе у него просто не было времени воспринимать их красоту, чего не скажешь о Праге. Здесь впервые в своей жизни он достиг того, о чем всегда мечтал, — спокойной, обеспеченной жизни, того блаженного состояния души, когда не надо думать о том, что будет завтра, и когда каждый день можно менять хорошо сидящую на тебе одежду, когда у тебя постоянно чистые рубашки и чистые руки, когда ты ходишь по мягким коврам и вокруг тебя красивые вещи и еще более красивые женщины. Чистоту Хэкл любил, он не переносил жару и потому ненавидел тропические и южные города; ощущение пота и грязного воротничка делало его раздражительным и нервным, наполняло непреодолимым желанием помыться и переодеться. В такие минуты он ненавидел людей и потому мог обходиться с ними сурово и грубо, он готов был отгонять их от себя даже при помощи кулаков до той поры, пока не добирался до душа. И вот такую совершенную чистоту он впервые мог себе позволить только здесь, в Праге. И кроме этого он нашел здесь еще кое-что: ее здания в стиле барокко, ее изумительные дворцы и сады, ее средневековые улочки и золотистые черепичные крыши, башни и купола, мягко разбросанные по обе стороны реки на зеленых склонах и холмах, настолько сочетались с его уравновешенностью, приобретенной к пятидесятилетнему возрасту, что он прямо-таки болезненно чувствовал, как тесно сросся с этим городом, без которого он, вечный странник без родины, не мог бы теперь существовать. Хэкл с нетерпением возвращался сюда из командировок в Лондон, Нью-Йорк, Бонн, как ребенок радовался очередной встрече со своей виллой, которую ему удалось снять за изрядную сумму и с большим трудом.

Как раз несколько дней назад он возвратился из одного такого путешествия к своим английским хозяевам, и теперь, снова дома, он так остро чувствовал свое тихое счастье, что даже улыбался про себя.

Однако неожиданно улыбка застыла на его губах. В глубине сада, за забором, он заметил какую-то тень. Это встревожило его. Убедившись еще раз, что это не галлюцинация, Хэкл поставил рюмку на стол и сказал гостям с изысканной вежливостью хозяина:

— Извините, пожалуйста, я вернусь через минуту.

На него никто не обратил внимания. Через широкие двери террасы он вошел в холл, выдвинул ящик одного из комодов и взял из него маленький браунинг. Проверив, есть ли патрон в стволе, Хэкл положил пистолет в карман и вышел в сад, будто желая подышать свежим воздухом,

Он не ошибся. Тень за забором приобрела очертания человеческой фигуры, а потом и заговорила негромким хриплым голосом:

— Наконец-то, Арни... Слава богу! Я уже полчаса на тебя смотрю... И обращаюсь с молитвами ко всем святым, чтобы ты меня заметил...

Браунинг оказался ненужным, но Хэклу от этого легче не стало. Наоборот. При виде грязного, в помятой одежде человека за забором у него даже дух перехватило, но через секунду он зло прошептал:

— Ты с ума сошел! Что тебе здесь нужно?

— Мне плохо, Арни... Пусти меня в дом... Через заднюю дверь. Меня никто не увидит, клянусь...

Хэкл привел пришельца в одно из помещений виллы, зажег настольную лампу, однако сесть ему не предложил. Посмотрев с едва скрытым отвращением на вызывавшего жалость мужчину, он нетерпеливо спросил его:

— Так чего ты хочешь? Быстро! У меня здесь гости, слышишь их голоса? Я не могу оставлять их одних.

Но Павел Блага не воспринимал ни тон Хэкла, ни всю враждебность окружавшей его атмосферы. Сладостно, с уверенностью человека, который чувствует, что здесь ему ничто не грозит, он погрузился в одно из кресел и любовно провел ладонями по плюшу, ощущая его мягкость и нежность.

— Я уже три ночи не спал как следует, Арни. Дремлю в полглаза в холодных залах ожидания на вокзалах, все время в напряжении, с рукой на пистолете. Даже помыться не было возможности... Только лицо ополаскивал в туалетах. Наверное, от меня несет потом, грязью и усталостью. Мне холодно... Я хочу есть и пить, у меня нет денег... И у меня, наверное, жар. Ты не знаешь, как я ждал этой минуты, Арни!

Но Арнольд Хэкл, которого несколько не тронули страдания Блага, холодно осадил его:

— И из-за этого ты нарушаешь правила конспирации? Хочешь и меня провалить?

Обиженный холодностью Хэкла, Блага стал защищаться:

— В случае крайней необходимости...

— У хорошего агента,— прервал его Хэкл,— не должно возникать такой крайней необходимости!

Это был удар ниже пояса, заставивший Благу вскочить с кресла.

— Но я же сделал все, что вы от меня хотели! — В его словах сквозили волнение и неподдельная обида. — С риском для жизни я прошел всю Чехию и Моравию, я связывался с людьми, я активизировал деятельность подпольных организаций, я организовывал...

— Однако все это потом лопнуло как мыльный пузырь,— снова бесцеремонно прервал его Хэкл. — Подпольные организации раскрывались всюду, где ты появлялся, по твоей вине мы

потеряли сеть с таким трудом созданных боевых подпольных формирований. Так чего же ты еще хочешь?

Блага был потрясен услышанным, он понял, что его уже списали, что теперь он никому не нужен. С усилием он выдал из себя хриплым голосом:

— Отомстить!

— Кому?

— Тому, кто мне больше всех испортил крови. Он живет в Праге.

— Чепуха! На это уже нет времени. Тебе нужно думать о том, как исчезнуть из этой страны побыстрее, пока тебя не взяли.

Однако Блага, находясь в плену патологической ненависти к человеку, который свел на нет все его старания в Чехословакии, отверг предложение Хэкла:

— Нет! Он уничтожил меня! Я должен его убить!

— Это единственное, что ты умеешь,— пренебрежительно ухмыльнулся Хэкл.— Но эра террора после событий в Венгрии кончилась. Центр выработал другой, более эффективный план, рассчитанный на длительную перспективу. Наши называют его «Белые линии». Будем влезать им под кожу иначе, идеологически. Короче говоря, теперь нам будут нужны умные головы, а не пистолеты. А вот этого-то у тебя, как нам кажется, и нет! Ты ничего не понял. Иди и больше здесь не появляйся. Твое место — на свалке.

Блага тяжело дышал, ему казалось, что все это — страшный сон, он не мог поверить, чтобы с ним могли так обращаться после всего, что он для них сделал.

— Ты меня прогоняешь?

— А чего еще бы ты хотел?

— Помыться... отдохнуть, пожить спокойно хотя бы три дня...— Заметив холодный неприступный блеск в глазах Хэкла, он совсем потерял уверенность.— Ну хотя бы поспать эту ночь!

Но Хэкл был неумолим:

— Нет! Я не могу ничем рисковать!

— Ну тогда дай мне денег. У меня нет ни кроны.

— Нет! Их мы тебе дали уже достаточно!

— Телефон! Позвони...

— Кому?

— Ей... Джейн... Я звонил ей с вокзала... Она лучше тебя... Она пригласила меня к себе... Я должен ждать ее сегодня ночью перед домом... Но она хочет удостовериться...

— Нет, ее оставь в покое, она приличная девушка. Я не могу поставить под угрозу ни себя, ни ее. Наверняка мои телефонные разговоры прослушиваются. У меня для тебя есть только одно — свободный коридор через Циновец на Берлин.

— Можешь быть уверен, что я...— хотел снова просить его Блага.

— Нет! — твердо и окончательно сказал Хэкл. — Перелезешь сейчас через забор и, миновав два сада, выйдешь на пустырь. Там увидишь крепкий сарай, пригодный для жилья, с хорошими ставнями, но их не открывай. Внутри есть матрац и одеяла, бензиновый примус, запас еды — все для того, чтобы прожить несколько дней. Возьми ключ. Через неделю со вторника на среду в час ночи под первым виадукom на Дечинском шоссе за Прагой тебя подберет грузовик фирмы «Кифер» с датским номерным знаком. Водителя грузовика зовут Серенсон, он отзывается на пароль «Белые линии». Тебе все ясно? Запомнил?

Блага минуту молча и с ненавистью смотрел на него. Потом проговорил:

— Ты неумолим, Арни... Я отплачу тебе тем же... Однажды я докажу тебе, что время террора не прошло... — Он хрипло крикнул: — Ты дашь мне хотя бы напиться?

Арнольд Хэкл взял со стола сифон, наполнил стакан водой и небрежно пододвинул его к непрошеному визитеру.

Блага с жадностью выпил. После этого Хэкл холодно и с отвращением произнес:

— А теперь исчезни!

2

Агент Павел Блага, бывший надпоручик КНБ, который при драматических обстоятельствах бежал из Чехословакии в феврале 1948 года, вернулся туда ранней весной 1956 года, спрятавшись в трюме первого буксира, который после долгой зимы пришел из Гамбурга в Прагу. Он не испытывал страха перед этим возвращением. За его плечами были не только специальное обучение в годы войны, но и длительная тренировка в лагере по подготовке агентов и шпионов в Баварии, принадлежавшем одной из империалистических секретных служб. Это был меткий стрелок, универсальный спортсмен, профессионал в каратэ и дзюдо, и к тому же хладнокровный, интеллигентный убийца. Он любил приключения и не боялся смерти; такие люди рождены для войны, а когда военных действий нет, они становятся агентами-террористами, наемниками или уголовными преступниками. И вот он снова пересек чехословацкую границу — на этот раз в противоположном направлении, — снабженный адресами явок. На один адрес он возлагал особые надежды.

Чадеки жили теперь в старом многоквартирном доме в Жижковском районе Праги на Есениновой улице. После неудачной попытки побега в феврале на Запад они, разумеется, не могли остаться в пограничном районе и переселились сюда, в Прагу. Чадек работал подручным рабочим на одной из пражских фабрик, а пани Инка, некогда сияющая красавица, кото-

рая верховодила на балах в приграничном городке, разочарованная и увядающая, работала продавщицей в кондитерской на Угльном рынке.

В тот мартовский вечер, уставшая после долгой дневной смены, она возвращалась домой. Был обычный серый буднич- ный день, к каким она уже привыкла. Пройдя после работы по такому же серому проезду, Инка вошла в подъезд и стала подниматься по стоптанным ступенькам темной лестницы к себе в квартиру. Что ее могло здесь ожидать кроме грязных облупившихся стен коридоров, шума семейных ссор, прони- кавшего через двери запаха капусты, свинины да дешевого гуляша?

Но вдруг по ее телу пробежали мурашки. Песня, боже, та песня!.. «Прощальный вальс»... У Инки неожиданно пропала решимость идти дальше, она остановилась в ожидании, гото- вая в любой момент убежать. Но нет, уже поздно!

Одна из теней оторвалась от других теней лестницы и приняла форму мужской фигуры.

— Спаси меня господи! — выдохнула Инка и перекрести- лась. Она таращила глаза на мужчину, не в силах тронуться с места. У нее было такое ощущение, что ее коснулась смерть, что тот, кто неожиданно предстал перед ней, пришел откуда-то из загробного мира и от этого ей, видно, не уйти. Глядя на него в течение нескольких секунд, она вспомнила тот шум- ный февральский бал и первые слова, которые они тогда ска- зали друг другу:

«Знаете, как я сейчас себя чувствую?»

«Так же, как и я, — прекрасно!»

«Нет... мне грустно!»

«Почему? Вам со мной нехорошо?»

«В голову лезут воспоминания...»

«О ком?»

«Вернее, о чем...»

Тут мысли о прошлом оборвались. Они вновь стояли вдво- ем — теперь уже в обшарпанном доме в Жижковском районе Праги. Инка с трудом, все еще не придя в себя от испуга, про- изнесла:

— Вы... вернулись?

— Да, я вернулся. Я должен был увидеть тебя хотя бы еще раз!

— Ну и что, зрелище, наверное, не из приятных? — сказа- ла Инка с горечью, стыдясь своего внешнего вида.

— Почему? — мягко произнес Блага. — Оба мы за эти де- сять лет постарели, причем я наверняка больше вас.

Ей приятно было слышать эти слова, хотя она знала, что он лжет. Блага и теперь, хотя был заросший, грязный и по- мятый, все равно выглядел крепким и представительным муж- чиной. А она?

Он неожиданно притянул ее к себе:

— А ты все такая же женственная... притягательная... особенная...

Однако Инка безошибочно определила наигранность этой лести и задала вопрос по существу:

— Чего вы хотите? — При этом она пыталась высвободиться из его объятий. — Пустите меня! Не сходите с ума... Нас могут здесь увидеть. И Риша еще дома...

Он отпустил ее, иронически усмехнувшись:

— Может быть, он будет рад снова увидеть меня? Не пригласишь меня к себе?

Желая побыстрее закончить этот разговор на лестничной площадке, она поспешно бросила:

— Пойдемте!

Через минуту он уже сидел у них в квартире и жадно пил кофе, который подала ему Инка. Временами он хрипло кашлял и после этого долго не мог отдышаться. Инка удрученно оглянулась на мужа, сидевшего с мрачным видом напротив них, потом сочувственно прикоснулась к руке Благи:

— Вы, наверное, простужены, Павел?

Он засмеялся:

— Вы думаете, что это была прогулка? За Дечином, где я выбрался из буксира, было столько полицейских и солдат, что я вынужден был целый день просидеть в воде, дожидаясь темноты.

Чадек не очень дружелюбно спросил:

— Так почему же вы отправились сюда? На черта вам это сдалось?

— Солдат не выбирает, идти ему куда-то или не идти, мой милый... И потом, я действительно хотел вас видеть. В тот раз, в феврале сорок восьмого, у нас даже не было времени попрощаться по-человечески, договориться, что делать дальше.

Упоминание о той горькой минуте было явно некстати. Инка с Чадеком переглянулись, потом Инка отважилась проронить:

— Мы теперь уже живем иначе, Павел.

— Как?

— Тихо. Спокойно... Риша отсидел свои три года... я его ждала... И с тех пор...

Блага понял, что они боятся, и потому насмешливо бросил им прямо в лицо:

— Так, значит, вы сдались?

Инка с дрожью в голосе поправила его:

— Нет, нет... только смирились!

А Чадек с холодным возмущением добавил:

— Дело в том, что мы находимся в совершенно ином положении, Павел, нежели вы! Мы вынуждены жить в этой стране! И должны пережить!

Блага усмехнулся:

— С чем вы смирились, я спрашиваю вас? И что вы хотите пережить? Самих себя? Боже мой, что случилось за десять лет с людьми в этой стране?! Болтают всякую чепуху в пивных, хлещут пиво. Они хотят только спокойствия, хотят пережить трудное время с полными животами. Тьфу!

Инка с Чадеком с ужасом смотрели на Благу, испуганные столь бурным выражением его чувств. Затем Инка тихо сказала:

— Вы не правы по отношению к нам, Павел. Вы не знаете, что мы здесь пережили... после того, как вы нас тогда... так трусливо бросили!

Блага сразу как будто протрезвел. Неожиданно без всякого пафоса он произнес:

— В сорок восьмом году мы проиграли партию. Но проигрыш нас кое-чему научил, и теперь мы начнем новую игру. Совершенно иную и более умную. Вот поэтому-то я и здесь!

— И что же вы хотите от нас? — прямо спросил его Чадек.

— Дать мне возможность пожить у вас хотя бы несколько дней. Вы самые близкие мои знакомые из тех, кто у меня остался в Праге. Мне нужно отдохнуть, привести себя в порядок, установить связи. Потом я уйду. Могу я на вас положиться?

— Если речь идет только об этом, — с облегчением проговорил Чадек, — тогда какой разговор?!

Два часа спустя Чадек уже сидел в управлении уголовного розыска на Конвиктской улице напротив надпоручика Земана и надпоручика Градеца, сотрудника КНБ. При свете настольной лампы Чадек, взволнованный и потный, нервно отвечал на вопросы.

— Как вы вышли из квартиры?

— Я сказал ему, что мне надо идти в почную смену. Это так и есть на самом деле... Объяснил, что у меня могут возникнуть неприятности, если я не приду на работу без уважительной причины.

— И он вас отпустил?

— Отпустил, он мне верит. А моя жена осталась там в качестве заложницы.

— Ну и что было потом?

— А потом я два часа бродил по улицам.

— Зачем?

— Размышлял... собирался с мыслями и набирался духу... идти сюда или нет.

— Вы нас не очень любите, не так ли?

— Знаете, пан надпоручик, я сейчас хочу спокойной жизни, больше ничего. И потом, идти снова в тюрьму мне тоже не хочется... — Неожиданно он резко выкрикнул: — Но и умирать я тоже не хочу!

— Вы боитесь его?

— Это убийца!

— Он никогда не узнает, что вы здесь были,— успокоил его Градец.— Положитесь на нас! — Он нажал кнопку на столе. В дверях появился дежурный. Градец коротко приказал: — Оперативную группу, машину! Мы будем внизу через пять минут.— Он повернулся к Чадеку: — Спасибо вам, пан Чадек. Можете идти. Мы объясним администрации фабрики причину вашего опоздания на работу.

Однако Чадек не пошевелился.

— Я боюсь, пан надпоручик,— прошептал он.

— Чего?

— У меня там жена... Вдруг при аресте...

Земан улыбнулся ободряюще:

— Будьте спокойны. У нас есть опыт в таких делах! — Он вытащил из стола пистолет и засунул его в кобуру под мышкой.

Однако, когда они через несколько минут с Градцем вошли в квартиру Чадека, Благи там уже не было. Тех двух часов, пока Чадек в нерешительности бродил по улицам, Благе хватило, чтобы все продумать и скрыться, прихватив с собой пани Инку.

Спустя три месяца ее нашли в реке Огрже без каких-либо следов насилия.

3

Все это происходило примерно за полгода до того, как Блага снова появился в Праге и посетил Арнольда Хэкла. В управлении КНБ срочно встретились три человека, чтобы решить дальнейшую судьбу Благи: начальник управления подполковник Калина, капитан Житный, ставший после событий в Планице его ближайшим помощником, и непосредственный начальник Земана майор Павласек, начальник отдела уголовного розыска.

Капитан Житный докладывал Калине:

— ...Из телефонной будки у Главного вокзала Блага позвонил какой-то Джейн. Та пригласила его к себе... Он должен ночью подойти к ее дому...

— Отлично,— улыбнулся Калина.— Я очень рад, что он позвонил именно ей.

Житный раскрыл свою записную книжку:

— Настоящее имя этой Джейн — Ганка Бизова, товарищ подполковник. Она проживает на Панкраце, улица Стрма, двадцать три. Работает манекенщицей в фирме «Элегант». Часто бывает в обществе Арнольда Хэкла и, возможно, является его любовницей. Ирка Градец со своей группой следит за ее квартирой после первого телефонного звонка Благи.

— Хорошо,— одобрил Калина.

— С вокзала он поехал на такси в район Бржевнова и там вошел в виллу Арнольда Хэкла. Там за ним следит другая группа. Пока что он оттуда не выходил. Как только он снова появится на улице, наши не спустят с него глаз. Кроме того, с помощью майора Павласека я принял меры, чтобы все дежурящие сегодня ночью в Праге наряды имели его фотографию и предупредили ночных швейцаров и портье в гостиницах. Им приказано не задерживать его, а только сообщить о его местонахождении. Таким образом, он нигде не найдет ни помощи, ни еды, одним словом, ничего.

Калина с удовольствием прикурил сигарету:

— Следовательно, он в капкане!

— Да, товарищ подполковник, и клещи сомкнулись.

Калина довольно улыбнулся:

— Скажите лучше, прикрылись. И мы защелкнем их, когда захотим. Но щель осталась такая маленькая, что сквозь нее он никак не может ускользнуть.

Майор Павласек уже многое повидал, работая в области криминалистики. Сейчас он с большим интересом следил за беседой двух контрразведчиков. Воспользовавшись паузой, он спросил:

— А кто такой этот англичанин Арнольд Хэкл?

— Нам уже давно известно, что это один из активных агентов в нашей стране,— пояснил Житный.— Мы знаем и о некоторых его зарубежных связях.— Он обратился к Калине: — Разрешите продемонстрировать, товарищ подполковник?

Калина согласно кивнул.

Капитан Житный выключил настольную лампу на столе Калины и включил приготовленный проектор. На белой стене кабинета появились кадры, показывающие Маршалковскую улицу в Варшаве. Камера выхватила из толпы пешеходов пожилого не приметного человека. Житный комментировал:

— Это его партнер в Польше. Скандинавский дипломат.

На белой стене появились кадры о зверствах контрреволюционных банд в Венгрии. Неизвестный оператор сконцентрировал внимание на мужчине, наблюдавшем со стороны, как толпа вешает человека вверх ногами на фонарном столбе.

— А это венгерский резидент. Он, как видите, преуспел в своей деятельности. К сожалению! — сказал Житный, выключил проектор и снова зажег настольную лампу.

Калина закурил следующую сигарету и продолжил разговор, стараясь окончательно ввести Павласека в курс дела:

— Этот ход они начали готовить давно. После двадцатого съезда приступили к активизации подпольной агентуры у нас, в Венгрии и в Польше. Нынешний пятьдесят шестой год, по их расчетам, должен стать годом переворота в Центральной Европе. В этих социалистических странах должны были одновременно начаться хаос, волнения, контрреволюционные вос-

стания, подрыв государственного строя с целью их отторжения от социалистического лагеря... Однако мы помешали им осуществить свои планы.

Житный с иронией добавил:

— С помощью их агента Благги!

Но Калина поправил его:

— Благодаря тому, что нашли в себе смелость и выдержку и не арестовали его сразу.

— И сейчас этот момент наконец настал? — спросил Павласек.

— Еще нет, — улыбнулся Калина. — Пусть побудет на свободе пару деньков.

— Для чего?

— Чтобы совершить последнюю, роковую ошибку.

— Какую?

— Силы агента на исходе, к тому же он болен, ему некуда идти, его покинули все, в том числе и тот, на кого он больше всего полагался, — его здешний резидент. Он мечется, как загнанный зверь, по кругу, который постепенно сужается. И теперь нужно, чтобы в этом круге появился человек, которого Блага знает и который поэтому будет нервировать его еще больше. Человек, который уже одним своим присутствием будет заставлять его лихорадочно спешить и делать ошибки. А если в результате этих ошибок сдадут нервы и у Хэкла и он покинет при определенных обстоятельствах нашу страну, то это будет как раз то, чего мы хотим!

— Кто этот человек, который может это сделать? — спросил Павласек.

— Ян Земан. Он служил с Благой в сорок восьмом году на границе. Блага его знает как сотрудника органов безопасности. Тебя мы пригласили как начальника Земана. Освободишь его на время этой операции?

— Разумеется, — сказал Павласек.

Калина удовлетворенно улыбнулся, иного ответа он и не ожидал. Он поднял телефонную трубку:

— Дайте мне Конвиктскую. Да, уголовный розыск. Соедините меня с надпоручиком Земаном.

Земан искренне любил Калину. Он уважал его не только как одного из самых одаренных руководителей, который в свое время убедил Земана написать заявление о приеме в КНБ и с тех пор опекал его с отеческой заботой, но и, прежде всего, как честного человека, друга, который никогда не подведет, даже в самые тяжелые минуты. Еще в концентрационном лагере Земан знал, что Калина — настоящий коммунист, один из ветеранов боев в Испании и движения Сопротивления в оккупированной Чехословакии, который перенес немало лишений.

Теперь Земан ехал с Калиной по ночной Праге и слушал его рассудительную спокойную речь.

— А помнишь, Гонза, как мы начинали? Пришли на эту работу кто откуда... Кто с фабрики, как ты, или прямо из концлагеря, как я, с партийной работы, с фронта... без опыта и образования. А ведь нам противостоял искушенный опытом аппарат империалистических разведцентров, вооруженный самыми современными средствами ведения шпионажа. Мы учились с ними бороться на ходу, так сказать, прямо во время боя, и поэтому часто проигрывали. Но мы защищались, как умели, и в конце концов защитили свою родину на этом невидимом фронте. Теперь пришло время, когда мы располагаем и опытом и силой для того, чтобы перейти от обороны к наступлению. И в этом нам может помочь Блага. Понимаешь меня, Гонза?

— Понимаю!

Калина сказал ему без обиняков:

— Операция, о которой пойдет речь, входит в компетенцию органов госбезопасности, но по определенным соображениям мы решили привлечь и тебя. Не желаешь на несколько дней повесить на гвоздик свою криминалистику и помочь нам? Ты можешь, конечно, отказаться, я нисколько не буду на тебя в обиде.

— А Павласек? — спросил Земан.

— Павласек согласен.

— Тогда о чем разговор, Вашек?

— Блага профессиональный убийца. Это будет опасно.

Земан улыбнулся:

— Что-то я не припоминаю, чтобы ты мне давал одни легкие и безопасные задания.

Калина воспринял его слова как согласие.

— Все, что я тебе пока что сказал, — предупредил он, — разумеется, строго секретно. Об этом не следует говорить ни с кем, даже с матерью и Лидой.

— Слушай, — обиженно произнес Земан, — я ведь не вчера начал работать в органах... — Неожиданно он запнулся: — Подожди, ты говоришь «пока что»? Это означает, что ты мне не все сказал?

Внимательно всматриваясь в убежавшую назад дорогу, Калина тихо, не поворачивая головы, проговорил:

— Иногда нельзя говорить всего даже близким и надежным друзьям, Гонза! Это не недоверие, это необходимость, понимаешь?

— Понимаю! — резко сказал Земан. — Остановись!

Калина недоуменно посмотрел на него, потом затормозил. У него мелькнула мысль, что Земан обиделся. Он осторожно спросил:

— Зачем? Что ты хочешь делать?

— Приступить к делу.

— Ты же после службы,— мягко и с облегчением произнес Калина,— и хотел идти домой.

— Но ты дал мне задание.

— Это может подождать до утра. Ничего не случится. За ним присматривает группа Ирки Градеца.

Земан вышел из машины. Мимо него по тротуару спешили прохожие. Над магазинами, гостиницами и барами красными и голубыми огнями мигали неоновые рекламы с комически искаженными названиями (как всегда, некоторые буквы не светились), из ресторанов доносились звуки музыки. Прага жила своей обычной вечерней жизнью, как будто ничего особенного не происходило и как будто эти два человека не решились только что вопрос о жизни и смерти. Земан наклонился к дверце машины и сказал Калине:

— Я уже начал эту операцию... с той самой минуты, когда ты меня познакомил с ней. Думаешь, я могу спокойно спать, зная, что Блага бродит где-то по Праге?

Калина улыбнулся ему, он понимал Земана, сам был таким.

— Да... мало у Лиды радостей от такой жизни.

— Ничего, она уже привыкла,— сказал Земан и захлопнул дверцу машины.

Калина успел крикнуть ему вслед:

— Куда пойдешь?

— Посмотреть на манекенщицу. Спокойной ночи, Вашек! — бросил он на прощание и зашагал по вечерней улице.

4

Лида Земанова была по-настоящему счастлива со своим мужем. Они познакомились совершенно случайно, как это нередко бывает. Земан, в то время еще новичок в пражском уголовном розыске, расследовал первое серьезное преступление — подделку продовольственных карточек, и Лида долгое время фигурировала в качестве единственно возможного преступника. Ян был в отчаянии. Лида ему очень нравилась, и он испытывал к ней непреодолимое влечение, хотя и сопротивлялся ему всеми силами. В ее присутствии он терял уверенность, краснел до ушей, вопросы его были несвязными, речь корявой, и напрасно он заставлял себя быть с ней на допросах, как положено, официально строгим. Потом оказалось, что он ошибся в своих подозрениях. Ему удалось найти настоящего преступника, и радость, охватившая его, была неопишуемой. Земан пригласил Лиду в одно из пражских кафе, чтобы извиниться перед ней и все объяснить, а поскольку и ее глаза излучали тепло и ласку всякий раз, когда они встречались взглядами, то Ян приглашал ее в кафе для извинений до тех пор, пока они не поженились.

Это была нежная любовь, потому что в самой Лиде было что-то такое хрупкое, нежное, что Земан иногда даже боялся крепко обнять ее, чтобы не причинить ей боль. Когда они были одни, он ласково называл ее белокурой куколкой или белокурым жеребеночком. Возможно, эти имена звучали немного комично в устах человека, который на службе должен был быть твердым и решительным, так как постоянно имел дело с преступниками и частенько смотрел смерти в глаза. Однако в личной жизни Земан был совершенно не таким, каким его знали на работе и в преступном мире. Лида со смехом говорила: «Прихожу из школы и вместо того, чтобы отдохнуть, должна воспитывать еще одного сорванца». Иногда он ласково называл ее Маргаритой, потому что однажды, рассказывая ему об истории Фауста Гете, она сказала ему, что в первые дни их знакомства Ян своим профилем напоминал ей Мефистофеля. Она вообще старалась воспитывать Яна и использовала каждую свободную минуту, чтобы познакомить его со своими любимыми литературными, художественными и музыкальными произведениями. Как педагог, она, понятно, была более начитанной и образованной, чем он. Только вот свободных минут у Земана было очень мало, собственно говоря, их становилось все меньше и меньше, так что угнаться за Лидиными интересами в сфере культуры он, конечно, не мог. Лиде, однако, это совсем не мешало, она уважала и ценила природный ум мужа, быстроту и логику его мышления, способность умело действовать в любой ситуации и твердость, с какой он штудировал любую область человеческих взаимоотношений, если это требовалось по работе. Он вырастал на ее глазах в личность, его успехи на работе были таковы, что майор Павласек начал готовить из него своего преемника. А если учесть и то, что Земан был красивый, яркий, интересный мужчина, что вызывало зависть других женщин, то станут понятными мысли Лиды о том, что ей в замужестве улыбнулось счастье.

И вот теперь, когда ей уже перевалило за тридцать, она стала испытывать скрытое чувство тревоги. Тайно рассматривала в зеркале появляющиеся морщинки, приходила в ужас от темных кругов под глазами из-за недосыпания и усталости от ребячьих шалостей и других школьных проблем. Ей казалось, что она начинает полнеть в бедрах, хотя по-прежнему оставалась гибкой и стройной, и что однажды она может стать для Земана, выглядевшего все таким же по-мальчишески свежим и молодым, непривлекательной и старой. «Это был бы мой конец,— думала она иногда по ночам, глядя на спокойно спящего рядом с ней мужа.— Я бы умерла, если бы его потеряла».

Но она напрасно волновалась — Земан по-прежнему относился к ней с любовью, а с того времени, когда у них появилась Лидушка, чувства его стали еще теплее, потому что она была матерью его ребенка, которого он боготворил. Лида зна-

ла это, но все равно не могла избавиться от тревог, которые, очевидно, были результатом ее чрезмерной чувствительности.

В тот ноябрьский вечер чувство беспокойства нахлынуло на нее с новой силой. Ян часто возвращался домой поздно — служба его была такова, что ограничить ее твердыми временными рамками было невозможно. Но сегодня Лида ожидала его с особым нетерпением. Она то и дело поглядывала на часы, и каждая минута, отсчитанная стрелкой после семи часов (Ян обычно задерживался до этого времени), болью отзывалась в ее сердце. Дело в том, что сегодня была годовщина их свадьбы, а поскольку недавно они получили новую квартиру и обставили ее модной мебелью, Лида решила устроить званый ужин, чтобы отпраздновать эти два события вместе с матерью Земана.

Стол выглядел торжественно: на белой скатерти стояли праздничные тарелки, фужеры для вина, приборы, а посреди стола красовалась хрустальная ваза, сиявшая под люстрой голубовато-золотистыми зеркальными гранями, точно она была выточена из драгоценного камня. Именно эта ваза и вселяла грусть: она была пуста, потому что цветы, которым полагалось в ней стоять, должен был принести Ян. И в целом это был грустный, покинутый стол, напрасно ждавший людей.

Дома были Лида, пятилетняя Лидушка и мать Земана. Они сидели в углу комнаты, словно боясь этого одинокого стола. Мать Земана уже в который раз бралась протирать один из фужеров и без конца тревожно поглядывала на окно. Они ладили с Лидой, между ними всегда были хорошие отношения, даже в то время, когда они жили все вместе в старом доме на Жижкове. Именно о том периоде мать Яна вспоминала теперь вслух:

— ...Я ему сказала тогда — ты как раз была в роддоме, — что, мол, и для меня и для Лиды это нелегко... Вечно тебя нет дома, даже на неотложные домашние дела у тебя нет времени!

Лида механически переворачивала страницы красочного сборника сказок, чтобы чем-то занять Лидушку. С каждой минутой в ней росла жалость к самой себе. Неожиданно сдавленным от обиды голосом она произнесла:

— Только ведь с тех пор стало еще хуже, мама!

Земанова понимала ее, ей самой было обидно за сына. Она боялась, как бы он совсем не забыл об этой годовщине, и в то же время она питала надежду на то, что его задержали на работе и он с секунды на секунду, привычно громко смеясь, появившись с букетом хризантем или гвоздик.

— Вот такие они все, Земаны, — пыталась утешить она Лиду. — Не могут оставить дела незаконченными. Думаешь, мне было легче с его отцом? Боже мой, сколько я из-за него наревелась! Вечно пропадал на собраниях, стачках, демонстрациях. А сколько страху я натерпелась, ведь не раз полицей-

ские разбивали ему голову дубинками... Сколько я его просила, уговаривала... А он только смеялся и говорил: «Да ведь ты бы, мать, и не полюбила меня, если бы я был другим...» — Неожиданно на глазах у нее выступили слезы. — А однажды он не пришел совсем... — Она тут же спохватилась, что сказала лишнее, и попыталась исправиться: — Тебе хоть за Гонзика бояться не надо. Время теперь другое... Ну а с этой земановской натурой тебе придется смириться... Такой уж у нас, женщин, удел — ждать и ждать...

Но Лида встала и решительно сказала:

— Нет, я принадлежу уже к другому поколению, мама! — Она подошла к столу и быстро убрала четвертую тарелку и приборы, приказав при этом дочери: — Лидушка, в ванную! Мыть руки и за стол! Будем ужинать!

— Без него? — испуганно спросила свекровь.

Лида поправила скатерть, теперь уже спокойно, и подтвердила свое решение:

— А что же нам делать? Будем ужинать без него!

Матери Земана ничего не оставалось, как повести девочку в ванную. Через открытую дверь она еще раз крикнула Лиде:

— Не хочешь еще подождать? Хотя бы минутку?

— Нет! Мы уже ждем целый час.

— Может быть, у него неотложная работа...

— Его работа закончилась два часа назад.

— А если случилось что-нибудь чрезвычайное?

— Мог бы позвонить! — непреклонно заявила Лида.

Земанова подвела Лидушку к столу. Лида посадила ее на стул, подложив подушечку, чтобы девочка могла дотянуться до тарелки, и принесла миску с супом.

— Нет, мама, — постаралась сказать Лида твердым голосом, в котором все равно слышались слезы. — Гонза, в отличие от вас, и в прошлом году забыл о годовщине нашей свадьбы. — Она налила суп. — Это, конечно, не трагедия... — Она села за стол, погладила Лидушку по волосам, попросила ее с напускной ласковостью: — Ешь, Лидушка...

Сама же она держала ложку в руке, не в силах проглотить суп, потом тихо произнесла:

— Я знаю, мама, что у меня здоровый ребенок, прекрасный, интересный муж, из-за которого мне все завидуют, достаточно денег для приличного существования... но я не знаю... счастлива ли я...

5

Надпоручик Ян Земан вошел в демонстрационный зал фирмы «Элегант», где в тот вечер, как он выявил, проходил показ мод, и немного оторопел. Он сразу оказался в плену интимной, приглушенной танцевальной музыки, света разно-

цветных прожекторов и стилизованного под стиль рококо интерьера. Но главное — на него устремились взгляды десятков женских глаз. Ему показалось, что его обволокла неприятная липкая пена. Интересно заметить, что даже самый мужественный мужчина, отъявленный грубиян или самоуверенный завсегдатай салонов мгновенно теряется, оказавшись в женском обществе, — он сразу начинает чувствовать себя школьником, робким студентом, впервые пришедшим на танцы.

С одной, с двумя женщинами мужчина еще может справиться, он может разыгрывать перед ними, если они ему, конечно, разрешат, роль лидера. Десять, двадцать женщин — это конец в любом случае, катастрофа. В такую минуту с отчаянием осознаешь, как становишься все меньше и меньше, пока не станешь самым маленьким существом на свете. Вот в такой ситуации и очутился надпоручик Земан.

В самом деле, он оказался единственным мужчиной в этом причудливом мире модных воланов, кружев, сборок, силоновых тканей, и от этого его охватило не свойственное работнику такой профессии чувство испуга. Земан быстро нашел свободный стул, чтобы хоть не торчать на глазах у всех женщин. По соседству с ним сидела светская, интеллигентного вида дама в очках. Заметив, что она, как и все остальные женщины, просматривает журналы мод, Земан также взял первый попавшийся журнал со столика, открыл его наугад и спросил вполголоса:

— Долго еще будет продолжаться показ?

Дама в очках, очевидно, была рада, что именно ему, единственному здесь мужчине, она может дать информацию и тем самым выделиться среди остальных женщин. Ее ответ, разумеется, был более пространным, чем вопрос:

— Завершилась первая половина. Вы упустили возможность посмотреть прекрасные вечерние туалеты. Сейчас как раз перерыв. Вы специалист?

Земан растерялся еще больше и беспомощно пробормотал:

— Что?.. Да-да!

Это вызвало у дамы в очках настоящий водопад слов.

— Как вы думаете, что будет в моде будущим летом? Снова силон? Или шелк? Или же льняная ткань? Я лично голосую за лен. В жару он приятен для тела, а женщина в нем, по моему мнению, выглядит моложе, свежее, я бы даже сказала, по-деревенски здоровее. А что вы думаете по этому поводу?

«Боже мой, ну и влип я», — подумал Земан, бессмысленно перелистывая журнал и вытирая испарину на лбу.

— Да, конечно, — неопределенно пробормотал он.

Дама в очках, однако, еще не утолила своего любопытства.

— Вы от Подольской?

— От кого? — ужаснулся Земан.

— Я имею в виду, от конкурирующего предприятия. Или вы шьете в «Стиле»? Слушайте, а вы, случайно, не модельер? Земан отдался воле судьбы и согласно кивнул:

— Да... модельер.

Дама в очках воскликнула:

— Как же это я раньше не догадалась! У вас есть с собой модель? Какая?

К счастью, в эту минуту раздались звуки фанфар, и из-за кулис легким шагом выплыла группа манекенщиц. Земан с облегчением произнес:

— Давайте лучше посмотрим.

За манекенщицами с микрофоном в руке вышла мастер-модельер Здена Валкова. Земану ее внешность показалась знакомой, но ведь ему по работе приходилось сталкиваться со столькими людьми... Между тем манекенщицы, пока еще в группе, начали под музыку демонстрацию моделей. Валкова комментировала:

— Вторую часть нашего показа мы начинаем демонстрацией зимних моделей одежды. Доминировать снова будет классический костюм. Мы покажем вам последовательно всю коллекцию образцов, предлагаемых нашими модельерами для франкфуртского салона мод.

Земан не мог оторвать глаз от очаровательных девушек, но причиной особого к ним внимания было совсем не то, о чем думала дама в очках. Наклонившись к ней, Земан вполголоса спросил:

— Простите, которая из них... Ганка Бизова?

У дамы в очках приподнялись брови:

— Вы имеете в виду Джейн?

Земан утвердительно кивнул:

— Да, Джейн.

— Крайняя справа. Вон та, с длинноватыми, на мой взгляд, ногами,— сказала дама с явным пренебрежением.

В этот момент Здена Валкова заметила сидевшего среди женщин мужчину. Очевидно, она знала Земана, потому что ее лицо вдруг вытянулось от удивления, но это несколько не выбило ее из роли. Земан заметил удивление на лице Валковой, отчего ему стало еще более неприятно в этом обществе, и поспешил спросить даму в очках:

— Как бы мне пройти к ней за кулисы?

Та с презрением посмотрела на него и сухо ответила:

— Через те двери за сценой, слева.

Земан, слегка вспотевший от неловкости, встал:

— Большое спасибо. Вы были со мной очень любезны.

Дама с оскорбительной иронией завершила их диалог:

— Я вижу, что вы действительно... специалист!

У Земана не было ни времени, ни желания отвечать на ее тонкую язвительность. Он неловко стал пробираться среди женщин к двери, на которую указала ему дама в очках. На

сцене осталась только одна манекенщица, одеяние которой представляла теперь Валкова:

— Костюм, который вы видите, изготовлен из серебристого твида. Это костюм классического покроя, с воротником шалью, с юбкой в складку...

Больше Земан ничего не слышал. Оказавшись за кулисами, он попал в недлинный, оклеенный обоями коридорчик с несколькими дверями и остановился в замешательстве. Неуверенно идя от двери к двери, он наконец остановился около одной из них. К двери был приколот листок бумаги с единственным словом: «Манекенщицы». Надпоручик несмело постучал, но никто не отозвался. Он постучал решительнее. Опять тихо. Тогда он осмелился открыть дверь — тут раздался такой пронзительный женский крик, что Земан оторопел. Дело в том, что в комнате перед зеркалом стояла полураздетая Ганка Бизова и торопливо надевала очередной образец одежды. Земан лишь пролепетал: «Пардон!» — и быстро захлопнул дверь. После этого он устало оперся о стену, достал платок и вытер лоб.

— Черт... Ну и денек сегодня, — выругался он.

Через несколько секунд Ганка с оскорбленным видом вышла из комнаты. Она бы, наверное, прошла мимо Земана, как мимо какого-нибудь деревянного столба, если бы Ян не встал поперек пути и смущенно не проговорил:

— Извините... я не хотел... Клянусь, я действительно ничего не заметил. Да меня это и не интересовало, честное слово. Я занят сейчас совершенно другими, гораздо более серьезными вещами.

К его удивлению, выражение лица Ганки стало еще злее.

— Тогда вы просто хам! — воскликнула она.

Бедному Земану и в голову не могло прийти, что видеть красивую женщину почти обнаженной и сказать ей, что он ничего не заметил, было для нее самым большим оскорблением.

Выведенный из терпения, Земан просто вытащил свое удостоверение и, стараясь быть важным и официальным, сказал:

— Я надпоручик Земан. Мне надо поговорить с вами, подчеркиваю, по серьезному делу. Я подожду вас до окончания этого просмотра... рядом, в кафе. Вас это устроит?

Не сказав ни слова, Ганка Бизова с надменным видом проследовала мимо него мягким, бесшумным шагом тигрицы.

Кафе, в которое надпоручик Земан пригласил Ганку Бизову, не очень подходило для встреч с такими изысканными женщинами. Это было немного запущенное, не слишком уютное полупустое заведение с рядом холодных неудобных мраморных столиков вдоль окон, выходящих на Национальную улицу и набережную. Кафе служило местом встреч для болтливых пенсионерок и бывших доведасов, которые за чашкой остыв-

шего кофе вспоминали о своих любовных похождениях, для шумных студентов и студенток из расположенной поблизости художественной школы, которые предпочитали проводить здесь время между лекциями, не имея возможности делать это в более дорогих заведениях. Теперь, поздним вечером, здесь не было ни тех ни других. Лишь несколько одиноких завсегда-таев неторопливо запивали белым и красным вином свою ностальгию и скуку. Так что, когда Ганка Бизова села напротив Земана, кафе показалось еще более неуютным и непривлекательным. Земан заказал два кофе и два коньяка, но напряжение, возникшее между ними, еще не ослабло.

Здесь, в кафе, Ганка Бизова выглядела еще очаровательнее, чем в салоне «Элегант». Это была столь неотразимая девушка, уверенная в себе, привыкшая принимать ухаживание мужчин и с легкой иронией их отвергать, с хорошо продуманной игрой длинных ресниц, с притягательными чувственными губами и озорными глазами, что при взгляде на нее дух захватывало. Короче говоря, это был тип женщин, которых Земан боялся и с которыми чувствовал себя немного не в своей тарелке. Поэтому он просто положил перед ней фотографию Благи и строго спросил:

— Вы знаете этого человека?

Ганка совершенно спокойно ответила:

— Ну конечно... Это Павел... — Неожиданно она испугалась: — Что с ним? С ним что-нибудь случилось?

Вместо ответа Земан задал следующий вопрос:

— Откуда вы его знаете?

Ганка так же спокойно ответила:

— Меня познакомил с ним во Франкфурте Арни Хэкл. А потом Павел мне очень помог.

— Кто такой Хэкл?

— Этого человека знает каждый в сфере торговли. Он торговый представитель английской текстильной фирмы «Бенсон и Бенсон» в Праге. Он покупает у нас километры наших тканей. Говорят, он очень выгодный партнер для нашей национализированной промышленности.

— А чем вам помог этот... Павел?

— В прошлом году, находясь во Франкфурте, я попала в ужасно неприятное положение. Представьте себе, в магазине у меня украли кошелек со всеми деньгами. Так вот он взял меня на попечение, дал мне займы денег, помог купить подарки, а потом еще и пригласил на великолепный вечер. Одним словом — это настоящий джентльмен.

Земана несколько шокировала провокационная прямолинейность, с которой Ганка во всем сознавалась. Почти с возмущением он выпалил:

— И вы за это дали ему свой адрес и номер телефона?

— Да. А почему бы и нет? — без волнения отреагировала на его вопрос Ганка, — Я сказала ему, чтобы он мне позвонил,

когда приедет в Прагу. Должна же я возвратить ему долг. Что в этом странного?

Тут уже Земан не выдержал:

— А разве не странно занимать деньги у эмигрантов?

— У каких эмигрантов, простите?

— Вы не знаете, кто этот ваш Павел?

— Сотрудник одной нашей торговой миссии, разве не так?

После этого Земан решил раскрыть ей карты:

— Какой там сотрудник! Это агент вражеской разведки! Террорист!

Наступила тишина. Теперь, к удовольствию Земана, была уже шокирована Ганка. Ее пленяющая уверенность сменилась испугом.

— Боже мой! — едва слышно произнесла она. И через минуту уже по-деловому спросила: — Так вы, значит, пришли меня арестовать?

Земан почувствовал, что набрал выигрышные очки и обеспечил решающее преимущество. Теперь он мог себе позволить повеликодушничать:

— С какой стати? Вы еще не совершили никакого преступления.

Ганка вздохнула с облегчением, словно у нее камень с души свалился, однако страх не уходил. Она подавленно спросила:

— Чего же вы тогда от меня хотите?

— Он вам звонил?

— Да... сегодня во второй половине дня...

— Что он хотел?

— Видеть меня... Сказал, что подождет меня вечером у дома.

— А вы?

— Я согласилась, разумеется... Пригласила его...

— И что будете делать теперь?

— Не знаю... Мне, наверное, домой идти нельзя... Посоветуйте, как быть...

— Во Франкфурте вы ни у кого не спрашивали совета...

Ганка вдруг сразу превратилась в обыкновенную несчастную девушку.

— Вот такая я доверчивая... Я на самом деле ни в чем не виновата, товарищ надпоручик, поверьте мне... — Затем попросила умоляюще: — Помогите мне как-нибудь... Мой отец очень меня любит... Но он, наверное, меня убьет, если узнает, в какую историю я влипла...

— Да, — согласился Земан, — ваш отец — человек серьезный... Член партии. И ваша мать тоже.

— Вы знаете это?

— Мы все о вас узнали, прежде чем мне прийти сюда. И поэтому я так откровенно говорю с вами.

На лице Ганки отразился испуг.

— Вы уже сказали об этом моим?

— Нет. Мы так не делаем,— улыбнулся Земан.

— Спасибо! — обрадовалась девушка.— А что будет со мной?

— Ничего. Разве что... Вы не хотели бы нам немного помочь?

— Неужели вы мне... после всего этого... еще верите?

Вместо ответа Земан снова спросил:

— Так что? Хотите?

— Хочу!

Земан вынул из кармана блокнот, вырвал из него лист, написал на нем несколько цифр:

— Когда он снова вам позвонит, сообщите мне. Это номер моего телефона. И каждое утро будем встречаться в этом кафе, чтобы я был уверен, что с вами все в порядке. Согласны?

— Да... конечно... — тихим голосом ответила ему Ганка. Тигрица превратилась в обыкновенную ласковую домашнюю кошку.

Земан встал, кивком позвал официанта, чтобы расплатиться, и добавил с улыбкой:

— А теперь спокойно идите домой и ничего не бойтесь. За вашей квартирой мы с самого начала установили наблюдение.

Она открыла дверь, боязливо вошла в дом, даже не догадываясь о том, что Земан все это время следовал за ней. Постав на мокрой брусчатке безлюдной ночной улицы, он направился вдоль ряда припаркованных машин. У одной из них он остановился, попробовал открыть дверцу и, когда та подалась, быстро забрался в кабину.

В машине было темно, немного света проникало от уличного фонаря. Время от времени при затяжках разгорались огоньки сигарет Ирки Градеца и двух его помощников из госбезопасности. Земан тихо спросил:

— Так что?

— Ничего,— пожал плечами Градец.— Она пришла одна. Благе можно позавидовать. Не часто встретишь таких красавиц.

— Это точно. Я с ней только что разговаривал,— похвастался Земан.

— Вот прохвост, всегда тебе везет больше других,— отвел душу Градец.

— Но теперь этого не скажешь,— засмеялся Земан.

— Почему?

— Она сейчас в теплой квартире, а мы с тобой мерзнем на улице. И его все нет.

— Иными словами, нам не остается ничего другого, как ждать, ждать и ждать, что, по утверждению классика Калины, является основой всякой успешной операции!

Они тихо рассмеялись.

— Только бы не напрасными оказались наши ожидания! Вдруг Блага изменит план и не придет? — Земан умышленно подбивал Градеца на рассуждения.

Тот сначала онемел, услышав это, а потом сказал:

— Не пугай.

Однако Земан тут же успокоил и его и самого себя:

— К счастью, идти куда-то еще он просто не может. Показаться в гостинице он не отважится, спать на вокзале наверняка боится, никого другого у него в Праге нет, а ночи теперь холодные. Рано или поздно он все равно здесь появится. Так что главное сейчас, Ирка, терпение. Дождемся. Дай мне сигарету.

6

Человек, принесший Земану и его коллегам столько забот и волнений, тем временем шел пошатываясь по Карлову мосту к Мала-Стране. В будке для строителей, куда его послал Хэкл, Блага выдержал от силы два часа. В будке было холодно, он мерз даже под двумя одеялами, хотя жар в теле повышался. Благу затрясло как в лихорадке. Это заставило его отправиться в отчаянное, рискованное путешествие по ночной ноябрьской Праге.

Ночь стояла ненастная, шел мелкий холодный дождь, мостовая поблескивала серебристыми и золотистыми отсветами в тех местах, где темнота граничила с освещенными участками под фонарями. Внизу, в черной пропасти, с ленивым шумом перекачивалась река. Блага тащился из последних сил.

У одной из скульптур на мосту он остановился, чтобы немного прийти в себя. Он хрипло дышал, ловя воспаленными губами холодные капли. Заметив, что на него с отвращением, как на пьяницу, смотрит случайный прохожий, Блага оторвался от перил и, сжав зубы, упорно побрел дальше.

Наконец он дошел до узкой улочки на Мала-Стране, что проходит рядом с мостом. Он прислонился спиной к воротам старого дома и, невидимый в их тени, стал ждать. Ему повезло — через короткое время на улице раздался звонкий перестук женских каблуков. Он еще не видел лица этой женщины, но уже с облегчением чувствовал, что это идет она, Джейн, стройная, в нейлоновом плаще, который он купил ей во Франкфурте. Женщина приближалась к нему по мокрой безлюдной улице. И только когда она остановилась у ворот и полезла в сумочку за ключом, Блага подступил к ней и хрипло проговорил:

— Джейн...

Женщина испуганно оглянулась — вместо очаровательной манекенщицы перед Благой стояла строгого вида суховатая дама в очках, серая, невыразительная, некрасивая. Она попыталась скрыть свой испуг перед неожиданно оказавшимся здесь ночью неизвестным человеком, показать незнакомцу, что не боится его, но это ей не удалось. Заикаясь от страха, она спросила:

— Вы, видимо, ищете... Ганку Бизову?

— Да... Извините...

— Вы ее... приятель?

Блага понимал, что ему лучше закончить этот бессмысленный разговор и уйти, но вместо этого он принялся устало объяснять ей:

— Родственник... Я приехал к ней из Моравии... Знаете, я в ужасном положении. Она обещала помочь мне хотя бы в первое время...

Женщина презрительно усмехнулась:

— Вот как? Помочь?.. И вы ей поверили? Знаете, сколько у нее таких было?!

Она повернулась к двери, вытащив наконец из сумочки ключ. У Блага появилась искорка надежды.

— Пустите меня хотя бы в дом, — попросил он. — Я уже долго здесь жду и весь окоченел. Думаете, она скоро придет?

Но женщина отрывисто бросила:

— Нет! Она здесь уже не живет. Переселилась.

Это было для него ударом. Он хорошо понимал, что вряд ли сможет вернуться к строительной будке, куда направил его Хэкл. Вконец расстроенный, он спросил:

— Куда?

Женщина уже открывала дверь дома.

— Не знаю, — ответила она. — Наше расставание дружеским не назовешь. Мне нет до нее никакого дела.

— Это плохо... — со стоном произнес Блага.

— Почему?

Блага лихорадочно придумывал, что бы сказать, но сегодня это получалось у него с трудом.

— Меня бросила жена... Привела другого... Домой я уже вернуться не могу... Я думал, что здесь начну новую жизнь... Джейн была моей единственной надеждой... Теперь мне некуда идти... А сейчас ночь...

Однако женщину несколько не тронуло его жалобное признание. Она холодно сказала:

— Сожалею, но вам не стоило попадаться ей так глупо на удочку. Спокойной ночи!

— Прощайте, — сказал Блага и уже хотел уйти, но стоило ему оттолкнуться от ворот, на которые он опирался, как у него подкосились ноги, и, если бы не женщина, он бы упал на

мостовую. Она успела подхватить его под руки, испуганно вскрикнула:

— Что с вами?

Врач, которого вызвала Иржина Кралова — так звали ту одинокую женщину, — произнес с озабоченным видом:

— Острое воспаление легких.

Блага лежал на диване в уютно обставленной комнате двухкомнатной квартирки в мансарде старого дома на Мала-Стране, сипло дышал и, видимо, почти ничего не воспринимал из того, что происходило вокруг него. Доктор сел к столу, вытаскивал бланки рецептов:

— У него высокая температура... Я вам выпишу для него пенициллин в таблетках, это быстро собьет температуру. У вас есть его паспорт?

Иржина подала ему паспорт Благи:

— Вот он... Лежал в кармане его пальто.

— Павел Кулганек, бухгалтер, — проговорил доктор, вписывая в рецепт имя больного и другие сведения. — Смотрите-ка, он издалека, из Моравии... Это ваш родственник? Что вы с ним будете делать?

— Нет. Я его совершенно не знаю. А что?

— В таком состоянии его нельзя выпускать на улицу.

Иржина Кралова задумалась на мгновение, потом решительно произнесла:

— Оставлю его здесь до утра. Паспорт у него в порядке, и в конце концов, — добавила она с оттенком иронии, — это знакомый моей бывшей подруги. А утром посмотрим...

— Вы добрая и мужественная женщина, — сказал доктор с восхищением, когда она провожала его до двери.

Иржина вернулась к больному. Он тяжело, прерывисто дышал. Женщина склонилась над ним и стала будить:

— Очнитесь... Слышите? Проглотите вот это... Это вам поможет. Вы должны принимать лекарство каждые четыре часа... Ну пожалуйста... Я желаю вам добра... — Она неловко принялась заталкивать ему в рот таблетку.

Блага почувствовал, как к его губам поднесли чашку с горячим чаем, открыл глаза и всмотрелся в серое невыразительное лицо склонившейся над ним женщины. Ему показалось, что она как-то вдруг похорошела.

Иржина Кралова впервые встретила человека, которому нужна была ее забота.

це, пробиваясь сквозь легкую дымку, быстро высушивало мокрую дорогу и лужи. Она попрощалась с Лидушкой и свекровью, и та повела девочку в детский сад. Ночью Лида успокоилась. Измученная переживаниями за Яна, она крепко уснула, ну а потом, в середине ночи, он все же ей позвонил и сказал, что произошло нечто экстраординарное и он должен остаться на работе. Она все поняла, не стала выяснять подробности — все равно он ей ничего бы не сказал. Мысленно Лида попросила у него прощение за вчерашнее, за недоверие к нему, за неоправданную раздражительность. «Я все ему возмещу,— думала она.— Когда он придет домой, я буду с ним очень нежной, внимательной. Он, видимо, придет уставший, даже есть не станет, у него будут закрываться глаза, а я прилягу вместе с ним и буду тихонько его гладить, пока он не уснет. И он будет счастливо улыбаться и шептать, как всегда: «Боже мой, как мне с тобой хорошо, белокурая куколка моя». А я прошепчу ему на ухо: «Я ужасная, ужасная женщина, Гонзик. Я старею и поэтому начинаю...» А он поцелует меня в щеку, в шею и уже наполовину во сне прошепчет: «Ты глупая, мой жеребенок... Ведь ты все равно самая красивая, самая молодая, самая милая девушка из всех, кого я знал...»

У нее даже глаза повлажнели, когда она представила себе эту замечательную картину. Однако ей тут же стало стыдно, она проглотила накатившиеся слезы и мысленно упрекнула себя: «Начинаешь быть сентиментальной». И она заторопилась к остановке трамвая. Там стояла группа женщин, спешащих, как и Лида, на работу. Они уже давно успели познакомиться — ведь каждый день встречались на остановке. Одна из них, модельер Здена Валкова, с большой продуктовой сумкой выглядевшая не столь эффектно и поэтому ничем не отличавшаяся от других женщин, сразу подошла к ней:

— Привет, Лида! Снова на целый день запрягаешься. Рабская у нас, женщин, жизнь.

Лида улыбнулась — эти каждодневные сетования женщин ей были хорошо известны.

— Доброе утро, Зденичка.

— Я с самого утра сама не своя,— продолжала Валкова,— когда вижу вокруг себя столько работы... ведь надо...

Лида весело подсказала ей:

— ...разбудить детей...

— ...приготовить завтрак...

— ...проводить детей в школу...

— ...сделать уборку, вытереть пыль, купить продукты...

— ...а мужчины в это время валяются в постели и хнычут, что у них тяжелая жизнь!

Обе засмеялись. Неожиданно Валкова перестала смеяться и сказала:

— Я видела твоего вчера вечером,

Лида перестала смеяться, но овладела собой и как можно равнодушнее спросила:

— Гонзу? Вот как? И где?

Валкова удивила ее своим ответом:

— Представь себе, у нас в салоне. На просмотре мод.

Лиду это задело за живое, от напускного спокойствия не осталось и следа. Она взволнованно произнесла:

— Не может быть! Он ведь был занят срочным делом!

Здена Валкова посмеялась над ее наивностью:

— Да брось ты! Знаем мы их срочные дела, чрезвычайные обстоятельства, почные собрания и совещания...— Однако, увидев, что у Лиды побледнело лицо и затряслись губы, она поняла, что Лида восприняла это серьезно, и тут же постаралась исправить: — Послушай, Лида, я это просто так сказала, чтобы поддержать разговор. Может быть, он пришел туда, чтобы выбрать тебе подарок к рождеству или к другому празднику... Например, к годовщине свадьбы. У вас ничего подобного не надвигается?... Вполне возможно, что он приходил купить тебе изысканное платье...

Неожиданно у Лиды так сильно сжало горло, что она едва сумела поспешно подтвердить:

— Да, Гонза очень добрый...— И бросилась к подъехавшему как раз в тот момент трамваю, чтобы Валкова не видела ее глаза, полные слез.

Примерно в то же время надпоручик Ян Земан сидел в пустом кафе и лениво листал газеты. Снаружи, за широким окном, стояло туманное осеннее утро, обещавшее после дождливой ночи хороший день; на тропинки Жофина и Стрелецкого острова, видимые из окна, падали желтые и коричневые листья. Но Земан был далек от мыслей, навеваемых осенью,— он ужасно хотел спать.

Надпоручик оживился лишь в ту минуту, когда в дверях кафе появилась Ганка, безупречно одетая и лучезарно улыбающаяся ему.

— Добрый день, пан надпоручик!

Она присела, окруженная облаком французских духов. Старый, то и дело зевавший официант, который лениво расстилал салфетки на мраморных столиках и вытирал стулья, очевидно, принял их за влюбленных, тайно встречающихся в утренние часы. Однако, если бы он стоял поближе, то услышал бы, как Земан начал разговор сухим официальным тоном:

— Так что?

— Ничего.

— Как вы спали?

— В одиночестве и хорошо,— немного развязно ответила Ганка.

— Не дал о себе знать?

— Нет.

— Ни телефонным звонком, ни как-либо еще?

— Нет.

Земан был настолько расстроен, что выругался:

— Черт возьми, это была наша последняя надежда! Где же он может быть?

— Меня это как-то не волнует,— с премилой небрежностью изрекла Ганка.— Я с нетерпением ожидала...

— Чего?

— Этой встречи с вами.

— Интересно. И почему?

— Я очень люблю детективные истории. И я еще ни разу в жизни не видела вблизи нашего чешского Мегрэ. Кроме того, вы весьма интересны и как мужчина. Правда, вчера вечером вы выглядели лучше.

Разве мог он такое выслушать спокойно?!

— А известно ли вам, что я всю ночь не спал? И, между прочим, из-за вас. Ничего, сейчас я выпью кофе.— Он крикнул: — Пан официант! — Неожиданно он заметил, как заискрились глаза этой очаровательной девушки, и рассмеялся. «Боже мой, я веду себя как законченный идиот,— подумал он.— Я проглотил ее крючок с наживкой. Как же это я за столько лет не раскусил женскую кошачью тактику?» Но вслух он сказал: — Я рад, что у вас есть чувство юмора. Однако цель нашей с вами беседы совершенно иная.

Тут Ганка положила ему на руку свою руку и потихоньку, еле заметно ее погладила, отчего Земан буквально обмер.

— Да нет же, я говорю совершенно серьезно,— негромко сказала она.— Вы на самом деле очень хороший парень.

Она сказала это так, что у Земана дух захватило. И в ту самую минуту он с ужасом увидел, что за большим окном кафе, ожидая трамвая, на остановке стоит и удивленно смотрит на него его Лида. В полном замешательстве он схватил газету и закрыл ею лицо, надеясь, что Лида его не узнала.

Ганка все поняла — она была неглупая девушка — и теперь уже с явным превосходством рассмеялась:

— Послушайте, не лучше ли вам встречаться со мной в моей квартире? Я вовсе не хочу, чтобы вы из-за меня как-то пострадали.

Лида провела тот день как во сне. Все падало у нее из рук, она не воспринимала, что говорили ей дети на уроках, и задавала им задания чисто механически. Только потому, что дети ее очень любили и, вероятно, поняли, что с их учительницей произошло что-то неладное, ей не пришлось с плачем покидать школу.

Когда она вернулась домой, Земан сидел за обеденным столом. Он торопливо брился, поставив перед собой зеркало,

При этом он отхлебывал кофе из чашечки рядом и еще умудрялся делать какие-то записи в записной книжке.

Лида чувствовала, что Ян взвинчен, и поэтому ходила вокруг него кругами, молча складывая на стол вещи, которые, по ее мнению, потребуются ему: белье, носовой платок, чистые носки. Потом все же несмело произнесла:

— Не хочешь хотя бы поесть как следует?

Земан раздраженно буркнул:

— Нет, нет времени! Я пришел только захватить чистое белье. Принеси мне еще рубашку. И галстук. Тот, серый.

Она кинулась к платяному шкафу, чтобы выполнить его просьбу. Грустные мысли угнетали ее: ни тебе куколки, ни беленького жеребеночка, никакой счастливой улыбки, не успокоит, не погладит. Все стало иным, совсем иным.

— Тебя ночью опять не будет дома? — спросила она тихо, когда принесла все, что он просил.

— Нет.

— А завтра?

— Не знаю.

— На что ты станешь похож, если будешь только курить и пить кофе? Поешь!

Она поставила перед ним тарелку с супом. Земан резко отодвинул тарелку:

— Прошу, оставь меня!.. Пойми, я сейчас и думать не могу о еде. Через час мне докладывать Калине, а у меня нет ничего, понимаешь, ничего! Короче говоря, меня ожидают неприятности...

Обиженная Лида без единого слова отнесла тарелку. Затем с тихим упреком сказала ему:

— Тебе не кажется, Гонзик, что в последнее время у тебя стало слишком много этих совещаний и экстренной работы?

У Земана голова была забита своими проблемами, и потому этот вопрос показался ему совершенно лишним.

— И что мне, по-твоему, надо делать? — спросил он.

— Думать, хотя бы немного, обо мне и Лидушке. Ведь мы тебя совсем не видим... Чтобы однажды ты не пожалел, что у тебя не было на нас времени...

Земан добрился, встал и принялся завязывать галстук. Это всегда было для него мучением. Он знал, что первый узел получится, как всегда, нелепый, что ему придется повторить операцию несколько раз, прежде чем он добьется чего-нибудь приличного. Занимаясь этим неприятным делом, он бросил раздраженно:

— Прошу тебя, Лида, помолчи, оставь меня в покое!.. — А сам подумал: «Просто удивительно, откуда у этих милых женщин берется талант начинать разговоры о своих, разумеется самых важных, проблемах в самое неудобное время. Неужели она не чувствует, что я ее очень люблю, но сейчас у

меня голова забита другим, и я просто не воспринимаю, что она мне говорит».

Однако на этот раз Лида решила не отступать.

— Я должна выговориться, раз уж ты наконец появился дома. У тебя интересная работа, ты все время среди людей, а я здесь одна, без друзей, без близкого человека, с которым могла бы вечером поговорить, посоветоваться...

Земану наконец удалось справиться с галстуком, он оделся, причесался и стал поспешно складывать блокнот и другие вещи в портфель.

— Тогда тебе надо было выйти замуж за бухгалтера или своего коллегу учителя. Закончив работу, они спокойно идут домой в четыре, а то и раньше. Но с ними тебе было бы скучно...

Теперь уже и Лида больше не сдерживалась. На Гонзу обрушился поток упреков:

— Зато с тобой мне очень весело! Даже в те минуты, когда ты дома, ты все равно думаешь о своих делах...— Она пошла в атаку с открытым забралом: — Я знаю, что в кафе и модных салонах тебе интереснее, чем дома!

На минуту в комнате воцарилась тишина. Земан, казалось, был ошеломлен.

— Ты меня где-то видела?

Лида безошибочно определила, что он попал в затруднительное положение, и именно поэтому решила поступить великодушно и не открыть все свои карты.

— Нет... Но ты ходишь туда?

Она ждала искреннего признания, боже, как ей хотелось услышать от него покорную просьбу о прощении и простить его, примириться или, по крайней мере, услышать хоть какое-то объяснение. Но нет!

У Земана сразу отлегло от сердца.

— Да, иногда,— твердо ответил он.— Когда это требуется по службе.

Лиде ничего не оставалось, как принять такое объяснение. Тихо, но выразительно она сказала:

— Я тебе верю, Гонза. Я знаю, что у тебя твердый характер.

Земан спокойно воспринял эти слова жены, сказанные с таким глубоким подтекстом.

— Да все в порядке, Лидушка. Отчего бы ты мне не верила?

— Потому что ты достиг возраста, когда мужчины начинают сходить с ума,— печально проговорила она, убирая одежду, которую снял с себя Земан.

— Вот оно что! — Он несколько нервозно засмеялся.— Вот ты о чем!.. Тогда я, моя милая Лида...

Однако Лида прервала его, ей надо было выговорить все, что скопилось у нее в душе:

— Я ничего от тебя не хочу, Гонзик... Ничего... Только ощущения, что я тебе хоть немного нужна, слышишь, хоть немного...

Эти слова тронули Земана, он погладил Лиду по плечу:

— Но ведь ты мне нужна... Все время... И очень...

Но Лиду переполняла горечь.

— Я знаю,— проговорила она,— нужна как мебель, к которой ты привык и которая служит тебе для удобства дома.

Такого Земан, и без того уже взвинченный, вынести не мог. Он схватил портфель и бросился к двери. Лида, поняв, что переборщила, устремилась за ним:

— Ты меня даже не поцелуешь?

Не поднимая головы, Земан зло бросил:

— После такого-то? Нет!

Хмурый, как осеннее небо, он пробежал мимо входивших в дверь матери и Лидушки. Он настолько был расстроен этой первой семейной ссорой, что даже не поздоровался с ними, а может, просто их не заметил.

— Господи, что между вами произошло, Лида? — спросила испуганно Земанова.

Лида только всхлипнула:

— У Гонзы есть, наверное, какая-то девушка, мама...— Она опустилась на стул и горько зарыдала.

8

В то утро Иржина Кралова впервые была дома не одна. Она вошла в свою квартиру, переполненная тихим счастьем, и стала выкладывать из сумки хлеб, ветчину, сыр, масло, рога-лики. Достала бутылку красного вина. Быстро и не совсем умело она разложила продукты на подносе. При этом по выражению глаз Иржины можно было определить состояние ее души и настроение. Она бы, наверное, даже запела, если бы не смущалась. Она взяла поднос, подошла к двери другой комнаты и постучала.

Никто не отозвался. С секунду она колебалась, потом легонько нажала на ручку и тихо вошла, чтобы не разбудить своего гостя. Но вдруг приготовленная улыбка исчезла с ее лица. Иржина остановилась.

Диван, на котором недавно лежал ее гость, был пуст. Там валялись лишь разбросанные помятые покрывала, да рядом на стуле стояла чашка из-под чая, которую Иржина поставила ночью. Женщина разочарованно присела на диван, взяла пустую чашку. Палец Иржины механически заскользил по краю, будто поглаживая... Наконец женщина осознала, что, собственно, такого конца она и ожидала. Вся ее жизнь была цепью вот таких разочарований, от которых она зачерствела и засохла, как дерево, посаженное в бесплодную почву в неблагоприят-

ном краю. Долго и напрасно пыталось оно расцвести в этих условиях, а в результате устало и со смиренной покорностью шевелит сейчас редкими, с желтыми прожилками, листьями, обрамляющими такой же чахлый ствол. Никому это дерево не нужно...

Была у Иржины единственная большая любовь в конце войны. Влюбилась она в одного студента, бойца партизанского отряда, в который носила из своей деревни продукты, выполняя одновременно роль связной. Это была глубокая, нежная и целомудренная любовь. Иржина принадлежала к тому типу женщин, которые приближаются к мужчине с безмерной стыдливостью, готовые в испуге убежать при каждом проявлении особого к ним внимания. Студент терпел эту ее стыдливость; она была единственной прилично выглядевшей девушкой, которую он мог встретить в лесах, и казалась ему чудом среди крови, запаха пороха и потных мужских тел и грязи землянок. Короче говоря, он относился к ней терпеливо и с нежностью, а она за это любила его всем сердцем и пыталась перебороть свой нелепый страх перед тем, что должно произойти. Потом война кончилась, партизаны вышли из лесов, и началась прекрасная новая жизнь. Всюду было по-майски весело. От нагрянувшего счастья люди беззаботно пили и танцевали и еще беззаботнее бросались в омут любви. Тогда-то и пришла Иржине мысль, что она потеряет своего студента, если по-прежнему, залитая краской стыда, будет вырываться из его объятий. Долго она готовилась к этому событию, не спала много ночей, убеждала себя в том, что не произойдет ничего страшного, если она предстанет обнаженной перед любимым человеком. Просто случится то, что и должно было случиться. И вот однажды вечером Иржина надела свое самое тонкое белье, самую лучшую одежду и с учащенно бьющимся от волнения сердцем отправилась в его городскую квартиру. И что же? Он посмеялся над ней — грубо и жестоко. Она уже давно не казалась ему красивой, потому что была у него не единственной. Теперь у него появились другие планы и другие подруги.

Нетвердой походкой, с сердцем, испепеленным огнем великого позора, Иржина поплелась домой. И с тех пор она старалась избегать мужчин. Родители, пока еще были живы, и подружки несколько раз пытались ее познакомить с кем-нибудь, но в последнюю минуту она всегда убегала, потому что боялась снова услышать тот страшный, унижающий смех, который навсегда оставил на ней печать непривлекательности, неженственности. Постепенно Иржина превратилась в строгую старую деву, полностью занятую своей работой, скептически относящуюся к тем женщинам, которые не воспринимали любовь и жизнь с одним мужчиной как великое счастье, подаренное им судьбой. Поэтому в конце концов она разошлась с Ганкой Бизовой и осталась в своей мансарде одна. Она была

уверена, что тишину ее одинокой жизни, к которой она так привыкла, уже ничто не нарушит.

И вот появился Блага. «К счастью, ненадолго,— подумала она.— Сверкнул, подобно метеору на небосклоне, и быстро исчез, не успев причинить боль». Неожиданно она ощутила пустоту и сожаление. Иржина поставила чашку и хотела встать, как вдруг дверь в ванную открылась, в комнату вошел он. Это было чудо, которого она не ожидала. Павел набросил на плечи ее халат. На его мускулистом теле халат выглядел до смешного маленьким. Оба растерялись от неожиданности. Иржина, задыхаясь от волнения, проговорила:

— Я думала, вы уже ушли...

И Блага тоже искал нужные слова, несколько смущенный своей наготой:

— Простите... Я не думал, что вы так скоро вернетесь домой... Я обнаружил здесь ванну, и мне так захотелось помыться... хотя бы на минуту лечь в теплую воду...

Она спросила:

— Вам лучше?

— Мне уже совсем хорошо, жар прошел... Только ноги пока слабоваты, но это ничего... Я уже в состоянии отблагодарить вас и уйти...

Иржина немного резко ответила:

— Да нет же! Зачем?

Блага с удивлением посмотрел на нее:

— Но я не имею права вас обременять. Кроме того, мне все равно надо поехать на вокзал. Там у меня в камере хранения чемодан...

Иржина неожиданно вскочила с дивана:

— Не беспокойтесь! Я привезу ваш чемодан. Вам нельзя выходить на улицу, вы же принимаете пенициллин. Вам нужно полежать хотя бы несколько дней.— Она взбила ему подушку, поправила постель.— Меня вы нисколько не стесните, эта комната все равно пустует после отъезда Ганки Бизовой...— Она обхватила его под мышки и стала подталкивать к дивану.— И поешьте, я принесла вам кое-что, доставьте мне радость...

Блага позволил ей вести себя и подчинился ей как слабое, больное дитя. Ему было бесконечно приятно играть такую роль. Он говорил мягко, ласково:

— Вы так добры, так внимательны... Я будто снова обрел дом, счастье, которое там, в Моравии, потерял... Мне кажется, что я знаю вас уже тысячу лет... И когда вы касаетесь меня рукой...

Он попытался взять ее за пальцы, но Иржина в ужасе отдернула руку, словно обожглась. И тогда Блага, прекрасно поняв, как надо себя вести с ней, твердо и даже дерзко сказал:

— Разрешите? — И снял с нее, ослабевшей и беспомощной, эти противные, не украшавшие ее очки. Несколько секунд он с удивлением смотрел на Иржину, затем неожиданно обхватил ее обеими руками за талию и потихоньку начал притягивать к себе.

— Боже... А ведь ты совсем недурна... Как тебя зовут?

И Иржина Кралова, пораженная тем, что ее почему-то оставили сила и воля, и тем, как легко она ему поддается, прошептала:

— Иржка...

Придя в себя после обморочного блаженства, она почувствовала, как ее заливают волна стыда. «Боже мой, что же со мной произошло? — размышляла она испуганно. — Ведь я же как самая последняя девка с улицы... Что же я наделала?.. Что позволила с собой сделать? Я умру теперь... умру от позора...» Но потом в голову ее пришла другая мысль: «Он не смеялся... Он видел меня такой, какая я есть, и не смеялся... Это было так прекрасно и сладостно, как грезы летней душевной ночью». И она поняла, что действительно умрет, но не от позора, а от тоски, если к ней больше ни разу не вернется это прекрасное блаженство.

Она повернулась к нему. Павел лежал рядом с ней на диване под одеялом, раздетый, как и она. На стуле стояла недопитая бутылка вина и две рюмки, а на полу патефон. Уже в который раз на нем крутилась ее любимая пластинка «Звездная пыль». Она положила голову на его широкую грудь и счастливо проговорила:

— Я не знаю, что со мной, Павел... Во всем моем теле какой-то жар... И мне хочется плакать...

Он нежно погладил ее и мягко сказал с улыбкой:

— Это любовь, Иржка!

Ей вдруг захотелось рассказать ему о себе.

— Может быть, у меня такое ощущение от этой мелодии... Я ее очень люблю, Павел... Впервые я услышала ее во время войны в радиопередаче из Лондона или из Америки... Я слушала ее, прижавшись ухом к приемнику. Она рождала тоску и надежду... А когда над нашими головами загудели их самолеты...

— Да, «Стардуст», «Звездная пыль», — сказал Блага. — Я на этих самолетах летал.

Иржина была очарована им еще больше.

— Ты летчик?

— Я был пилотом-штурманом во время войны.

— Я тоже воевала...

— Ты? — с удивлением спросил Павел.

Иржина храбро призналась:

— Ты не думай, я уже не такая молодая...

Блага рассмеялся:

— Я этого даже не заметил.

— Мне так стыдно, Павел...— Иржина зарылась лицом в подушку. Слова Блага напомнили ей о том, что произошло, да и вообще она не привыкла слышать комплименты.

Блага почувствовал, что женщина, приютившая его, полностью находится в его власти. Он забавлялся ее растерянностью, умело играл на ее состоянии. В конце концов, он был неплохой психолог.

— За что стыдно? За то, что мы дали волю своим чувствам?

— Со мной такого еще никогда не было, поверь мне... Ты первый, кто вот так...

Блага погладил ее:

— Я знаю.

Кралова прижалась к нему всем телом и зашептала:

— Весь день и всю ночь будем вот так лежать... Я забуду обо всем — о работе, о людях, о своей жизни — и буду чувствовать только тебя, тебя, мне будет все равно, слышишь, я хочу отказаться от всего, только бы тебя не потерять. Я как пьяная... Весь мир, вся вселенная, все звезды — это только мы вдвоем, Павел...

Благе были смешны эти патетические признания, исходящие из уст стареющей женщины, но он не выдал себя ни смехом, ни улыбкой. Ему было важно удержать ее около себя, иначе его положение снова могло стать катастрофическим. Поэтому с профессиональным умением он тут же подстроился под ее тон:

— Я испытываю то же, что и ты... Ты как вино, которое взрывается внутри горячим гейзером, зажигая каждый нерв, каждую жилку...

Между тем патефон замолчал, иголка звукоснимателя кружилась по одной дорожке. Блага вылил остаток вина в рюмку и, не выдержав, засмеялся все-таки, но потом серьезно сказал:

— Ты как это вино, которое уже кончилось.

Иржина быстро встала, начала одеваться:

— Сейчас принесу!

— Да не стоит. Не ходи, — отговаривал ее Блага.

Иржина выключила патефон и, как будто сразу протрезвев, сказала:

— Надо идти. У нас нечего есть, а я уже голодна. И потом, надо хотя бы позвонить в нашу канцелярию. Еще ни разу не случалось, чтобы я не пришла на работу. Коллеги будут волноваться.

— А где ты, собственно, работаешь?

— В национальном комитете... В бухгалтерии...

Блага тихонько засмеялся. Иржина заметила это:

— Почему ты смеешься? Тебе не нравится?

Блага тут же опомнился, овладел собой:

— Нет, совсем нет. Просто я вдруг почувствовал себя ужасно счастливым человеком оттого, что ты предпочла именно меня своей канцелярии.— Неожиданно у него возникла идея:— Послушай, а не могла бы ты кое-что для меня сделать?

— Все сделаю, Павел!— выпалила она с готовностью.

Блага ожидал такого ответа. Он взял блокнот и ручку, что-то написал, вырвал листок и подал ей:

— Когда будешь проходить мимо телефона, позвони по этому номеру. Тебе ответит некий инженер Чадек. Не говори, кто ты, откуда звонишь и где я теперь нахожусь, я не хочу тебя компрометировать. Только скажи, что Павел передает, чтобы этот самый Чадек ждал его завтра в шесть под Карловым мостом на Кампе. Сделаешь?

— Кто это?

— Один мой хороший знакомый, он поможет найти мне здесь, в Праге, место...— И торжественно объявил ей:— Я ведь, Иржка, решил остаться здесь с тобой. Навсегда...

Иржина не хотела верить своим ушам, слезы счастья наполнили ее глаза, она опять прижалась к нему с собачьей преданностью и зашептала:

— Павел... Я так счастлива... Павел...

9

Земан взволнованно вскочил со стула и побежал к двери соседнего кабинета.

— Ирка, иди сюда! — крикнул он.— Блага высунул голову из своей мышинной норы. Попался. Наконец-то!

Вошедший надпоручик Градец был взволнован не меньше Земана. После нервного совещания у подполковника Калины, где они вынуждены были признать, что потеряли след Благы, и после еще более нервной ночи, когда они снова и снова анализировали все свои действия, пытаясь найти ошибку, и каждый раз со всех ног бросались к звонившему в кабинете Земана телефону, наконец-то блеснул луч надежды.

В комнате сидел пожилой человек в темном костюме, с увядшим лицом и невыразительными, бегающими глазами. Весь его грустный вид говорил о том, что он внутренне сломен и не в силах скрыть это. Земан представил его Градецу:

— Это инженер Чадек, вспоминаешь? Пришел рассказать нам о Благе.

Ирка Градец, зная наперед, что Земан уже имел разговор с инженером (это было видно по Гонзе — он улыбался, но готов был еще раз с удовольствием выслушать Чадека), засыпал его вопросами.

— Вы знаете, где находится Блага?

Чадек отвечал тихо, с беспристрастной монотонностью:

— Нет.

— Вы говорили с ним?

— Нет. Мне позвонила какая-то женщина.

— Как ее зовут?

— Не знаю, она не представилась.

— Откуда она звонила?

— Не знаю.

— И что она вам сказала?

— Пригласила меня от его имени на встречу.

— Где и в какое время?

— Завтра в шесть вечера Блага будет ждать меня на Кампе под мостом.

Земан, прослушивавший на магнитофоне практически те же вопросы и ответы, остановил ленту и с веселой улыбкой сказал:

— Так что, Ирка, доволен?

Но Градец, однако, не закончил разговора с Чадеком.

— Подожди немного...— попросил он.— И вы пришли сообщить нам об этом, пан инженер?

— Да.

— Уже во второй раз?!— проговорил Градец, испытующе глядя на Чадека.— В тот раз у вас по крайней мере был довод — вы боялись за свою жену. Ну а сегодня-то вы почему пришли к нам?

Чадек посмотрел на Градеца, чувствуя недоверие в его вопросе, с минуту помолчал, потом медленно, ровным голосом ответил:

— Может быть, потому, что пан надпоручик Земан помог мне устроиться в Праге после того, как я вышел из тюрьмы: в пограничную зону я уже не мог возвращаться.

— Только поэтому?

Чадек иронически улыбнулся:

— Я знаю, что он сделал это не только из любви к ближнему. Просто он не хотел выпускать меня из поля зрения, полагая, что рано или поздно я все равно выведу его на след Благы. Ну вот я и исполнил его желание.

Земан, поняв, что Градец Чадеку не доверяет, вступил в разговор:

— Короче говоря, Чадек, вы знали, что находитесь под нашим наблюдением, и поэтому решили сообщить нам об этом. Так сказать, подстраховаться на всякий случай.

Чадек, чуть помолчав, тихо, без эмоций, заявил:

— Нет, пан надпоручик, просто я ненавижу его больше, чем вас.

Это признание обезоруживало своей откровенностью.

— За что? — спросил Градец.

— Вы отобрали у меня завод, имущество, работу, которую я любил. Он же взял последнее, что у меня оставалось. Жену.

И это оказалось для меня самым страшным, ибо ничего не может быть страшнее, чем обокрасть нищего.— Он встал, собираясь уходить:— Прощайте, панове. Я выполнил свой долг. Все остальное — уже ваши заботы.

Но Земан его задержал:

— Пойдите, Чадек. Вам придется еще раз принять участие в этом деле. Вы пойдете на эту встречу.

Чадек остановился, но ничего не сказал.

— Блага противник хитрый,— продолжал Земан.— Прежде чем объявиться в условленном месте, он с полчаса понаблюдает откуда-нибудь, пришли ли вы действительно, один ли пришли.

Чадек апатично слушал его.

— Мы там, разумеется, будем, но до поры до времени невидимые для его глаз. Вы будете постоянно под нашей защитой. А как только он появится, мы арестуем его. Можете быть спокойны, с вами ничего не случится.

На такое заверение Чадек ответил с горькой иронией:

— Я не боюсь. Я уже давно ничего не боюсь, панове... Мне нечего терять.

У Лиды Земановой окончательно сдали нервы. Она то и дело всхлипывала, по щекам ее катились крупные слезы.

— Что мне делать, Здена?

Она стояла в расписанном в стиле модерн золотыми и голубыми красками зале фирмы «Элегант». Сегодня здесь был обычный день, без просмотра; в кабинках примеряли платья дамы, а Здена Валкова с булавками во рту стояла на коленях перед манекеном и пристраивала на нем кусок ткани. Она изобретала новую модель.

— Прежде всего перестань реветь...— шепелявила она, едва открывая рот.— Посмотри, как ты выглядишь. Чему же тогда удивляться? Его можно понять. Тебе надо прилично одеться. Ты, наверное, и не припомнишь, когда в последний раз что-нибудь себе купила, ведь так?— Она выплюнула булавки, схватила какое-то платье, подтащила Лиду к зеркалу:— Посмотрим, как ты будешь выглядеть в этом... Прекрасно!.. Так что... выходи в свет и отплати ему за это.

У Лиды даже зрачки расширились от испуга.

— Нет! Такое я не могу себе позволить.

— Что? Купить это платье? Глупости, я даю тебе взаймы.

— Нет, я просто не смогу... — Лида всхлипнула. — Я все равно его очень люблю, Зденичка. И потом, собственно, я еще не знаю...

Валкова перебила ее:

— Ага, снова эта проклятая неуверенность! Сколько времени он уже не приходит домой?

— Неделью,

Валкова присвистнула со знанием дела:

— Тогда все ясно, девушка. Если мужу так долго не требуется жена, значит, он нашел себе кого-то получше...

Лида снова расплакалась:

— Что же мне делать?

Валкова втокнула ее в кабинку, бросила ей вслед модельное платье:

— Переодеться... И быстро...— Теперь Здена разговаривала с Лидой через занавеску, закрывавшую вход в кабинку.— А потом выследить их и вцепить обоим по пощечине. В подобных случаях это наилучшее лекарство...

Когда Лида вышла из кабины, Валкова чуть дара речи не лишилась. Лида выглядела красавицей. Валкова с восхищением сказала:

— Знаешь, я думаю, пощечины не потребуется. Как только он увидит тебя такую, сразу поймет, что совершил глупость, и прибежит домой просить прощения.

И Лида, которая чувствовала правоту Здены, посмотрев на себя в зеркало, засветилась новой надеждой:

— Ты думаешь?

Она поворачивалась перед зеркалом, глядя на себя сбоку, сзади. И вдруг в зеркале за ее спиной отразилась Ганка Бизова. Радость Лиды сразу померкла. Она узнала ее и мгновенно определила, что Ганкина молодая, яркая и элегантная красота совершенно затмевает ее неброскую привлекательность.

Ганка обратилась к Здене Валковой:

— Пани Валкова, вы дадите мне отгул на завтра?

— Зачем?

— Мне надо кое с кем встретиться.

Валкова дружески засмеялась:

— Снова за свое? Ну что ты за человек, Ганка! Кому теперь кружишь голову? — Она повернулась к Лиде: — Вас познакомить?

Но Лида, не сдержав слез, выдавила два слова:

— Не надо! — и убежала.

Сумерки постепенно сгущались, вот-вот должны были зажечься уличные фонари. Инженер Чадек нервно прохаживался вдоль парапета речки Чертовки. По мере того как тени под аркой моста становилось все больше, движения Чадека делались все резче. Может быть, он боялся этих теней?..

Из окон близлежащих домов, из неприметно запаркованных тут и там машин за ним следили Земан, Градец и другие работники органов безопасности.

Но Блага не появлялся. Часы на башне пробили семь, зажглись фонари. Нервы у Чадека не выдержали, он подошел к Земану, стоявшему в нише под аркой моста с пистолетом наготове, и шепотом обратился к нему:

— Пан надпоручик...

Земан ответил:

— Вы с ума сошли, Чадек! Какого черта вы лезете ко мне?

— Я хотел спросить, стоит ли мне еще ждать?

Земан вложил пистолет в кобуру под мышкой и сердито вышел на свет:

— Теперь уже не стоит! Вы все испортили. И хорошо это знаете, Чадек. Вы достаточно умны, чтобы понять, что этим самым предупредили Блага.

Градец, тоже покинувший свое укрытие, подошел к ним и резко добавил:

— На две стороны играете? Поосторожней, Чадек!

Но инженер, которым вновь овладело абсолютное спокойствие, безразлично произнес:

— Я сделал все, что вы от меня хотели. Так что же вам еще от меня нужно, панове?

Земан с неудовольствием отвернулся от него:

— Уже ничего. Идите домой.

Чадек был несказанно рад, оказавшись наконец после такого испытания у своего дома. Он вбежал в подъезд и по затоптанным ступенькам стал быстро подниматься вверх, к своей лестничной площадке. Неожиданно он остановился; вероятно, и сердце его тоже остановилось в эту роковую минуту, потому что одна из теней на площадке качнулась в его сторону.

— Добрый вечер, Чадек,— слышался резкий голос.

Чадек стоял молча. Он оправился от внезапного испуга и вновь обрел грустную, ироническую уравновешенность, покорное спокойствие.

— Знаешь, кто я? — с ненавистью прошипел Блага.

Чадек спокойно ответил:

— Догадываюсь. Смерть. Твоего лица я не вижу, но узнал тебя по голосу... Я ждал тебя. Я ждал тебя целую вечность.

— Вот и дождался,— злобно продолжал Блага.— Я здесь. Я пришел тебе сказать, что ты крыса и доносчик и что я знаю, кто меня уничтожил, заложив тогда, весной...

Но Чадека это обвинение не слишком взволновало. Спокойствие инженера все больше выводило из себя Блага, заставляло его нервничать. Он почти закричал на Чадека:

— Сегодня я в этом убедился! Ты с ними заодно. Я видел тебя с Земаном.

К удивлению Блага, Чадек с потрясающим спокойствием согласился:

— Да, я хотел, чтобы ты меня увидел вместе с ним.

— Я убью тебя! — взорвался Блага.

С иронической покорностью, сложив руки на груди, Чадек поклонился ему:

— Спасибо тебе за это. Ничего другого я от тебя и не ожидаю. Ты только поможешь мне сделать то, на что у меня не хватает сил и смелости. И себя погубишь. Так давай!

Блага окончательно потерял над собой контроль. Хрипло дыша, он снова набросился на инженера, но убеждал теперь уже больше себя, чем его:

— Лжешь! Ты боишься! Все боятся смерти. Ты не веришь, что я это сделаю. Но стоит тебе посмотреть в черный глазок моего пистолета, как ты тут же упадешь на колени и запросишь пощады.

Однако Чадек и теперь не испугался. Наоборот, безмятежно и с чувством превосходства он сказал:

— Нет, лучше ты посмотри. В мои глаза посмотри. Они страшнее твоего пистолетного дула. Знаешь, кто ими на тебя смотрит? Инка! И я умер тогда вместе с ней. Так кого ты хочешь убить? Смотри в мои глаза, это ее мертвые глаза... Они будут все время пугать тебя, если ты их сейчас не закроешь. Так стреляй, слышишь, стреляй, пока окончательно не струсил!..

И действительно, чувство страха стало постепенно закрадываться в душу Блага. Он уже хотел кончать с Чадеком, но в этот момент у подъезда громко завизжали тормоза. Через секунду по ступенькам затопало множество ног, послышался резкий голос:

— Руки вверх! Бросайте оружие! Вы окружены! Сдавайтесь!

Блага резко обернулся и, не целясь, выстрелил в направлении голоса. Меткость и тут не подвела его. Молодой сотрудник КНБ, бежавший вверх с автоматом в руках, свалился на ступеньки лестницы. Блага быстрым движением распахнул окно на площадке, спрыгнул во дворик, перескочил через забор и скрылся.

Сотрудники КНБ не были готовы к такому повороту, но не растерялись. Несколько человек бросились за Благой. Началось преследование.

Когда Благе удалось запутать преследователей и оторваться от них на несколько минут, он влетел в телефонную будку, стоявшую на темной улице. Со лба стекал пот, он хрипло дышал, обессиленный от быстрого бега. Впервые ему стало по-настоящему страшно, но боялся он сейчас не смерти. Он боялся, что его схватят.

Блага посматривал через стекла будки на вечернюю улицу, на которой минуту назад в него стреляли. Опасность не миновала — где-то поблизости раздавались крики сбитых с толку преследователей и вой сирен полицейских машин. Он лихорадочно набрал номер. Когда на другом конце взяли трубку, он торопливо заговорил:

— Арни, это я... Я прикончил его...
— Кого? — холодно спросил Хэкл.
— Одного полицейского... Я хотел убить эту крысу... Помнишь, я тебе говорил...
— Идиот! Какое мне до этого дело?
— Не знаю, что теперь со мной будет. Они, наверное, поднимут на ноги всю Прагу.
— Это уж твоя забота.
— На всякий случай будь готов... исчезнуть вовремя отсюда... Возьми с собой и ее... Скажи ей франкфуртский пароль... если вдруг тебя схватят...
— Хорошо. Все.
Блага отчаянно закричал:
— Арни, подожди!..
Но Хэкл холодно прервал его:
— Больше мне не звони. Связь между нами прекращается. Ты остаешься один, понимаешь? Один! — Он положил трубку.
Потное, изможденное лицо Благы посерело — он с ужасом осознал, что Арнольд Хэкл абсолютно прав...

10

С этого момента события стали развиваться стремительно. Судьбы людей, которых автор ввел в этот рассказ, были уже предрешены. Автору осталось лишь отметить отдельные концовки нашей истории.

Одна из них началась громким смехом Ганки Бизовой.

— Нет, о смерти я пока не думаю, товарищ надпоручик, — так заговорила она с прибежавшим к ней рано утром запыхавшимся Земаном. И тут же с кокетством добавила: — Но все равно мне очень нравится, когда вы так обо мне беспокоитесь.

На ней был роскошный розовый нейлоновый халат, который больше открывал ее тело, чем закрывал, и от нее исходил удивительный запах молодости, к которому примешивался тонкий аромат французских духов. Короче говоря, и здесь, дома, красота ее была умопомрачительной, и наверняка у любого мужчины ее вид вызвал бы жар в голове и лихорадочный озноб в теле. В квартире царил беспорядок, чувствовалось, что ее хозяйка только что встала и не успела, а может, просто не хотела убирать. Земан, немного смущенный всем этим, стараясь не останавливать взгляд на женском белье, небрежно брошенном на стульях и на ковре, принялся смущенно объяснять свой неожиданный приход:

— Вчера он начал убивать. Мы гонялись за ним всю ночь. А к утру мне пришло в голову, что теперь на очереди будете вы... Впрочем, это, наверное, была глупая мысль... Почему именно вы? Извините за то, что я вас беспокоил...

— Перестаньте,— мило улыбнулась Ганка и смахнула с одного из стульев чулки, чтобы Земан мог сесть.— Ваш визит для меня приятен. И потом, вы же предупредили меня телефонным звонком четверть часа назад. Я успела отложить встречу с одним очень приятным пожилым господином. Конечно, одеться и застелить постель я уже не успела. Но это вам ведь не мешает, не так ли?

— Нет, нисколько...

Ганка засмеялась, но смех ее был не вульгарным и не вызывающим. Попросту говоря, это была современная, непосредственная девушка.

Она вытащила из буфета бутылку французского коньяка и две рюмки:

— Выпьем?

— Нет, спасибо,— сразу отказался Земан.— Я на службе.

— Не будьте таким официальным сухарем, надпоручик,— пыталась уговорить его Ганка.

Земана бросило в жар, но, сохраняя официальный тон, он снова объяснил ей, что цель его прихода совершенно иная. Теперь он уже не опасался, что Блага от них уйдет. С той минуты когда Блага тяжело ранил молодого сержанта, отца двух маленьких детей, сотрудники КНБ, в том числе и те, кто отдыхал после службы, вышли на улицы Праги, перекрыли все шоссе, выходящие из столицы. Земан был уверен, что в результате принятых мер Блага будет пойман в ближайшие 48 часов. Однако существовала угроза, что в течение этого времени агент-террорист будет продолжать убивать, мстить, бесчинствовать. Поэтому Земан стремился свести до минимума такую возможность.

— Поймите, речь идет о чрезвычайно важном деле, товарищ Бизова,— сказал он.— Мне нужно...

Но Ганка прервала его, явно не желая переходить на серьезный тон:

— Я по вас так скучала.

Она произнесла это с таким кокетством, что Земан просто растерялся.

— Что вы сказали? — спросил он неизвестно зачем.

— Я уже несколько раз подходила к телефону, чтобы позвонить вам по номеру, который вы мне оставили. Но боялась вас рассердить.

Земан вынужден был выпить глоток коньяку, чтобы избавиться от сухости во рту.

— За что же мне на вас сердиться?

— За то, что я хочу вас видеть... просто так...

Земан чувствовал все большее замешательство и смущение.

В голове пронеслась мысль, что ведь он находится в квартире молодой красивой женщины, в весьма интимной обстановке... Надо было вернуться на почву, на которой он чувст-

вовал себя более уверенно. Деловитым тоном следователя Земан спросил:

— А этот Блага действительно ни разу не позвонил вам?

— Нет.

Неожиданно для самого себя Земан отважился на рискованный ход:

— Он меня удивляет.

— Чем же?

— Тем, что...— Земан запнулся.— Я бы, например, такой красивой девушке звонил, наверное, каждый час. Если бы, конечно, мог.

— А вы разве не можете?

— Уже нет.

— Вы женаты?

— Да.

— И вы счастливы?

— Да...

— Жаль... — с кокетливым разочарованием произнесла Ганка. И тут же громко рассмеялась: — Интересно, что бы сказала ваша жена, увидев нас сейчас вместе?

— Ничего.

— Не понимаю... Разве она вас не любит?

— Да нет. Лида прекрасная женщина. Она мне верит.

Ганка заметила с юмором:

— Прямо святая. Впрочем, что ей еще остается?

— Что вы имеете в виду?

— Такого интересного, красивого мужчину трудно удержать... даже если он сам святой... Вам у меня нравится?

— Очень.

Ганка показала ему свою двухкомнатную квартиру.

— Это еще не то, что мне надо. Я хочу постепенно заменить мебель на современную. Во время следующей поездки для показа мод в Западной Германии куплю хорошие обои... И все равно я очень рада, что мне удалось наконец заполучить эту квартирку и за несколько месяцев сделать из нее приличное жилище... Пойдемте, я покажу вам ванную, хотите?

Однако Земан не двинулся с места. Сознание его пронзила догадка. Он быстро спросил:

— За несколько месяцев? Подождите, а как долго вы здесь живете?

— Полгода.

— А до этого?

— Я снимала комнату у некоей Иржины Краловой. Мала-Страна, Цисаржская, семь. Но это вы уже знаете, наверное...

Земан не дал ей договорить:

— Телефон! Быстро!

Когда Ганка подала ему трубку и придвинула аппарат, он поспешно набрал свой служебный номер:

— Ирка, это я, Гонза. Немедленно сообщи Калине и спроси у него разрешение на операцию. Запиши...

Надпоручик Иржи Градец, который по указанию подполковника Калины совместно с Земаном осуществлял операцию по задержанию Благи и потому сидел у телефона в кабинете Калины, попал в довольно трудное положение. Он записывал сейчас в блокнот информацию, передаваемую Земаном, а напротив него, бледная и взволнованная, сидела Лида Земанова.

— Да, записываю... Иржина Кралова... Цисаржская, семь... Да, сейчас сообщу Калине... Разумеется, пошлю тебе оперативную группу... — Он посмотрел на Лиду и сказал в трубку: — Послушай, Гонза, у меня здесь Лида... Ты не хочешь с ней поговорить? Нет? Хорошо, я объясню ей... Хорошо, отошлю ее домой. Все. — Он положил трубку.

Лида нетерпеливо спросила:

— Где он?

Градец пожал плечами:

— К сожалению, не могу сказать. Это служебная тайна. — Он снова поднял трубку, набрал какой-то номер: — Говорит Градец. Объявите готовность опергруппы. Я буду внизу через несколько минут.

Однако Лида совершенно не воспринимала, что он говорит. Она была настолько во власти захватившего ее чувства, что губы ее задрожали от едва сдерживаемого плача. Механически, скорее для себя, она проговорила:

— Стало быть, его новую служебную тайну зовут Иржина...

Градец вынул из стола пистолет, проверил обойму. Успокаивающе, но уже с признаками нетерпения он сказал:

— Лида, не сходи с ума...

Но Лида не хотела его слушать. Она с раздражением выкрикнула:

— Я всех вас раскусила! Всех!

Градец начал нервничать:

— Слушай, неужели ты не понимаешь? Мы выполняем важное задание... Иди, пожалуйста, домой...

Однако Лида не двигалась с места. С печалью в голосе она проговорила:

— Все вы одинаковые. Прикрываете друг друга... — Неожиданно она умоляюще стала просить: — Скажи мне правду, Ирка. Где он?.. Ты на службе... А он-то где? Откуда он с тобой говорил?

Тут уж Градец совсем потерял терпение и прикрикнул на нее:

— Черт возьми, да уйдешь ты наконец или нет?! У меня нет времени слушать такие глупости! Ты же знаешь, чья ты жена, и должна понять... Мы выполняем задание, я и он. Сейчас нам дорога каждая секунда... Пока!

Немного испуганная его тоном, Лида направилась к двери. Уходя, она с тихим плачем шептала:

— Не верю я тебе... Не верю... Но я его все равно найду.

Подполковник Калина с одобрением отнесся к докладу Градеца:

— Хорошо, согласен. Теперь его можно брать. Мы дождались своего. Арнольд Хэкл принял правильное решение. Он собирает чемоданы, готовится драпать за границу... — Калина повернулся к Житному, сидевшему вместе с ним в кабинете: — Товарищ капитан!

Житный встал:

— Слушаю, товарищ подполковник!

— Иди с ними. Возьми руководство операцией на себя. Для надпоручика Градеца у меня есть другое... — Калина улыбнулся, — не менее интересное для него задание... И, если мне не изменяет память, это ведь твой объект еще с сорок восьмого года!

— Так точно, товарищ подполковник! Разрешите идти?

— Иди. Но осторожнее, ребята... Осторожнее... Не спешите... Поспокойнее... Больше людей мы терять уже не имеем права.

— Можете не волноваться, товарищ начальник, — заверил Житный.

Калина задумчиво, немного обеспокоенно прошелся по кабинету.

— Значит, операция «Павел Блага» заканчивается...

— Остается самое трудное, Вашек, — напомнил ему Житный. — Принять решение и подписать.

Калина знал об этом, больше того, именно об этом он сейчас и думал.

— Она здесь? — спросил он.

— Да. Ждет в соседней комнате.

— Не передумала?

— Нет, она смелая. И потом, мы уже два года ее готовили...

По Калине было видно, что он принимает решение с большим трудом.

— А она хорошо понимает, на что идет? Ведь там ей никто не поможет, там она будет одна. В случае разоблачения ее может ожидать гибель или пожизненное заключение...

— Она знает об этом, — ответил Житный.

— Тогда пригласите ее сюда, — приказал Калина и задумчиво добавил: — Хорошо, что здесь и Градец. Нас трое, кто будет знать ее в лицо и знать о ее работе. Это на тот случай, если с кем-либо из нас что-нибудь произойдет...

Капитан Житный подошел к двери, открыл ее:

— Входите, товарищ.

Надпоручик Иржи Градец крайне удивился, увидев входившую в кабинет женщину.

11

Только в мансарде Иржины Краловой Блага наконец почувствовал себя в безопасности. За ним гонялись всю ночь. Десять, сто раз ему казалось, что он уже в безвыходной ситуации и его вот-вот схватят, но в конце концов ему удалось оторваться от преследователей и вернуться в эту квартирку, которая была теперь для него единственным надежным прибежищем.

Он только что вышел из ванной, где долго и с наслаждением лежал в горячей воде, оделся и начал завязывать галстук, стоя перед зеркалом. Он, конечно, с удовольствием полежал бы на диване, но понимал, что на всякий случай ему надо быть начеку. Блага не был утомлен и чувствовал себя как бегун, у которого открылось второе дыхание. Лицо его озарилось улыбкой. «Я еще в порядке, — думал он. — Могу поиграть с этой сворой, сбить ее с толку, заставить крутиться. Пусть теперь бродят по улицам, ищут меня, а я над ними посмеюсь в этом тихом безопасном уголке. Где бы они там, за границей, нашли другого такого парня? Как бы они могли обойтись без меня? Кто теперь отважится сказать, что эра стрелков кончилась?»

При этом он насвистывал мелодию, которая застряла у него в голове, как характерная особенность спокойной, источающей аромат лаванды атмосферы этого домика: «Звездная пыль»... Но вдруг губы его застыли, он резко обернулся. Нет, зеркало его не обмануло, это не был мираж.

Блага смотрел на пистолет, который чья-то рука подняла на уровень его груди. Но это была рука не Яна Земаца, не Житного — это была женская рука... рука Иржины Краловой. Это немного успокоило Благу, он даже попытался улыбнуться и высоко поднял руки над головой, будто сдается. Но палец Иржины судорожно прижался к спусковому крючку, и улыбка сползла с лица Благы. Он медленно повернулся лицом к стене, как она приказала. Теперь пистолет почти касался его спины, другая рука ее быстро пробежала по его бокам и карманам — и Блага был полностью разоружен.

Более пелёплого исхода и унижения трудно было себе представить, и Блага не выдержал.

— Не дури! — бросил он.

Иржина Кралова приказала твердым голосом:

— Опустить руки и сядь!

Он сел напротив нее, готовый, как хиппик, при первом удобном случае броситься на нее. Но она не исключала такой возможности, а потому сразу предупредила:

— Не вздумай делать глупостей. Во время войны я была партизанской связной и умею обращаться с оружием.

Блага понял, что Иржина действительно настроена серьезно.

— Где ты взяла этот пистолет? — спросил он.

— В твоём чемодане.

— Ты рылась в моих вещах?

— Да. Я знаю, что это плохо, но ты поступил со мной гораздо хуже.

— О чем ты?

— Ты разбил мне жизнь!

Он мгновенно перестроился.

— Как? Тем, что я тебя любил? — страдальчески воскликнул он.

— Тем, что скрыл от меня, что ты вражеский агент. Ты обманул меня...

— Что тебе взбрело в голову?.. Может, я работаю в полиции!..

Но Иржина уверенно продолжала:

— Трое из них со мной сегодня разговаривали.

Блага прищурил глаза:

— Из уголовного розыска?

— Нет, из госбезопасности. Спрашивали о тебе.

— А ты?

Кралова с минуту молчала, потом тихо произнесла:

— Я ответила, что у меня никто не проживает.

Он понял, что непосредственная опасность ему, таким образом, не угрожает.

— Ты умница! Я верил в тебя! Ты изумительная женщина, Иржка! — В его голосе неожиданно проскользнула нотка искренней благодарности.

— Но они все равно придут. Я их знаю. Теперь это только вопрос времени — как скоро они сообразят и доберутся сюда...

Ее спокойствие привело Блага в ужас.

— И что ты хочешь делать?

— Есть только одно решение. Я продумала его, пока шла сюда, в эту квартиру, к тебе, к нам, где три изумительных дня заставили меня поверить, что и я могу быть... счастливой...

— Скажи мне, что это за решение?

— Моя жизнь кончилась. Я не могу уже жить здесь ни с тобой, ни без тебя. И поэтому через минуту я застрелю тебя, Павел... Не бойся, я прицелюсь точно, и ты никакой боли не почувствуешь. А потом я убью себя...

Он понимал, что эта сентиментальная, склонная к истерии женщина говорит вполне серьезно. На лбу его выступил пот, он лихорадочно придумывал, какой найти выход из создавшегося положения.

— У меня... неподалеку отсюда... машина, Иржка. Я раздобыл ее сегодня ночью, когда пробирался сюда... Не лучше ли нам с тобой...

Но Иржина прервала его:

— Нет, все уже решено твердо.

Тогда он обратился к последнему средству, оставшемуся в его арсенале, — решил сыграть на ее сентиментальности:

— Хорошо. Давай умрем... Прошу тебя только об одном — заведи патефон... Я хочу, прежде чем умереть, в последний раз услышать эту мелодию, слушая которую мы с тобой были так счастливы... И когда мы вновь мысленно переживем наше счастье... стреляй!

Это было весьма банально, но стареющая женщина поддалась на хитрость. Она пошла к патефону, чтобы поставить пластинку.

Это и было нужно Блага. Он выхватил у нее пистолет и сильно ударил Иржину по лицу. Падая, она свалила на пол патефон, и пластинка с мелодией их недолговечной любви разбилась. Блага взглянул на Иржину с ледяной усмешкой:

— Ну что, партизанка?

Она приподнялась с пола, уставившись на него близорукими глазами без очков; из угла ее рта текла кровь.

— Так меня... последний раз били... в гестапо!

Уже без всяких сантиментов Блага произнес:

— Теперь по крайней мере будешь знать, что тебя ожидает, если ты помешаешь мне... — И приказным тоном крикнул: — Встань!

Она поднялась и с тихой печалью прошептала:

— Прощай, Павел... Все равно они тебя поймают... Не уйти тебе от них... И это будет страшно... Лучше было бы тебе умереть здесь...

Он грубо толкнул Иржину на стул, заломил ей назад руки и с профессиональной сноровкой стал связывать. Зло процедил сквозь зубы:

— Молчи, а то убью!

В этот момент на улице раздался резкий звук сирен полицейских машин. Иржина Кралева равнодушно, с какой-то обреченностью улыбнулась и успела сказать, прежде чем он засунул ей клеп в рот:

— Вот видишь, они уже здесь... Тебе пришел конец, Павел... Теперь не убежишь!

Блага понимал, что его положение действительно безвыходно, но страха не испытывал. После вчерашнего случая сотрудники КНБ окружили его малостранское логово, заняли ближайшие улицы и проезды, дворы, балконы и чердаки домов, чтобы отрезать Блага все пути к отступлению. Жителям соседних домов было рекомендовано не выходить на улицу и не открывать окон. Блага видел своих противников — они стояли с оружием в руках у стен, прятались в оконных нишах. Пока что он был вне их поля зрения здесь, в глубине темного подъезда, под изгибом старой лестницы. Он слышал, как Житный негромким голосом отдавал последние приказания:

— Не стрелять, пока он сам не начнет. Целиться по погам, мы должны взять его живым. Действовать спокойно, без паники. Мне нужны три добровольца, которые пойдут со мной. Остальные под командой надпоручика Земана будут нас прикрывать...

Три молодых парня в форме КНБ вышли из укрытий и подошли к Житному, стоявшему посреди узкой и тихой мало-странской улочки. Житный вытащил пистолет и сказал:

— Ну что ж, идем!

В эту минуту Блага насмешливо прокричал из темного подъезда:

— Осторожнее, ребята! Лучше уйдите с моей дороги. Я всегда был неплохим стрелком...

Услышав этот хриплый голос, капитан Житный и трое добровольцев отскочили к стене дома. Им было ясно: если Блага находится в подъезде, то они на освещенной солнцем улице служат для него хорошей мишенью, в то время как сам он скрыт от их глаз и стрелять они могут только на звук.

Блага засмеялся. Ага, они боятся его, бегут от него, как зайцы! Однако он не строил никаких иллюзий и понимал, что ему вряд ли удастся прорваться через такой плотный заслон. Их было чересчур много. Это он точно знал. Однако он не боялся, потому что чувствовал в себе звериную силу. Мысль о смерти, о небытии была для него сейчас просто абсурдной. Во время войны он однажды летел над Северным морем в горящем «либерейторе» — и остался жив. Приземлялся с разбитым шасси — и выжил. Попадал под перекрестный зенитный огонь над Берлином — и остался цел. В сорок восьмом году висел в воздухе, держась за дверцу летевшего самолета и являясь при этом хорошей мишенью для стрелявших снизу — и жив. Почему сегодня должно получиться иначе? Наверняка ему придется нелегко, но если что-нибудь придумать... Однако ничего оригинального в такой обстановке ему в голову не пришло, и он остановился на следующем: постараться сразу застрелить кого-нибудь из них, вызвав тем самым их замешательство хоть на несколько секунд. Одни бросятся оказывать помощь, другие из боязни быть убитыми не решатся покинуть свои укрытия. Этих нескольких секунд ему хватит, чтобы перебежать улочку и вырваться из западни. А там будет видно.

Откуда-то сверху послышался казавшийся громовым и неестественным в этой тиши голос, усиленный мегафоном:

— Павел Блага, сдавайтесь! Бросьте оружие и выходите! Всякое сопротивление бесполезно! Вы окружены! Павел Блага, сдавайтесь!..

Он хрипло засмеялся и крикнул:

— Хорошо! Я сдамся, но только тому, кого знаю... Я хочу сдаться надпоручику Земану.

Наступила тишина.

Блага продолжал смеяться и кричать:

— Да вы не бойтесь! Я выйду, как только выйдет он. Вы будете держать меня на мушке. Я буду доволен, что сдаюсь не какому-нибудь хлюпику, а храброму мужчине.

Этот ироничный, самоуверенный голос, доносившийся из темноты подъезда, нервировал Земана. Надпоручик мечтал об одном — чтобы Блага, который так долго ускользал от них, наконец перестал быть только голосом, чтобы он снова предстал перед ними в виде конкретного человека, в глазах которого можно прочесть животный страх, трусость, тревогу и которого можно арестовать. Земан обменялся взглядом с Житным и, получив молчаливое согласие, вышел на середину улицы. Он знал, что ему грозит опасность, но не боялся, потому что его надежно прикрывали товарищи да и сам он был неплохим стрелком, не хуже Благги.

— Я здесь, Павел Блага! — громко сказал Земан.

— И я здесь! — Блага хрипло засмеялся. — Хорошенько посмотри на меня, Земан.

Он вышел из подъезда медленной, раскачивающейся походкой. Его глаза были полны холодной иронии, одна рука понаполеоновски засунута за лацкан расстегнутого пиджака. Нет, это был серьезный противник, при упоминании о таких у молодых сотрудников КНБ захватывает дух, а у стариков от волнения начинают трястись руки. Взять такого — значит стать героем на многие годы.

— Хорошенько посмотри на меня, — повторил Блага, — потому что другой такой возможности у тебя может и не быть.

Он говорил уверенно и безбоязненно, зная, что сотрудники безопасности не начнут по нему стрелять до тех пор, пока не выстрелит он.

Но и Земан не испугался грозного предупреждения противника. Не спуская с Благги глаз, он медленно шел ему навстречу.

— Не делай глупостей, Блага. Где твое оружие? Отдай его мне! — Из практики Земан знал, что спокойный тон наиболее эффективен в подобных случаях, что только решительность и уверенность могут заставить сдаться хитрого и отчаянно дерзкого противника.

Однако Блага не выказывал признаков смятения.

— Ты не знаешь, где оно у меня? — с усмешкой проговорил он. — Здесь, под мышкой, рядом с сердцем. Сердце согревает его и даже дает ему энергию, жизненную силу, волю и разум...

Его неожиданно тихий голос был настолько зловещим, что Земан остановился и крепче сжал пистолет. У него не оставалось никакого сомнения: Блага не сдастся и будет стрелять.

И в эту минуту в эту тихую малостранскую улочку вошла Лида. Увидев своего мужа стоящим напротив какого-то чело-

века, она удивилась и тут же, заметив сотрудников КНБ, страшно испугалась.

Разве мог Земан представить себе, что так будет? Сердце его сжалось от предчувствия чего-то страшного, непоправимого. Не помня себя от страха, он закричал:

— Лида! Беги отсюда, Лида!.. Ради бога!..

Но было уже поздно. Лида не хотела бежать. Не понимая в деталях суть происходящего, она интуитивно поняла, что ее мужу грозит опасность, и бросилась вперед с мыслью защитить его или погибнуть вместе с ним. Все произошло в доли секунды. Напуганный неожиданным поворотом событий, Блага молниеносно выхватил пистолет и выстрелил.

12

Тот вечер не навевал Арнольду Хэклу розовых снов. Телефонный звонок Благи предупредил его о грозящей опасности и заставил быть начеку. А когда рано утром Ганка сообщила ему, что к ней приходили из КНБ и она ненароком, очевидно, выдала возможное местопребывание Благи, Хэкл понял, что его «сладкой жизни» в Праге пришел конец.

Он в последний раз ехал по этой прекрасной стране в сторону западной границы, выжимая из своего «мерседеса» максимальную скорость. Для него не было секретом: теперь на карту поставлена его свобода, а может быть, и жизнь. И тем не менее в его сознании еще оставалось место для грусти от расставания с этой полюбившейся ему страной и одновременно, как ни странно, и радости. А причина этой тихой радости заключалась в Ганке Бизовой, которая сидела рядом с ним.

Торопливо упаковывая утром чемоданы, Хэкл как-то вдруг болезненно осознал, что она была главным, что связывало его с Прагой. За свою долгую жизнь он сменил десятки женщин, они обожали его, потому что считали Хэкла интересным, романтичным, мужественным человеком, аристократом. Он покорял их легко и с каким-то особым шармом и с таким же шармом и аристократизмом покидал их.

С Ганкой все было иначе. Сначала, после знакомства с ней на одной из демонстраций мод, Арнольд Хэкл относился к ней так же, как и к другим красивым женщинам, которых встречал в своей жизни, то есть не строил никаких серьезных планов в отношении нее. Она же постепенно втянула его в свою игру, крепко обмотала паутиной своего гибкого ума, очарования, иронии, своей фантастической изменчивости. Используя это последнее качество, она сумела создать у него впечатление, что является непостижимой, бесподобной. Эта женщина была изменчива, как апрельское небо: то она была агрессивной, чувственной, то неожиданно превращалась в сдержанную, целомудренную и неприступную, что приводило его в отчая-

ние. Постепенно он оставил из-за нее всех других женщин, делал ей дорогие подарки. Он даже дошел до того, что не мог начать новый день, не позвонив ей и не услышав ее голоса. По опыту своих коллег он знал, что это до добра не доводит, и тем не менее каждый день снова и снова, точно пьяный, брал телефонную трубку и взволнованным голосом говорил: «Это я, дорогая... У тебя найдется для меня сегодня время?»

И вот теперь Ганка ехала с ним. Она почти не колебалась, когда он предложил ей отправиться вместе с ним, потому что очень хотела попасть в тот большой, благоустроенный мир, к которому, по ее мнению, она имела право принадлежать, если учесть ее общественный уровень, элегантность, исключительную красоту. Хэкл знал, что Ганка будет украшением любого модного салона на Западе, в то время как здесь она незаслуженно терялась среди обычных, со средним достатком, людишек. Теперь он боялся одного: вдруг они не проедут. Паспорта у него и у Ганки были в порядке — через две недели Ганке предстояло ехать на франкфуртский осенний показ мод, поэтому выездная виза в ее паспорте уже стояла. Но, размышляя Хэкл, никакие паспорта им не помогут, если Блага уже арестовали. За Пльзенем, по мере того как они приближались к западной границе Чехословакии, Хэкл становился все перевознее. За себя он не боялся, он боялся за Ганку. Он знал, что его все равно отпустят через некоторое время или обменяют на своего разведчика, попавшегося, в свою очередь, на Западе, но вот потерять ее... Эта мысль наполняла его отчаянием, мешала рассуждать так же четко, как и прежде. Хэкл был гораздо более умный и потому более опасный противник, чем Блага. При необходимости он тоже мог убивать, но делал это куда элегантнее своего коллеги. Однако присутствие Ганки, ее волнующий аромат, ее покорность, с которой она доверялась ему, вводили его в смятение, заставляли пальцы нервно плясать на баранке и вызывали хаос в голове, в то время как ему нужны были спокойствие и сосредоточенность.

Может быть, поэтому, когда они подъехали к первому пограничному контролю, он совершил нечто совершенно непонятное. Молодой пограничник, несший здесь службу, увидел его «мерседес» в последнюю минуту. Машина на полной скорости мчалась к контрольно-пропускному пункту, но пограничник за свою недолгую службу уже не раз видел таких лихачей, которые резко тормозят в последний момент, и потому не обратил на нее особого внимания. Он спокойно поднял жезл и остановился на пути «мерседеса». Однако водитель, вместо того чтобы затормозить, ехал прямо на него, и пограничник был бы непременно сбит, если бы вовремя не отскочил. Однако у парня были крепкие нервы. Он быстро упал на землю и начал стрелять. Тем самым он поднял тревогу. Из домиков, стоящих вдоль шоссе, выскочили другие пограничники и тоже открыли огонь по удалявшемуся автомобилю. Вокруг ав-

томобилия Хэкла вздымались гейзеры пыли от пуль, он бросал машину то влево, то вправо, устроив на шоссе дикий танец. И вот наконец последний поворот... Хэкл засиял от радости. Металлический шлагбаум был открыт, под ним как раз проезжали грузовые автомобили. Рядом находился деревянный шлагбаум, но он был закрыт. На большой скорости Хэкл рискованно промчался всего в нескольких сантиметрах от ровно гудящих гигантов и направил машину на деревянный шлагбаум. Раздался треск, деревянный брус переломился. «Мерседес», основательно разбитый, проехал несколько спасительных для него метров и перевернулся в кювет.

Ко всеобщему удивлению, из него выскочили живыми и невредимыми два человека. Это были Арнольд Хэкл и Ганка Бизова. Они бросились бежать навстречу западногерманским пограничникам. В этот момент на чехословацкой стороне из укрытия вышел надпоручик Градец и пожал руку командиру пограничной части:

— Спасибо, товарищ капитан, вам и всем вашим ребятам, все было сделано на высшем уровне. Получилось эффективно, а главное — без жертв.

Они улыбнулись друг другу и перевели взгляд на тех двоих, которые шли навстречу «великой западной свободе»...

А в это время Лида Земанова умирала на мостовой Цисаржской улицы. Какой же старой, чужой, холодной показалась Земану брусчатка красивой малостранской улочки, когда он тщетно пытался вернуть к жизни дорогого ему человека! Он стоял на коленях рядом с Лидой, держа в руках ее голову, бескровными губами целовал ее, просил, умолял:

— Лида, очнись! Милая моя, приди в себя! Как же это так, Лида! — В беспомощном отчаянии он крикнул подбежавшим к нему коллегам: — «Скорую», ребята!.. Прошу вас, быстрее «скорую»!..

И тут Лида неожиданно открыла глаза и едва слышно прошептала:

— Прости меня, Ян...

Земан не знал, что это были ее последние слова. Потом все будет как во сне: бешеная езда по Праге, бесконечные минуты ожидания у дверей операционной, бледный, не находящий себе места Калина, снова и снова повторявший: «Зачем она туда полезла, глупая? Зачем полезла в эту мельницу?» И наконец, страшные, невероятные слова хирурга: «Отвезите его домой. Ничего сделать не удалось. Она мертва».

А пока что, используя создавшееся положение, Блага рванулся по улице в сторону площади. Возможно, в этой суматохе ему удалось бы скрыться, если бы не капитан Житный. Он выхватил автомат у одного из молодых бойцов КНБ, спокойно прицелился и послал вдогонку бегущему очередь,

И тут Блага, к своему удивлению, почувствовал, как его спину точно раскаленные иголки прошили, ноги стали ватными, а мотор, который всегда надежно работал в его крепком, мускулистом теле, начал давать перебои... Силы быстро покидали его, он бежал все медленнее и медленнее, чувствуя, что сырая земля притягивает его сильнее, чем небо и осеннее солнце...

«БЕЛЫЕ ЛИНИИ»

1

Шел 1961 год...

В зале с огромной светящейся картой мира и с разноцветными огоньками и сигналами, словно таинственный волшебник, колдовал один человек — начальник смены радиоразведки поручик Лойза Бартик.

Да-да, это был тот самый Лойза Бартик, бывший когда-то тщедушным очкариком в мешковатой военной форме, который пережил вместе с Яном Земаном драматические дни февраля сорок восьмого года. Они встретились спустя несколько лет в Праге, и Земан с радостью обнаружил, что Лойза в КНБ достиг того, о чем всегда мечтал: после окончания курсов и специального обучения стал радистом. Сначала Лойза работал на радиопеленгаторной станции. Обладая талантом и питая страстную любовь к своей профессии, он стал одним из наиболее опытных специалистов радиоразведки. Встреча старых приятелей оказалась весьма кстати. Земан после трагической гибели жены чувствовал себя одиноким. Несмотря на то что он жил вместе с матерью и маленькой Лидушкой, которую боготворил, Земан проводил все свое время на работе, боясь своего дома и людей, которые знали Лиду, поскольку малейшее воспоминание о ней вызывало в нем почти физическую боль. Благодаря своему рвению и настойчивости в работе в сочетании с талантом криминалиста он достиг превосходных результатов в расследовании целого ряда сложных преступлений. Несмотря на свою относительную молодость, Земан стал капитаном и вероятным преемником начальника пражского уголовного розыска майора Павласека, собиравшегося уходить на пенсию.

Встреча с Лойзой Бартиком обрадовала Земана. Он нашел наконец товарища для своих одиноких вечеров. Правда, Бартик Лиду не знал, поэтому они вспоминали о совместной службе в пограничной зоне, о старом поручике Выдре, о романтических днях молодости.

Спустя некоторое время Бартик рассказал о Бланке Мутловой. Это внесло радикальные изменения в жизнь Земана. После планицкой трагедии Земан потерял ее из виду, знал

только, что в Планице после смерти Карела она не смогла жить и уехала в неизвестном направлении... Лойза Бартик сказал Земану, что Бланка живет недалеко от Праги в районе Кладно, работает заведующей общежитием для рабочих, одинока, что она была бы рада снова повидать Земана. Тогда Ян отправился к ней, ведь они были связаны не только старой дружбой, но и одинаковой трагической судьбой.

Им было хорошо вместе. Они понимали друг друга, им не зачем было притворяться, обманывать самих себя, и, наверное, именно поэтому их общение носило практический характер, без излишней страсти и громких, патетических слов. Четыре года спустя после гибели Лиды они поженились. Она была совсем иной по сравнению с Лидой, решительная, твердая, самостоятельная во взглядах, целеустремленная, в супружеских отношениях скорее пропичная, деловая, нежели лирически изнеженная, скорее большой друг, чем хорошая любовница, словом надежная опора на всю жизнь. Именно такая женщина сейчас была нужна Земану. Она принесла ему покой и уравновешенность, избавила его от раздумий, вечной раздражительности и нервозности, снова научила его смеяться, и постепенно Земан опять превратился в того оптимиста, каким был когда-то.

За все это Земан был благодарен Бартику, поэтому, когда бы Лойза ни позвонил, Земан всегда находил для него время.

Сегодня Земан после службы приехал на его строго засекреченное место работы, так как Лойза получил от своего начальства разрешение показать Земану центр радиоразведки. Он с гордостью вел капитана по этой таинственной для непосвященного алхимической кухне, наполненной проводами, электронными лампами, транзисторами, печатными схемами, электричеством, шумом, писканием, и был счастлив, когда видел, как Земан удивляется чудесам техники.

— А помнишь, как Блага когда-то хотел выбросить мой, как он говорил, «радиохлам» из караулки под предлогом, что хранить его там не положено? — смеялся Бартик.

— Ну, теперь «радиохлам» входит в круг твоих служебных обязанностей. Ты своего добился, Лойза.

— А ты что, не добился? Я слышал, что после Павласека принимаешь под начало пражский уголовный розыск. Это так?

Земан только махнул рукой:

— Разговоры! Пока что еду вместо него в Берлин на симпозиум криминалистов.

— Видишь, ты едешь в Берлин, а мне нельзя, — с веселой гордостью сказал Бартик. — Знаешь, что это за приборы? У меня здесь вся Германия, ГДР и Западная, оба Берлина со всеми их сложными проблемами, Москва, Варшава, Париж, Лондон, Рим, Нью-Йорк — короче, весь мир. Как нервы сбе-

гаются ко мне сюда горячие линии, сообщения телетайпов и радиосигналы, здесь я чувствую напряженность всей планеты...

— Ты всегда был больше поэт, чем полицейский, Лойзик, — засмеялся Земан.

В этот момент Бартика позвала одна из радисток:

— Товарищ поручик! Позывные шифра «Стардуст»... Отозвался...

Бартик тут же забыл о Земане и бросился к радистке.

Земан покидал центр в одиночестве, с улыбкой думая: «Эти технари вроде Лойзика все слегка тронутые... Но это прекрасно!»

Начальник одного из управлений государственной безопасности полковник Калина и его заместитель майор Житный были по-настоящему взволнованы радиограммой, которую им принес поручик Бартик.

— Итак, еще раз, товарищ поручик, — строго проговорил Калина. — Вы правильно прочитали шифровку?

— Были сильные помехи, временами сигнал пропадал, но за то, что мы поймали, ручаюсь... Вот что получилось из обрывков... — И он прочитал: — «Стардуст»... требует безотлагательно личной встречи... в условленное время... и в условленном месте... по делу «Белые линии».

Житный нетерпеливо вставил:

— Опять «Белые линии»... Подобные сообщения мы получили от наших людей из Брюсселя, Женевы, Бонна и Нью-Йорка...

— Но до сих пор нам неизвестно, что за этим скрывается, — сказал с заметным беспокойством и раздражением Калина. — Мы знаем только пароль. Противник готовит какой-то новый удар, а мы лишь беспомощно топчемся вокруг да около и ждем, откуда этот удар последует. Почему мы до сих пор не знаем, что означает акция «Белые линии»?

— Возможно, именно тут ключ к разгадке, — сказал Житный и взял у Бартика радиограмму.

— Или ловушка. «Стардуст» до сих пор вел себя весьма осторожно. Принципиально уклонялся от личных контактов, поддерживал с нами связь только по радио и посредством тайников. Поэтому я скептически отношусь к этой радиограмме. Что, если «Стардуста» раскрыли? Тогда это пахнет западней. Я пошлю туда парня на верную смерть. Кто возьмет на свою совесть такое?

Житный хорошо знал Калину, прекрасно понимал его отеческую заботу и тем не менее тихо, но настойчиво произнес:

— И все же нам придется рискнуть, товарищ полковник!

— Это я и сам знаю! — отрезал Калина. — Только кого выбрать, посоветуй. Кого мне сейчас вызвать и передать без проверки рискованную путевку на «случайную» автомобильную

аварию, шальную пулю в голову или «случайную потасовку» с ножом в почках? Кого?

Полковник был раздражен и срывался на крик. Однако Житный знал, что причина не в служебном положении полковника и не в его беспомощности. Он уже наверняка имел какое-то решение и этим криком лишь утверждался в своей правоте. Калину отличали чутье прирожденного разведчика и исключительная логика. Однако он неохотно посылал своих людей на рискованные дела. В этом случае ему требовалось покричать, поспорить с Житным, чтобы наконец поступить так, как решил сделать сам. И поскольку оба располагали аналогичной информацией, великолепно понимали друг друга и рассуждали в одном ключе, Житный первым взял решающее слово:

— У нас на той стороне Ирка Градец. Возвращается он домой завтра самолетом из Копенгагена через Берлин. Свое задание он уже выполнил, ну и с таким поручением, думаю, справится, это опытный разведчик. По известным причинам, это задание представляет для него интерес...

Калина невольно улыбнулся: удивительно, как точно этот Житный угадал его намерения.

— Ирка — хорошая кандидатура, майор. Но все дело в том, каким образом сообщить ему об этом в Берлине. По телетайпу? По радио? Шифровкой? Когда речь идет о человеческой жизни, я не доверяю ничему!

И здесь Лойза Бартик, молча внимавший диалогу двух опытных разведчиков, осмелился вмешаться.

— Если разрешите, товарищ полковник, — робко выдавил он из себя, — я мог бы предложить вам быструю и надежную связь...

2

Экспресс Прага — Берлин, миновав последний чешский город Дечин, со скоростью сто километров в час мчался по волнистым равнинам Саксонии к столице Германской Демократической Республики.

Капитан Ян Земан сидел в вагоне-ресторане за чашкой кофе и в последний раз бегло проверял текст своего выступления на конференции криминалистов социалистических стран. Сейчас он испытывал особое чувство. Ведь после 1945 года Земан, собственно, впервые попал за границу. К тому же ехал он по тем самым местам, по которым тогда, в разгар цветущей весны, возвращался к новой жизни. Как здесь все будет? Что изменилось? Какими он найдет людей? Поймут ли они друг друга? Ни однообразный, еще по-весеннему серый пейзаж за окнами поезда, ни редкие посетители вагона-ресторана пока еще ни о чем ему не говорили. Земану было как-

то не по себе от одиночества в этом иноязычном окружении. Поэтому он с радостью подумал о поручении полковника Калины. Суть этого сверхсекретного задания он до конца не понимал и даже не пытался понять. Ясно одно — в конце этого задания в Берлине он увидит близкого человека.

Земан с нетерпением ждал встречи с капитаном Градецем. Они были знакомы еще с сорок седьмого года, когда Земан служил в небольшом пограничном городке, а Ирка работал там водителем машины «скорой помощи» в местном медицинском пункте. Тогда Яну приходилось часто его наказывать и штрафовать за лихачество и игнорирование дорожных знаков. Однажды, когда штрафов, наложенных Земаном, набралось великое множество, в силу чего, как говорил Ирка, они начали съедать его месячную зарплату полностью, он решил отомстить полицейскому Земану за обиду страшным способом — поступил в Корпус национальной безопасности. С той поры из ярых противников они превратились в друзей. Иркина страсть к романтике нашла применение. Его крепкие нервы, смелость и любовь к риску служили теперь доброму делу. Это был товарищ, на которого можно было положиться в любой ситуации. Но судьба Градца сложилась иначе, чем у Земана. Он стал сотрудником государственной безопасности и боролся в едином строю с Земаном, но на несколько ином фронте. Ирка имел выдающиеся языковые способности и вечно куда-то бегущие ноги, в которых, как только наступала весна и от шоссе начинало веять теплом и манящими далями, возникал зуд. Вам, должно быть, знакома эта водительская страсть ехать далеко-далеко, куда глаза глядят. И вот однажды Ирка исчез из поля зрения Земана, уехав куда-то за рубеж, на выполнение специального задания. Теперь им предстояло встретиться снова, и Земан улыбнулся про себя, представив, как удивится Градец, когда Гонза внезапно хлопнет его по спине и гаркнет: «Так что, парень, уже научился ездить на зеленый?»

В этот момент чей-то бодрый, с оттенком фамильярности, голос прервал мысли Земана:

— У вас свободно, уважаемый герр?

Земан был не в восторге, но что оставалось делать? Он поднял глаза на новых соседей, кивнул:

— Пожалуйста.

— А-а-а, пан — чех? Отлично!

Мужчины, севшие к столику Земана, были, по-видимому, соседями по купе. Обратившийся к нему пассажир был элегантным, грузноватым мужчиной лет пятидесяти, в клетчатом пиджаке, в модном галстуке и с потрепанным лицом светского человека. Другой, помоложе, казался более скромным, сдержанным как в одежде, так и в поведении.

Франт опять загудел на весь вагон-ресторан:

— Герр официант, нам по две порции водки и пива... Только настоящего пльзенского! — И тотчас же тоном бывалого

человека добавил: — Все равно принесет «Радебергер», прохвост... Не знаю, чем это вызвано, но мне всегда после проверки паспортов и таможенного досмотра хочется принять стопку водки, чтобы успокоить нервы.

Земан, поняв, что с его дальнейшей работой над материалом ничего не получится, неторопливо собрал бумаги и положил их в портфель.

Второй пассажир, помоложе, сдержанно добавил:

— Эти парни с досмотром действительно немного перегибают.

— Что?! Немного? Ну и ну! — бушевал франт. — Начитаются в караулке детективов и видят в каждом человеке контрабандиста или шпиона. Я вам так скажу, я езжу часто, но никак к этому не могу привыкнуть. Вот где они у меня! — Он обратился к Земану: — А вы как думаете?

Земану не понравился этот разговор, поэтому вместо ответа он сухо спросил:

— Как часто?

Франт удивился:

— Что?

— Выезжаете за границу...

— Дважды в месяц, мой дорогой. И всегда Прага — Берлин, Берлин — Прага. Я на этой железной дороге знаю каждый поворот, каждую неровность. Я вам так скажу, хлопотное это дело. — Он представился: — Доктор Салаба. Из «Текстиланы». Коммивояжер.

Другой мужчина последовал его примеру:

— Иво Голан. Редактор.

А Земану ничего не оставалось, как назвать себя.

— Тоже по торговой части? — поинтересовался Салаба.

— Нет. На конференцию.

— Держите меня! — загоготал Салаба. — Мы уже вывозим людей на конференции! Когда-нибудь мы из-за этих вечных собраний, советов и совещаний найдем свою погибель, панове, я вам гарантирую.

— Вам это не грозит, пан доктор, — заметил Земан. — Вы, как я заметил, на здоровье не жалуетесь.

Салаба, не поняв его иронии, продолжал балагурить:

— Что есть, то есть. А знаете почему? — Он наклонился к Земану и доверительно предложил: — Не желаете ли тоже немножко укрепить здоровье? Я бы вас в Берлине куда-нибудь сводил.

Второй пассажир несмело спросил:

— Вы хорошо знаете Берлин, пан Салаба?

— Восток и Запад, здесь и там — как свои пять пальцев... Но в том, другом, есть несколько ресторанчиков с такими хорошенькими бабенками, что вы об этой конференции до самой смерти не забудете, коллега. Честное слово, туда следует заглянуть!

Земана это начинало забавлять. «Боже мой, как люди в поездках болтливы, — подумал он. — Болтают что попало, не представляя, с кем имеют дело». Однако вслух, как бы мимоходом, спросил:

— На каком предприятии, вы говорили, работаете?

— «Текстилана Либерец». Вообще-то я должен ездить в Либерец, однако мотаюсь до самого Берлина.

— Как это «вообще»? Мне непонятно, — вмешался в их разговор Голан.

Салаба закурил сигарету, поудобнее развалился на сиденье и подробно разъяснил:

— Да, мой милый, в этой неразберихе не так-то легко понять, что к чему. А дело обстоит так: в Либерце с незапамятных времен существовала известная текстильная фабрика «Бейвал и Гадек». В сорок восьмом мы у них фабрику конфисковали, а сам Гадек драпанул за границу, в Англию. В Ирландии он основал такую же фирму, как дома, но под названием «Бенсон и Бенсон», потому что «Бейвал и Гадек» там не звучало бы. Теперь я езжу продавать его бывшие высококачественные либерецкие ткани его же людям в Берлине, они на них вешают английский ярлык и продают нам частично за доллары. В валютном магазине такие ткани идут нарасхват. Валюты за это можно столько получить... — Он с превосходством взглянул на Земана, чтобы убедиться, что произвел впечатление своим опытом в области внешней торговли. — Ну, как, хорошо?

Земан саркастически заметил:

— Дальше некуда!

Салаба был так поглощен самим собой, что вовсе не заметил иронии в тоне Земана.

— Это одна из тех фирм, которую вам, панове, следовало бы увидеть в Западном Берлине, — продолжал он. — Этот Гадек зарабатывает фантастические деньги. Он придумал такую штуку, какую способен выдумать только чех. Во всех магазинах манекенщицы демонстрируют ткани, одеваясь в одежду из них. В берлинском филиале фирмы Гадека манекенщицы, наоборот, одежду снимают с себя. И видели бы вы, сколько туда набивается народу и как расхватывают эти ткани! Такое надо видеть, панове! Если пожелаете, я возьму вас с собой.

Предложение Салабы, видимо, заинтересовало Голана, и он с искренним сожалением проговорил:

— Я аккредитован только в ГДР, пан Салаба, к моему огромному сожалению. Для посещения Западного Берлина вкладыш мне не дали.

Салаба махнул рукой, давая понять, что это сущий пустяк.

— А зачем вам вкладыш, пан редактор? Перейдете на другую сторону улицы или сядете в метро — и вы на Западе.

Уверяю, вас никто даже не заметит. Было бы глупо не побывать там, коль скоро вы уже будете в Берлине. Между прочим, это имеет отношение к вашей журналистской профессии... Чтобы вы могли у нас убедительно рассказывать, как поживает этот загнивающий Запад, надо его сначала самому немного попробовать, не так ли? — Он опрокинул рюмку водки и запил пивом. — Вот видите, я же говорил, — заметил он беззлобно, — «Радебергер», а не пльзенское. Он скорее полицейский, нежели официант, они везде одинаковы. Да, чуть не забыл! Сейчас ходит много хороших анекдотов о полицейских, вы не слышали? А про наших работников КНБ не знаете?

Здесь Земан уже не выдержал и довольно резко ответил: — Нет. Меня больше интересуют истории про коммивояжеров!

Жизнерадостный пан Салаба, однако, не обиделся и весело воскликнул:

— Тоже недурно! Послушайте, а вы, оказывается, большой шутник! Давайте начинайте!..

3

Компания попутчиков прибыла в Берлин. Выйдя на перрон в огромном зале Восточного вокзала, они моментально забыли друг о друге, занятые своими делами и заботами о багаже. Интересно, что всякий раз такая, завязавшаяся в поезде дружба, очень сердечная, откровенная и искренняя, скрепленная обещаниями встретиться вновь и вместе повеселиться, прекращается в тот момент, когда локомотив допыхтит свою песенку. Не помню случая, чтобы тесный союз, объединяющий двух или больше людей на час-два одной целью или одним купе, просуществовал на секунду больше, чем этот последний гудок локомотива. Иногда даже на поспешное прощание не хватает времени.

Пан Салаба, однако, был другим типом человека, поэтому, вероятно, его хватило на целую, поспешно произнесенную фразу:

— Если вам будет что-либо нужно из текстиля для дамы к рождеству, не забудьте: доктор Салаба, «Текстилана».

Земан заверил его, многозначительно пошутив:

— Не забуду. Будьте спокойны.

И они расстались.

Земан вышел на улицу из здания вокзала и сразу ощутил некоторую стесненность и неуверенность от раздававшейся вокруг него чужой речи и потоков незнакомых людей, спешащих на работу и по другим делам, как и в Праге. Он проходил мимо палаток с вывеской «Митрона», в которых было все, начиная с конфет и кончая коньяком. Земан был сбит

с толку пока еще для него загадочными указателями «К городской дороге», «К метро», «К Александерплац», а также обширными пространствами этой столицы, так не похожими на узкие уютные улочки, перекрестки и маленькие площади Праги.

Немного нервничая, он прошел вдоль стоящих в ряд такси, пока не обнаружил номер, который ему в Праге сообщил Калина. Земан наклонился к шоферу старого «мерседеса», на вид вполне заурядному, неприметному мужчине средних лет, в кожаной куртке и приплюснутой, слегка потертой фуражке, и произнес условленную фразу:

— Я почему-то уверен, что вы свободны...

— Вы абсолютно правы. Пожалуйста, садитесь, — спокойно ответил шофер с профессиональной безучастностью и направил машину в сторону широких берлинских бульваров, заполненных автомашинами и людьми, возвращавшимися с работы. Это был несколько необычный город, и постепенно Земан понял, в чем дело: его исторические здания и старые жилые дома, мрачноватые из-за красного и черного цвета кирпича и штукатурки, казались зажатыми и затерянными среди современных построек, а улицы были столь широки, что от них словно веяло холодом. Казалось, этот простор мешает людям стать ближе друг к другу. Город по-прежнему разделен, стоит только перейти улицу — и, как говорил этот болтун Салаба в поезде, вы уже на Западе. Кстати, Земан даже не знает, куда шофер везет его, ведь он не сказал, куда ехать. Что, если он попал в ловушку и угодит на ту сторону? Земану стало не по себе от этих мыслей, и он решил уточнить:

— Пожалуйста, отель «Адлерсдорф»!

Мужчина в кожаной куртке обернулся и с улыбкой сказал по-чешски:

— Я знаю, товарищ капитан. Только я отвезу вас сначала туда, где вы будете иметь возможность спокойно и в безопасности поговорить со своим другом.

Квартира, куда Земана привез шофер, находилась на самом верхнем этаже современного дома-башни, неподалеку от Александерплац. Капитан Градец, ожидая Земана, снял пиджак, уселся в мягкое кожаное кресло и рылся в куче журналов. Они крепко обнялись с Земаном, по-мужски тронутые встречей, тем не менее Земан сразу почувствовал, что мужчина, обнявший его, уже давно не тот простодушный Ирка Градец, с которым можно было, хлопнув его по спине, поговорить о всяких глупостях. И дело было не только в том, что одет Градец был в модный элегантный костюм из немнущейся ткани, что держался Ирка уверенно и естественно, но прежде всего в том, что взгляд его стал иным. Теперь в нем появилась серьезность. Чувствовалось, что на долю этого человека выпала судьба, полная огромного напряжения и риска. Земан вдруг почувствовал себя неотесанным деревенским парнем. Ему по-

казалось, что Градец во всем его превосходит. Наверное, поэтому Земан отчужденно проговорил:

— Я думал, что ты будешь сидеть в машине на вокзале...

Градец усмехнулся и покачал головой:

— Это исключено, Гонза!

Земана смутила эта снисходительная усмешка.

— Извини, но я подумал, если мы находимся на территории ГДР...

— Здесь прежде всего Берлин, Гонза, — посерьезнел Градец. — А это не одно и то же. Это все еще прифронтовой город, к тому же расположенный в самом центре «холодной войны». Скоро все узнаешь сам. Здесь горячо везде...

В этот момент двери открылись, появился уже знакомый нам таксист в кожаной куртке. На небольшом подносе он принес две чашки чая, три рюмки и бутылку вина.

— Я вам вскипятит чай, — сказал он, ставя поднос на журнальный столик. — Кофе у нас в Берлине ужасный.

— Я еще в машине хотел вас спросить, — сказал Земан, помогая расставить рюмки и чашки на столике, — где вы научились так хорошо говорить по-чешски?

— Майор Вильде, мой старый берлинский друг, — представил «таксиста» Градец.

Земан уже не удивлялся ничему, так как, начиная с момента приезда в Берлин, все было в одинаковой степени необычно и таинственно. Майор Вильде налил всем вина, затем встал и поднял рюмку:

— Ну так что? Выпьем за счастливую встречу?..

Когда снова все сели, Вильде спросил:

— Что же передает Ирке наш старый добрый полковник Калина?

Земан оторопел:

— Вы в курсе дела?

Вильде вытянулся в своем кресле:

— Он мне звонил по нашей линии полчаса назад и спрашивал, благополучно ли вы доехали. Должно быть, поручение у вас интересное, если полковник не доверил это дело ни телетайпу, ни шифровке.

Земан вопросительно посмотрел на Градца, но тот его успокоил:

— Можешь говорить открыто, Гонза. Товарищ Вильде давно со мной сотрудничает.

Земан, несмотря на заверения Градца, некоторое время молчал, а потом сказал:

— Поручение звучит довольно комично. Калина даже рассмеялся, когда мне его давал. Так вот, у тебя должно состояться свидание в любой день, начиная с сегодняшнего дня, через час после того, как зажгут уличные фонари, на станции метро «Корренштрассе» в Западном Берлине. Ты должен при

этом насвистывать мелодию «Стардуста», или «Звездной пыли», если еще сумеешь. Речь якобы идет о «Белых линиях».

Градец, внимательно слушавший его, нетерпеливо спросил:

— С кем я должен встретиться?

Земан только пожал плечами:

— Не знаю. Он не сказал. Но предупредил, что ты будешь удивлен, поэтому должен быть очень осторожным!

Градец вскочил и стал надевать пиджак.

— Иду немедленно!

Вильде моментально принял решение:

— Будем тебя прикрывать! Я беру это на себя!

Градец, однако, отверг помощь:

— Нет, нет... не нужно. Можно что-нибудь испортить. Я пойду один.

Земан попытался пошутить:

— Какая же это будет встреча, если мы его будем подмазывать?

Однако Вильде и Градец не восприняли юмора. Вильде, очевидно задетый отказом Градеца, сказал:

— Без подмазки... это может стать последней встречей в его жизни!

Поезд берлинского метро с грохотом въехал на безлюдную, грязную и холодную станцию. Среди немногих вышедших пассажиров был Ирка Градец. Быстро, как бы брезгуя этим неприветливым местом, люди разошлись. Градец остался один.

Он поднял воротник плаща, засунул руки в карманы и, насвистывая, стал слоняться по перрону, как бы поджидая следующего поезда. Однако, если бы кто-нибудь в этот момент заглянул ему в лицо, он, может быть, увидел бы, что за этой беспечной маской скрывается напряжение и беспокойство. Мимо Градеца прошел какой-то служащий подземки, потом пьяный. Но никто из них на мелодию не среагировал.

И вдруг Градец увидел в одной из ниш в стене какую-то женщину, скрытую информационными щитами журнала «Квик». Она будто бы изучала расписание поездов, вывешенное на стенде, и тихонько насвистывала ту же мелодию, что и он. Градец, как бы заигрывая, осторожно приблизился к ней. Когда он поравнялся с ней, она оглянулась. Он не удержался от приглушенного возгласа удивления:

— Боже мой, Ганка!

Перед ним стояла бывшая манекенщица пражского предприятия «Элегант» Ганка Бизова, в таком же, как и он напряжении. Она холодно процедила:

— Не будьте сентиментальны и идите за мной. Посмотрите, не следит ли кто за нами! — И, не обращая больше на него внимания, Бизова начала быстро подниматься по ступеням куда-то в темноту улиц западноберлинского предместья.

Торшер освещал уютный уголок возле камина и небольшого домашнего бара в роскошной берлинской квартире Хэкла. Остальное пространство гостиной было погружено в приятную полутьму.

Арнольду Хэклу, директору берлинского филиала фирмы «Бенсон и Бенсон», в эти минуты было дурно. Он уже порядком выпил, что было заметно по его трясущимся пальцам, когда он наливал уже бог знает какой по счету стакан с тоником и джином и бросал в него лед. Словно зачарованный, смотрел он на небольшой современный радиопередатчик, который стоял рядом на столике и светил в полумраке зелеными и красными огоньками. Занимался передатчиком Гонзулка Бем, костлявый верзила с прыщавой физиономией, бывший студент юридического факультета университета в Праге. Тут же перед стаканом с джином расположился еще один рослый, уже пожилой джентльмен, с подчеркнуто неподвижным лицом, холодным ироническим взглядом, в безупречно сидящем на нем смокинге с фиолетовым цветком в петлице. Это был Фанта, берлинский заместитель Хэкла и его ближайший соратник, юрист по образованию. Он холодно процедил:

— Я говорил тебе, что это мразь!

Хэкл прикрикнул на него:

— Молчи!

Из радиопередатчика донесся треск, а затем раздался немного искаженный микрофоном мужской голос:

— Выходят вместе из метро. Она впереди, он за ней.

Хэкл быстро, как от внезапной боли, будто его кто-то ударил в живот, склонился к передатчику, переключил его с приема на передачу и с пьяным упрямством приказал:

— Следуйте за ними дальше!

Доктор Фанта закурил сигару и сухо заметил:

— Я ей давно уже не верю.

— Говорю тебе, молчи!

— Я всегда тебе говорил, чтобы ты ее отсюда вытурил, — настаивал на своем Фанта. — Здесь она слишком много слышит...

Однако Хэкл упрямо возражал:

— Проще говоря, вы ее не любите. Выживаете. Она вам мешает, потому что умнее вас и потому что я ей отдаю предпочтение... Нет, потому что она мне отдает предпочтение, вот почему. Вы завидуете мне, завидуете...

— Чепуха, — спокойно произнес Фанта. — Спи с ней на здоровье, только отдай ее к нам вниз, в шоу, как всех остальных. Она там нужна, там она будет под прищмотром.

— Нет, вы идиоты! — зарычал в бешенстве Хэкл. — Ничего не понимаете. Нет, слышите?! Здесь я шеф! — Он опрокинул

в глотку стакан джина и в раздражении ударил кулаком по передатчику. — Что это доказывает? Что? Какой-то незнакомый мужчина заговорил с ней в метро. Хорошо! Может, он навеселе, а может, попросил показать дорогу и она не отказала. Хорошо! Идет с ним. Хорошо! Что это доказывает? Ничего. Не верю я ничуть! — Иссякнув после такой пылкой тирады, Хэкл налил себе в стакан новую порцию джина. Не найдя больше в вазе льда, направился к холодильнику и открыл его. Лампа холодильника на мгновение осветила его опухшее, красное от алкоголя лицо.

Фанта с раздражением сказал Бему:

— Это сумасшедший... С ним все кончено! Как только пожилой мужчина начинает вот так сходить с ума от девки, он как агент больше не существует...

Когда Хэкл возвратился, в передатчике снова раздался треск и послышался тот же мужской голос:

— Идут теперь вместе улочками Кройцберга... О чем-то болтают... Еду на машине за ними...

Хэкл быстро наклонился к передатчику:

— Где они находятся? Точно!

— Не знаю... Здесь темно... Не вижу табличек на домах... Однако здесь довольно грязно, везде разбросана бумага, валяется шелуха, сыро... Воняет мочой и прокисшим пивом... Где-то здесь есть какая-то пивнушка, там играют на гармонике и орут песни. Слышите?.. Один бог знает, почему они пришли именно сюда...

Хэкл раздраженно прервал его:

— Смеется?

— Кто?

— Она!

— Нет. Оба серьезные. Похожи на влюбленных...

Хэкл быстро отпил из стакана и с ненавистью в голосе приказал:

— Вы мне этого фрайера сфотографируйте!..

Ганка Бизова была последним существом, которое удерживало Арнольда Хэкла на поверхности. После бегства из Праги он чувствовал себя выбитым из колеи, его преследовало чувство стыда и обиды за несправедливость, которую уготовила ему судьба. Он разом лишился всего, что любил, и единственным, что он сохранил из осколков и пепелища своего сладостного ностальгического пражского сна, была Ганка. Он любил ее все больше и больше, любил ее капризы, ее грусть, неожиданную смену настроения, смех, даже ее нервозность и моменты, когда она бывала в ярости, любил ее слегка картавое «эр», когда она ему с кокетливо-ласковой кошачьей негой говорила: «Ты меня не будешь никогда ревновать, Арррни...» Он был счастлив и забывал с ней о своем отращении к Берлину и к новому месту работы. Свое назначение сюда Хэкл расценил как неслыханное унижение, хотя

ему тысячу раз повторяли, что ему поручили важный пост в самом центре «холодной войны».

Пусть говорят все что угодно, но этот страшный, разделенный город, инвалид войны, урод с двумя опаленными щеками, производил на него гнетущее впечатление. Здесь его не покидало отвратительное ощущение, что он барахтается в липкой грязи. Берлинский филиал фирмы «Бенсон и Бенсон» размещался на темной, угрюмой, по-нищенски обшарпанной и кривой улочке рядом с борделями и ночными барами. Только вечером, когда темнота милосердно прикрывала ее грязь и обшарпанность, улица расцветивалась, точно аристократическая проститутка, ожерельями неона и разноцветных реклам. Хэкл испытывал отвращение к заведению, которым вынужден был управлять, с его оглушительной по вечерам музыкой, смехом, топанием, свистом, выкриками, хлопанием открываемых бутылок с шампанским. А по утрам оно было похоже на старую харчевню, смердящую застарелым запахом табачного дыма и разлитого алкоголя.

У него вызывали отвращение и девять девчонок, выступающих в стриптизе. Ему казалось, что они всегда пахнут потом, липкими мужскими руками и дешевыми духами. Он видел в них не женщин, способных взволновать, а материал, с которым приходилось работать поневоле, подавляя чувство брезгливости. Насколько отличной от них представлялась ему Ганка — ослепительно чистая, пахнущая свежестью, искренняя, молодая. Мысли о ней вызывали в его душе чувство гордости и счастья. Поэтому Хэкл страшно боялся того момента, когда станет для нее стар и потеряет ее. Он иногда думал, что, наверное, лишится рассудка, если это случится. Страх за Ганку, блеск и нищета Западного Берлина, грязь улиц и домов, в которых он оказался вынужденным жить, — все это давило и держало его постоянно в раздражении. Только алкоголь помогал Хэклу хоть немного удерживать в узде свою расшатанную нервную систему. Начиная пить Хэкл уже с утра, и это постоянное легкое опьянение помогало ему в течение всего дня сохранять маску человека с положением, хладнокровного босса, целеустремленного шефа, который правит делами железной рукой, а вечером приветствует гостей со светской изысканностью.

В тот вечер в баре «Белые линии» представления не было, так как здесь проводилась генеральная репетиция новой программы со стриптизом. Хэкл выключил в своей квартире радиопередатчик и спустился со своими людьми в бар. Гонзулка Бем сел к фортепиано, чтобы бог знает в который раз пробренчать вступление и основную часть мелодии, которая, по их мнению, должна была завтра стать шлягером этого сезона. По его знаку на длинном демонстрационном подиуме снова выстроились манекенщицы в тренировочных костюмах и вяло имитировали раздевание и разбрасывание деталей своих

вечерних туалетов среди публики. Ведущая среди манекенщиц, полька Зуза Броневская, задавая ритм и тон, запела пошлую песенку:

Белых линий притяженье,
Белых линий белизна
Всех мужчин ввела в волнение —
Богача и бедняка...
Женщину из линий белых
Раздевать — блаженства верх.
В тканях фирмы «Бенсон — Бенсон»
Женщина шикарней всех...

В этом подвальном баре было холодно и пусто. Вместо зрителей в зале сидели только двое мужчин — Хэкл и Фанта, которые с профессиональным безразличием, больше занятые своими проблемами и мыслями, наблюдали за ходом ночной генеральной репетиции. На подиуме между тем что-то застопорилось. Гонза Бем перестал играть, выбежал к девушкам и стал, ударяя в ладоши, отбивать им ритм и показывать, как он представляет себе движение в танце и настоящий стриптиз. Выглядело это довольно комично...

В этот момент из-за кулис вышел крепкий, мускулистый мужчина в красном, довольно истрепанном и засаленном берете десантника и подошел к Хэклу.

— Вот фотографии, шеф. Только осторожно, они еще мокрые!

Хэкл нетерпеливо схватил одну из фотографий, которые принес фотограф Збигнев Броневский. На ней была запечатлена его Ганка, мирно беседующая с незнакомцем. Хэкл тщательно рассмотрел мужчину на фотографии, потом скорее себе, нежели Фанте, который с любопытством заглядывал через его плечо, пренебрежительно заметил:

— Банальный тип и, ко всему прочему, скверно одет. В нем решительно нет ничего опасного.

Фанта, однако, с присущим ему ехидством прокомментировал снимок иначе:

— Почему? Не так уж плохо выглядит. И молодой...

Это взбесило Хэкла. Он резко перевернул фотографии изображением вниз, чтобы их больше не видеть, ударил по столу рукой и взревел:

— Хватит! Стоп! Это не репетиция, а бордель, дамы! — Он подбежал к девушкам и заорал: — Вы думаете, я вам буду платить даром? Ваше ремесло требует высокого профессионализма! Это вам не по улицам таскаться, хотя и там нужен известный профессионализм! Если вам не нравится работать здесь, можете пойти попробовать!

Зуза Броневская отважилась вяло возразить:

— Мы уже вымотались, шеф.

— Это никого не оправдывает, в том числе и меня! — бушевал Хэкл. — Наш лозунг такой: «Верх блаженства — разде-

вать женщин». Женщин, а не бревна! Дамы, соблаговолите это себе уяснить! Вы должны быть сексуальны, понимаете, сексуальны, иначе все полетит к черту!.. А вы как полено...

В самом разгаре его тирады из глубины затемненного бара раздалось:

— Что ты расстраиваешься, Арни, миленький? Опять у тебя будет болеть желчный пузырь.

При звуке этого голоса Хэкл резко обернулся. Ганка шла между столами спокойная, уверенная в себе. Она слегка чмокнула его в щеку, подвела к стойке бара, взяла его стакан, понюхала:

— Что пьешь? Джин? — И отпила из его стакана.

Хэкл подозрительно спросил:

— Где ты была так долго?

Ганка сбросила плащ на спинку высокого стула у стойки и села.

— Немного по городу прошлась.

— Ночью?

— А почему бы нет? Тихо и тепло. Весна...

Хэкл судорожно схватил лежащую на стойке бара фотографию и спросил:

— Одна?

Ганка спокойно засмеялась:

— большей частью.

Хэкл так сжал фотографию, что у него побелели пальцы. Он боролся с неистовым желанием положить перед ней эту улику и, не выдержав, взорвался:

— Лжешь!

Однако Ганка с насмешливым превосходством парировала:

— Ревнуешь, Арррни? Это ниже твоего достоинства.

Она заметила перевернутые фотографии и спокойно спросила:

— Что это у тебя?

Хэкл, разом растеряв всю отвагу, только покорно пролепетал:

— Ничего, — и отодвинул фотографии.

Ганка встала и предложила:

— Хочешь, я покажу девчонкам вступление? — Не дожидаясь ответа, Ганка поднялась на подиум к девушкам: — Посмотрите, девочки, а главное, ты, Зуза, как ходят манекенщицы... Дай мне тон и ритм, Гонза...

Гонза Бем снова заиграл мелодию нового шоу, и Ганка с непередаваемым, волнующим шармом поплыла мимо девушек, благородно и даже целомудренно имитируя раздевание, улыбаясь Хэклу и напевая:

Белых линий притяжение,
Белых линий белизна...

Хэкл посмотрел на нее, отпил пару глотков и чуть не закричал от досады и беспомощности перед ее чарами, но у него хватило сил только на то, чтобы тихо прошептать:

— Я, наверное, из-за нее сойду с ума... И зачем она так красива, стерва...

5

Ян Земан, сидя весь день на конференции криминалистов, чувствовал себя как на иголках. Конференция была организована с обычной немецкой обстоятельностью. В других условиях Земан удивился бы, как хозяевам удается соблюдать минута в минуту повестку дня, как безупречно работает у них техника, воспроизводящая типичные случаи расследования преступлений или новые методы и средства, поиск улик и доказательств, новые сведения в дактилоскопии, баллистике, химии, физике, судебной медицине и многое другое. Он бы с удовольствием повеселился на великолепном торжественном обеде, где собрались ведущие криминалисты социалистических стран, был бы рад с ними познакомиться, обменяться опытом. Однако голова его была забита Ирккой Градецем и его секретным заданием. С той минуты как Гонза узнал, что секретный агент «Стардуст» — Ганка Бизова, которую он хорошо знал по Праге, он полностью углубился в это дело. Как только закончилось послеобеденное заседание, Земан, сославшись на занятость и головную боль и отказавшись от врача, которого ему моментально предложили хозяева, тут же поспешил к Ирке Градецу на Моллштрассе.

На конспиративной квартире они снова были втроем — Земан, Ирка Градец и майор Вильде. Они обсудили информацию, полученную Ирккой от Ганки.

— ...О западногерманском филиале фирмы «Бенсон и Бенсон» и ее демонстрационном зале со стриптизом мы уже давно знаем, — заявил майор Вильде. — Это резиденция очень опасной шайки, деятельность которой направлена на подрыв ГДР и переманивание отсюда интеллигенции, в первую очередь работников искусства, ученых, специалистов... Заправляют там всем некий доктор Фанта, бывший ваш депутат парламента от социал-демократической партии, сбежавший сюда после февраля 1948 года, и некий Ян Бем, бывший студент юридического факультета, тоже эмигрант.

— А теперь в качестве шефа к ним подключился Арнольд Хэкл, чтобы распространить подобную деятельность на Чехословакию, — добавил Градец.

— Только с вами им придется трудно, — усмехнулся Вильде. — Прага не Берлин. Там не получится то, что у них пока еще получается здесь: свободный переход на Запад, мо-

ральное и экономическое разложение людей, подкуп, идеологическое воздействие...

Земан поинтересовался:

— Вы сказали «пока»?

Вильде кивнул и многозначительно сказал:

— Ну, наверное, скоро что-то придумаем. Будем этот вопрос решать. Должны решить!

Градец не особенно вникал в их разговор. Он сидел с задумчивым видом, стараясь найти логический ответ на ту отрывочную информацию, которой уже располагал.

— Однако что касается Чехословакии, то здесь у Хэкла, по всей вероятности, задачи несколько иные, — произнес он.

— Какие? — спросил Земан, подумав, что Ирка уже пришел к какому-то выводу.

— Какие именно, мы не знаем. Ганка тоже не знает. Ей известно только то, что акция против Чехословакии имеет два кодовых названия: «Белые линии» и «Летей». Когда она спросила Хэкла, что это означает, тот рассказал ей как бы в шутку такую историю. После одного из сражений второй мировой войны генерал Эйзенхауэр приехал в некий разрушенный замок на Рейне, где разместился штаб французской дивизии. Он застал ее командира, генерала по фамилии Летей, за весьма своеобразным занятием: французский генерал спешным порядком высаживал в два ряда молодые зеленые деревца при подходе к замку. Эйзенхауэр удивился: «Зачем вы это делаете, господин генерал? Что вам дадут эти деревья? Лучше отдохните, ведь через час ваша дивизия будет наступать дальше...» Генерал Летей улыбнулся: «Здесь вырастет аллея великолепных тополей, посаженных моими руками, и, когда через двадцать лет я приду сюда, я смогу посидеть в их тени, если мне это будет нужно». Говорят, что Эйзенхауэр вспомнил потом находчивого француза и назвал в его честь ту военную операцию.

— Интересная история, — задумчиво сказал Вильде. — И в ней, я думаю, заключена истина, которую мы не разгадали. Это все, что Ганка выудила у Хэкла?

— Все. Кроме того, она сказала, что для проведения этой акции Хэкл привез из Лондона секретные инструкции, списки, имена, систему сети агентов, которую у нас ему предстоит создать. Все это он хранит в сейфе в своей компате, и никто к ним не имеет доступа, в том числе и Ганка. Но я должен ознакомиться с материалами, иначе мне нельзя показываться на глаза Калине!

— Как ты намерен к ним пробраться? — удивленно спросил Земан.

И здесь Градец с улыбкой показал им вещь, которая привела Земана как профессионала в восхищение. Ирка вынул из кармана коробочку с пластилином.

— А вот так!.. — сказал он. — Ганка принесла мне оттыски с ключей сейфа Хэкла!

Эта девушка в самом деле сообразительна и отважна! — воскликнул Земан восхищенно.

Вильде, однако, развивал мысль дальше:

— Еще отважнее должен быть тот, кто воспользуется ключами, чтобы проникнуть к спискам. Ключи-то мы тебе за полчаса сделаем, но нужно будет их на месте подпилить, потом подобрать код... это потребует времени... а там каждая секунда может стоить головы.

Земан решительно заявил:

— Стало быть, задание для меня. Я кое-что понимаю в замках, наверное, лучше всех вас. Поэтому пойду я.

Градец категорически отверг его предложение:

— Ты с ума сошел, Гонза!

— Почему? Ты думаешь, мне нравится сидеть в комфорте на конференции, слушать доклады и болтать в перерывах, когда здесь совершается такое важное дело?!

— Нет, к этому я тебя не допущу, — решительно заявил Градец. — Это наше дело.

— Точнее, это дело каждого коммуниста, Ирка. Как твое, так и мое.

Тут вмешался Вильде:

— Подождите, не ссорьтесь. Согласно приказу из Праги, ответственность за операцию несет лично капитан Градец. Мы же поступим иначе.

Оба обернулись к нему:

— Как?

— У нас там тоже есть свой человек.

— Где? В фирме «Бенсон и Бенсон»?

— Да, непосредственно у Хэкла.

— А Ганка о нем не знает?

— Нет. До сегодняшнего дня о нем никто не знал... кроме меня.

— Кто же это?

— Один поляк.

— Эмигрант? — спросил Градец.

— Воевал во время войны на стороне Англии и потом там остался, — объяснил Вильде.

— Как вы его привлекли?

— Он хочет вернуться со своей сестрой домой, но боится. Мы пообещали ему, что замолвим за него словечко перед польскими товарищами... Разумеется, за услугу...

— За какую?

— Да вот хотя бы за этот ваш сейф, — улыбнулся Вильде. — Он сможет до него добраться. До мелочей знает обстановку, он там дома, может выбрать удобный момент.

Градец, однако, не согласился:

— Я ему должен раскрыть Ганку?

Вильде, слегка улыбнувшись, успокоил его:

— Нет. Раскроешь ему только себя. Пойдешь к нему один и скажешь только самое необходимое. Пароль — «Арнем».

— Хорошо, это выглядит убедительно, — согласился Градец.

— Пистолет, разумеется, оставь дома.

— Почему?

— Если тебя там схватят, тебе и пистолет не пригодится... — сказал Вильде и тихо добавил: — А в невооруженного человека стрелять труднее.

Земан проводил Ирку Градеца до границы американского сектора Берлина. Они остановились возле какой-то витрины и рассматривали ее, делая вид, что незнакомы.

Стоял поздний вечер, совсем рядом сияли неоновые огни бурно веселящегося Западного Берлина, гудели машины, гремели трубы джаз-оркестров, мерцали рекламы и вывески кинотеатров и баров. Вся эта картина контрастировала с темной тихой частью улицы, на которой они сейчас стояли. Казалось, рядом находилась преисподняя. Земан вдруг понял, как тяжело ему расставаться с Иркой Градецем. Он испытывал страх за него и боролся с желанием не пустить его одного или пойти в опасную неизвестность вдвоем. Здесь, вдали от дома, Градец был для Земана почти родным человеком, и Гонза боялся, что потеряет его.

— Ну, я пошел, Гонза!

— Когда вернешься?

— Через час, или, может, через два, или к утру, в зависимости от того, как все пойдет, не знаю точно.

— Я подожду тебя!

— Глупости, — сказал Градец.

— Я все равно не смогу уснуть.

Градец благодарно улыбнулся:

— Значит, пока.

— Пока! Ни пуха ни пера, Ирка! Возвращайся! — прошептал Земан, с трудом сдерживая волнение и нервозность.

6

Над витриной с полосатыми английскими тканями и манекенами в костюмах сияла большая неоновая надпись: «Бенсон и Бенсон», а под ней, над входом, закрытым тяжелой портьерой, буквами помельче было написано: «Белые линии». Широкая демонстрация английских моделей одежды». Перед этим своеобразным входом в бар стоял в роскошной швейцарской ливрее со множеством блестящих пуговиц и еще более блестящих галунов Збышек Броневский. Он зазывал прохо-

дящих мимо мужчин в бар и предлагал им в качестве приманки наборы порнографических открыток. Двоих мужчин, оставившихся возле него, ему не пришлось долго уговаривать. Это были чехи, доктор Салаба и редактор Голаш, которого Салаба все же соблазнил отправиться на ночную экскурсию по Западному Берлину. Доктор Салаба, рисуясь перед своим спутником, со светским апломбом отчитывал Броневского:

— Ты это свое свинство оставь! Я тебе так скажу: меня агитировать не надо, я здесь как дома... Мистер Хэкл уже вернулся из Лондона? Он у себя?.. Да? Отлично...— Но все-таки набор открыток Салаба взял у Броневского. — Подожди, может быть, это заинтересует пана редактора. — Салаба сунул открытки Голану: — Взгляните, это их манекенщицы. Хорошенькие, правда? Но подождите, вы еще увидите их в натуре... До конца жизни будете мне благодарны за то, что я взял вас на демонстрацию мод... Купите себе на память... Наши мужчины у вас это оторвут с руками...

Голаш что-то смущенно пробормотал и вернул открытки Салабе:

— Нет, спасибо, не надо. Вы очень любезны...

Салаба понял:

— Да, ведь у вас нет денег?! Спокойно, сейчас все устроится. Положитесь на меня. Пошли. — И он потащил Голана с собой в бар.

Градеца, видевшего все с противоположной стороны улицы, эта сцена позабавила. Когда чехи скрылись в баре, он напоследок окинул взглядом улочку, принарядившуюся, будто дама, собирающаяся на бал, в разноцветные огни и сияющие витрины и рекламы. Убедившись, что никто в бар не идет и все спокойно, Градец двинулся вперед. Броневский, увидев его, немедленно окликнул:

— Вы желаете увидеть прелестных девушек? Настоящий секс. Посетите демонстрацию мод. Взгляните на эти фото. Настоящий секс, не правда ли?

Однако, к его удивлению, Градец тихо по-чешски произнес:

— Мне бы лучше фотографии... из Арнема.

Броневский опешил и, немного помолчав, по-польски обронил:

— Идите в бар. Как только начнется программа, я приду...

Переступив порог ночного заведения, Градец словно окунулся в мешанину музыки, выкриков, громкого говора, смеха, свиста, топанья, аплодисментов. Полутьму, царившую в зале, в ритме музыки рассекали кроваво-красные пучки прожекторов. Окутанные облаками сизого сигаретного дыма, на демонстрационных подмостки вышли полуобнаженные манекенщицы.

Получилось так, что из-за отсутствия свободных мест Градецу пришлось сесть к двум чехам, которых он незадолго до этого видел входящими в бар. За их столиком оказалось един-

ственное свободное место в зале, переполненном пестрой толпой пожилых любителей пива, американских солдат, интеллектуалов, хиппи, эмигрантов и других завсегдатаев. Ирке в общем-то было все равно, где сидеть, потому что в таком гвалте не было слышно даже собственного голоса. Несмотря на это, доктор Салаба все же попытался с Градецем заговорить на чешском языке:

— Вот это жратва, да?

Градец не реагировал, тогда Салаба попробовал спросить по-немецки, потом по-английски, по-французски.

Когда Градец и на это не клюнул и продолжал сидеть с невозмутимым, каменным лицом, Салаба с удовлетворением заявил приятелю:

— Я говорил вам, что это датчанин или финн, короче — северянин. Это видно по его типичной северной физиономии. Что ж, отлично. Можно хоть свободно побеседовать. Вообще мне нравится здесь, на Западе: никто тут чешского не понимает, поэтому у человека возникает эдакое прекрасное ощущение безопасности, раскрепощенности и свободы.

Голан, проявив патриотизм, спросил:

— А что, дома вы всего этого не ощущаете?

— Там немножко сложнее, — хохотнул Салаба. — Разве вы не знаете старую народную мудрость? Когда собираются три чеха, один из них обязательно полицейский...

Бедняге было невдомек, до какой степени он сейчас был близок к истине. Градеца их диалог развлекал, несмотря на всю серьезность стоящей перед ним задачи. И дело не только в этом — информация, которую он получал от соседей, становилась все интереснее. Салаба сказал Голану:

— ...Пока не забыл, насчет западных марок. Как только появится пан Хэкл, мы обо всем договоримся, дадим ему свои кроны...

— У меня с собой вообще нет чехословацких денег, — испугался Голан.

Салаба только фыркнул от такой наивности:

— Это и так ясно! Подпишите небольшую расписку, подтверждение, что вы ему в Праге положите на банковский счет под номером таким-то, он вам скажет, столько-то и столько, а он вам эту сумму моментально выдаст в марках.

Голана такой вариант, разумеется, очень привлекал, хотя душу одолевали сомнения и страхи.

— Пан Салаба, я вижу, вы это хорошо придумали, но мне бы не хотелось влипнуть в какую-нибудь историю. У меня это все сложнее, чем у вас. Дело в том, что я журналист, корреспондент нашего телевидения, я здесь как официальный представитель и решительно не могу брать какие-либо обязательства, поймите меня правильно...

Доктор Салаба пришел в негодование:

— Я вам так скажу: оставьте политику в покое! Кто здесь

говорит о каких-то обязательствах? Пан Хэкл абсолютно корректный торговец, не имеющий ничего общего с политикой. Он длительное время жил в Праге, полюбил нас, чехов, так, что завел себе подругу-чешку, вы ее увидите. Он всегда мне говорит: «Сам не пойму, пан Салаба, почему я с вами, чехами, так сентиментален».

Градец рад был послушать и дальше любопытные рассуждения пана Салабы, если бы сзади него вдруг не прозвучало:

— Идемте, у меня есть прелестные фотографии. Понимаете? Секс настоящий, очень пикантные...

Градец встал и пошел следом за Броневским. Он еще услышал, как пан Салаба бодро заметил Голану:

— Видите, подобные вещи этот датчанин понимает. Одним словом, датчане порядочные свиньи!

У Броневского все выглядело так, как и за кулисами любого салона мод: вешалки с рядами приготовленных туалетов, зеркала, столики с гримом, типичный женский беспорядок, второпях разбросанные сумки, туфли, черные чулки, бюстгальтеры и пояса для чулок. В темном углу за ширмой у Броневского была маленькая фотолаборатория с увеличителем, бачком для проявления пленок и сохнувшими на веревках негативами. Он провел сюда Ирку Градеца через маленькую дверь за стойкой бара и по-польски спросил:

— Кто тебе дал этот пароль?

— Друг.

— Чего хочешь?

Градец с опаской оглянулся:

— Не выйти ли нам лучше на улицу?

Броневский угрюмо ответил:

— Нет, здесь безопаснее. Здесь на тебя никто не обратит внимания. Все привыкли, что я сюда вожу клиентов. — До Броневского дошло, чего может опасаться Градец, поэтому он с усмешкой его успокоил: — Можешь тут без опаски говорить обо всем. Здесь нет никаких подслушивающих устройств, никаких чужих ушей. Чтобы тебе было спокойнее, можем включить вот это... — Он повернул выключатель висящего на стене театрального репродуктора, и в лабораторию ворвался шум, музыка и рев из бара.

Градец еще минуту колебался, потом шепотом произнес:

— Речь идет о некоторых списках.

— О каких?

— О тех, что у Хэкла наверху в сейфе.

— Что там такое?

— Не знаю, — искренне признался Градец. — Хэкл привез их из Лондона.

— От офицеров английской секретной службы?

— Видимо.

— И что ты теперь хочешь от меня? — холодно и враждебно спросил Броневский.

— Можешь ты мне их переснять? Конечно, чтобы никто этого не заметил.

Бронеvский вскочил:

— Ты с ума сошел?! Я себе не враг, а это ведь пахнет могилой. Если уж на то пошло, скажи, как я до них доберусь?

— Я принес тебе ключи от сейфа,— ответил Градец. — Вот они!

Он вынул из кармана коробочку с двумя ключами, еще поблескивающими свежеработанным металлом, и положил ее перед Збышеком на стол. Бронеvский, однако, к ключам не притронулся, лишь хмуро смотрел на них. Градец вынул из кармана миниатюрный фотоаппарат:

— И еще возьми вот эту игрушку. Обладает исключительной светосилой. Для освещения достаточно настольной лампы или карманного фонаря. Так как? Сделаешь? — Градец положил перед Бронеvским пачку банкнотов. — Получишь хорошие деньги, а это задаток. И то твое дело с Польшей... будет урегулировано!

Бронеvский все еще молчал, потом процедил сквозь зубы:

— А если я сейчас позову Хэкла, они тебя прикончат. Исчез бы ты без следа, и мне бы было спокойно.

Градец понял, что Бронеvский говорит серьезно. Однако он, не подавая виду, настаивал:

— Мне сказали, что на тебя можно положиться... И что ты ничего не боишься...

На это Бронеvский упрямо буркнул:

— Смерти боится каждый!

Градец почувствовал, как у него на лбу помимо его воли выступил пот, но не хотел его вытирать, чтобы поляк не подумал, что он испугался. Между ним и Бронеvским возникла стена враждебности и недоверия, добром это не могло кончиться, и Ирка уже проклинал ту минуту, когда влез за кулисы, потому что убежать отсюда невозможно... Пока он лихорадочно соображал, что предпринять, в гардеробную влетели запыхавшиеся манекенщицы и начали торопливо переодеваться в вечерние туалеты. Та, у которой угол с гримом и барахлом был как раз за ширмой, вдруг первно взвизгнула:

— Кто там у тебя, Збышек?

— Клиент.

— Вышвырни его! Я не могу переодеться. Ты ведь знаешь, что я не терплю мужиков!

— Успокойся, Зузка, — ласково попросил Бронеvский, — он отвернулся. — Старательно задернув ширму, Бронеvский пояснил Градецу: — Это моя сестра. Благородная полька. В старой Польше ей бы в пояс кланялись, целовали бы ручки, называли бы ее вельможной пани. А здесь, чтобы не сдохнуть с голоду, она вынуждена показывать этим болванам бедра... — Эта картина вызвала у поляка такую злобу и ненависть, что

он решительно спросил: — Можешь так устроить, чтобы завтра вечером Хэкла не было дома?

Градец понял, что его шансы растут.

— Да, будь уверен!

Бронеvский взял со стола ключи, фотоаппарат и деньги и засунул все в боковой карман своей ливреи.

— Придешь сюда послезавтра в восемь утра, — сказал он. — Двери дома и бара будут открыты. Пройдешь прямо сюда, в это время здесь тихо, все еще спят. Списки будут готовы.

7

Когда Ирка Градец вернулся в бар, демонстрация мод фирмы «Бенсон и Бенсон» только начиналась. По демонстрационному подиуму, как по корабельному мостику над бушующим морем, плавно поплыли стройные манекенщицы в черно-белых полосатых вечерних туалетах. В ритме мелодии они вдруг начали снимать одежды. Впереди ступала Зуза, элегантная, красивая, гордая. «Хороша!» — в восхищении подумал Градец.

А Бронеvская пела:

Белых линий притяженье,
Белых линий белизна
Всех мужчин ввела в волнение —
Богача и бедняка...
Женщину из линий белых
Раздевать — блаженства верх.
В тканях фирмы «Бенсон — Бенсон»
Женщина шикарней всех...

Она пела, и мужчины, сидящие вокруг столов у ее ног, ревели от восторга, свистели, топали, тянулись к ней и ее подругам, хватали на лету предметы туалета и белья, которые девушки снимали и бросали в публику. Гонзулка Бем сиял: это был успех — фантастический, колоссальный. Завтра об этом новом шоу будет говорить весь Берлин. Опыаенный восторженным приемом, Бем забрался на подмостки к манекенщицам и, стараясь перекрычать восторженный рев зала, стал выкрикивать:

— Да здравствует красота «Белых линий»! Наши «Белые линии» принадлежат вам, господа!

Градец с брезгливостью смотрел на лес жадных мужских рук, хватавших предметы женского туалета. Он поймал себя на мысли, что не женская нагота волнует, а то, чего не видишь...

Ирка протиснулся сквозь толпу к своему столу и обнаружил, что его место уже занято. Там сидел и доверительно беседовал с Голаном и Салабой какой-то мужчина в безукоризненном смокинге с белой хризантемой в петлице. Мужчина

поспешно встал, освободив ему стул, и повернулся, чтобы извиниться. И тут оба оцепенели. Это был Арнольд Хэкл. Они никогда не виделись, но знали друг друга. Градец знал Хэкла по описанию, а Хэкл знал Градеца по фотографии. Хэкл растерянно спросил:

— Этот пан тоже с вами, мистер Салаба?

— Да нет! Он к нам подсел случайно. Это какой-то датчанин, — сказал Салаба. Увидев в руке Градеца фотографии, он из чувства мужской солидарности показал ему большой палец и похвалил: — Весьма пикантны, не правда ли? — После чего попросил: — Можно посмотреть?

Хэкл между тем уже овладел собой и в своей обычной аристократической манере предложил Салабе и Голану:

— Оставьте его в покое. У меня есть получше. Пойдемте со мной, приглашаю принять по рюмке у меня наверху, господа!

Салаба и Голан тут же встали и, обрадованные такой благосклонностью, двинулись за Хэклом. Хэкл, проходя мимо стойки бара, наклонился к Фанте, который в данный момент исполнял роль бармена, показал ему глазами на Градеца и прошепел:

— Он здесь! Имел наглость прийти даже сюда! Простучите-ка мне его! — И снова, по-светски легкий и элегантный, взял под руки Голана и Салабу и повел их к себе за сцену, кланяясь знакомым во все стороны.

Встреча с Хэклом сильно обеспокоила Градеца. Он еще не знал, что Хэклу его лицо знакомо по фотографиям, которые сделал Збышек Броневский. Если бы Ирка знал об этом, он бы понял причину беспокойства и колебаний Броневского во время их беседы. А сейчас у него появилось просто предчувствие, что его миссия здесь окончена и ему нужно как можно быстрее отсюда исчезнуть. Градец поспешно расплатился, взял в гардеробе свой плащ и вышел.

Выйдя на улицу, он с облегчением вдохнул влажный ночной воздух. После гвалта в баре он чувствовал себя на этой тихой западноберлинской улице как в раю. Стояла тишина. Не было ни прохожих, ни автомобилей. Только над барами мигала неоновая вывеска, да по темным углам жались проститутки. «Какие молодые, — подумал он. — Что заставило их заняться этим ремеслом, древним, как само человечество? Неужели они действительно не могут найти другую работу?» Ему стало грустно от мысли, что эти девушки вынуждены стоять в ночном холоде как витрины горькой любви, живая реклама для случайных клиентов. От неровной мостовой веяло холодом. Градец запахнул потуже плащ и хотел было уже покинуть эту улочку, как вдруг за его спиной раздался незнакомый голос:

— Момент, молодой человек! Вы не заплатили!

Градец обернулся и, к своему удивлению, увидел бармена бара «Белые линии», с которым он только что расплатился. Не говоря ни слова, Градец вынул из кармана пиджака счет с пометкой об уплате и подал его бармену. Фанта, взяв счет, с холодной усмешкой разорвал его на клочки и выбросил.

— Нет, я же сказал, что ты нам совсем не заплатил, понятно, подонок? — злобно прошипел Фанта и схватил Ирку за локоть.

Градец знал этот прием. С его помощью когда-то на окраинах городов старшие официанты ресторанов выколачивали из простофиль монеты. Поэтому он спокойно вырвал руку и хотел отойти, но тут же заметил, что за спиной бармена стоит долговязый верзила с прыщеватой физиономией. Это был пианист из бара Гонза Бем. Неподалеку маячил еще один мужчина во фраке официанта. Усмехаясь, они многозначительно постукивали резиновыми дубинками по ладоням.

Теперь Градец понял, что дело пахнет не простым вымогательством, а принимает более серьезный оборот.

Молниеносно приняв решение, так как ждать ему уже было нечего, он обрушил на противников удары, как его многие годы учили на курсах каратэ.

А Хэкл, приказавший устроить эту драку на мокрой ночной мостовой, со спокойной улыбкой джентльмена, для которого такая мелочь, как деньги, якобы вообще не представляет интереса, отсчитал западногерманские марки и подал их Голану со словами:

— Я очень рад, что могу вам помочь, пан редактор!

Голан чувствовал себя как в волшебном сне. Он был восхищен гостиней Хэкла, с изысканной современной мебелью, с мягкими персидскими коврами, с красными кушетками и кожаными креслами, покорен аристократизмом, с каким Хэкл принял их, и естественным благородством, с каким выслушал его просьбу об обмене денег. Голан даже не подозревал, что дело можно так легко уладить. За один вечер он превратился из телевизионного редактора, который вынужден был аккуратно распоряжаться своими небогатыми суточными, в человека большого света, который может себе кое-что позволить. Трясущимися руками он взял у Хэкла деньги, поспешно засунул их в карман, пока Хэкл не передумал, и, заикаясь, рассыпался в благодарностях:

— Не знаю, как вас за это благодарить... Обязательно в течение месяца я скоплю эту сумму в кронах. А когда вы будете в Праге, я рассчитаюсь...

— Пустяки, — заверил его Хэкл. — Мне ничего от вас не надо. — Он улыбнулся, погрузился в мягкое кожаное кресло напротив них, отпил из стакана джина и с удовольствием закурил сигару. — Мне достаточно, если о нас, людях западного мира, вы будете иметь чуть лучшее мнение. Я думаю, порядочность и корректность во взаимоотношениях — вот лучший

путь к тому, чтобы люди в этом сумасшедшем расколоте мире, невзирая на свои политические убеждения, могли на разумной основе договориться. Кстати, пан доктор, как вам понравилась наша новая программа?

Доктор Салаба воскликнул:

— Великолепно! Интересна эта белая полоска, которая повторяется во всех моделях. Это новинка?

Хэкл с презрительной, иронической усмешкой поднял брови, удивившись тому, что пан Салаба, как специалист, до сих пор не в курсе дела.

— «Белые линии» — это же шлягер весны этого года... И, я надеюсь, — подчеркнул он, — будут и криком моды следующей пражской весны.

Салаба воспринял его слова как указание:

— Разумеется. Я вам так скажу: можете на нас положиться. Я сделаю для этого все возможное.

В эту минуту вошел Гонза Бем и, остановившись у двери, терпеливо и с почтением стал ждать. Хэкл сразу же его заметил и вежливо произнес:

— Извините, я вас на минуту покину. — Он подошел к Бему и тихо спросил его: — Так что?

Бем так же тихо, чтобы те двое в креслах у камина не услышали, ответил:

— Мы его отделали, шеф.

— Ну и что?

— Ничего.

— Вооружен?

— Нет.

— Документы?

— Нет.

— Что он говорил?

— Молчал. Дрался с нами до последнего, но молчал. У Эриха, кажется, перелом руки...

— А этот тип жив?

Гонзулка Бем запнулся, почуяв в словах Хэкла упрек, и стал оправдываться:

— Вы же ничего не сказали, шеф!

Хэкл с досады так стиснул зубы, что у него на скулах заходили желваки. Но он коротко обронил:

— Порядок. Можешь идти! — Сделав над собой усилие и снова придав лицу светское выражение, Хэкл возвратился к гостям. Подходя к ним, он увидел, как Салаба нахально, как в своем доме, налил джин и тоник, сказав ошеломленному редактору:

— Ну, что я говорил? Ведь правда, что мистер Хэкл отличный парень? Аристократ, никакой политики, он выше этого. Короче, настоящий английский джентльмен.

Восторженный и растроганный редактор Голан охотно с ним согласился...

Земан за годы своей службы научился терпеливо ждать и совершать длительные ночные прогулки. Но на этот раз, ожидая Ирку Градеца, он всерьез забеспокоился. В голову лезли всякие мысли, ведь Градец был на другой стороне границы двух миров, совсем один, без помощи. Земан уже несчетное количество раз проходил по приграничной улочке мимо одних и тех же витрин и заглядывал в них уже механически, так как все выставленное в них он за эту ночь выучил наизусть. Вдруг из всполохов неона, люминесцентных ламп и реклам вынырнули фигуры двух мужчин. Один из них скорее тащил, чем поддерживал, другого, который казался мертвецки пьяным. Это были доктор Салаба и Градец.

Земан бросился им навстречу и, увидев разбитое и отекавшее лицо Градеца, испугался настолько, что еще бы немного — и он нарушил бы конспирацию.

— Боже мой, что с тобой стряслось? — вскрикнул Земан.

Градец не ответил. Он лишь попытался разбитыми губами изобразить какое-то подобие усмешки. Доктор Салаба пыхтел от напряжения.

— Что вы, от него ничего не добиться! Я из него выудил только вкладыш на переход на Фридрихштрассе, и то я был вынужден встать на колени и почти прижаться ухом к его губам.

Земан подхватил Градеца с другой стороны, чтобы помочь Салабе. Они посадили Ирку на край тротуара. Земан достал носовой платок и стал осторожно вытирать Градецу лицо, запачканное уже засохшей кровью. Салабу вдруг осенило:

— Так вы же наш сосед из поезда?! Вы его знаете? А я до последней минуты думал, что он датчанин.

Земан сразу понял свою ошибку и попытался ее исправить:

— Нет, я знаю только, что он работает в той же фирме, что и я, только в филиале в Брно. Мы с ним однажды случайно встретились на коммерческом совещании в Праге. А теперь я его вдруг встречаю здесь и в таком состоянии...

— Хулиганы! Здорово они его отделали. Лишь бы не было переломов, — озабоченно сказал Салаба и тотчас же по привычке захохотал. Этот коммивояжер привык быть в любой ситуации занятым собеседником. — Я вам так скажу: мир тесен, чехов повсюду встретишь. Однажды один мой знакомый — он занимался продажей материала для дождевиков — едет с образцами своего товара по пустыне, где-то в Тунисе, и встречает араба, едущего на верблюде в бедуинском белом бурнусе. Знакомому захотелось закурить, и он спросил араба: «Огонька у вас не найдется?» А тот араб подает ему газовую зажигалку и отвечает по-чешски: «В следующий раз, болван, купи себе хотя бы спички, когда едешь в пустыню...»

Земану было не до болтовни, поэтому, прервав Салабу, он спросил:

— Где вы его нашли?

Салаба уточнил:

— Вот именно «нашли». Вначале нас было двое. Но редактор сбежал, трус несчастный, побоялся влипнуть в какую-нибудь историю.

— А вы не боялись?

— Тоже боялся. Но он лежал на мостовой, весь в крови, и это обещало веселенькую прогулку с западноберлинскими полицейскими. Разве я мог его бросить, если он стремился попасть к нам и я понял, что он наш?

Земан удивился. От кого, от кого, а уж от пана Салабы он такого не ожидал!

— Вы сказали «к нам»? Я вас совершенно не понимаю, пан Салаба.

Салаба с улыбкой ответил:

— Не обращайтесь на меня внимания, я сам себя тоже иногда не понимаю. Мы ведь сложные существа, как утверждают классики... Вы, случайно, не знаете, в какой гостинице он живет? Я, хоть и умотался, с вашей помощью его туда дотащил бы.

Однако Земан отказался:

— Нет-нет, в этом нет необходимости. Вы и так уже достаточно много сделали. Остальное — моя забота. Поскольку я знаю его немного больше, чем вы, я уж сам о нем и позабочусь.

Выскочив на проезжую часть, Земан попытался остановить такси, которое как раз проезжало по улице. Машина, к счастью, затормозила возле тротуара, на котором в полусознательном состоянии еле стоял окровавленный Градец. Земан с помощью Салабы посадил его в такси и поехал, оставив пана Салабу в одиночестве на приграничной улице.

И только когда машина тронулась, Земан обнаружил, что за рулем сидит майор Вильде.

Градец словно находился в каком-то странном сне. Себя и окружающих людей он воспринимал в виде желтоватых и нечетких теней, как на экране в старых пригородных кинотеатрах. Все происходившее с ним выглядело как отрывки из старинного, неестественно ускоренного, кровавого гангстерского боевика. Потом кто-то выносил его из машины, на которой они ехали. Перед глазами мелькали светлые и темные полосы. Градец чувствовал, как его укладывают в постель, чьи-то холодные пальцы дотрагиваются до него, что-то с ним осторожно, а временами и больно делают... Голоса доносились до него откуда-то издалека, как из-за тяжелой портьеры...

— ...Я его предупреждал... там отпетые молодчики... Если

бы он согласился на подстраховку, мы сразу помогли бы ему выбраться из этого переплета...

— Что говорит доктор? У него что-нибудь серьезное?

— Внутренние органы, к счастью, не пострадали, но легкое сотрясение мозга не исключено... По крайней мере, два дня ему нужен покой... Лежать, не двигаться...

Все, что он слышал, казалось ему смешным... Ведь с ним все в порядке, только вот немного болит тело... Два дня в постели? Чушь! Ему нужно утром встать... Размять непослушное, ноющее тело, стиснуть зубы, справиться с температурой и выйти на улицу... на чистый воздух... на солнышко... Рюмка коньяка и чашка кофе — это быстрее всего поставит его на ноги... Он должен, безусловно должен... но что? Зачем?

Внезапно сознание его прояснилось, точно в кинопроекторе за его спиной отрегулировали резкость... Грязная, обшарпанная улочка, усыпанная обрывками бумаги и шелухой, пропахшая мочой и пивом, наполненная приглушенными пьяными голосами и звуками матросской гармошки, как бы осветилась каким-то чистым, неземным светом. Для него эта улочка теперь была одним из красивейших мест на земле, потому что рядом с собой он видел стройную, очаровательную, благоухающую какой-то удивительной парфюмерией — аромат самой весны? — девушку, о встрече с которой он давно мечтал. Они ходили по той улочке взад и вперед, несколько раз при этом миновав припаркованную темную машину, но не обратили на нее внимания, так как целиком были заняты друг другом и предстоящей разлукой. Она только что окончила свое сообщение, а он с нежностью погладил ее по руке и тихо сказал:

— Да... понимаю... понял все...

Ей, видимо, тоже жаль было расставаться с ним, но, не смотря на это, она решительно произнесла:

— Так с богом! И помните: мы никогда не виделись... И больше уже никогда не должны встречаться. Связь снова только обычным путем... шифром и через тайник. Прощайте!

Она хотела уйти, но он схватил ее за локоть и умоляюще произнес:

— Я хотел вам еще кое-что сказать...

Она поспешно высвободилась:

— У нас нет времени. Мы уже довольно долго говорим, а это слишком рискованно.

Однако он опять начал:

— Я... — но тут же махнул рукой и принялся насвистывать мелодию «Звездной пыли».

Ганка остановилась, а он тихо спросил ее:

— Вы помните? Под эту мелодию оркестра Влаха вы всегда выходили на сцену во время демонстрации мод в пражской «Люцерне».

— Вы там бывали?

— Всегда... С тех пор от этой мелодии не могу избавиться.

Как только ее услышу, передо мной возникает вы... Сколько раз я ловил себя на мысли, что насвистываю ее просто так... не замечая этого... как помешанный...

Ганка все еще стояла к нему спиной, но чувствовалось, что она не может заставить себя уйти...

— Я была знакома больше с Калиной и Земаном, чем с вами, — прошептала она.

— Я знаю. Очень жаль.

— Это вы сопровождали меня в последний раз?

— Куда?

— Через границу... когда я уходила... — Ей, по-видимому, нелегко было об этом вспоминать.

— Да, я.

— Я так и предполагала... Это хорошо.

— Тогда я думал, что вижу вас в последний раз. И вот снова разлука... И снова я вижу вас в последний раз?

Она не обернулась, только плечи ее затряслись то ли от ночного холода, то ли от тихих и горьких слез. Вдруг Ганка предложила:

— Если вы захотите меня еще раз увидеть, пошлите мне билеты на Брехта. Хэкл уже давно обещает, что возьмет меня с собой... Но вы должны смотреть откуда-нибудь издалека, с балкона, например, и иметь в виду, что я буду избегать вашего взгляда, буду болтать с ним, улыбаться ему и останусь к вам совершенно равнодушной...

Ирка положил руку ей на плечо, попытался заглянуть в лицо. Однако Ганка не позволила ему сделать это и высвободилась.

— Прощайте! — И она исчезла в темноте.

Он в отчаянии хотел крикнуть ей вслед: «Ганка!» — но из горла у него вырвался лишь какой-то неопределенный звук, похожий на кашель.

Земан озабоченно наклонился к нему:

— Как дела, Ирка? Хочешь пить?

Открыв глаза, Градец увидел, что он лежит на какой-то кровати под затененным торшером и над ним склонились Земан и Вильде. Ирка с трудом выдавил:

— Два билета на завтра на вечер... на «Берлинер ансамбль»...

— У него, наверное, температура. Бредит, — испуганно произнес Земан.

Вильде, однако, с ним не согласился:

— Да нет, непохоже, мыслит здраво... Что с билетами сделать?

— Прикрепите их булавкой... под левое первое сиденье... в третьем вагоне... в пятом по порядку поезде метро... на Темпельхоф...

Вильде ответил:

— Все сделаю! Будь спокоен!

Выйдя в антракте в фойе, публика еще раз услышала из репродуктора популярную песенку Мэкки Ножа из «Трехгрошовой оперы».

У акулы остры зубы,
Нипочем их не сочтешь,
У Мэкхита нож, как бритва,
Только где он, этот нож? ¹

Очевидно, постановщики стремились удержать зрителя в атмосфере спектакля.

Компания Хэкла прогуливалась в антракте, переполненная впечатлениями. Арнольд Хэкл был в одном из своих самых безупречных смокингов и седыми висками и бородкой с проседью скорее напоминал американского актера, чем представителя английской текстильной фирмы в западноберлинском заведении сомнительной репутации. Рядом с ним шла Ганка Бизова в великолепном вечернем туалете. Своей вызывающей красотой Ганка привлекала внимание всех мужчин. В целом это была интересная пара, будто сошедшая со страниц модных западных журналов. Третьим был доктор Салаба. Он чувствовал себя непомерно счастливым оттого, что имеет возможность сопровождать их. Хэкл предложил Салабе сигару, закурил сам и веселым голосом заметил:

— Это наиболее гениальная украденная комедия про воров, какие я знаю.

— Как, простите?.. — удивился доктор Салаба.

— Ведь эту пьесу написал англичанин, некий Хей.

Ганка не переносила его язвительного остроумия, которое он сегодня с особым удовольствием демонстрировал. Поэтому она мягко заметила:

— Оставь это, Арни, дорогой!

Однако Хэкл не позволил себя остановить. Наоборот, было похоже, что ему хочется выговориться именно при ней.

— Господин Брехт как писатель вообще смахивает на коммуниста. Что не украдет, того не имеет. И, как истинный марксист, все это теоретически обоснует. Пользуется тем, что создано другими... — Хэкл повернулся к доктору Салабе: — Точно так же, как у вас. Господин Гадек, мой английский шеф, мне рассказывал, как вы с естественной беззастенчивостью забрали у него в сорок восьмом году его фабрику.

У доктора Салабы перехватило дыхание. С такой жесткостью и язвительностью Хэкла, который обычно по отношению к нему вел себя корректно, Салаба столкнулся впервые. Он тут же огляделся, не слышал ли кто-нибудь здесь, на территории ГДР, эти сентенции Хэкла, и лихорадочно стал со-

¹ Цит. по: Брехт Б. Трехгрошовый роман. М., 1984, с. 143.

ображать, что ему ответить и как поступить в данной ситуации. Но Ганка опередила его:

— С твоей точки зрения, Арни, получается, что самый рьяный коммунист жил у вас, в Англии.

Хеклу нравились эти интеллектуальные споры с Ганкой, поэтому он отреагировал охотно и быстро:

— Кого ты имеешь в виду? Маркса?

— Нет. Шекспира, — с превосходством усмехнулась Ганка.

Это показалось Хэклу немного нелепым, и он ухмыльнулся:

— Ого!

— Он тоже все сюжеты и завязки своих пьес, — элегантно расправлялась с ним Ганка, — заимствовал у других авторов. Главным образом, из античности. А написал он их много.

Хэкл шутливо поднял руки, сдаваясь:

— Никогда не выбирайте себе в возлюбленные чрезмерно интеллигентную женщину, пан Салаба, потому что она вас уложит на лопатки раньше, чем вам это удастся сделать с ней.

Ганка быстро взглянула на свои золотые наручные часы и с усмешкой сказала:

— В этом я не совсем уверена, Арни!

В квартире Хэкла над баром «Белые линии» как раз в этот момент лязгнула последняя задвижка в двери неприступного сейфа, и бронированная дверца открылась. Полутьму комнаты нарушало лишь мигание уличных неоновых ламп и свет фонарика Збышека Броневского. Фотограф даже вспотел от напряжения и спешки — ведь ему пришлось подпиливать ключи, полученные от Градеца. Из бара доносился пьяный рев Фанты, Бема и других членов персонала Хэкла, смех и визг манекенщиц. Они обычно устраивали такие грандиозные кутежи, карусели, как говорил Гонзулка, когда Хэкл уезжал куда-нибудь на вечер или на ночь. Броневский знал, что у него будут спокойные условия для выполнения этого опасного дела. И тем не менее он торопился. Конечно, он испытывал страх, так как ясно представлял себе, что бы с ним стало, если бы его здесь обнаружили. Броневский быстро обшарил ящики сейфа и в одном из них обнаружил наконец папку с подписью: «Летей», «Белые линии»...

Разумеется, Хэкл ничего не знал об этом и поэтому не понял суть реплики Ганки. Он наклонился, чтобы с любовью и смирением побежденного поцеловать ей руку. Пан Салаба рассмеялся. Благодаря последнему каламбуру Хэкла он мог наконец проявить свое остроумие.

— У нас говорят, — продолжая смеяться, сказал он, — что глупая девка в постели лучше всего: она хоть ни о чем не спрашивает!

Подобная шутка в присутствии Ганки была столь бестактной и неприятной, что Хэкл счел нужным выказать Салабе свое презрение. Он повернулся к нему спиной, как к пустому месту, и, ничего не говоря, нежно взял Ганку под руку.

— В целом ты, безусловно, права, милая. Это действительно замечательная постановка и замечательная пьеса. Здесь собрался цвет не только восточной, но и нашей, западной интеллигенции. Мне думается, это хорошо, что нас здесь видят.

Они прохаживались как двое влюбленных, а пан доктор Салаба покорно следовал за ними.

Хэкл раскланивался во все стороны. В то время было очень модно посещать театр «Берлинер ансамбль» на другом берегу Шпрее, так как в этом странном поделенном городе не было границы и сюда каждый вечер прибывали дипломатические машины, английские и французские военные, которые интересовались театром и искусством, — короче, там собиралась культурная элита двух миров. И это особенно вдохновляло Хэкла на упражнения в язвительном остроумии.

— Видимо, к полному столу и свободе творчества следует идти на Запад, но за культурным богатством — на Восток. Здесь в самом деле есть люди, имена которых для культуры кое-что значат...

Но вдруг светская улыбка сползла с лица Хэкла. Он увидел мужчину, которого хорошо знал по Праге. Это был капитан Ян Земан, оживленно беседовавший с кем-то в группе мужчин. Хэкл не мог знать, что все эти люди — участники конференции криминалистов, которые пришли посмотреть нашумевший спектакль. Ганка тоже узнала Земана, и сердце ее сжалось. Однако Земан не обращал на них внимания, и они благополучно прошли бы мимо, если бы пан доктор Салаба не закричал радостно:

— А-а-а, вы тоже здесь, пан Земан? Как чувствует себя ваш коллега? Он уже в порядке?

Земан не ответил. Он только мельком глянул на Салабу и, холодно кивнув ему, снова отвернулся к собеседникам.

Хэкл тихо, с раздражением спросил Салабу:

— Вы знаете этого человека?

Доктор Салаба, ничего не подозревая, откровенно признался:

— Разумеется!

— В таком случае, пан Салаба, — сказал Хэкл холодно и угрожающе, словно хлопая бичом, — я начинаю думать, кто вы такой на самом деле и не попался ли я на вашу удочку.

Доктор Салаба испугался. Такого поворота дел он совершенно не ожидал. Он пытался что-то возразить, выяснить, но Хэкл больше уже не обращал на него внимания. Подойдя к гардеробу, он попросил принести одежду и помог Ганке надеть манто из серебристой лисицы.

— Твоя шубка, дорогая!

Ганка послушно оделась и осторожно спросила:

— У тебя что-нибудь случилось, Арни?

Хэкл вместо ответа коротко сказал:

— Едем домой!

Броневский продолжал свою работу с ощущением того, что это рискованное предприятие закончится благополучно и он доведет дело до конца. Общество внизу в баре теперь уже совсем перепилось и было совершенно неспособно заметить, что делается наверху, в квартире Хэкла. А Хэкл был, согласно обещаниям Градеца, где-то далеко. Броневский разложил документы операции «Белые линии» на столике, зажег настольную лампу и начал старательно фотографировать лист за листом. Он был примерно на середине работы, когда внизу, в доме, неистово зазвонил звонок. Броневский мгновенно погасил лампу, подскочил к окну и выглянул из-за занавески. Перед домом стоял «мерседес» Хэкла, у входа маячил сам шеф и яростно, настойчиво звонил. В доме быстро зажегся свет, кто-то побежал по ступенькам открывать дверь. У Броневского на лбу выступил холодный пот, и он в отчаянии, по-старинному выругался:

— Пся крив, холера ясна!

Затем быстро подбежал к столику, сгреб документы, сунул их в папку и бросил снова в сейф. Пока он лихорадочно пытался уложить все как было, на лестнице раздались шаги и голоса Арнольда Хэкла и его пьяных сообщников-гангстеров. Броневский понял, что все пропало.

10

Стояло пасмурное, промозглое утро, и Градец чувствовал себя неуютно на этой пустынной западноберлинской улице. Нигде не было ни души, только обрывки бумаги, конфетти и брошенные пустые бутылки свидетельствовали о ночном присутствии людей. Ирка еще не оправился от побоев. Ноги у него тряслись от слабости, руки, живот и спина были в болезненных синяках, на лице наклеены пластыри. Земан не хотел его пускать, предлагал пойти вместо него, но Ирка Градец знал, что только он может прийти сюда, потому что Броневский не захочет ни с кем другим иметь дело. Рано утром Градец доехал на метро до Западного Берлина и теперь снова приближался к бару «Белые линии». Шел он очень осторожно, напряженно и неуверенно. Часто останавливался, опасаясь какой-нибудь западни, но в конце концов подошел к входу, закрытому тяжелой портьерой. Ирка еще секунду колебался, потом немного раздвинул портьеру и слегка нажал на ручку. Дверь подалась. Он вошел. В баре и в гардеробной све-

та не было. Здесь царил серый полумрак. Беспорядок был страшный. Всюду валялись брошенные в спешке одежда, грим, предметы дамского туалета, стояли недопитые бутылки и стаканы с вином, виднелись липкие лужи разлитого ликера.

Людей здесь, однако, не было. Только когда Ирка подошел к занавесу, который отгораживал гардеробную от фотолаборатории, за его спиной послышался насмешливый голос:

— Ты все-таки пришел?

Ирка резко обернулся и увидел Броневского перед зеркалом за столиком его сестры. Скрытый ширмой, поляк сидел перед бутылкой коньяка и пил.

Градец сказал с облегчением:

— Я привык держать слово.

— Но вчера ты его не сдержал, — мрачно упрекнул его Броневский.

Градец молчал. Он уже знал от Земана, что произошло. Броневский сердито укорил его:

— Хэкл вернулся раньше.

Градец тихо признался:

— Я не мог ему в этом помешать. — И спросил напрямую: — Значит, неудача?

Броневский медленно открыл ящик гримерного столика, вынул оттуда ключи от сейфа и миниатюрный фотоаппарат:

— Вот твои ключи и камера. — Затем он сунул руку в карман и подержал перед глазами Ирки кассету с фото пленкой. — А это то, что вам нужно... Но это не все. Я не успел. Отснял тебе только списки. На инструктаж и подробные указания к этой операции уже не хватило времени.

Градец нетерпеливо протянул за кассетой руку:

— Отлично! Спасибо и за это!

Однако он понял, что Броневский не торопится отдавать кассету. Тогда Градец вытащил из кармана объемистый конверт и сказал:

— Наш уговор, разумеется, остается в силе. Хочешь в марках или в долларах?

Броневский опрокинул в себя очередную рюмку с коньяком и насмешливо спросил:

— А кто тебе сказал, что я собираюсь отдать это за деньги?

Градец был удивлен:

— А за что тогда?

— За Арнем¹!

Градец был в еще большем замешательстве:

— Не понимаю тебя!

— После Арнема я смертельно ненавижу британских офицеров и лордов, — признался с пьяным азартом Броневский и

¹ В районе этого города в Нидерландах англо-американские войска и польская парашютная бригада провели неудачную воздушно-десантную операцию в сентябре 1944 г. — *Прим. ред.*

начал изливать ему полную ненависти душу: — Эти надутые господа — пустые идиоты с моноклем в глазу и колониальным хлыстом в руке!.. Кто это выдумал, что они мужественные люди и джентльмены и имеют право решать судьбы мира? Как будто они лучше и справедливее нас! Они тряслись от страха за Ла-Маншем, в то время как мы, поляки, шли с саблями наголо в атаку против гитлеровских танков... Я был на Мазурских равнинах, я воевал там... Страшно вспомнить... Там погибли целые наши дивизии, но ни один поляк не отступил... Потом я попал к ним в Англию. Всю войну обучался в десантной дивизии, чтобы иметь возможность отомстить Гитлеру за мазурскую бойню... Мы, поляки, бредили той святой минутой, когда запоем: «Еще Польша не згинела»¹ и совершим великий подвиг, который войдет в историю... — Он снова выпил и продолжал: — Потом пришел такой момент... Арнем... Высадили нас 17 сентября в пять часов утра в тыл немецким войскам, чтобы мы открыли путь британским армиям через Рейн. Мы верили этому... бились как львы... Ты не представляешь, какой это ужас попасть в такой котел... Возле меня погибали мои товарищи десятками, сотнями... Раненые стрелялись, чтобы не попасть в плен к немцам... От полка нас осталось всего пятеро. Наполовину обезумевшие, мы снова пробивались к англичанам... И там узнали, что вся эта операция, все эти бои оказались совершенно ненужными. То был просто каприз Монтгомери, его показательный маневр, которым он хотел продемонстрировать свой стратегический талант перед Эйзенхауэром... Понимаешь? Вся польская парашютная бригада погибла там напрасно. Это была дурацкая смерть, идиотская, глупая... Ради игры между двумя генералами... — Броневский снова выпил и в ярости выпалил: — Ненавижу их!.. И всю свою жизнь хочу мстить им за Арнем! Расстраивать их идиотские генеральские игры, из-за которых потом напрасно умирают люди... — Он протянул Ирке кассету с пленкой: — Вот поэтому я тебе и принес эту вещь!

— Почему ты до сих пор не возвратился домой, Збышек?

— Потому что я шляхтич и не могу выносить, что страной управляют хамы!

— А теперь-то ты, наверное, так не думаешь?

— Нет, что угодно, только не это! И потом, я единственная надежда у сестры. После войны она убежала за мной в Англию... Я должен ее вернуть назад, нельзя допустить, чтобы и она загубила свою жизнь здесь... — И вдруг неожиданно Броневский взорвался: — Иди, иди и оставь нас, не агитируй, это уж наше дело!..

— Прощай, Збышек! Ты лучше, чем я думал...

Градец открыл дверь и поспешно вышел в бар, чтобы через него выбежать на улицу. Теперь, когда он был один, ему бро-

¹ Начальная строка польского государственного гимна. — *Прим. ред.*

силось в глаза, что бар без огней и посетителей посерел, омертвел. Даже пахло в нем, как поутру от пьяницы. Стулья были перевернуты и поставлены на столы, но в помещении было еще не убрано, и ножки стульев напоминали тянущиеся вверх над этой мусорной кучей и молящие о помощи пальцы рук. Градец хотел пробежать через это мертвое, безрадостное помещение как можно быстрее. И хотя здесь никого не было, что-то заставляло его спешить. И тут произошло то, чего он все это время подсознательно боялся! Со всех сторон вдруг вспыхнули прожекторы и пригвоздили его, полуослепленного, к центру зала, как на манеже. Кто-то в темноте за прожекторами произнес:

— Мы тебя все-таки дождались, пижон!

Голос прозвучал как-то странно в этом пустом помещении, как и смех нескольких мужчин, раздавшийся вслед за этими словами. Градец прикрывал ладонями глаза и стремился разглядеть кого-либо из своих противников. Но все было напрасно. В тот момент когда ему показалось, что он определил направление, откуда раздался первый голос, за его спиной кто-то произнес:

— По-видимому, тебе одной взбучки мало. У тебя, видно, твердая башка. Хорошо! Сегодня тебе будет хуже. Сегодня пришьем.

И тотчас слышался третий, который Градец узнал сразу, — голос Хэкла:

— Внимание, ребята, мне он нужен живой! Он должен нам рассказать, с кем здесь связан.

Градец понял, что на этот раз ему не уйти и положение безвыходное: он был окружен огнями, как загнанный зверь. Спина его покрылась холодным потом. Неожиданно он с новой силой ощутил все те удары, которые получил от этих молодчиков два дня назад. Однако это длилось всего секунду, потому что безнадежная ситуация, в которой он оказался, вызвала у него отчаянную решимость дешево свою жизнь не отдавать. Он схватил стоявший на столе стакан и швырнул его в самый яркий прожектор. Стекланные осколки разлетелись во все стороны, прожектор погас, и Градец вдруг обнаружил в этой стороне четкие фигуры двух своих противников. Это были Фанта и Бем. Градец быстро нагнулся, схватил один из стульев, вырвал у него ножку и, вооруженный ею как дубинкой, воинственно воскликнул:

— Налетайте, ребята! Я покажу вам, как дерутся у нас в Чехии!

Градец бросился вперед. Дрался он, несмотря на свои незажившие раны, на удивление отважно. Более того, противники были настолько ошеломлены его неожиданной атакой, что начали трусливо отступать...

У Збышека Броневского за кулисами в это время находилась его сестра Зуза. Стараясь успокоить брата, она гладила

его по голове. Но он все равно нервно вздрагивал при каждом выкрике, ударе или другом звуке борьбы, доносящемся из бара. Збышек физически ощущал, какие удары достигают цели и что там внизу творится. Вдруг он хрипло затянул:

— Еще Польша не згинела...

Медленно, с пьяной нетвердостью в ногах, Збышек встал. Зуза, поняв, что он собирается сделать, испуганно запричитала:

— Не смей этого делать, Збышек! Они убьют тебя! Не ходи туда!

Он грубо ее оттолкнул:

— Ерунда! Меня убьют? Человека, который пережил Мазурские равнины и Арнем? Меня — из отборных десантных польских частей? Вздор, Зуза!

Она повисла у него на шее и закричала:

— Что будет со мной? Не ходи! Какое тебе дело до всего этого? Подумай прежде всего о нас двоих, Збышек... Подумай обо мне — я уже не могу так дальше жить! Если ты меня отсюда не увезешь, я покончу с собой! Не ходи!

Он оторвал ее руки от своей шеи:

— Там звенят клинки! А в этом случае польский шляхтич не может стоять в стороне. Пусти!

Збышек как буйвол ворвался в бар, где дела у Градеца шли неважно. Бандиты загнали Ирку в угол зала и, несмотря на то, что он отбивался с цепкостью и сноровкой бывалого драчуна, подбирались к нему все ближе. Наконец Бему удалось выбить у Ирки ножку от стула. С этого момента Градец оказался беспомощным и понял, что это конец.

Именно в эту, казалось, последнюю для Ирки минуту в бар ворвался Збигнев Броневский. Четкими десантными приемами и ударами он укладывал одного противника за другим. Он перевернул в схватке вверх дном весь бар, оставив за собой груды мебели. Потрясенные и перепуганные бандиты стали трусливо отступать, с трудом поднявшись с пола. У Градеца появилась новая надежда. Выразительно поднятым большим пальцем руки он поблагодарил Збышека. Броневский бросил ему ножку от стула и встал рядом. Теперь они сражались вдвоем против пятерых, а это было уже недурно. Броневский негромко крикнул Градецу:

— Беги! Я задержу их!

Градец наотрез отказался:

— Нет, так не пойдет! Я не могу тебя одного оставить, Збышек!

Но Броневский в ярости заорал:

— Беги, у тебя дела важнее! Помни об Арнеме! Беги!

Это прозвучало так уверенно и властно, что Градец тут же бросился из бара вверх по ступенькам на улицу. Броневский сразу же забаррикадировал своим могучим телом лестницу и

рявкнул на всех пятерых, которые уже опомнились и приближались к нему снова:

— Подходи, мразь!

Хэкл бросил пож Гонзулке Бему и холодно сказал:

— Этого мне живым не нужно!

Когда наконец затих шум борьбы и в баре воцарилась зловещая тишина, Зуза, преодолевая страх, выглянула из-за кулис. В зале никого не было. После потасовки повсюду был страшный разгром: перевернутые и поломанные столы и стулья, разбитые бутылки и прожекторы, порванные портьеры. Зуза осторожно, охваченная страхом, пробиралась среди этого хаоса. Под ногами у нее хрустело разбитое стекло.

Внезапно она обнаружила брата. Он лежал на полу, между разбитыми столами, и держался за бок. Зуза опустилась на колени, попыталась его приподнять, но Збышек прохрипел:

— Оставь меня, Зуза!

Только теперь она увидела, что у него в правом боку торчит нож. Девушка заплакала от охватившего ее ужаса:

— Иезус Мария... Матка боска...

Збышек улыбнулся и устало сказал:

— Не плачь, Зуза! То была единственная битва в моей жизни, которая имела смысл...

Это были его последние слова.

11

Градец выскочил на полупустую утреннюю улицу и попытался как можно быстрее сориентироваться, в каком направлении ему лучше всего скрыться, пока Хэкл и его банда не бросились в погоню. В этот момент открылась дверца черного «мерседеса», припаркованного у тротуара перед баром, чья-то рука изнутри ухватила Ирку и втянула в машину. Это была Ганка Бизова.

С той минуты как в баре начался этот сумасшедший погром, Ганка знала, что речь идет о жизни и смерти Градца. Она могла помочь ему только одним — открыть и завести автомобиль Хэкла и с тревогой ждать, что произойдет чудо и Ирке хотя бы на минуту удастся оторваться от убийц.

Теперь они снова были вместе. Ирка Градец был счастлив. Он сидел за рулем, и мощный автомобиль Хэкла увозил их подальше отсюда, от этого зловещего места.

Ганка со страхом в голосе просила Градца:

— Едем, прошу тебя! Быстрее! Самым коротким путем к контрольно-пропускному пункту — и в ГДР! Я покажу тебе дорогу!

Градец за рулем чувствовал себя до такой степени уверенно, что начал даже насвистывать.

— Только спокойно! С этим мы справимся! — заверил он ее.

Однако Ганка его уверенности не разделяла.

— Ты их не знаешь. Одолеть Збышека им минутное дело, машину возьмут моментально, там их несколько — и они уже у нас на хвосте!

Градец только усмехнулся:

— Тогда я им покажу, как ездят в Чехии шоферы «скорой помощи». Такого ралли Западный Берлин еще не видывал. Мы уйдем от них, будь спокойна!

Но Ганка тихо и грустно поправила его:

— Надеюсь, ты уйдешь от них... Буду за тебя молиться!

Градец вдруг перестал насвистывать и сжал руль так, что у него побелели костяшки пальцев.

— Как это я? Ты ведь едешь со мной? Домой!

— Нет, — твердо сказала Ганка. — Я должна остаться здесь, и ты это знаешь.

Как в сумасшедшем сне летели мимо них берлинские улицы. Градец выписывал такие виражи, что машина с визгом, чуть не касалась углов зданий. Они уже были не одни, Ганка была права. Два мощных «порша» гнались за ними, стараясь перегнать и перегородить им дорогу. Градец выжал газ почти до упора и крикнул Ганке:

— Ты не можешь здесь остаться с ним. Ведь я... ведь мы... Он убьет тебя!

Ганка возразила ему усталым голосом:

— Не убьет, потому что очень меня любит. Я последняя женщина в его жизни. Буду у него месяц-другой в немилости, потом он сам себя убедит в том, что был несправедлив ко мне, попросит прощения — и все будет по-старому.

Градец в отчаянии закричал:

— Нет, не пущу тебя!..

— Наоборот. Ты сделаешь так, как скажу я, — приказала ему Ганка. — На ближайшем повороте выбросишь меня из машины.

— Как это? Зачем? — в отчаянии воскликнул Градец.

— Потому что мне нужно алиби, чтобы объяснить ему, как ты попал в его машину. Ты меня просто украл. Насильно! Неплохо, если бы на улице были люди, которые видели бы это. Ты толкнешь меня, когда я тебе скажу: «Сейчас!»

Ганка с нетерпением смотрела из окна машины на улицу, которая в этой бешеной гонке превратилась в две сплошные серые стены. Она уже приоткрыла дверь и придерживала ее рукой. Градец отказался наотрез:

— Нет, я этого не сделаю!

— Ты должен! — крикнула Ганка. — Ты прежде всего разведчик, а не сентиментальная баба! Не бойся, все будет хорошо. Я занималась гимнастикой, так что падать умею. Самое большее, немного побьюсь. А он остановится, сможешь быть уверен, он отличный водитель... Внимание, этот поворот приближается, приготовься... Привет Праге и чайкам над Влтавой.

Скажи им, что есть здесь одна несчастная девчонка, которая страшно тоскует... — Поцеловав его быстро и робко в щеку, она крикнула: — Сейчас!

Градец не понял, толкнул ли он ее локтем или Ганка выпала из машины сама. Он только ощутил вдруг, что потерял ее и что она исчезла где-то сзади за машиной на мостовой.

— Боже, Ганка... — простонал он.

Но Ирка ехал дальше — так она хотела. Он не мог поступить иначе, потому что один из «поршей» снова догнал его. Он несся за машиной Ирки по узким улочкам и старался на нее наехать и столкнуть с дороги. Однако Градец владел рулем действительно отлично. Он лихо увертывался от машины преследователей, петлял и, сделав головокружительный вираж, вдруг неожиданно разворачивался на боковых улицах и мчался в противоположную сторону.

Когда Градецу уже казалось, что сейчас он уйдет от бандитов, Фанта, который сидел в «порше», опустил стекло, прицелился и дал по машине Ирки очередь из автомата.

Заднее стекло «мерседеса» разлетелось вдребезги...

12

Скорый из Берлина прибыл на вокзал Прага-центр. Калина, Бартик и Бланка стояли на перроне и напряженно вглядывались в бесконечный поток пассажиров. И вдруг они увидели Земана. Он выпрыгнул из вагона-ресторана и улыбаясь направился к ним. Какой-то пожилой элегантный мужчина в модном клетчатом пиджаке сказал ему вслед не без зависти:

— Вам везет, пан Земан, вас встречают... Только я, как всегда, один, точно Агасфер, обреченный на вечные скитания... Так до свидания, но в следующий раз мы непременно устроим хорошую прогулку. В этот раз она у нас не получилась, я вам так скажу...

— Будьте спокойны, пан Салаба, прогулка будет!

Земан радостно обнял и поцеловал Бланку, пожал руку Калине и Бартику.

— Так как дела в Берлине, Гонзик? — нетерпеливо спросил Бартик.

— Все нормально! Разумеется, скучать не пришлось!

— А Градец?

Земан обернулся и показал назад:

— Там!

В эту минуту Градец как раз вышел из вагона-ресторана, что-то рассказывая хорошенькой официантке. Калина быстро пошел ему навстречу и волнуясь спросил:

— Так что, Ирка? Как тебе там жилось, в том большом западном мире, бродяга?

Градец с легким юмором ответил:

— Отлично, товарищ начальник.

Калина устало спросил:

— А что привез?

Градец моментально посерьезнел:

— Себя живого! А это уже много. — Он подал Калине свою папку: — Но вам я привез вот это! Докладываю о выполнении задания...

Потом они все — Калина, майор Житный, Ирка Градец и Земан — уселись в кабинете Калины и детально просматривали пленку со снимками, которые Збигнев Броневский успел сделать.

Калина задумчиво сказал:

— Так это и есть их «Белые линии»?

— Или «Летей», — добавил Житный. — Так эту операцию называют американцы!

— Обратите внимание на последнюю фамилию, — предупредил их Земан. — Иво Голан, редактор. И запись карандашом возле фамилии: «Составить кадровую характеристику, собрать информацию о его интересах, изъянах характера, слабостях». Слово «деньги» там было написано с восклицательным знаком. В этом списке я, однако, ожидал встретить еще одну фамилию.

— Какую? — спросил его Градец.

— Салаба.

— Нет, это всего лишь обычный болтун, — возразил Градец. — Этот случай проходит скорее по вашему ведомству, нежели по нашему, Гонза. — Явно разочарованный, Градец обратился к Калине: — Не понимаю я этого, товарищ начальник. Я ожидал чего угодно — обширного заговора, большой диверсионной акции. А здесь лишь фамилии представителей нашей интеллигенции: журналистов, писателей, коммерсантов, общественных деятелей, ученых... Что они собираются с ними делать?

— Они хотят создать у нас в республике своего рода тро-янского коня, — сказал Житный.

Калина задумался, потом заговорил, взвешивая каждое слово:

— Многого мы еще, наверное, не понимаем, Ирка... Но недалеко то время, когда мы хотя бы в этом сможем разобраться... Разумеется, мы не должны эти проблемы недооценивать, ведь новая жизнь досталась нам такой дорогой ценой!

Градец со странным блеском в глазах произнес:

— Мне даже дороже, чем вы предполагаете!

Его утрата была страшнее, чем сам Ирка мог себе представить. Ганка Бизова умирала в берлинской квартире Хэкла. Когда она выпрыгивала на утреннюю мостовую из машины, она учитывала водительское мастерство Хэкла, но забыла о его мастерстве по части выпивки. Мозг Хэкла, постоянно одурманенный порциями джина, среагировал с опозданием на трагическую сотую долю секунды... Как только Хэкл увидел

Ганку на мостовой перед машиной, он страшно испугался, изо всех сил нажал на тормоза и вывернул руль. Резко взвизгнули тормоза, машина закрутилась на мостовой, мотор захлебнулся и зачихал. Хэкл выскочил из машины, упал перед Ганкой на колени, оттащил ее от бампера, так жестоко ударившего по ее нежному телу, до которого до сих пор никто не смел дотрагиваться, кроме Хэкла. В ужасе Хэкл повторял:

— Ганочка, ради бога, Ганочка...

Мир перед ним стал рушиться, но сейчас ему было все равно. Его больше не интересовали ни Градец, ни «Белые линии», были только он, Хэкл, и она — его последняя неистовая любовь, которую он боялся потерять.

Ганка неожиданно открыла глаза, улыбнулась ему и зашептала:

— Ничего, Арни... Ничего...

Она медленно с его помощью встала с мостовой. Хэкл был счастлив. Ему показалось, что произошло чудо — и все закончилось хорошо, что Ганка отделалась в этом ужасном падении и наезде только мелкими кровоточащими ссадинами и царапинами. Она даже отказалась идти к врачу. Села к нему в машину и только машинально, со странной тяжелой усталостью повторяла:

— Ничего, Арни... Ничего... Отвези меня домой... Я умоюсь, забинтую царапины, лягу... Ты сядешь ко мне и будешь меня гладить... Ничего, Арни... Мне нужно только выспаться... Ничего...

Он отвез ее домой и сделал все так, как она хотела. Ганка спала долго и спокойно. Но вечером, когда Ганка проснулась и со слабым хриплым вздохом открыла опять глаза, это были уже странные глаза, из другого мира. Хэкл после обеда не пустил к себе ни Фанту, ни Бема, чтобы не слышать их циничных высказываний по поводу отношений Ганки и того человека... Он просто вычеркнул этот эпизод из своей и ее жизни, как будто его не было. Никогда не было той потасовки, не было бешеной погони по берлинским улицам. То было какое-то странное наваждение, горячечный сон... Теперь, увидев эти глаза, Хэкл начал кричать и звать на помощь. Побежали за врачом, вызвали «скорую помощь». Однако было уже поздно. У Ганки было кровоизлияние в мозг. Словно почувствовав близость конца, она тихо, с безмерной усталостью, спокойствием и печалью произнесла:

— Я от тебя, наверное, ухожу, Арни... С богом...

И она на самом деле ушла, легонько, без причитаний, проскользнув в узкую щель полуоткрытых темных дверей между жизнью и смертью.

А в это время в баре началась вечерняя программа. Сопровождаемая восторженным ревом любителей пива, американских солдат в увольнении, волосатых хиппи и кумиров берлинских трущоб, во главе группы манекенщиц в бело-полоса-

тых вечерних туалетах появилась Зуза Броневская. Гордая, красивая, аристократичная, поднималась она по ступенькам на подиум над беснующимся морем мужской похоти. Она летела как птица над лесом тянущихся мужских рук и с гордой, презрительной усмешкой бросала в зал предметы своего туалета.

В сопровождении оркестра Зуза пела популярную песенку весеннего берлинского сезона:

Белых линий притяженье,
Белых линий белизна
Всех мужчин ввела в волненье —
Богача и бедняка...
Женщину из линий белых
Раздевать — блаженства верх.
В тканях фирмы «Бенсон — Бенсон»
Женщина шикарней всех...

Теперь этот шлягер звучал как панихида по Ганке и Збышеку...

КЛОУНЫ

1

От этого поэтического подвального помещения веяло очарованием старой Праги. Здесь пахло вином, которое лилось тут многие годы. В красноватом полумраке перед началом представления, когда стены и готические очертания каменных сводов освещались лишь маленькими лампочками на столиках и лучом прожектора, стрелой впившимся в грубо отесанные доски импровизированной средневековой сцены, иногда казалось, что здесь, среди этой чрезвычайно пестрой толпы молодых и пожилых зрителей могли бы сидеть Кафка¹, Мейринк² и другие писатели и поэты прошлого.

На сцене в мерцающем свете прожектора стоял вполне современный поэт — молодой человек в джинсах, куртке и рубашке с расстегнутым воротом.

Притихшая аудитория с жадностью внимала его страстной вступительной речи.

— Поэт ведь имеет право на бунт. Он всегда имеет право взбунтоваться против условностей, мракобесия, рабства, угнетения. А Вийон³ и был таким бунтарем. Он, как говорил Сент-Бев⁴, подобен кольцу с камнем, которое посылает свое

¹ Кафка Франц (1883—1924) — австрийский писатель. — *Прим. пер.*

² Мейринк Густав (1868—1932) — австрийский писатель. — *Прим. пер.*

³ Вийон Франсуа (1432 — после 1464) — французский средневековый поэт. — *Прим. пер.*

⁴ Сент-Бев Шарль Огюст (1804—1869) — французский писатель и критик. — *Прим. пер.*

сияние вдаль даже тогда, когда оно ржавое. Мы не говорим подробно о том, каким он нам представляется как человек и как автор. Мы считаем его одной из сложных личностей, одним из последних представителей поколения забытых сатириков, их самым знаменитым преемником и вместе с тем лидером нового поколения.

Да-да, и мы, молодые чешские поэты, причисляем себя к последователям Вийона. И мы вместе с ним сегодня провозглашаем: «Долой попов, полицейских, цензоров, обывателей, менторов и мракобесов в культуре! Да здравствует свобода искусства!»

Это было сверх всяких ожиданий. Гости пришли на этот вийоновский вечер в надежде стать свидетелями значительного события в культурной жизни, услышать выступления оригинальных поэтов-интеллектуалов и критиков, что являлось хорошей традицией кафе «Кониерна». Присутствующих интересовало и вступительное слово поэта Павла Данеша, который был известен как бесстрашный оратор, бросающийся очертя голову в каждую литературную драчку, публичные дебаты и даже провокации, если это сулило ему успех. Но публичный призыв к бунту против государственной власти в области культуры здесь прозвучал впервые.

Зал взорвался восторженными аплодисментами в знак согласия.

Павел Данеш был доволен. Ему удалось сорвать аплодисменты, значит, теперь ему будет больше к лицу скромность. Наступил подходящий момент для того, чтобы уйти. Он быстрым взмахом руки успокоил публику, чтобы добавить:

— Мне остается лишь пожелать вам ярких впечатлений от баллад и рондо Вийона, его ироничных жалоб и едких эпитафий. Итак, слово имеет... Франсуа Вийон!

Луч прожектора скользнул к краю сцены и высветил сидящего на деревянных ступенях человека — это был актер в костюме средневекового бакалавра. Павел Данеш тут же исчез в темноте.

Актер легко спрыгнул со ступенек и как истинный парижский волокита закружился в танце с тремя танцовщицами, которые одна за другой появились из темноты. Затем актер декламировал:

В какую б дудку ты ни дул,
Будь ты монах или игрок,
Что банк сорвал и улизнул,
Иль молодец с больших дорог,
Писец, взимающий налог,
Иль лжесвидетель лицемерный, —
Где все, что накопить ты смог?
Все, все у девок и в тавернах!¹

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика. М., 1981, с. 112.

Тут актер спрыгнул с подмостков в зал и, сопровождаемый светом прожектора, стал прохаживаться между столиками. Обращаясь к зрителям, он небрежно бросал им в лицо сатирические строки стихов:

Пой, игрищ раздувай разгул,
В литавры бей, труби в рожок,
Чтоб развеселых фарсов гул
Встряхнул уснувший городок
И каждый деньги приволок!
С колодой карт крапленых, верных
Всех обер! Но где же прок?
Все, все у девок и в тавернах!¹

Он дошел до столика в углу, где жались над первой в жизни рюмкой вина молоденькие паренек и девчонка, которым было лет по пятнадцати. Освещенные лучом прожектора, они, конечно, засмущались, не зная, куда девать глаза и руки.

Актер видел их смущение, но, несмотря на это, продолжал:

Пока в грязи не потонул,
Прибрати земли клочок,
Паши, коси, трудись, как мул,
Когда умом ты недалек!² —

И пошел, сопровождаемый светом, дальше.

Они, наверное, были ему благодарны за то, что он хоть ненадолго, всего на несколько секунд, задержался возле их столика. Полумрак скрыл их. Голос актера звучал издалека и уже не был адресован им лично.

Но все пропьешь, дай только срок, —
Не верю я в мужей примерных, —
И лен, и рожь, и кошелек, —
Все, все у девок и в тавернах!³

Паренек, когда они остались за своим столиком опять вдвоем, проговорил:

— Он бесподобен, правда? Спасибо Павлу, что он нас сюда пригласил. Подожди, ты еще услышишь, как поет Ева.

Девушка, однако, не разделяла его восторга. Она неожиданно спросила:

— Слушай, сколько у тебя?

Паренек заметно испугался. Его наличные были, конечно, мизерные, и он, разумеется, подсчитывал в уме, сколько могут стоить в этом изысканном заведении их две рюмки вина, и боялся осрамиться перед девушкой, которую сюда затащил,

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 112,

² Там же.

³ Там же, с. 113,

Нащупав кошелек, чтобы убедиться, что он при нем, юноша спросил:

— Чего?

— Времени сколько?

Он ответил с облегчением:

— Сейчас десять минут девятого. Что ты все дергаешься?

И тогда она призналась:

— Я к тому, что меня папа убьет, если узнает, что я здесь. Дома я сказала, что мы идем с агитбригадой... в дом пенсионеров.

Стойка бара поэтического кафе представляла собой уютный красочный уголок, отделенный полупрозрачным занавесом из бусинок на длинных нитках от основного зала, в котором в роли Франсуа Вийона выступал сейчас актер Водваржка. Там сидели на высоких стульях всего два посетителя: редактор и критик Дагмар Неблехова, с бледным лицом, в несколько эксцентричном модном костюме, и поэт Павел Данеш. Владелец заведения, он же бармен, Роберт Сганел, элегантный мужчина с проседью в волосах и с одухотворенным лицом, доливал им коньяк в пузатые коньячные рюмки. Налив и себе, он чокнулся с Данешем и сказал:

— Вы были бесподобны, маэстро. Восхитительны!

Неблехова улыбнулась и подняла вверх большой палец:

— Первоклассно! Просто отлично!

Данеш уже давно потускнел после своего вступительного слова и, хотя похвалы были ему приятны, выглядел поникшим. Отяжелевшим языком он спросил:

— Никто не заметил?

— Чего?

— Что перед этим я полдня пил.

Неблехова живо заверила его:

— Нет, Павел, наоборот! В речи прозвучало нечто особое, неповторимое... А кстати, почему ты, собственно, пил? Что случилось?

С трагическим пафосом Данеш признался:

— Она выгнала меня!

Неблехова не приняла его трагизма и весело засмеялась:

— Опять?

Однако Данешу было не до смеха. Он опрокинул в глотку рюмку коньяку и театрально произнес:

— На этот раз навсегда. Наверное, не могла простить, что я умнее, чем она... Я потом всю ночь стоял под ее окнами... Свистел, просил, но она не сжалилась, не открыла... Между нами все кончено. Окончательный разрыв...

Неблехова деловито опровергла:

— Глупости! Этих «концов» было уже несколько, и всегда потом опять все начиналось сначала.

— Нет! На этот раз все! Я ее так ненавижу, Даша!.. И при этом жить без нее не могу... Я привык к ее духам, настроением, истерии, разгульному образу жизни. Она приковала меня к себе. И теперь, когда я на дне, когда я не могу без нее написать ни строчки... она просто вышвырнула меня на улицу... Что мне теперь делать, скажи?.. Что мне еще остается?.. Вот это?! — Он вытащил из кармана браунинг и положил его перед собой, бормоча: — Убить себя... Или ее... Или нас обоих? Это, наверное, было бы лучше всего, правда?

Сганел и Неблехова остолбенели. Неблеховой потребовалось отпить коньяка, чтобы прийти в себя. И только после этого она сказала:

— С ума сошел? Спрячь! Кто тебе его дал? Ферда?

Сганел испуганно спросил:

— У вас хотя бы есть удостоверение на это, дружище?

Данеш патетически произнес:

— Зачем? Есть вещи, границы и реки, для которых паспорта не нужно. Только монету под язык. Для Харона...

Неблехова холодно одернула его:

— Оставь свое глупое кривляние, прошу тебя, и спрячь эту штуку. Я не люблю такие жесты. Ни к чему.

— А что «к чему»?

— Перестань ломать комедию и действуй.

— Как?

— Иди к ней в гардеробную. Проси у нее прощения.

— Она меня вышвырнет.

— Не сдавайся. Ты должен ее уговорить, ты же умеешь. Только что ты уговорил двести человек, почему бы тебе не уговорить теперь всего одну женщину? Она всегда перед выступлением нервничает и потому постарается от тебя побыстрее избавиться. Требуй тогда от нее ключ от квартиры, и она даст тебе его в конце концов.

— А потом?

— Ночью она придет после представления домой, уставшая, обессиленная, и найдет тебя в постели. Как ты считаешь, что она сделает? Приляжет.

Данеш, удивленный и обрадованный ее словами, поцеловал Дагмар и с благодарностью прошептал ей на ухо:

— Умница!

Неблехова усмехнулась. Она не нуждалась в его оценках. Себя она знала.

— Иди-иди!

И тут вмешался Сганел:

— А эту штуку оставь здесь!

Он хотел было забрать у поэта браунинг, однако Данеш оказался проворнее. Он схватил оружие, повернул стволom себе в лицо и положил палец на спусковой крючок.

— Наоборот. Именно мне это сейчас и нужно, шеф... — проговорил он и нажал на спусковой крючок.

Они перепугались, однако выстрела не последовало, только на конце ствола затрепетал крохотный огонек. Это была зажигалка. Данеш спокойно закурил сигарету, которую самовольно взял из сумочки Дагмар, и, сказав женщине:

— Заплати за коньяк! У меня ни гроша, — удалился.

Неблехова возмущенно бросила ему вслед:

— Мерзавец!

Певица Ева Моулисова действительно нервничала. Она сидела в гардеробной перед зеркалом в костюме средневековой французской шалуни-кокетки, глубоко затягиваясь, курила крепкие сигареты и уже в сотый раз подправляла грим, подкрашивала губы и, волнуясь, скороговоркой повторяла текст.

Она смотрела в зеркало, и отчаяние охватывало ее. Нет, она уже немолода, ее кожа сереет и увядает, возле рта появляются морщинки, фигура теряет стройность... Короче говоря, от былой красоты почти ничего не осталось. А когда-то было достаточно ее улыбки и плавного покачивания стройных бедер, чтобы публика не дышала и сидела как зачарованная.

Теперь Ева вынуждена была электризовать публику глубиной и опытом своего искусства, силой своей души заставлять людей верить, что тело ее все еще красиво.

Ева знала это и поэтому очень нервничала.

Когда она увидела Данеша позади себя в зеркале, она резко обернулась и почти истерически взвизгнула:

— Кто тебя сюда пустил? Что тебе надо? Денег? Не дам. Ты меня уже достаточно обобрал. Так что тебе нужно?

— Ничего! Тебя!

Эта наглость ее взбесила.

— Катись отсюда! Убирайся, мерзавец!

Он картинно упал перед ней на колени:

— Мы ведь не можем вот так разойтись... Прости меня, Ева...

Она овладела собой, перестала на него кричать, хотя ее рука с сигаретой дрожала.

— Говорю тебе, убирайся... Я должна сосредоточиться, мне через минуту выходить на сцену... У нас с тобой все кончено... Уходи!

Она отвернулась от него опять к зеркалу и скорее делала вид, чем гримировалась на самом деле. Однако он остался стоять на коленях у ее ног и даже осмелился погладить ее бедро.

— Я всю ночь простоял под твоим окном, Ева...

Но это не тронуло ее. Без всякого сочувствия, холодно оттолкнула она его руку и сказала:

— Знаю. Что дальше?

Он вскочил, как будто его ударили.

— Ты знала?.. Ты это знала?! — Он задохнулся от обиды. — Ты, наверное, на меня даже и смотрела?.. Из-за занавески... со злорадством... подло... Ты видела, как я страдаю... как терзаю себя... и не открывала?

Она не поверила его страдальческому тону, поскольку знала его, и презрительно бросила:

— Шут! Комедиант!

Он не хотел сдаваться, снова упал на колени перед ней и прижался лицом к ее ногам.

— Неужели ты уже забыла, как мы были счастливы? Неужели забыла, как называла меня крошкой, как любила, ласкала меня?

Еще немного, и она погладила бы его по голове, так живы были воспоминания, которые он вызвал в ее душе своим тихим, жалобным голосом. Однако в последний момент Ева овладела собой и судорожно, чтобы удержать себя от этого, стиснула рукой зеркало.

— Главное, я не забыла, как ты меня за это отблагодарил... Я не забыла те взломанные ящики, украденные сберегательные книжки и деньги, на которые ты угощал друзей по кабакам и клубам... Я не забыла, как ты продал мой перстень, оставшийся после мамы, магнитофон, транзистор и шубу.

Оправдываться было бесполезно, он понял это и только сказал:

— Все тебе верну!

Ева Моулисова горько усмехнулась:

— Когда?

— Как только у меня выйдет книжка!

Она презрительно усмехнулась. Ей вдруг захотелось еще больше оскорбить его и унижить, и она расхохоталась:

— У тебя? Книжка? Ты же в жизни ничего не напишешь... Ты умеешь только трепаться... Ошеломлять людей и самого себя речами о великом искусстве... Разыгрывать из себя гениального проказника... А на самом деле ты всего лишь обычный кабацкий бездельник, лодырь... Ты хочешь изобразить из себя Вийона, но ты не перстень, ты ржавчина, а перстни только крадешь!

Он был удивлен ее страстным обвинением и промямлил:

— Ева... прошу тебя...

Выплеснув всю горечь, она устало спросила:

— Что тебе нужно?

Из репродуктора над дверью приглушенно прозвучал голос помощника режиссера:

— Пани Моулисова, пани Моулисова, пани Моулисова, на сцену!

Она поспешно встала. Однако Данеш схватил ее за руку. Не выпуская ее, он потребовал:

— Ключ!

Она вырвала руку, стараясь освободиться от него и поскорее уйти в зал, где ее ждали.

— Зачем?

Данеш ухватился за этот вопрос, как за новую надежду:

— Я не спал всю ночь... Мне нужно привести себя в порядок... Помыться... Побриться... И выспаться!

Однако этого ему не следовало говорить. Это последнее слово снова разбудило в Еве беса. Она взвизгнула:

— В моей постели? И опять с этой вульгарной, похотливой девкой? Никогда! — Она выбежала из гардеробной и хлопнула дверь.

Павел Данеш поднялся с колен, упал в ее кресло перед зеркалом и громко рассмеялся.

Небольшая джазовая группа на сцене заиграла средневековые французские мелодии в современной аранжировке.

Ева Моулисова вышла к публике и стала вдруг совсем иной — уверенной в себе, а при свете прожекторов и красивой.

Каждое ее движение, улыбка, жест были выразительны, притягивали взгляды публики. Во всем чувствовалась незаурядность актрисы. Она кружила возле трех танцовщиц, которые сопровождали на этом вечере выступающих, и своей песней обращалась к ним. Она как бы подсмеивалась над ними, осознавая свою силу и очарование:

Франтиха шляпница Жаннетта,
Любым мужчинам шли привет
И Бланш, башмачнице, про это
Напомни: вам зевать не след!
Не в красоте залог побед,
Лишь скучные — в пренебреженье,
Да пам, старухам, гостя нет:
Монете стертой нет хождения¹.

Из-за кулис выбрался Данеш и, прислонившись к стене возле сцены, с саркастической усмешкой смотрел на Еву Моулисову.

Лидушка, заметив его, шепотом спросила своего кавалера:

— Откуда ты его, собственно, знаешь, Петр?

— Кого?

— Павла Данеша.

— Его же все знают.

— Но ты с ним знаком лично, разве не так?

По-мальчишески смутившись, он признался:

— Я послал ему несколько своих стихов. Они ему понравились. Он сказал, что возьмет надо мной шефство!

— А ты с ним встречаешься?

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 58—59.

— Встречаюсь. Нас много. Он сказал, что создаст свою поэтическую школу и мы войдем в его группу. Сейчас мы работаем над манифестом, понимаешь... Над концепцией мировоззрения этой группы...

Павел Данеш между тем заметил этих двоих молоденьких посетителей вийоновского вечера и, кивнув им, нетвердой походкой направился между столиками к ним. Ева Моулисова на сцене между тем закончила свою песню призывом:

Эй, девки, поняли завет?
Глотаю слезы каждый день я
Затем, что молодости нет:
Монете стертой нет хождения¹.

Она допела, дотанцевала, поклонилась восторженной публике. Раздались бурные аплодисменты.

Павел Данеш, покачиваясь, подошел к столику Петра и Лидушки и, не спросив разрешения, подсел к ним. Он усмехнулся, заметив их горящие глаза, их неподдельный, юношеский восторг, и с иронией в голосе спросил:

— Вам нравится?

Петр сдавленным от смущения голосом ответил:

— Очень! Она просто великолепна!

Данеш, однако, хмуро и зло сказал:

— Мне — нет!

Петр, растерявшись, перестал хлопать.

— Как это? Почему?

— Я уже сыт ею по горло. Это все поза. Притворяется! Притворяется во всем — на сцене и в жизни. Вы этого не заметили? — Взяв из руки Петра рюмку с вином, он мгновенно выпил ее. — Что пьете, молодежь?.. Фу!.. Ты что, не можешь угостить даму чем-нибудь получше? — И, к ужасу Петра, крикнул: — Пан официант, три коньяка!

На сцене Ева Моулисова начала следующий куплет Вийона.

Я чересчур была горда,
О чем жестоко сожалею,
Любила одного тогда
И всех других гнала в три шеи,
А он лишь становился злее,
Такую преданность кляня;
Теперь я знаю, став умнее:
Любил он деньги, не меня!²

Тело ее извивалось, она сладострастно гладила себя по груди и бокам, как бы вспоминая ласки этого воображаемого любовника, заново переживая все и подсмеиваясь над собой. Это было совершенное, захватывающее искусство, и Ева, опытная актриса, это знала.

¹ Цит. по: Вийон Ф. Лирика, с. 59.

² Там же, с. 54—55.

Но он держал меня в руках,
Моею красотой торгуя.
Упреки, колотушки, страх —
Я все прощала, боль любую;
Бывало, ради поцелуя
Я забывала сто обид...
Доныне стервеца люблю я!
А что осталось? Грех и стыд¹.

Ева кончила. Снова раздались бурные аплодисменты. Да, такое у нее еще получалось. Она еще могла привести публику туда, куда хотела, поиграть с ней, как кошка с мышью. Сейчас Ева была счастлива.

Только Данеш не аплодировал. Он наливался коньяком, который им принес официант, и пьяно посмеивался:

— Отлично, мадам. Но ведь это еще не все? Почему не поете дальше? Продолжайте! — И хрипло продекламировал для Петра и Лидушки:

Он умер тридцать лет назад,
И я с тоскою понимаю,
Что годы вспять не полетят
И счастья больше не узнаю.
Лохмотья ветхие снимая,
Гляжу, чем стала я сама:
Седая, дряхлая, худая...
Готова я сойти с ума!²

Павел все повышал и повышал голос, последние строки он почти выкрикивал. Несколько человек оглянулись на него, кто-то раздраженно зашипел... Лидушка очень стеснялась того, что он привлекает внимание к их столику, и попросила его:

— Не кричите. Вы срываете представление.

Павел Данеш, однако, уже поднялся и, пошатываясь, пошел между столами в полутьме к эстраде, выкрикивая с ненавистью:

Вот доля женской красоты!
Согнулись плечи, грудь запала,
И руки скручены в жгуты,
И зад и бедра — все пропало!
И ляжки, пышные бывало,
Как пара сморщенных колбас...
А сад любви? Там все увяло.
Ничто не привлекает глаз³.

Моулисова стояла на сцене неподвижно, бледная как полотно. Потом она бросилась вниз, в темноту зрительного зала, чтобы выцарапать ему глаза, избить его, растоптать. Она знала, что он ее уничтожил, и ей вдруг стало безразлично все — публика, стыд перед людьми, скандал. Она кричала:

— Нахал! Грубиян! Хам!

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 55.

² Там же.

³ Там же, с. 56.

В этот момент прозвучал выстрел. Моулисова, удивленная, возвратилась в круг света на сцену, держась рукой за грудь, а когда рука опустилась, все увидели кровь.

Только теперь зал зашумел от ужаса и удивления.

2

У начальника пражского угрозыска майора Земана в тот день хлопот было более чем достаточно. Он потер уставшие глаза и начал убирать груды протоколов и бумаг в свой письменный стол и в сейф. Давно прошло время, когда он, рядовой следователь, отвечал только за себя и за свое дело, которое расследовал, когда целыми днями мог находиться на выездах. Теперь он большую часть своего времени проводил в кабинете, ругался с подчиненными, проводил бесчисленное количество совещаний и собраний, изучал груды указаний, положений и инструкций, читал и возвращал не расследованные до конца дела, а к настоящей работе следователя по уголовным делам он возвращался от случая к случаю. Он больше помогал и советовал, опираясь на свой былой опыт криминалиста, чем сам вел следствие, и это его раздражало. Каждый день он давал себе слово попросту закрыть свой кабинет, взять одно крупное дело и вести его, но всякий раз все получалось иначе — опять приходил до предела наполненный делами, намертво расписанный день, и майор с огорчением думал, что он медленно, но верно превращается в «полицейского советника», скоро у него отрастет пивное брюшко, в кабинете появится аквариум с рыбками, в десять часов будут приносить второй завтрак — и это будет означать конец...

И тут в кабинет вторгся его заместитель надпоручик Стейскал и нарушил ностальгическое настроение майора:

— У нас в районе большая неприятность, начальник!

Однако Земана это не слишком взволновало, он уже привык к неприятностям. Продолжая складывать бумаги, он без особого интереса спросил:

— Какая?

— Покушение на певицу.

— Отлично, такого у нас еще не случалось. Где?

— В «Конишне», в поэтическом кафе!

— Жива?

— Да. Ранена. Видимо, легко. Скорее всего, шок. Отвезли ее в больницу на улицу Франтишек.

— А покушавшийся?

Стейскал не без гордости доложил:

— Он, представь себе, сидит у нас, собственной персоной... но... пьяный. Я поместил его в камеру предварительного заключения.

Земан воспринял это по-деловому, спокойно, как нечто само собой разумеющееся.

— Прекрасно. А свидетели есть?

— В достаточном количестве. Сидят у нас в коридоре.

— Порядок. Тогда вы их предварительно допросите, заполните анкеты, запишите номера паспортов, адреса, завтра начнем их вызывать.

Стейскал запнулся и удивленно спросил:

— А ты?

Земан закрыл стол и сейф, взял свой портфель:

— Я? А я пойду спать. — И он стал одеваться.

И тут Стейскал деликатно, но решительно сказал:

— Только в числе свидетелей, Гонза... и твоя дочь.

Земан вытаращил на него глаза:

— Что ты сказал?

С силой швырнув портфель на стол, майор выскочил за дверь.

Как разъяренный зверь ворвался он в тот узкий коридор, который пражское дно называет коридором вздохов или коридором тягостного ожидания.

Молча сидевшие на длинной лавке люди, измученные долгим ожиданием, с надеждой повернули головы в его сторону.

Здесь собралась пестрая компания: какой-то немолодой щеголь в модном клетчатом пиджаке, носить который в предместьях Праги считалось верхом элегантности, бармен и владелец поэтического кафе Сганел в лиловом смокинге, редактор Дагмар Неблехова в модном костюме, артист Ян Водваржка в плаще, наброшенном поверх вийоновского костюма, и в гриме и два перепуганных кролика — Петр и Лидушка.

Как только Лидушка увидела отца, она поняла, что грозы не миновать. Она встала и беспомощно промямлила:

— Папа!

В ту же минуту его ярость словно испарилась. Он почувствовал острую жалость, увидев это нежное создание, которому еще недавно читал сказки, в таком обществе. Лидушка была его большой любовью, особенно после того как несколько лет назад террорист убил его жену. После того потрясения лишь одна Лидушка удержала его от беды. Она стала его надеждой и смыслом всей его жизни. Отец с дочкой создали свой собственный мир, в котором вдвоем летали на воздушном шаре над полной приключений землей, ловили тигров и слонов и самых красивых, бесподобных, красочных бабочек, каких только могли породить джунгли вечеров и почей их одиночества. И когда потом Земан женился на Бланке Мутловой, Лидушка осталась в центре его интересов. Ей была отдана его огромная нежность и внимание, и каждый вечер, как только отец при-

ходил домой, Лидушка, ласкаясь, взбиралась к нему на колени.

Теперь она сидела в этой компании...

Земан постарался взять себя в руки, чтобы выглядеть строгим, но он оказался способным только на то, чтобы хриплым от жалости голосом произнести:

— Чеши домой. Потом разберемся.

Лидушка, однако, снова с мольбой пискнула:

— А Петр?

Его удивило, что она не убежала сразу же, когда он ее так великодушно простил. Земан удивленно и строго спросил:

— Кто?

Петр поднялся и встал рядом с Лидушкой, смущенно, по-мальчишески переминаясь с ноги на ногу. Земан усмехнулся:

— Этот? — Он попытался сыронизировать: — Это некто из твоего дома пенсионеров?

Петр мужественно, с юношеской строптивостью выпалил:

— Мы, извините, вместе... ходим!..

От удивления у Земана перехватило дух.

— Что-о-о? — протянул он.

И Петр поспешно добавил:

— В школу...

Земану стало заметно легче.

— Чешите отсюда оба!

Он видел, что Петр хочет что-то еще добавить об этом взволновавшем его в ресторане событии, но ведь его слова потом придется занести в протокол... Поэтому Земан угрожающе добавил:

— Ну! Быстро! Пока я не передумал! — Лидушке на прощание он приказал: — Маме скажи, пусть меня сегодня не ждет. Может предварительно дать тебе на орехи сама. — Больше он на них не обращал внимания и, повернувшись к сидящем на лавке, спросил: — Так что будем делать с вами, господа хорошие?

Первой с лавки встала Дагмар Неблехова:

— Пан комиссар... — Она торопливо порылась в сумочке и стала совать ему какое-то удостоверение. — Я Неблехова, из газеты «Лидове новины». Вот мое журналистское удостоверение.

На Земана это не произвело никого впечатления; он просто умышленно не заметил ее руку с удостоверением и даже не взглянул на него.

— Ну и что из этого следует? — Увидев на конце лавки мужчину в клетчатом пиджаке и невозмутимо повернувшись к Неблеховой спиной, Земан не без интереса окликнул его: — Ферда?! Как ты здесь оказался?.. На старости лет решил удариться в поэзию? Ну, привет! Что же это творится на культурном фронте? Как ты до такого докатился?

— Невезение, пан майор. Точнее — дурацкая невезуха. Но, клянусь, я ничего не знаю, — с трагической гримасой на лице ответил ему Ферда Восатка, личность, хорошо известная среди карманников района Жижков в Праге.

Земан повернулся к сотруднику, дежурившему здесь, и приказал ему:

— Этого пропустим первого. Но сначала общите его, нет ли у него чужих кошельков, браслетов или часов. С ним, видимо, разговор будет короткий, с тем делом у этого наверняка нет ничего общего. Он никогда оружие в руках не держал и боится его как черт лаdana.

Земан хотел вернуться к себе в кабинет, но Неблехова его опять остановила:

— Пан комиссар, я должна быть первой, я очень тороплюсь. Я еще должна написать сообщение о вечере и впихнуть его хотя бы в завтрашний второй выпуск.

Артист Водваржка в унисон ей добавил:

— Я тоже. У меня в восемь утра дублирование фильма. Должен же я хоть немного выспаться или нет?

Однако Земан возразил им:

— Спокойно, граждане! До каждого дойдет очередь. Но учтите, что старые клиенты всегда пользуются преимуществом. Так, наверное, везде. Даже у вас в редакции, пани редактор, верно? — И приказал: — Приведите ко мне Ферду Восатку!

Когда Земан захлопнул за собой дверь кабинета, Неблехова разъяренно зашипела:

— Хам! Примитив! Я ему этого не прощу!

Была уже поздняя ночь.

Перед рабочим столом Земана сидел последний свидетель — владелец поэтического кафе с непоэтическим названием «Кониерна» Роберт Сганел. За пишущей машинкой, замещающей протоколиста, сидел надпоручик Стейскал. Возле него возвышалась приличная кучка протоколов допросов — основа будущего следственного дела.

Сганел говорил, повысив голос:

— ...Это проходимец, товарищ майор! Это самый отъявленный мерзавец, каких я когда-либо знал!

Стейскал перебил его:

— Поэтому вы его так и избили? Когда мы его брали, его лицо было разбито в кровь.

Сганел осекся, словно прикусив язык. События этого невероятного вечера пролетели перед его глазами со страшной быстротой. А было все так...

Как только после выстрела в кафе началась суматоха, Павел Данеш выбежал через открытую дверь служебного выхода на пропахший вином дворик. На улице уже завывали сирены

дежурных полицейских машин. Их пронзительный вой наполнил все его существо страхом, и он в отчаянии стал искать хоть какую-нибудь щель, чтобы улизнуть. Вдруг от услышал, как за ним защелкнулся замок дверей ресторана. Павел в ужасе обернулся и увидел позади себя темный силуэт стройной, атлетической фигуры. Он узнал владельца ресторана, и ему стало легче на душе. Сганел был старым приятелем Данеша. Сганелу нравилось, что молодежь принимает его за своего, видит в нем человека искусства, который, несмотря на свой возраст, не прочь, как и они, покуражиться и язвительно пошутить. Сганел иногда наливал молодым в долг и даже снабжал их наркотиками для раскрепощения их поэтических снов и фантазий.

Поэтому теперь Данеш, ничего не подозревая, попросил:

— Берт... Помоги мне отсюда выбраться... только побыстрее...

Сганел молча приближался к нему. Данеш инстинктивно почувствовал, что дело может обернуться плохо, и начал пятиться. Сганел настиг Данеша в углу дворика и набросился на него с ругательствами:

— Что ты наделал, сволочь? Хочешь меня погубить? Убью, если проболтаешься, когда тебя схватят. Мерзавец, прохвост, мне нужно было давно вышвырнуть тебя!

Сганел принялся избивать Данеша — хладнокровно, обстоятельно, со злобой. Данеш почти не сопротивлялся и вскоре под градом ударов рухнул на землю.

За решеткой между тем слышались голоса:

— Что здесь происходит?

Сганел вытер руку носовым платком и пошел навстречу сотрудникам безопасности. Открыв решетчатую дверь, он махнул в сторону Данеша:

— Проходите! Он там! Берите его!...

Однако обо всем этом Сганел, разумеется, ни Стейскалу, ни Земану не рассказал, а только с деланным возмущением заявил:

— Уважаемый пан, я это заведение поставил на ноги. Я придумал все эти вечера, сам разрабатываю программы. Это моя последняя радость. В эти программы я включаю все лучшее, что было и есть в чешской культуре. И я не могу позволить, чтобы из-за хулиганских действий какого-то прохвоста, мањьяка-проходимца все пошло бы прахом...

Земан медленно, устало поднялся из-за стола, взял из кисты протоколов один лист и прочитал:

— «Критические выступления Данеша — это бич, которым он замахивается на все, что нас душит, убивает и делает ничтожными. Мировоззрение Данеша — это сила, берущая начало от вековых традиций чешского мышления...» Видите, как о Данеше говорила пани Неблехова. А она, как редактор га-

зеты «Лидове новины», наверное, в этом разбирается! А вы говорите — «прохвост»!

Сганел в ответ презрительно махнул рукой и с грубой откровенностью сказал:

— Это любовник Неблеховой. Из-за нее его прогнала Ева Моулисова. Она застала их в своей постели. Поймите, что все это мерзость, дерьмо!..

Земан зевнул:

— Я полагаю, что для дискуссий об интимных сторонах чешской культуры время довольно позднее, пан Сганел. Итак, еще раз: вы видели, как он стрелял?

Сганел разом утратил весь свой гнев и презрение:

— Нет, не видел... Собственно, никто не видел этого... Они ругались в зале, было темно, весь свет шел на сцену...

Стейскал зафиксировал его слова.

Земан вытащил лист протокола из машинки и положил его перед Сганелом:

— Хорошо. Подпишите и можете идти. Если нам еще что-нибудь потребуется, мы вас вызовем. Доброй ночи.

Когда Сганел вышел, Земан спросил Стейскала:

— Это был последний?

Стейскал кивнул:

— Последний, не считая преступника.

— Его мы оставим на завтра. Пусть протрезвится. Давай соберем все это.

Разбирая странички протокола и складывая их в сейф, Земан отдавал Стейскалу распоряжения:

— ...А утром заедешь в больницу, допросишь несчастную джазовую звезду, которая сегодня вечером чуть не погасла... Может, она нам скажет что-нибудь конкретное... — Он задумался и снова утомленно зевнул. — Какой удивительный этот мир, Мирек... Тебе не показалось, что все они немного... — он постучал себя по лбу, — ...того? Все время только чувства, позы, впечатления, фантазии... и более ничего! Слава богу, что он ниспослал нам этого карманника Ферду Восатку, в нем осталось хоть немного чего-то человеческого... Остальные всего лишь позы. Клоуны!

3

В помещении было тихо, только откуда-то доносился равномерный, монотонный звук. Возможно, это тикали часы на стене или стучали капли крови в капельнице.

Ева Моулисова лежала на больничной кровати без всякой косметики. Она заметно постарела, посерела и поблекла. Так мотылек теряет свое очарование, когда в таинственности ночи попадает на огонек свечи, вокруг которой кружился, и падает, опалив крылышки.

Она лежала без парика, и было видно, что ее собственные обвисшие, тусклые волосы уже сильно тронула седина. Сейчас лицо ее скорее походило на маску, и Мирек Стейскал, сидевший с раннего утра у постели артистки, начал сомневаться, жива ли она. Наконец он решился ее окликнуть:

— Пани Моулисова... Вы можете говорить?

Она тихо открыла усталые и грустные глаза и вместо ответа с усилием спросила:

— Что с ним?

Стейскал, успокаивая ее, заверил:

— Не волнуйтесь, он у нас. Мы арестовали его сразу же вчера вечером. Он находится в предварительном заключении.

Ева Моулисова с минуту помолчала, потом произнесла:

— Это хорошо!

— Вы можете мне сказать, как вы с ним познакомились?

Закрыв глаза, она начала рассказывать:

— Это случилось более года назад... В ресторане «У Паука»... Я захожу туда иногда после представления... чтобы в тишине отдохнуть от людей... успокоиться... расслабиться. Если бы я пошла сразу домой, я бы не уснула... Около полуночи там довольно пусто... Чаще всего сидит кто-то из моих коллег артистов... но для меня это не имеет значения... Я пью свой последний стакан вина... и молчу...

— Тогда, год назад, там, конечно, был и он?

— Да, и уже довольно пьян... Подсел ко мне... нагло... как будто так и нужно... Понимаете, я уже давно привыкла к восторгам молодых людей... этих мальчиков в джинсах... и они уже давно меня не интересуют... В первые минуты у меня к нему возникло отвращение. От него пахло дешевыми сигаретами... дешевым вином... потом... Сама не знаю, почему я тогда его не прогнала... Возможно, меня забавляла его наглая самоуверенность. Он был, пожалуй, не таким, как другие... Вид у него был такой, как будто он мне оказывает милость... вместо того чтобы вежливо домогаться... моего расположения... и автографа... — Она слабо усмехнулась при этом воспоминании. — Я сказала, что ему следует помыться... а он ответил, что ему негде это сделать. Я хотела тогда его уязвить... и в шутку предложила ему свою ванну. Он согласился... А я, сумасшедшая, рассчиталась за него, у него и на это не было денег... взяла такси... и мы поехали ко мне. Так это началось...

— И он у вас остался?

— Да... Я привыкла к нему... и была с ним счастлива... Он не обожествлял меня, как другие... не бегал за мной, как собака... Внушал мне постоянно... что оказывает мне честь, позволяя мне его содержать... И меня это забавляло... Он обладал детской игривостью и фантазией... Нам вместе никогда не было скучно... Это было так прекрасно — возвращаться после представления домой... и знать, что он там и ждет...

Она погрузилась в воспоминания и дальше продолжать не могла, а из ее закрытых глаз потекли слезы. Стейскал тихо спросил ее:

— Вы его любите, пани Моулисова?

Этот вопрос привел ее в чувство. Она взяла себя в руки, вытерла глаза и со злостью сказала:

— Нет... Он для меня сейчас... все равно что сигарета, когда решаешься бросить курить... Пальцы еще дрожат, когда ты ее видишь... но уже чувствуешь отвращение... потому что знаешь, что это дрянь... Понимаете меня?

— Да, конечно... Он вам угрожал когда-нибудь?

— Много раз говорил... что убьет себя, если я его выгоню...

— Вместо этого, однако, вчера попытался убить вас. А причина?

— О некоторых вещах... мне не хочется говорить...

— Тогда еще один вопрос, пани Моулисова, последний. Вы можете с полной уверенностью сказать, что Павел Данеш виновник вашего ранения?

Ева Моулисова с минуту молчала, потом твердо ответила:

— Да!

Когда надпоручик Стейскал выходил из палаты, в коридоре напротив двери в нетерпении стояли четверо: редактор Дагмар Неблехова, какой-то неряшливого вида молодой мужчина в куртке и в вельветовых брюках, с большим букетом роз в руке, пожилой мужчина в очках с золотой оправой, безукоризненно элегантный, и лечащий врач.

Дагмар Неблехова с нетерпением бросилась навстречу Стейскалу:

— В каком она состоянии?

Стейскал ее осадил:

— Информацию здесь дает только врач. А он, как я вижу, уже сделал это.

Неблехова, однако, не сдавалась:

— Я имею в виду — психически? Выдержит она наш визит?

Стейскал вместо ответа спросил Неблехову о ее спутниках:

— Это родственники Моулисовой?

Неблехова усмехнулась, возмущенная его невежеством:

— Нет, это представители координационного комитета творческих союзов — историк в области литературы профессор университета Арношт Голы...

Пожилой мужчина слегка поклонился.

— ...и секретарь союза работников искусств товарищ Ланда.

Неряшливо одетый тип фамильярно поприветствовал Стейскала:

— Салют! Мы хотели навестить Еву первыми, но где там, ты оказался шустрее, товарищ.

Стейскал, не приняв его панибратского тона, официально спросил:

— Что вам там нужно?

— Порадовать Еву. Показать ей, что она не одинока в эту тяжелую для нее минуту.

Стейскал не мог удержаться, чтобы не сыронизировать:

— Это действительно доставит ей радость. Особенно вы, пани Неблехова. — Раздосадованный, он обратился к лечащему врачу: — Послушайте, доктор, мы ведь с вами договорились, что, пока идет расследование, к пани Моулисовой никого не пускать!

Профессора Голы слова Стейскала задели за живое. Поэтому, не повышая тона, он ответил за доктора холодным тоном, полным иронии и презрения:

— Но пан доктор, молодой человек, в отличие от вас интеллигент и понимает, что мы не посторонние для нее люди.

Стейскал хладнокровно его осадил:

— Этот запрет касается всех — в том числе и профессоров университета, пан профессор!

Он собрался уходить, но Ланда встал у него на пути:

— Так не пойдет, товарищи... Это не решение вопроса. — Он повернулся к профессору Голы: — Я товарища из органов безопасности понимаю, пан профессор.

Стейскал был приятно удивлен его пониманием. Однако Ланда тут же добавил:

— Разумеется, он должен, насколько это возможно, понять и нас. — Повернувшись к Стейскалу, Ланда многозначительным тоном, как бы давая понять, что лично он знает в эту минуту больше, чем Стейскал, сказал: — У нас ведь общая цель: тихо замять этот скандал, чтобы не задеть доброе имя республики.

Стейскала этот доверительно-таинственный тон взорвал.

— Мы, товарищ секретарь, вообще не имеем намерения что-либо заминать! У нас одна задача: поддерживать доброе имя республики, добросовестно соблюдая ее законы.

И здесь профессор Голы холодно, с презрительным превосходством интеллигента над неучем заметил:

— Эти законы, однако, можно истолковать разумно и гуманно, молодой человек. Также и весь социализм у нас уже давно должен толковаться гуманно, должен обрести свое человеческое лицо, как это соответствует культурным традициям нашего народа...

Стейскал чувствовал, что с ним играют, жонглируют словами, хотят представить его в виде пешки на шахматной доске, загнать в угол и поставить в проигрышную ситуацию. Он испытывал раздражение при виде этого бодрого партийного доброхота Ланды и высокомерного демагога профессора, который явно демонстрировал свое интеллектуальное превосход-

ство. Стейскал привык, чтобы люди относились к нему, как представителю государственной власти, с уважением, чтобы они с известной долей страха отвечали или отпирались, но сами не осмеливались задавать ему вопросы. Однако эти два типа явно его не боялись, игнорировали его, не обращали внимания на его служебный авторитет. Создавалось впечатление, что они хотят поднять его на смех. Поэтому надпоручик решил закончить с ними дебаты:

— Не понимаю, в чем дело, панове? У меня нет ни времени, ни настроения с вами здесь дискутировать. До свидания. — И он собрался уйти.

Людвик Ланда многозначительно повысил голос, стремясь его задержать:

— Нам важно, чтобы вы не воспринимали слишком серьезно то, что вам, возможно, в смятении и состоянии аффекта наговорила Ева Моулисова.

Неблехова с женским пренебрежением добавила:

— Она всегда была немного истеричкой.

Стейскал, удивленный, остановился, и Ланда доверительным тоном начал:

— Понимаете, вы не знаете работников искусства, товарищ. Они как дети. Все время во что-то играют. Они любят произносить громкие слова, делать широкие жесты, производить впечатление. А главное — у них всегда немного повышенная температура. И в этой горячке они все время в чем-то перебарщивают, преувеличивают, что-то трагически возвеличивают...

Стейскал выпалил:

— Вы хотите сказать...

Ланда, однако, не дал ему договорить:

— Да, мы хотим сказать, и это вы объясните своему товарищу начальнику, что то, что сделал, если он вообще это делал, вчера поэт Павел Данеш, не преступление обычного заурядного человека, а всего лишь по-ребячески преувеличенный жест молодой, чувствительной, поэтической души. Так это и следует толковать.

Стейскал, пораженный подобной логикой, воскликнул:

— Вы с ума сошли! Этот человек стрелял в другого человека, чтобы его убить!

Однако спорить с ним никто не стал.

Только Дагмар Неблехова, сделав вид, что не слышала возмущенного возгласа Стейскала, со вздохом произнесла:

— Бедняга Павел, как ему, наверное, было плохо, когда он проснулся у вас в тюрьме!

Павлу Данешу и впрямь было плохо, когда он открыл глаза. Медленно проведя языком по пересохшим разбитым губам, он дотронулся рукой до синяка под глазом, сморщил распух-

ший нос и застонал. У него все поплыло перед глазами. Это было отвратительное похмелье. Он медленно поднялся и сел на нары. В первый момент Данеш не увидел Земана, который, разбудив его в камере предварительного заключения, обратился к нему с оттенком добродушной иронии:

— Как дела? Как вы у нас выпались, маэстро?

Данеш туно сощурился и прохрипел:

— «Я у источника стою и от жажды погибаю... Горячий как огонь, зубами колочу...» Вы не могли бы достать хотя бы стаканчик воды? У меня во рту, как в пустыне, один песок.

— В моем кабинете вы можете получить не только воду, но даже кофе, если все не усложните себе сами. Я пришел только посмотреть, способны ли вы отвечать на допросе.

Данеш удивился:

— На каком допросе? Зачем? Разве я не в вытрезвителе?

Земан невесело усмехнулся:

— Нет, вы в угрозыске, мой дорогой. И речь идет о стрельбе.

При попытке рассмеяться Данеш сипло, как заядлый курильщик, закашлялся:

— Ну привет! Хорош же я был, если не помню, что кто-то стрелял...

— Не «кто-то», а вы сами и стреляли!

Данеш изумился:

— Я? Стрелял? А из чего, извините? Как это у меня получилось?.. Но, наверное, это правда, если вы мне это говорите... Извините, я совсем не помню, что со мной было вчера. У меня в голове совершенная пустота... Это довольно большая неприятность, да?.. А во что я, собственно, стрелял? В фонари на улице? Сколько их я разбил?

— Вы стреляли в певицу пани Еву Моулисову и тяжело ранили ее.

Данеш молча посмотрел на него и изумленно прогянул:

— Что-о?

Земан приказал конвойному:

— Отведите его умыться, побриться, обработать царапины на лице, после чего приведите ко мне в кабинет.

Конвойный увел Данеша. Земан пошел следом за ними. Возле камсы он столкнулся со Стейскалом:

— Что, Мирек? — И тут же, не ожидая ответа, оживленно добавил: — Все идет как по маслу, дружище. Если он сейчас признается, составим протокол и можем делать представление прокурору.

Однако Стейскал не разделял его оптимизма.

— Звонил Калина. Ты должен срочно приехать к нему в министерство...

К полковнику Калине Земан всегда приходил с удовольствием. Они были близко знакомы, и их жизненные пути посто-

янно пересекались на протяжении всех долгих двадцати пяти лет с того момента, когда они встретились впервые. Случилось это в фашистском концентрационном лагере. Калина, будучи членом одного из нелегальных партийных комитетов еще в довоенное время, учил Земана твердости духа и жизненному оптимизму. Именно Калина после войны рекомендовал Земану подать заявление о приеме в Корпус национальной безопасности. Он по-отцовски следил за его дальнейшим ростом, воспитывал в нем лучшие качества, готовил на высокий пост начальника угрозыска в столице республики. И еще кого Земан уважал и любил в управлении госбезопасности, так это майора Житного. Этот «таинственный незнакомец», с которым они расследовали случай убийства в Планице во время февральских событий, был его шефом при проведении двух операций по линии органов государственной безопасности. Молчаливый, несколько загадочный человек, с удивительной, не поддающейся расшифровке улыбкой, надежный как скала, умеющий в любой ситуации работать как машина, крупный игрок сложных партий, разыгранных в широком масштабе разведками не на месяцы, а на годы, — таким был майор Житный...

Земан с улыбкой вошел в кабинет Калины:

— Явился по вашему приказанию, товарищ полковник. — Однако, тут же перейдя на шутливую ноту, весело спросил: — Почему такая спешка, Вашек? Министра у нас, что ли, украли?

Однако на этот раз Калине, видимо, было не до шуток.

— Что у вас там творится, Гонза? — Он бросил перед Земаном экземпляр газеты «Лидове новины». — Ты читал это?

Земан взял газету и раскрыл ее. Калина подсказал ему:

— Смотри внизу, в «черной хронике».

Земан нашел заметку и зачитал вслух:

— «Вчера вечером на представлении в поэтическом кафе «Конирна» произошло достойное сожаления происшествие. Незнакомый выстрелил в певицу Е. М. Сотрудники КНБ задержали в качестве подозреваемого преступника поэта П.» — Он обернулся к Калине: — Ну и что здесь такого? Обыкновенная хроника в печати.

— Ты почти заголовок.

Земан снова заглянул в газету и рассмеялся:

— «Ночные облавы на культурном фронте...» Так это сочинила мерзавка Неблехова. Что с ней поделаешь?

Калине, однако, было не до смеха. Серьезным тоном он продолжал:

— Этот заголовок перепечатала сегодня вся западная печать. — Он показал Земану отдельные экземпляры зарубежных газет: — Вот тебе «Таймс», «Фигаро», «Монд», «Нью-Йорк геральд трибюн», «Зюддойче цайтунг», «Курир», «Кронен-цайтунг»... Везде помещено вчерашнее выступление Данеша на

ейшовском вечере, сообщается, что при аресте якобы его избили, изуродовали ему лицо. А некоторые бульварные газетенки намекают, будто мы вчерашнюю стрельбу специально подстроили, чтобы иметь повод для ареста Данеша и тем самым отомстить ему за выступление о свободе культуры и идей. С самого утра западные журналисты, аккредитованные в Праге, осаждают Чехословацкое агентство печати и отдел печати министерства иностранных дел, требуя провести пресс-конференцию. Что ты на это скажешь теперь?

Земан был ошарашен. От его улыбки и хорошего настроения не осталось и следа.

— Но ведь было не так! Каким образом они так быстро обо всем узнали?

— Значит, имеют здесь хороших информаторов.

— А стоило ли им из-за этого парня разворачивать такую кампанию?

Калина бесстрастно, по-деловому констатировал:

— Стоило. Я думаю, нам следует кое-что рассказать тебе о нем. Пойдем с нами, сейчас Житный покажет, кого ты, собственно, арестовал.

Они прошли в техническое помещение, оборудованное магнитофонами и проекторами. Один из техников затемнил окна, раскрыл экран и по указанию майора Житного включил проектор.

Земан был здесь не впервые. Всякий раз он узнавал тут многие удивительные тайны, скрытые от глаз и слуха обычного человека. Вот и эти документальные кадры, которые демонстрировали сейчас Земану, представляли для него несомненный интерес. Отдельные кадры Житный комментировал.

...По пражской улице идет стройный молодой человек, ничем особенно не отличающийся от остальных прохожих. Он одет в светлые модные брюки, белую рубашку с открытым воротом и легкий светлый спортивный пуловер...

Житный представил его:

— Это пан Пертольд Штайн, известный среди друзей под именем Перри. Он прибыл в Прагу в качестве атташе по культуре вскоре после таинственной гибели двух резидентов операции «Белые линии» — Арнольда Хэкла и Иво Голана. Пан Перри Штайн принял после них эту эстафету.

...Мужчина на экране подходит к стоящему у тротуара спортивному автомобилю, где сидит какая-то женщина. Он улыбается ей, здоровается, садится в машину, и они отъезжают...

Кадры со спортивной машиной чередуются с кадрами с каким-то пражским жилым домом в стиле модерн; камера движется к окну наверху, под самой крышей, потом на подъезд, на окружающие дома, чтобы дать, по-видимому, информацию о местоположении дома по отношению к остальным домам,

главным образом по отношению к импозантному строению старого Дома культуры...

Из темноты раздался голос Житного:

— У него частная квартира в центре Праги, рядом с Домом культуры. Выгодная стратегическая позиция. Недавно в этом доме проходил съезд союза работников искусств. У пана Штайна была оборудована прямая связь из зала непосредственно с его квартирой. Он имел возможность вместе с западными журналистами, которых он пригласил к себе, с комфортом следить за заседаниями съезда, а также с помощью телефона в некоторой степени управлять и направлять дискуссии на них.

...Камера теперь следует за автомобилем Штайна по пражским улицам. Машина останавливается перед домом. Пан Штайн открывает дверцу и галантно помогает женщине выйти...

И только теперь Земан увидел, что это Дагмар Неблехова. Житный прокомментировал:

— Штайн собирает в своей квартире представителей чешской интеллигенции, проводит с ними дискуссии об искусстве, о мировой литературе, о культурной политике. Это его постоянные гости: пани редактор Дагмар Неблехова... историк в области литературы, профессор университета Арношт Голы... секретарь союза работников искусств Людвик Ланда... и Павел Данеш!

...На экране появляется другой автомобиль, из которого выходят профессор Голы и Людвик Ланда. Занятые разговором, они сразу же входят в дом. Потом по тротуару торопливо проходит Павел Данеш. Оглядевшись, не следит ли кто за ним, он быстро проскальзывает в дверь...

Фильм закончился. Житный заметил:

— Больше на киноплёнку заснять ничего не удалось. Теперь увидишь только несколько плохих снимков, сделанных с помощью телеобъектива через двойное окно. Но зато услышишь кое-что. — Он приказал технику: — Диа и магнитофон!

На экране появились не очень качественные диапозитивы, на которых Земан увидел сидящих в различных позах и занятых дискуссией Перри Штайна, Неблехову, Данеша, Голы, Ланду и какого-то еще мужчину в клетчатом пиджаке, лица которого ни на одном кадре не было видно. Они уютно расположились вокруг горящего камина, держа в руках рюмки. Из магнитофона, который включил техник, тем временем раздавались их голоса:

— ...Итак, вопрос такой — не следует ли основать какую-нибудь новую партию? Необходимо, чтобы она носила антикоммунистический характер...

Житный представил говорящего;

— Это Павел Данеш,

— ...и канализировала сопротивление существующим партиям.

— Разумеется, нельзя тянуть дело с партией беспартийных, назовем ее, чтобы это не звучало так дико, скажем, «клубом активных беспартийных». Туда пошли бы и католики, в этом нет сомнения, они бы считали, что будут ведущей силой, что это их партия...

Житный тихо пояснил:

— Это говорит профессор Голы.

Голос из магнитофона продолжал:

— Затем наверняка возникла бы партия социалистов-немарксистов. Такая партия чрезвычайно выгодна тем, что считалась бы лояльной, даже если бы она не была таковой на самом деле. Однако эту социалистическую немарксистскую партию я хотел бы видеть без бывших национальных социалистов.

— А как быть с ними, пан профессор? Они ведь тоже каким-то образом проявят себя. Или вы так не считаете?

— Это была партия чехов, которые называли себя социалистами, народными социалистами, на них опирался Бенеш... Вы, Данеш, по убеждению лидовец¹ или католик?

— Нет... Я был в КПЧ, пан профессор, но там я скорее числился в списках... Вы знаете, какое это было время, мне ведь хотелось где-то проявить себя. А потом у меня случился этот провал со студентами. Я с удовольствием поговорил бы с этими ребятами, но боюсь их бешеного радикализма. Перед февралем они были функционерами партии национальных социалистов, а теперь все они за рубежом. Я боюсь их радикализма, мне думается, если они возьмутся за дело, то не миновать виселиц на фонарях.

— Ничего не поделаешь, дорогой Данеш. Но мы за эти фонари не отвечаем бы, понимаете? Это была бы не наша вина. Здесь мы можем умыть руки. Будем реалистами и не станем строить иллюзий. То, что мы пока выжидаем, — это не страх и не перестраховка, а прежде всего проявление ясного и холодного ума. Наконец, то, что мы начинаем делать, это и есть политика. Или, как мы ее называем, культурная политика...

Здесь вмешался полковник Калина:

— Стоп, стоп! Остановите! Хватит!

В помещении зажегся свет. Техники начали перематывать кассеты.

Калина тихо произнес:

— Как видишь, Гонза, это щупальца как раз тех «Белых линий», которые потянулись сюда в шестидесятые годы. Теперь понимаешь, почему их так интересует Данеш?

Земан взволнованно спросил:

— Как вам удалось получить это?

¹ Член народной партии. — *Прим. пер.*

Калина улыбнулся:

— Один из тех людей, которым пан Перри Штайн верит и которых приглашает к себе, — наш человек.

— И что вы с этим сделаете?

Калина пожал плечами:

— Ничего. Причем это не все, что нам об этом деле известно. Таких штайнов сейчас в Праге уже несколько. К сожалению, мы пока ничего не можем сделать.

Земан возмутился:

— Как это «не можем»? Речь идет о судьбе республики!

Калина горько усмехнулся:

— Политические инстанции махнули на такие вещи рукой. Якобы это вздорная болтовня незначительной кучки интеллектуалов. А прокурор согласия на ведение расследования сейчас не дает, ты сам знаешь. Нам нужны против них другие, более существенные факты, что-то конкретное, чтобы можно было их арестовать.

Земан вскочил:

— У меня такие доказательства есть! Я арестовал Павла Данеша не за эти мерзости, не за политику, а по конкретному уголовному делу. И я его не выпущу!

— Поэтому мы тебя, Гонза, и пригласили, — сказал Калина. — Поэтому и решили тебя проинформировать. — Он по-отечески обнял его за плечи. — Только, парень, помни: ты выходишь на тонкий лед. Видишь, какую кампанию они развязали уже в первый день его ареста. Эта кампания будет все более раздуваться, политические инстанции начнут на тебя давить, требовать быстрого окончания. Если ты с точки зрения криминалистики безупречно, а главное, быстро не докажешь вину Павла Данеша, изобличив его, ты проиграешь.

Земан, однако, решительно заявил:

— Докажу!

5

Стоял обычный ноябрьский день. Земан вышел из белого здания министерства, размышляя над той информацией, которую он только что получил. Моросил мелкий дождь. Над Летенской площадью и над нечетким, затянутым дымкой силуэтом Градчан висели низкие, косматые тучи. Прохожие спешили по улицам мрачные, раздраженные непогодой и низким атмосферным давлением, которое установилось еще с утра. Нервничали водители автомашин. И, несмотря на это, им было лучше, чем Земану. Они могли разрядить свое плохое настроение, ворча на грязное месиво на тротуарах, поспорить с автоинспектором на перекрестке, могли возмутиться по поводу отсутствия того или иного товара в магазине, могли читать газеты и выражать свое несогласие с тем, что там написано, могли наки-

нуться, если были недовольны работой своих предприятий или решением своих личных проблем, на народную власть, на правительство и на президента. Они все это могли сделать потому, что были свободными хозяевами этой страны, а еще потому, что не подозревали, что их сиюминутное плохое настроение сегодня на руку тому, кто готовит предательство, или тому, кто все полномочия по управлению страной хочет у них отобрать. Иногда лучше не знать чего-то, чем знать, потому что, посвященный в детали какого-то дела, ты уже должен действовать и мыслить иначе, чем обычно. И все же Земан был рад тому, что Калина и Житный ему обо всем рассказали. Он, по крайней мере, сейчас понимал все во взаимосвязи, а эта взаимосвязь была такова, что он чуть не задохнулся от возмущения и гнева.

Скольким он пожертвовал в тяжелой борьбе за нынешнюю республику! Своей беззаботной молодостью, когда нес нелегкую службу в пограничной области, часто с риском для жизни. Своей любовью — женой Лидой, которая умерла на руках у него, отчаявшегося от бессилия. Своими друзьями, которые пали в кровавых стычках с классовым врагом. И теперь кто-то хочет все это стереть из памяти, предать забвению, цинично посмеяться и уничтожить республику?!

Нет, этого Земан не может допустить, какую бы там, наверху, ни проводили тактику и как бы там ни медлили. Он сел в служебный автомобиль, полный энергии и энтузиазма.

— Поехали! — приказал он шоферу и повернулся к надпоручику Стейскалу, который сел рядом с ним. — Развиваем бешеные темпы по этому делу, Мирек. Сейчас мы еще раз допросим Данеша и после обеда начнем готовить представление прокурору.

Стейскал, однако, был вынужден поубавить его оптимизм. Немного помедлив, он возразил:

— Так быстро не получится, Гонза...

— Почему?

— Я получил сообщение из нашего оперативного центра. Ева Моулисова письменно отказалась от своих показаний. Утверждает, что она якобы утром сделала это в шоке, в бреду, в невменяемом состоянии.

Однако Земана, к его удивлению, эта неприятная весть особенно не огорчила. Наоборот, он спокойно произнес:

— Я этого ожидал. Знал, что так будет после визита тех людей, которые ее сегодня утром навещали. Ничего, Мирек. Ведь Данеш и вещественные доказательства — у нас. Что показала дактилоскопия? Есть отпечатки на оружии преступления? Что говорят баллистики? Где нашли стреляную гильзу?

Стейскал несколько раз судорожно сглотнул, прежде чем ответить:

— А мы... мы этого оружия преступления, Гонза... не нашли! И гильзы тоже нет!

— Как это так?

— Просто не нашли!..

Земан взорвался от ярости:

— А почему ты мне об этом сразу не доложил?

— Ты не спрашивал!

— Но ведь само собой разумеется, что моя следственная группа всегда самым тщательным образом обследует место преступления на предмет обнаружения всех следов и всех вещественных доказательств преступления! Во всяком случае, до сегодняшнего дня это было само собой разумеющимся делом!

Земан был вне себя. Со Стейскалом они работали уже много лет. Мирек был немного легкомысленным, не мог спокойно пройти мимо хорошенькой девушки, не поговорив с ней, но в работе был всегда надежен и точен. Поэтому Земан держал его в качестве помощника и по-дружески прощал парню все его человеческие слабости. И вдруг такая нерадивость...

Стейскал объяснял:

— Мы все тщательно осмотрели. Трижды! Оружия там просто не было...

— Оно что, испарилось? Или Данеш стрелял из пальца?

— Ты пойми, там было человек двести. Мы не могли всех обыскивать... Тогда пришлось бы раздеть... и твою дочь... Более того, преступник мог вынести и бросить оружие, например, в канал еще до нашего приезда...

Земан уже не слушал его объяснений. Он резко, с раздражением в голосе приказал шоферу:

— Разворачивай! Едем в больницу!

Несмотря на протесты лечащего врача, который не хотел пускать их в палату, они прорвались к певиче.

Ева Моулисова лежала на кровати бледная, с закрытыми глазами и с затравленным, страдальческим выражением лица.

Возле нее сидел профессор Голы с раскрытой книгой в руках. Видимо, он читал ей что-то. Заметив входящих, он закрыл книгу и встал:

— Тише, панове! Она только что уснула. Наконец-то...

— Придется разбудить. Нам нужно поговорить с ней.

— Вам бы не мешало быть более внимательными и тактичными. Состояние больной тяжелое. Ей необходим покой.

— В таком случае объясните, что здесь делаете вы?

— Я ее старый друг. Она попросила меня остаться у нее, почитать, успокоить ее после нервотрепки, какую устроил ей сегодня утром ваш коллега... — Он поклонился и представился: — Профессор Голы!

Земан посмотрел ему прямо в глаза, с минуту помолчал, потом произнес:

— Я знаю. — И также представился: — Майор Земан.

— Я уже о вас слышал. Очень рад, что могу с вами познакомиться лично, пан майор.

— Я также.

Профессор Голы предложил:

— Не выйти ли нам поговорить в коридор? Чтобы ее не беспокоить...

— Нет. Наш врач читал историю ее болезни. Ранение Моулисовой не столь серьезно, чтобы она не могла давать показания.

Профессор Голы возмутился:

— Ее ранение серьезнее, чем вы полагаете! Кто-то хотел ей вчера прострелить сердце, а прострелил душу. А для артиста, художника, это может быть смертельно. Только что вы знаете о душе художника, пан майор? Как вы ее можете понять? В конце концов вы, наверное, материалист и не понимаете, что такое душа. А душа, однако, есть в каждом подлинном произведении. Послушайте хотя бы это... — Он открыл книгу и начал читать по-французски с восторженным пафосом. Зачитав несколько четверостиший, Голы произнес: — Нет, вам не дано это понять, пан майор, более того, это даже лучше, что вы не понимаете. Достаточно того, что вы слышали музыку слов, их грустный и одновременно упрямый непокорный ритм, в котором трепещет, пылает и бунтует душа поэта...

Земан чувствовал, как утонченно издевается над ним Голы, как он подчеркивает свое превосходство и ум, как он хочет подавить его, вселить неуверенность, поколебать его в решимости допросить Еву Моулисову. Земан чуть не закричал на профессора, но сдержался и, обратившись к пациентке, которая все еще неподвижно лежала с закрытыми глазами, сказал:

— Пани Моулисова, я знаю, что вы не спите. Я хочу знать, почему вы отказались от своих утренних показаний? Ведь вы давали их в полном сознании, без чьего бы то ни было давления, свободно!

Моулисова молчала. Земан настойчиво продолжал:

— Вы ведь прежде всего заинтересованы, чтобы мы докопались до истины. Вы пострадали...

Ева Моулисова наконец открыла глаза и застонала:

— Прошу вас... оставьте меня... Все... — Стон ее превратился в истерические рыдания: — Оставьте меня, ради бога!..

Профессор Голы с победоносным видом усмехнулся. Земан, вне себя от раздражения, бросил Стейскалу: «Пошли!» — и выскочил из палаты.

Подвал поэтического кафе казался в эти дневные часы, когда не было ни магического освещения прожекторов на сцене, ни интимного розового света настольных ламп, каким-то сырым и неуютным. Сразу стало заметно, что стены почернели, краска местами облупилась, а обивка на многих стульях, красиво выглядевших по вечерам, поблекла.

Одним словом, когда Земан и Стейскал вошли в кафе, здесь царил отнюдь не поэтическая атмосфера.

Роберту Сганелу, однако, такая обстановка нравилась, ибо она напоминала ему предвоенную пору, когда он считался королем многих киностудий. Сганел тогда относился к числу кинозвезд, игравших роли любовников в пустых комедийных фильмах из светской жизни, которые были до такой степени бессодержательны и глупы, что их нельзя было назвать искусством. Тем не менее фанатикам кино Сганел нравился и благодаря этому был весьма популярной личностью. Однако популярность сыграла с ним злую штуку. Немецкие господа из пражской киностудии «Баррандов» привлекли его к участию в нескольких нацистских фильмах. Нет, это нельзя было считать коллаборационизмом. Он был слишком пассивным человеком, занятым самолюбованием, неспособным принять участие в делах, связанных с политикой. Но этого оказалось достаточно, чтобы после войны он уже никогда не появился на экране и, к его сожалению, быстро был забыт. В конце концов Сганел был доволен тем, что не закончил, как многие его коллеги, в пивной «У Сойки», рассказывая там за рюмку дешевого рома или водки о своей былой славе. Ему удалось удержаться на поверхности. Несмотря на годы, он оставался стройным мужчиной и в лиловом смокинге чувствовал себя, как в своих старых фильмах, «львом салона». А в этом винном ресторане, артистический профиль которого им настойчиво выдерживался, он по-прежнему играл определенную роль на современном культурном фронте: он был известен и оттого счастлив.

Сейчас Сганел сидел у одного из столиков перед сценой, держа листы с текстом, и при свете лампы руководил репетицией:

— Стоп! Не спите там, панове!

На сцене по его команде, взвизгнув, замолчали инструменты музыкантов маленькой джазовой группы. Остановились три уставшие, скучающие танцовщицы в тренировочных костюмах.

— Музыка должна зазвучать раньше. Выходите сразу же с последним словом пана Водваржки. Дамы тоже! Итак, снова!..

Артист Водваржка, язвительный и раздраженный, произнес:

— Работай, дружище, работай. У меня еще радио. — Заметив в полутьме зала Земана и Стейскала, он недовольно высказался: — Ну привет, этого нам только и не хватало! Так мы не закончим и до вечера... Я собираюсь, Берт, и уезжаю.

Сганел прикрикнул на него:

— Подожди!.. Секунду пауза, молодежь! — Он обернулся к Земану: — Что вам угодно, пан майор?

— Надо поговорить, пан Сганел.

Сганел занервничал. По правде говоря, он относился к полиции с уважением, и определенная таинственность двух муж-

чин в штатском вызвала у него невольный страх. Но сейчас он понимал, что необходимо держать себя в руках, иначе он моментально утратит весь свой авторитет у этой горстки комедиантов. Поэтому он вежливо, спокойно предложил:

— Вам придется чуть-чуть подождать. Я должен еще раз прорепетировать выход. Это действительно займет всего минутку. Присаживайтесь, пожалуйста. — Сганел взял два стула и поставил их перед Земаном и Стейскалом, затем возвратился на свое режиссерское место, и, чтобы как-то смягчить ситуацию, извиняющимся тоном объяснил: — Мы вынуждены отрепетировать новые номера, поскольку Евы Моулисовой теперь нет среди нас... Сами понимаете, ресторан должен работать, я не могу закрыть заведение... Поэтому мы срочно переделываем все представление... Если это нам удастся, опять будем иметь успех... — Он хлопнул в ладоши и повернулся к сцене: — Итак, поехали, дети мои! Последний раз! Внимание!

Актер Водваржка, бросив иронический, многозначительный взгляд на пришедших, съязвил:

— Не бойся. Теперь-то наверняка все будет как надо.

Водваржка никогда не любил полицейских. Он происходил из старой цирковой семьи. Говорят, что его дед и дядя были известными канатоходцами, и от них он унаследовал беспокойную жажду к свободе и неприязнь к любой власти, которая бы ее ограничивала. Характер у него был необузданный, неуправляемый, вспыльчивый, так что положиться на этого человека было невозможно. Режиссеры с ним работали неохотно, тем не менее это был «его величество артист», который воплощал в себе какую-то особенную поэзию и пафос. Несмотря на свою молодость, Водваржка мог сделать в любой роли нечто необычное, что волновало зрительный зал, придавало особую окраску всему представлению, привлекало публику.

Вот и сейчас он кивнул музыкантам, те подняли инструменты и заиграли. Поплыли в танце девушки. А Водваржка с вдохновением стал декламировать:

Ответьте горю моему,
Моей тоске, моей тревоге.
Взгляните: я не на дому,
Не в кабаке, не на дороге
И не в гостях, я здесь — в остроге.
Ответьте, баловни побед,
Танцор, искусник и поэт,
Ловкач лихой, фигляр хваленый,
Нарядных дам блестящий цвет,
Оставьте ль вы здесь Вийона?¹

Артист обращался к четверым музыкантам оркестра, которые сопровождали его выступление, ходил вокруг них, язвил и со страстью атаковал их стихами Вийона:

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 144.

Не спрашивайте почему,
К нему не будьте слишком строги,
Сума кому, тюрьма кому,
Кому роскошные чертоги.
Он здесь валяется, убогий,
Постится, будто дал обет,
Не бок бараний на обед,
Одна вода да хлеб соленый,
И сена на подстилку нет.
Оставьте ль вы здесь Вийона? ¹

Когда Водваржка кивнул в сторону Земана и Стейскала, стало ясно, кого он имеет в виду. Земан побледнел, поняв, что артист провоцирует их. Тут Водваржка вспрыгнул на сцену и продекламировал заключительные строки баллады:

Скорей с прошением к... п р е з и д е н т у!
Он умоляет о подмоге,
Вы не подвластны никому,
Вы господа себе и боги.

Теперь уже Сганел, напуганный развязностью артиста, не выдержал:

— Стоп! Оставь свои шуточки, Гонза. — Однако, боясь разозлить его, добавил: — А в целом все отлично. Повторите куплет.

Водваржка с насмешливой улыбкой поправился:

Скорей сюда, в его тюрьму!
Он умоляет о подмоге,
Вы не подвластны никому,
Вы господа себе и боги ².

Он махнул рукой на Земана и Стейскала, как бы зовя их к себе на сцену:

Живей, друзья минувших лет!
Пусть свиньи вам дадут совет:
Ведь, слыша поросенка стоны,
Они за ним бегут вослед.
Оставьте ль вы здесь Вийона? ³

Воцарилась тишина. Земан потихоньку встал и спросил:

— Так вы это хотите показывать вечером?

Водваржка ухмыльнулся:

— А вы, видимо, хотите нам это запретить? Вам уже мешает и Вийон? Средневековый поэт?

Земан ответил спокойно и строго, но с трудом сдерживая гнев:

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 144.

² Там же, с. 145.

³ Там же.

— Не мешало бы запретить, чтобы вы не использовали средневекового поэта в целях провокации. Но это в наши обязанности не входит. Пойдемте, пан Сганел.

Когда они зашли за занавес, отделявший бар от зала и сцены, Земан взорвался:

— Вы с ума сошли, пан Сганел? Вы что, хотите, чтобы мы закрыли ваш ресторан?

Из зала доносились голоса и смех участников репетиции. Они, конечно, были довольны — выходка Водваржки развлекла их.

Сганел отвел взгляд и, уклоняясь от ответа на вопрос Земана, с корректной учтивостью спросил:

— Что вам угодно, панове? Будете что-нибудь пить?

Земан, не обратив внимания на его предложение, продолжал:

— Кого вы защищаете? Ради кого позволяете выступать со сцены с нападками? Ради этого мошенника и проходимца, как вы сами изволили говорить?

Сганел, будто не слыша, зашел за стойку бара и с профессиональной официантской подобострастностью предложил:

— Виски? Коньяк? Джин? Или, может быть, кофе? Кока-колу? Тоник?

Земан зло, с иронией в голосе, спросил:

— Или вы тоже хотите отказаться от своих показаний?

Только теперь Сганел наконец среагировал:

— Нет-нет! Я никогда не откажусь от своих слов: я не видел, кто стрелял.

Вмешался Стейскал. Он засыпал Сганела вопросами:

— Тогда почему вы побежали за Павлом Данешем? Зачем вы его преследовали? За что вы его избили?

Сганел налил себе рюмку коньяка и залпом выпил.

— Потому что он мне в нетрезвом состоянии устроил скандал. Потому что он мне своим хамством сорвал представление.

Земан немедленно, не давая Сганелу опомниться, задал следующий вопрос:

— Только поэтому? А кто тогда, по-вашему, стрелял?

— Этого я, простите, не знаю!

— А куда исчезло оружие преступления? Вы же здесь должны досконально все знать. Вам известны все укрытия, углы и закоулки. Вы знаете людей, персонал, публику. Кто из них мог взять оружие? Кто мог унести его или спрятать?

— В этом я вам, к сожалению, ничем не могу быть полезен... Не желаете ли в самом деле что-нибудь заказать?

— Скорее всего, не хотите! — воскликнул Земан. — Но запомните, пан Сганел, вы играете с огнем!

И вдруг Сганел чистосердечно признался:

— Понимаете, панове, я обо всем этом много думал... И понял одно — если вы закроете этот винный погребок, они мне

помогут... Но если они меня исключат... за сотрудничество с вами... из культурного фронта, я пропал. Это простой меркантильный расчет. А я уже слишком стар для того, чтобы позволить себе начинать все сначала в другом месте.

Земан все понял и больше уже не напирал на него, а только сказал:

— Так вот, значит, как! Вы боитесь! Хорошо, мы справимся и без вас. Хотя бы ради того, чтобы и до вас дошло, у кого в этом государстве право, закон и сила.

Сганел, заметно нервничая, налил себе еще одну рюмку коньяка, выпил и подавленным голосом проямлил:

— Мне очень жаль, пан майор. Вы мне, вообще говоря, симпатичны. Но знаете, мне кажется, что вы темного... донкихот!

6

Стоял опять тоскливый, пропитанный дождем, туманный ноябрьский вечер, когда надпоручик Стейскал позвонил в дверь квартиры Земана в одном из пражских жилых районов. Ему открыла Лидушка. Стейскал невольно отметил, что она становится очень привлекательной. Он по-прежнему считал ее несчастным осиротевшим ребенком — голенастым, худым, с большими, нежными, вечно удивленными глазами. Переживая вместе с Земаном по поводу ее учебы в школе, ее детских болезней, он радовался вместе с ними новым игрушкам и грустил о пропавшем плюшевом медвежонке. И вдруг Лидушка превратилась в прелестную девушку. В глазах у нее появилось нечто шаловливо-кокетливое, отчего даже такой выдавший виды мужчина, как Стейскал, начал таять... Он не удержался, чтобы не поприветствовать ее озорной шуткой:

— Привет, кошечка!

Она шутку приняла, не обиделась и ответила ему так же весело:

— Привет, дядя. Проходи, я сейчас сварю кофе.

Стейскал по-домашнему переобулся, и ему стало немножко грустно оттого, что Лидушка назвала его дядей. «Старею, черт побери, — подумал он. — Молодость уже позади, а до пенсии еще далеко. Думаю, что я все еще молодой, что передо мной не устоит ни одна девушка, а вот для нее я уже дядя».

— А где мама? — поинтересовался он.

— Она на собрании.

— А папа?

— Он дома.

— Что делает?

— Читает Вийона. Пришлось сегодня принести из библиотеки.

— Что? Вот это да! — произнес Мирек, вытаращив от удивления глаза. — Ну а как дела между вами? Все в порядке?

Лидушка закрутила головой, обидчиво поджала губы:

— Еще не совсем. Почти не разговаривает со мной. Еще не простил мне вечер в «Конишне». На две недели мне запрещены прогулки.

Стейскал засмеялся:

— Но по тебе не скажешь, что ты слишком опечалена этим. Чем занимаешься в домашней кутузке?

— Учю математику. С Петром.

— Что? Он тебе разрешил? Тогда это вполне комфортабельная тюрьма, я бы тоже был не против.

Однако Лидушка не была в восторге и пожаловалась:

— Только вот папа сидит весь вечер с нами.

В двери, ведущей в прихожую, появился Земан в халате и с книжкой в руке:

— Ты что здесь мне портишь девчонку, Мирек? — И строго приказал Лидушке: — Лида, марш! Приготовить кофе и потом дорешать пример. А то что-то у вас затянулась беседа... Проходи, — сказал он Стейскалу.

Они вошли в комнату, где в уголке возле Лидино детского столика склонился над раскрытыми тетрадями ее одноклассник Петр.

Стейскал на ходу взял у Земана книжку и, полистав ее, весело спросил:

— С каких это пор ты увлекаешься поэзией?

— С тех пор как держу под следствием поэта, — ответил ему Земан и сразу же приступил к делу: — Зачем пришел, Мирек? Что-нибудь случилось?

— К сожалению, нет.

— Это, наверное, хорошо?

— Скорее плохо!

— Почему?

Стейскал покосился на Лидушку и Петра, которые склонились над тетрадями.

— Может, пойдем куда-нибудь? Чтобы не мешать... — сказал он.

Лидушка с благодарностью взглянула на Стейскала. Однако Земан решительно отверг его предложение:

— Нет-нет! Ты думаешь, что у меня дома для учебы должна быть какая-то особая обстановка? Нет уж, лучше, когда они под присмотром.

Стейскал пожал плечами, извиняющимся взглядом посмотрел на Лиду, как бы говоря: где там, его просто так не возьмешь, твердолобый, как осел, ревнивый и не приветливый, как всякий папа.

— Хорошо, как хочешь, Гонза... Так вот, я попросил согласия прокурора, как ты хотел, на домашний обыск у Моулисовой. Мы осмотрели все вещи Данеша, сантиметр за сантиметром.

— Ну и?..

— Ничего. Пара грязных свитеров, белье, два костюма, несколько ручек, чистая бумага, никаких заметок, адресов, никакой документации, записных книжек, ничего. Только это. — Он подал Земану небольшую связку бумаг.

— Что это?

— Рукопись книжки его стихов, подготовленных к изданию. И это все.

Земан полистал рукопись:

— Ты читал?

Стейскал вздохнул:

— Да, читал, но ничего там не понял. Если там что-то зашифровано, я этого не одолею. Я в поэзии не очень силен.

Земан посмотрел на титульный лист и прочел:

— «Павел Данеш. Поэтический июль». Гм, так это все же поэт... — Он снова открыл рукопись и наугад прочитал вслух одно из стихотворений.

Петр и Лидушка удивленно подняли головы и стали прислушиваться.

Он дочитал и поддакнул Стейскалу:

— Ты прав, это какая-то бессмыслица. Вийон лучше!

Он положил рукопись на стол. Петр встал и потихоньку подошел к ним.

Стейскал несмело произнес:

— А я пришел, Гонза, сказать тебе, что мы на мели.

— Как это?

— У нас нет против Данеша ни единой улики. Нам придется его отпустить.

Земан воскликнул:

— Что? Ты хочешь сдать его?

— Нет, не это. Но мы не имеем права держать его дальше под арестом. Мы обязаны его держать под следствием на свободе!

Земан раздраженно сказал:

— Ты с ума сошел! Я его не выпущу.

И в это время Петр тихо попросил:

— Можно посмотреть, товарищ майор? — Он показал на рукопись Данеша.

Земан кивнул и больше уже не обращал внимания на Петра. Он был слишком занят разговором со Стейскалом. А Стейскал с некоторым колебанием и смущением рассказывал:

— Я прошелся сегодня по Праге, Гонза. Послушал, что говорят люди.

— Ну и что?

— Большинство представителей культурного фронта против нас. Все на стороне Данеша.

— Не все, надеюсь. Я знаю многих честных работников искусства, которые идут с нами и никогда не свернут с этого пути. А ты хочешь его отпустить, потому что этого требует какая-то горстка крикунов? У тебя что, сдали нервы? С каких

это пор работники культурного фронта решают наши проблемы?

Однако Стейскал упрямо продолжал:

— Потом я зашел к ребятам в КНБ и почитал информацию. Все стало ясно.

— Тем лучше!

— Сганел прав: мы немного донкихоты, Гонза. Мы ввязываемся в то, что называется большой игрой и что нас не касается.

Земан был вне себя от негодования.

— Ради этого ты и пришел ко мне?

— Да. Я решил, что лучше прийти и сказать тебе об этом дома, чем на работе. Понимаешь, Гонза, до сих пор мы с тобой были прежде всего криминалистами. В этой профессии мы разбираемся, чувствуем себя как дома. А то дело, в которое нас впутывают, скорее относится к области разведслужбы.

Земан его резко прервал:

— Если ты боишься, можешь уйти в сторону. Я найду себе другого помощника.

Однако Стейскал озабоченно произнес:

— Я броюсь прежде всего за тебя, Гонза!..

В это время в спор опять вмешался Петр:

— Товарищ майор, разрешите вам кое-что сказать?

Увлеченный спором со Стейскалом, Земан раздраженно проворчал:

— Давай быстро, у нас нет времени.

— Я не знаю, имеют ли смысл эти стихи или нет... Но я знаю наверняка: ни одно из них не написано Павлом Данешем!

Столь неожиданное заявление заинтересовало Земана.

— Подожди! Как так?

— Например, тот стих, который вы недавно прочли, — признался, по-мальчишески смущаясь, Петр, — написал я. И некоторые другие — тоже.

— Ты можешь это как-нибудь доказать?

— Могу. Это стихотворение я собственноручно написал... для вашей Лидушки. У нее есть оригинал.

— Отлично! — воскликнул Земан и вдруг осекся: — Подожди-ка! Покажи... — Он забрал у Петра рукопись и снова бегло перелистал стихи и прочел:

...Я только твой, в моей фантазии,
Где «да» скажу я, ты скажешь «может быть».

Прочитав это, Земан с возмущением проговорил:

— Паршивец!.. Ну, Лида, ты у меня получишь! И это твои стихи?

В постели ты как в клетке золотой,
В ней только птицам петть бы и порхать,

И добродетели твои — дело пустое,
Ну почему я должен трепет рук скрывать?

И Петр храбро подтвердил:

— Тоже мои. И именно поэтому я вам хочу отдать вот это... — Он сунул руку в карман и подал майору гильзу.

Земан сразу же утратил всякий интерес к стихам и жадно схватил маленький закопченный медный предмет.

— Где ты взял?

— В ресторане. В тот вечер. После выстрела гильза эта упала возле нашего стола. Нагнулись мы за ней вдвоем — я и еще один пан в клетчатом пиджаке. Я оказался проворней... Не сердитесь на меня, товарищ майор. Я хотел оставить себе на память... и на счастье... Но теперь, думаю...

Земан и не собирался сердиться. С радостным видом он повернулся к удивленному Стейскалу:

— Видишь! А ты хотел бросить это дело? В такой момент! — Он снова повернулся к Петру, схватил его за плечи и начал трясти: — Ты просто молодчина, парень, умник! Но постой! Ты говоришь — клетчатый пиджак? А ты не ошибся? Если мне не изменяет память, клетчатый пиджак в этом деле всплывает уже в третий раз. Второй раз это было у Калины на диапозитивах. А впервые... — Он ударил себя кулаком по лбу: — Когда же я видел его по этому делу впервые?

Криминалистика — довольно точная наука, но и в ней без известной доли обычного паршивого счастья не обойтись. И такое счастье Земану привалило. Когда он вошел в тот же вечер в оживленный ресторанчик на Жижкове, он обнаружил, что клетчатые пиджаки — типичная одежда мужчин, столпившихся возле стола любителей пива и игроков в карты. Наверное, жижковский универмаг продал большую партию этой модели, и теперь вся жижковская шпана считала просто дурным тоном не иметь такой одежды.

Сквозь голубую завесу сигаретного и сигарного дыма, который клубился облаком возле стойки бара и над столами, почти ничего не было видно, а из-за шума множества мужских голосов и монотонного пиликанья гармошки, игравшей давно затасканные песенки, ничего не было слышно.

Однако Земан уверенно продвигался вперед.

Он наклонился к одному клетчатому пиджаку, обладатель которого держал в руках чертовски удачные карты, и крикнул:

— Добрый вечер, Ферда!

Ферда Восатка моментально положил карты на стол:

— Добрый вечер, пан майор. Я знал, что однажды вы придете. Вы не какой-нибудь болван!

Земан не обиделся, а, наоборот, с видимым удовлетворением улыбнулся в ответ на похвалу:

— Как видишь, нет.

Ферда хотел встать:

— Так идем?

Но Земан его удержал:

— Подожди, допей хотя бы пиво. Да и я переведу дух. Это уже двадцатая пивная, в которой я тебя ищу. — Он подзвал официанта: — Две «охотничьей»... Выпьем по случаю нашей встречи. Спешить нам незачем. Я, как ты уже сказал, не какой-нибудь болван, а ты не хулиган какой-нибудь. Ты вполне добропорядочный, честный жижковский вор. Тебе от меня не уйти. Дай прикурить.

Майор взял сигарету. Весь вид Земана свидетельствовал о его отличном настроении. Ферда сунул руку в карман своего щегольского пиджака и достал серебряную, богато инкрустированную газовую зажигалку. Земан взял ее в руки, внимательно рассмотрел и, заметив выгравированные инициалы «ПШ», засмеялся:

— Пан атташе по культуре тебе это подарил, или ты ее у него стянул, Ферда?

Ферда чистосердечно признался:

— Стянул, пан майор.

— Когда тебя Данеш первый раз туда взял с собой?

— Примерно год назад, пан майор.

— Зачем?

— Чтобы я для него чистил карманы. Он меня брал с собой и к пану атташе, и в клуб, и в этот вишный ресторан, в общество благородных людей, которые без конца спорили о политике и искусстве, а потому не имели времени следить за своими карманами.

Земан весело рассмеялся:

— Так, значит, это была настоящая жатва для карманника?

Ферда согласился:

— Так получается, это была действительно жатва, пан майор. Представляете, сколько мне пришлось выслушать ужасной ученой болтовни? И вот так я должен был с ним каждый вечер шарить по карманам. Он страшный мошенник, пан майор, он меня эксплуатировал...

Земан развеселился:

— Вот видишь, Ферда, не нужно впутываться в политику. Надо красть только среди порядочных людей. А что с тем пистолетом? Ты его тогда подобрал?

— Я, пан майор. Из воровской солидарности.

— И куда его дел?

— Отдал Неблеховой, редактору, которая с Данешем ходила; она спрятала в сумочку.

— Что это было за оружие?

— Маленький браунинг, дамский.

— И маленький браунинг убивает. Ты должен был придерживаться принципов, Ферда, и не брать оружие в руки.

Ферда Восатка сокрушенно произнес:

— Я болван, пан майор, да?

— Болван!

Ферда испуганно спросил:

— Как вы думаете, долго мне за это париться?

Земан усмехнулся. У него было хорошее настроение. Вместо ответа он поднял рюмку с «охотничьей»:

— Ну, теперь мы по этому поводу выпьем, потом поедem на машине к нам, надиктуешь мне для протокола, а там посмотрим...

С той минуты когда Лидушкин Петр в совершенно безнадёжной ситуации вывел его на след («Гляди-ка, — с удивлением подумал он, — я его уже так называю», — но потом махнул на это рукой: таких парней еще будет много), Земан чувствовал себя гончей собакой, которая преследует зверя до тех пор, пока не настигнет его или сама не упадет обессиленная. Такого еще не случалось. Он привык в своем ремесле все основательно взвешивать. Он знал, что лучше хорошо все обдумать, проиграть все комбинации, чем спешить; что утро всегда мудренее вечера. Однако на этот раз подсознательное чувство подсказывало, что до завтра ждать не следует. В какой-то момент он начал бояться, что счастье отвернется от него и в расследовании дела у него возникнут препятствия, ловушки или какие-нибудь другие сложности. «Закончить, закончить, — твердил он себе в охватившей его лихорадке. — Надо разгрызть этот орешек, закончить и потом уже идти спать». Поэтому он приказал привести Данеша из камеры в свой кабинет сразу же после допроса Ферды Восатки, несмотря на то, что был уже поздний вечер.

Когда Павла Данеша привели к Земану на допрос, поэт уже не выглядел заспанным, похмелье давно прошло. Теперь он, наоборот, был собран, готов к атаке, полон злой иронии и злобы.

В камере у него было время поразмышлять и уяснить для себя, как было бы ужасно, если бы из-за какой-то ошибки он потерял свою свободу, которой многие годы с таким упорством добивался.

Способный сельский паренек, Данеш приехал когда-то из Моравии в Прагу изучать философию. Жил в общежитии, зубрил учебные пособия, аккуратно ходил на лекции к профессору Голы, с энтузиазмом принимал участие во всех семинарах, научных дискуссиях и совещаниях, потому что была у него честолюбивая мечта выдвинуться и быстро стать обеспеченным и известным ученым в области литературы. Вскоре, однако, он понял, что такой путь к карьере довольно труден и долг.

Тогда он бросился в политику, стал активным функционером в молодежном союзе и в студенческом движении. Одно время он числился среди неких интеллектуальных ура-революционных «голубых рубашек», выкрикивающих на массовых митингах корявые стихи о «победоносных флагах красных» и придирчиво проверяющих анкетные данные других студентов.

Затем внезапно, чуть ли не в течение одной ночи, Данеш сменил голубую рубашку члена молодежного союза на заношенную до бахромы джинсовую куртку битника, бросил учебу и общественную деятельность и объявил себя «сбившимся с пути молодым человеком». Он скитался по кафе, барам и клубам, заводил случайные знакомства, пил, подрабатывал статьками в газетах или в качестве статиста на съемках в кино и на телевидении, был одно время импресарио у известного джазового певца, заключал договоры на сценарии и книги, которые обещал написать, но никогда не написал (однако авансы за них получил) — одним словом, вел «сладкую жизнь». Правда, у него не было места для ночлега, поскольку его вышвырнули из общежития, но всегда находились какие-нибудь девчонка или приятель, которые пускали его на несколько ночей к себе. В то время о нем заговорили как о поэте, и он был счастлив: ведь он сделал «большую карьеру» и достиг «большой свободы».

И теперь полицейские, которых он всегда ненавидел, захотели лишить его этой свободы. Он был уверен, что знакомые на свободе ему помогают, делают что-то, но проходило время, и он начал беситься в четырех стенах камеры. Поэтому он так охотно вскочил, когда за ним пришли. Наконец-то!

Земан спокойно предложил ему:

— Садитесь, маэстро!

Данеш ответил ему язвительно и со злобой:

— Спасибо, я постою. Насиделся уже. Я нахожусь здесь довольно долго, задержан противозаконно.

Земан усмехнулся:

— Как сказать!

Данеш раздраженно воскликнул:

— В течение сорока восьми часов мне должны предъявить санкцию прокурора на арест!

Земан с улыбкой его похвалил:

— Отлично, в уголовном кодексе вы разбираетесь. Так что мы друг друга поймем.

— Мы с вами никогда не сможем понять друг друга!

— Почему?

Данеш с ненавистью прошипел:

— Потому что вы олицетворяете все преступное и низкое, что есть в этом режиме и с чем я никогда не смирюсь!

Земан не только не возмутился, а, наоборот, продолжал добродушно улыбаться.

— Опять сказано отлично. Вы уже дали показания? Я доволен. Вы меня убедили.

— В чем?

— В том, что вы меня ждали.

— Я — вас? Чушь!

— Знаете, — спокойно сказал Земан, — недавно я выслушал лекцию о душе поэта. А мы разбираемся в душе преступника. По опыту мы знаем, что спешить с допросом не следует, пока эта душа ожесточена и непрístupна. Человек, сидя в камере, начинает скучать, много думает о том, что он скажет следователю, когда их встреча состоится, и, наконец, начинает ждать ее с нетерпением. Со временем между ними, между следователем и преступником, возникает своеобразная дружба. Они близко узнают друг друга, видят один другого насквозь...

Данеш не вынес спокойного покровительственного тона майора и почти истерично, с ненавистью закричал:

— Я свободный интеллигентный человек и никогда не смогу подружиться со шпиком!

И тут Земан громко приказал:

— Садитесь!

Данеш неожиданно послушно сел, но слова продолжали литься потоком:

— Я уже давно понял ваш психологический трюк и нашел противоядие. Могу вас заверить, что я в вашей каталажке не скучал. Даже здесь я нашел себе занятие...

Земан спокойно сказал:

— Тем лучше. А чем вы занимались?

Данеш с иронией в голосе ответил:

— Сочинял для вас стихи.

— Вот видите, значит, вы очень ждали встречи со мной, если для меня сочиняли стихи. Может, прочтете их?

— Разумеется!

Данеш запрокинул голову, сосредоточился. Ему хотелось выразить всю свою злость и ненависть.

Мне шел тридцатый год, когда я,
Не ангел, но и не злодей,
Испил, за что и сам не знаю,
Весь стыд, все муки жизни сей...
Ту чашу подносил мне — пей! ¹ —

И далее продолжал:

Не кто иной, как Земан с Конвиктской
Майор по сану, тем верней —
Я почитать его не стану!

Земан не только не рассердился, а, наоборот, начал тихо смеяться, отчего Данеш еще больше рассвирепел и продолжал с пафосом и ненавистью:

¹ Цит. по: В и й о н Ф. Лирика, с. 33.

Ему не паж и не слуга я,
Как в ощи́п кур, попал в тюрьму
И там сидел, изнемогая,
Все лето, ввергнутый во тьму.
Известно богу одному,
Как щедр епископ благородный, —
Пожить ему бы самому
На хлебе и воде холодной! ¹

И так как Земан смеялся уже во весь голос, Данеш возбужденно спросил:

— Почему вы смеетесь?

— Вы продолжайте, — проговорил сквозь смех Земан. — Хорошие стихи... Несмотря на то, что написали их не вы, а Франсуа Вийон в 1461 году. Это стихотворение называется «Большое завещание», и адресовано оно не Земану с Конвиктской, что было бы для меня слишком большой честью, а епископу д'Осси́ньи, который приказал бросить Вийона в тюрьму... Вам, маэстро, нравится воровать чужие стихи?

Данеш был настолько ошарашен осведомленностью Земана, что потерял дар речи. А Земан между тем продолжал:

— У нас имеются также показания одного молодого поэта, который по наивности доверил вам свои стихи, а вы их потом выдавали за свои. Он положил перед Данешем протокол. Данеш молчал, а Земан, почувствовав, что укладывает его на обе лопатки, продолжал приводить аргумент за аргументом:

— У нас есть много других интересных вещей. Например, вот это. — Он положил на стол серебряную газовую зажигалку Черри Штайна. — И в дополнение к этому — показания вашего компаньона, карманника Фердинанда Восатки. — Он положил перед ним другой протокол. — И наконец, мы имеем вот это. — Майор показал ему гильзу. Выложив все свои козыри, Земан заключил: — Так что вы на это скажете теперь? Вы еще будете утверждать, что мы вас держим в тюрьме незаконно? Я бы вам посоветовал признаться. Признание облегчит вашу участь. — И с веселым смехом майор добавил: — А применительно к вашей ситуации я мог бы сейчас перефразировать другое стихотворение Вийона. Вот послушайте:

Ты — Данеш и тому не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Данеш был окончательно сломлен. Его охватило чувство страха. Истеричным голосом он закричал:

— Нет, это все неправда!.. Я отрицаю!.. У вас против меня ничего нет... Это все ловушка, обман, интрига... Я протестую!..

¹ Цит. по: Вийон Ф. Лирика, с. 33.

— Следовательно, вы не намерены признаваться даже под тяжестью улик?

Данеш выкрикнул:

— Нет! Никогда!

Земан не спеша собрал протоколы и вещественные доказательства в ящик стола:

— Хорошо. Тогда поступим с вами иначе.

7

От этого поэтического подвального помещения веяло очарованием старой Праги. Здесь пахло вином, которое лилось тут многие годы... Но сейчас в ресторанчике было пусто. Только возле стойки бара нетерпеливо толпились те, кого пригласил сюда майор Земан: Дагмар Неблехова, артист Ян Водваржка, три танцовщицы, четыре музыканта оркестра, владелец кафе, он же режиссер и бармен, Роберт Сганел и Петр. Все они чувствовали необычную напряженность ситуации, поэтому разговаривали сдержанно, пили мало. Только Петр смущенно стоял в сторонке, чувствуя, что он не вписывается в эту компанию, тем более что присутствующие тоже не обращали на него внимания, просто не брали его в расчет. О чем говорить со школьником, который покраснел как рак, начал что-то заикаясь бормотать, когда одна из танцовщиц попросила у него прикурить.

У Неблеховой вдруг сдали нервы, и она громко высказала то, о чем все в этот момент думали:

— Начнется здесь когда-нибудь хоть что-то? Зачем нас, собственно, сюда вытащили?

— Никто ничего не знает, пани Неблехова, — пожал плечами Сганел. — Все мы получили точно такую же повестку, как и вы.

Артист Водваржка сонно зевнул над бокалом джина:

— Сели в лужу, так решили хотя бы сделать вид, что расследуют.

Неблехова заявила:

— Насколько я знаю, ни к кому из нас у них претензий нет...

Водваржка захохотал:

— Только мелкие придирки!.. Но им придется долго к ним подыскивать параграф! — сказал он, вспомнив свой конфликт с Земаном.

— Павлу тоже никаких претензий не предъявили, — заявила Неблехова.

— Скорее всего, речь пойдет о нем... — многозначительно зашептал Сганел, перегнувшись через стойку бара с таким видом, как будто выдает великую тайну, — ...если привезли и ее!

Это сообщение взбудоражило всех. Неблехова, ахнув, промолвила:

— Что? Ева здесь?

Сганел в знак согласия закрыл глаза.

— А где она? Почему не с нами?

Сганел был счастлив, что именно он может их информировать, что на этот раз он знает больше, чем они, элита культуры, которая благодаря своим неведомым подпольным источникам узнавала всегда обо всем первой. Он шепотом разбалтывал эту сенсацию:

— Она здесь, в своей уборной. Приказано ей, чтобы не выходила, пока не позовут.

Неблехова, соскочив с высокого стула у стойки, решительно сказала:

— Иду к ней!

Сганел, испугавшись возможных неприятностей, в ужасе начал ее отговаривать:

— Нет-нет, не ходите, они увидят вас. Они в зале ждут своего майора.

Неблехова, однако, взяла свою сумочку и независимо сказала:

— Ну и что? Кто запретит даме идти туда, куда ей нужно? Полиция не может этого запретить!

Водваржка расхохотался:

— Браво, Даша! Браво!..

Ева Моулисова сидела в своей артистической уборной перед зеркалом, без грима и парика, бледная, усталая, постаревшая и похудевшая.

Она смотрела в зеркало с грустью, с безразличием, неспособная что-либо для себя сделать, как-то приукрасить свое увядающее лицо.

Ева понимала, что ее жизненный путь женщины-любовницы и пользующейся успехом у публики певицы новых шлягеров кончается и что ей остается только выкрикивать в темноту зрительного зала свое отчаяние и одиночество, умирать каждый вечер на сцене под тоскливую мелодию — чтобы умереть однажды в этом театре на самом деле. А ведь не так уж давно началась ее карьера известной джазовой певицы.

Ева росла обычной девушкой. Она еле-еле закончила школу и не стала учиться дальше. Она была наделена природной интеллигентностью и здравым смыслом. Девушка умела шить и устроилась работать в заурядный дамский салон. Бесконечные, однообразные, нудные часы проводила она за швейной машинкой. Ее ожидала типичная судьба тысяч девушек ее круга: сначала танцы, несколько знакомств, потом свадьба, дети, плита, прачечная, шитье для соседок и знакомых, ссоры с мужем из-за его зарплаты, однообразные воскресные поездки на дачу. Но получилось иначе.

Однажды, с кем-то поспорив, она приняла участие в конкурсе певиц, который объявил один из молодых театров. Нет, пению Ева никогда не училась, но любила петь и играть на

гитаре с мальчишками в туристических походах. В том конкурсе она победила — возможно, потому, что не имела такой цели и попробовала ради шутки, а поэтому не испытывала страха. Какого-то композитора средних лет, плешивого, с одутловатым лицом и уже заметным брюшком, с невыразительными, чуть навывкате глазами, сидящего в жюри, заинтересовал ее резковатый, своеобразный голос. Скорее всего, его заинтересовала ее стройная фигура с высокой грудью, по-мальчишески узкими бедрами и длинными стройными ногами. После короткого знакомства он сумел включить ее в телевизионную программу «Ищем новые таланты», и она сразу стала известной.

Предложения с телевидения и радио посыпались одно за другим. Ева выступала в целом ряде эстрадных концертов, стала актрисой молодого театра, записала свои первые пластинки — сначала небольшие, а потом и долгоиграющие. На улице ее без конца преследовали поклонники с просьбами об автографе. Зрительные залы сходили с ума, как только Ева появлялась на сцене. Тысячи девушек красились, причесывались и одевались, как она, тысячи мальчишек любили ее в своих мечтах. Все это быстро утомило ее. Потом она начала пить и употреблять наркотики. Поток предложений о выступлениях на эстраде, по радио, телевидению не иссякал. Ее приглашали сниматься в фильмах. Она боялась отвергнуть все эти предложения, так как это могло означать шаг к немилости у публики и утрату популярности и славы. Она начинала бояться этого конца, подсознательно чувствуя, что головокружительный взлет джазовой звезды подобен блеску метеора — вспыхнет на краткий миг, ослепительно засияет и погаснет.

Она хотела воспротивиться, задержать этот бешеный полет, но напрасно, у нее не хватало сил противостоять судьбе. От сознания этого она нервничала, испытывала страх и пила еще больше. И старела. Из-за тех сотен и тысяч выкуренных сигарет, бурно проведенных ночей, выпитого виски, коньяка и джина Ева старела неудержимо, усталость поглощала ее, и это приводило в ужас. В какой-то момент она начала тосковать по тихому, спокойному личному счастью, по обычному дому с детьми, с плитой и прачечной, швейной машиной и однообразно-идиллическими выездами на дачу... И вот в таком душевном состоянии, в минуту новой волны ужаса перед старостью, забвением и одиночеством, она встретила Павла...

Скрип двери артистической уборной отвлек Еву от этих безутешных воспоминаний. В зеркале она увидела, как за ее спиной появилась Дагмар Неблехова.

Эта наглость вызвала у Евы приступ гнева.

— Уходи... Что тебе здесь нужно?.. Прошу тебя, уходи!

Однако Неблехова не послушалась. Наоборот, она приблизилась к Еве и уселась напротив, прямо на гримерный столик.

— Я знаю, ты не любишь меня, Ева! — Дагмар вынула из

сумочки сигарету, закурила, чтобы как-то справиться с волнением, вызванным предстоящим неприятным разговором. — Сейчас не время для нашей личной неприязни и ненависти. Мне нужно с тобой поговорить.

— О чем? Что мы можем еще сказать друг другу?

— Речь идет о Павле.

— Какое дело мне до него? Ты его хотела, возьми! С этим я уже смирилась.

— Я говорю о Павле в принципиальном плане.

— Не понимаю тебя.

— Идет борьба, Ева, которую не измерить нашим женским куриным мозгом, секречиями желез, страстями, ревностью. Это борьба за всю чешскую культуру!

Моулисова горько усмехнулась:

— Павел для тебя — чешская культура?

Неблехова говорила страстно, стараясь ее убедить:

— Я тебе уже сказала, что все дело в принципе. Если мы от него отступим, то потеряем все. Они заберут у нас и этот клочок свободы, который мы завоевали с таким трудом. Если мы будем сопротивляться, они получают возможность арестовывать и наказывать. Мы испугаемся и отступим, и все вернется на двадцать лет назад.

— Ты преувеличиваешь. Я не люблю слушать длинные патетические речи... И совсем мне не по душе, когда в искусство пытаются втащить политику!

Однако Неблехова не сдавалась:

— Ты была в больнице, Ева. Ты не знаешь, что вокруг творится. По всей республике идет сбор подписей под петициями протеста против ареста Павла. Как раз сейчас Людвик Ланда находится в ЦК с делегацией представителей творческих союзов. Они выражают свой протест, выступают как посредники...

— Что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты не была мелочной и не давала показаний против Павла. Иначе ты пойдешь против всех, против всего культурного фронта, и останешься в одиночестве.

Но Моулисова возразила:

— От меня никто не требует никаких показаний...

Неблехова удивилась. Такого поворота дела она не ожидала.

— А что же они от тебя хотят?

— Ничего. Просят спеть только мои куплеты. И все...

В это время из репродуктора над дверью раздался голос помощника режиссера:

— Пани Моулисова, пани Моулисова, приготовьтесь, скоро ваш выход!

Когда Неблехова вошла в зал ресторана, она ошолбенела — вместе с Земаном здесь находились также Ферда Восатка и Павел Данеш!

Музыканты, танцовщицы, артист Водваржка и Петр уже были на своих местах.

Земан пояснил Неблеховой:

— Мы хотим провести небольшой следственный эксперимент. Пани Неблехова, где вы находились в тот момент?

— Сзади, в баре...

— Хорошо, идите туда. И закажите себе что-нибудь выпить, вы что-то очень бледны. — Сказав это, Земан с иронической учтивостью обратился к Данешу: — А вы где были, маэстро?

Данеш неохотно, с апатичным видом кивнул:

— Там, при входе.

Земан приказал стражнику, конвоировавшему Данеша:

— Проведите его туда. — И повернулся к Восатке: — А ты, Ферда?

— У двери в бар.

Земан послал его туда, а остальным членам своей оперативной группы приказал:

— А мы, товарищи, сядем здесь как зрители... Можно начинать, пан Сганел!

Сганел, заметно волнуясь, распорядился:

— Свет!

Загорелись лампы на столиках и прожекторы на сцене.

— Музыка!

Джазовый квартет заиграл вступление к песне Евы, закружились в танце танцовщицы. В эту минуту по знаку помощника режиссера из-за кулис на сцену вышла пани Моулисова. Однако, она не запела, потому что, остолбенев, застыла у края сцены, глядя на Данеша. Она не ожидала его здесь увидеть.

Павел тоже не ожидал увидеть здесь Еву и был, как и она, крайне удивлен неожиданной встречей. Они стояли друг против друга, он внизу, она наверху, и молча смотрели один на другого.

Музыка во второй, потом в третий раз начинала играть вступление, танцовщицы кружились, а эти двое все стояли и молчали.

Земан наконец произнес:

— Итак, пани Моулисова. Песню!

Ева опомнилась, сделала шаг вперед и начала петь. Она пела озорно и шаловливо, но со слезами на глазах:

Франтиха шляпница Жаннетта,
Любым мужчинам шли привет
И Бланш, башмачнице, про это
Напомни: вам зевать не след!

Пение давалось ей с трудом, спазмы то и дело сжимали горло. Напрягая силы, она исполнила конец баллады, ставший своеобразной панихидой по ее любви и молодости;

Эй, девки, поняли завет?
Глотаю слезы каждый день я
Затем, что молодости нет:
Монете стертой нет хождения.

Внезапно Ева упала на колени и громко разрыдалась. Музыка умолкла, стало тихо. И в этой гнетущей тишине откуда-то из темноты зала слышался голос:

— Сделай на минуту паузу, Гонза! Мне нужно с тобой срочно переговорить!

Земан оглянулся и разглядел в глубине зала полковника Калину в шляпе и зимнем пальто, которое тот носил уже много лет.

Они уединились сзади у стойки бара, все остальные покинули зал. Однако на приятелей, собравшихся выпить и поговорить, Земан и Калина не были похожи. Калина, не сняв пальто, шарф и шляпу, негромко сказал:

— Кончай, Гонза! Это уже ни к чему!

— Почему?

— Я пришел к тебе с приказом от вышестоящих органов!

— Каким?

— Освободить немедленно Павла Данеша, закрыть его дело, опечатать бумаги и отослать наверх!

Земан не поверил своим ушам:

— Что?

— Исполни приказ, Гонза!

Земан, ничего не понимая, возмущенно возразил:

— Но у меня есть против него доказательства! Я уличил его в уголовно наказуемых действиях на законном основании. И против Неблеховой у меня есть кое-что. Она вынесла отсюда орудие преступления и утаила его от нас...

Однако Калина снова устало, но отчетливо повторил:

— Выполни приказ, Гонза!

— Но ты же сам с этим не согласен, Вашек!

Было заметно, какого труда Калине стоит держать себя в руках и спокойно настаивать на том, с чем он был абсолютно несогласен.

— Мое личное мнение уже ничего не решает.

Земан протестовал:

— Где же правда, справедливость? Ведь закон одинаков для всех — и для обычных людей, и для поэтов. Куда мы придем, Вашек, если будем арестовывать простых людей и отпускать идейных противников, беспомощно отступать перед ними? Куда мы с этим придем?

Калина понимал весь драматизм этого вопроса, но, несмотря на это, с горечью в голосе настойчиво повторил:

— Выполни приказ!

Земан спросил:

— А если не выполняю?

Калина тихо ответил:

— Тебе это будет стоить места службы.— И ушел.

Земан вернулся в зал, в котором между тем погасли прожекторы и светились только настольные лампы. Снова собравшиеся в этом тусклом помещении люди поняли, что Земан проиграл, поэтому смотрели на него со злорадством.

Только Ева Моулисова ни на кого не обращала внимания. Задумчиво сидела она на стуле, молчаливая, погруженная в себя, в свои тоскливые мысли.

От имени всех заговорил Ян Водваржка, и в его словах прозвучали ирония, ненависть и торжество тех, кого вызвал сегодня сюда Земан:

— Так что? Закончим эту комедию?

Он произнес это с такой развязностью и наглостью, что подавленность Земана сразу же исчезла. Он поднял голову и вопреки собственному благоразумию выкрикнул:

— Нет! Будем продолжать! Все по местам! Пан Сганел, давайте другую песню!

Его голос прозвучал так властно, что люди подчинились ему безропотно.

Сганел дал команду:

— Свет!

Зажглись прожекторы и лампы на столах.

— Музыка!

Оркестр заиграл вступление к другому куплету Евы, танцовщицы опять закружились.

Ева Моулисова, однако, не реагировала и все так же безучастно сидела на стуле.

Сганел просящим голосом в микрофон окликнул ее:

— Евочка, пожалуйста!..

Ева Моулисова медленно встала, движением руки, как бы отмахиваясь, сделала знак музыкантам замолчать и невыразительно, равнодушно, без пафоса проговорила:

— Перестаньте... Это действительно все только комедия...— И, кивнув в сторону Земана, продолжала:— Но не его... Это наша комедия, которую все мы здесь для него играем... Он единственный из всех имеет волю и мужество защищать правду...— Она повернулась к Данешу:— Ты, Павел, наверное, еще больший прохвост, чем я думала... И он прав в том, что хочет тебя наказать... Только,— она повернулась к Земану,— вы напрасно думаете, что Павел способен на что-то большее, чем врать, обманывать людей и красть! В тот вечер... стрелял не он! Тогда... стреляла... я! После того что он здесь сказал, мне не хотелось жить!

Земан резко встал, пораженный услышанным, и скорее себе, чем ей, возмущенно бросил:

— Боже... что за комедия!.. Все вы шуты... комедианты... клоуны!

Он забрал свои вещи и вышел...

Стоял ноябрь 1967 года.

Темные своды костела даже днем сохраняли некую мистическую таинственность, подавляя одинокого случайного путника своей мощью и строгими готическими формами. Увидев в туманной дымке возле алтаря какие-то странные мерцающие огоньки, наш случайный путник услышал вдруг в пустом зале храма голос. Он доносился откуда-то из темной глубины, приглушенный, усиленный резонансом. Голос скорее таинственно шептал, чем читал, проповедь:

— «Вдали, на главном алтаре, большим треугольником горели свечи. К. не мог наверняка сказать, видел ли он их раньше. Может быть, их только что зажгли...»¹

Путник тихо двинулся по сумрачному залу храма в надежде найти этот таинственный голос. Он почти на ощупь шел в конусе скупого света, заглядывая в темные укромные уголки, где с ужасом обнаруживал причудливые, со страдальческим выражением лица, фигуры святых. Но они олицетворяли собой больше смерть, грусть и скорбь, нежели жизнь.

И снова донесся голос:

— «Когда К. случайно оглянулся, он увидел, что неподалеку от него, у одной из колонн, горит высокая толстая свеча. И хотя это было очень красиво, но для освещения алтарной живописи, размещенной в темноте боковых приделов, такого света было недостаточно, он только усугублял темноту...»²

Храм казался безлюдным и пустым — тем таинственней был голос, который сопровождал путника. Возможно, он принадлежал священнику или церковному сторожу, бог их знает, путник их не нашел. Как говорит Франц Кафка, церковные сторожа вкрадчивы от природы, всегда трудно заметить их появление.

— «К. прошел к одной из боковых капелл, поднялся на ступеньки к невысокой мраморной ограде и, перегнувшись через нее, осветил фонариком картину в алтаре. Лампадка, колеблясь перед картиной, только мешала. Первое, что К. отчасти увидел, отчасти угадал, была огромная фигура рыцаря в доспехах, занимавшая самый край картины. Рыцарь опирался на меч, вонзенный в голую землю, лишь кое-где на ней пробивались редкие травинки...»³

Наконец путник нашел то место, откуда доносился голос. Он обнаружил большую свечу впереди, у столба, и под ней того, чей голос минуту назад он слышал. Это был актер, одетый в черное старомодное одеяние, с книгой в руках.

¹ Цит. по: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи. М., 1965, с. 285.

² Там же.

³ Там же.

— «К., уже давно не выдавший картин, долго разглядывал рыцаря, непрестанно моргая от напряжения и от невыносимого зеленоватого света фонарика. Когда он осветил фонариком всю остальную картину, он увидел положение во гроб тела Христова...»¹

Артист был не один. Возле него стояли молодая женщина в несколько экстравагантном костюме и респектабельный пожилой мужчина с тронутыми проседью висками. Это были Дагмар Неблехова, теперь уже редактор телевидения, и профессор университета Голы. Неблехова негромко, с почтением к тому месту, где они находились, спросила пожилого мужчину:

— Что вы на это скажете, пан профессор?

И Голы так же тихо ответил ей:

— Да, мы в храме, который так колоритно описывает в своем наиболее сильном, гениальном произведении писатель Франц Кафка. Я, в отличие от некоторых ученых в области литературы, убежден, что прообразом храма в произведении Кафки был не храм святого Вита в Пражском граде, а именно этот костел, в котором мы в данный момент находимся, Тынский собор.

— У вас есть для этого какие-то основания?

— Конечно. Франц Кафка родился в 1883 году как раз здесь, на Староместской площади. Его отец держал магазин с текстильными товарами. Жили они в доме, который стоял по соседству с Тынским собором. Более того, комната, в которой жил Франц Кафка в детстве и юности, имела одно окно, из которого открывался изумительный вид. Оно было обращено непосредственно к собору. Следовательно, Франц Кафка днем и ночью, когда просыпался, смотрел через это окно в глубины и таинственный полумрак этого красивого готического собора.

— Может быть, именно поэтому в его творчестве столько странных, фантастических явлений и ситуаций, всевозможных таинственных, зашифрованных подтекстов, мистики? — задумчиво произнесла Неблехова.

Голы с чувством превосходства усмехнулся:

— Вы ошибаетесь. Его творчество довольно своеобразно, но это вовсе не бред больного человека. Оно вполне реально, и более того, настолько реально и злободневно, что даже мороз подирает по коже. Послушайте, как, например, начинается его роман «Процесс».

Актер поднял книгу и прочитал:

— «Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест...»²

¹ Цит. по: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи, с. 285—286.

² Там же, с. 67.

Профессор Голы остановил его движением руки и прокомментировал:

— Да, вот так конкретно начинает Кафка свой роман. А его герой Йозеф К. о своем аресте потом рассказывает судье...

Актёр перевернул несколько страниц и прочел:

— «Рано утром меня захватили врасплох, еще в кровати, возможно, что отдан был приказ — судя по словам следователя, это не исключено — арестовать некоего маляра, такого же невидного человека, как и я, но выбор пал на меня. Соседнюю со мной комнату заняла стража — два грубияна. Будь я даже опасным разбойником, и то нельзя было бы принять больше предосторожностей. Кроме того, эти люди оказались вконец развращенными мошенниками, они наболтали мне с три короба, вымогали взятку, собирались под каким-то предлогом выманить у меня белье и платье, требовали денег... То, что со мной произошло, всего лишь частный случай, и сам по себе он значения не имеет, так как я не слишком принимаю все это к сердцу, но этот случай — пример того, как разбираются дела очень и очень многих. И я тут заступаюсь за них, а во все не за себя»¹.

Неблехова произнесла взволнованно:

— Вы правы, пап профессор! Это не сон, это гениальное видение того, что все мы пережили. Ведь среди нас до сих пор есть Йозефы К. Непосредственно с нами здесь находится один из них...

Она повернулась, и в этот момент наш случайный путник увидел того, о ком она говорила.

В одной из находившихся в стороне ниш перед боковым алтарем стоял на коленях человек. Неблехова приблизилась к нему и произнесла патетически растроганно:

— ...Убогий, состарившийся, измученный. Что из того, что он священник? Мы уважаем его веру. Это прежде всего человек, который здесь, перед алтарем, благодарит не только бога, но и нас, людей, еще не потерявших своего человеческого лица, за то, что остался жив... — Она подошла к нему и спросила: — Вы пережили подобную ситуацию, какую описывает Франц Кафка, ваше преподобие?

Мужчина у алтаря медленно повернулся к ней. Это был очень старый человек со спокойным, ласковым выражением лица, на которое наложил отпечаток его священный сан и на котором было написано душевное страдание. Не вставая с колен, он поднял на нее свои полные скорби глаза и тихо произнес:

— Да...

— За что вас, собственно, арестовали?

— Не знаю.

¹ Цит. по: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи, с. 111, 110.

— А за что вас осудили?

— Не знаю. Они ничего не доказали. Я не имел никакого отношения к ужасам в Планице... Бог — свидетель тому, что я ничего не знаю.

— На какой срок вас осудили без всяких доказательств?

— Пожизненно!

— И сколько вас там продержали?

— Пятнадцать лет.

Неблехова резко повернулась к Голы и актеру и с гневом сказала:

— Вы слышите, люди? Пятнадцать лет держали этого старого, невинного человека в тюрьме. — Она опять обратилась к священнику: — А скажите нам, наш сегодняшний Йозеф К., как фамилии тех людей, которые вас тогда арестовали?

— Земан и Житный.

— А фамилия следователя?

— Полковник Калина.

— Благодарю вас. — Она подошла к Голы и актеру: — Нет, Франц Кафка действительно не мистификация и не сон, пан профессор. Франц Кафка стал при нашем строе жестокой реальностью.

Профессор Голы ее дополнил:

— Вы поняли. Поэтому его гениальный юридический анализ легенды о привратнике у врат закона и о человеке, который хотел туда войти, заканчивается пророческими словами...

Актер раскрыл под свечой в последний раз свою книгу и прочел заключение:

— «Нет, — сказал священник, — вовсе не надо все принимать за правду, надо только осознать необходимость всего.

— Печальный вывод! — сказал К. — Ложь возводится в систему»¹.

Был поздний вечер, но окна министерства внутренних дел еще светились. Полковник Калина и майор Житный наблюдали эту необычную встречу путника с «Францем Кафкой» и современными толкователями творчества писателя в кабинете Калины на экране телевизора.

С последними словами актера Житный спросил:

— Выключить?

Калина усмехнулся:

— Телевизор? Да!

Житный подошел к телевизору и выключил его.

— Порядочное свинство!

Калина встал, налил из-под крана в стакан воды и запил какой-то порошок.

¹ Цит. по: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи, с. 302.

— Как же называется этот новый культурно-исторический сериал пани Неблеховой?

Житный иронически усмехнулся:

— «Что вы на это скажете, пан профессор?»

Калина вернулся к своему столу, начал складывать бумаги в ящики:

— Ну, а как мы поняли, об этом будут говорить много. Можете быть спокойны.

Житный ходил по кабинету, размышляя вслух:

— Они действуют в точном соответствии с директивами пражского резидента акции «Белые линии» Перри Штайна. Во-первых, стремятся внедриться в средства массовой информации. Это Неблеховой удалось: она работает на телевидении. Во-вторых, стараются не предпринимать нападок на партию и социализм, а сосредоточить внимание на их прошлых ошибках и заблуждениях, на том, что в них было, на их взгляд, антигуманного, антидемократического и уродливого — короче, на диктатуре пролетариата, то есть на нас и милиции. Начало этому положено в сегодняшней программе. В-третьих, для них очень важно нарушить наши дружественные связи с Советским Союзом. Как только они лишат партию этих трех главных опор, они уничтожат и ее.

— Ловко! — отметил Калина.

Житный с раздражением продолжал свои рассуждения:

— Наверху на все это не реагируют, ничего не предпринимают, как будто их это не касается, и связывают нам руки.

Калина по-прежнему держался спокойно и невозмутимо. Он навел порядок на столе, запер на ключ ящики и сейф, а потом заметил:

— Я уже два раза в донесениях обращал на это внимание министра. Ему казалось, что мои опасения беспочвенны. Надеюсь, этот телевизионный репортаж его убедит. Ведь это выпад и против него.

— Для нас двоих вопрос ясен, — сказал Житный. — Но как перенесет это бедняга Земан? Его это шокирует. Выдержит?

Калина слегка улыбнулся:

— Выдержит. Я знаю его с 1943 года. Честный парень от станка, коммунист, твердый как камень.

— Теперь будут трескаться и кремни, Вашек.

Калина надел пальто и шляпу:

— Но Земан выдержит. Я ему верю как самому себе. — Он взял портфель и пошел к двери.

Только теперь Житный заметил, что Калина уходит, и спросил:

— Куда идешь? Уже домой?

Однако Калина покачал головой:

— Нет. На телевидение. Нужно поговорить с пани Неблеховой о демократии.

Телевизионный клуб на набережной Сметаны был местом, где можно было приятно отдохнуть. Темное полированное дерево, которым были отделаны стены и перегородки, делящие все пространство на интимные уголки, придавало помещению уют и ощущение тепла, приглушало голоса и шум и давало возможность отдохнуть нервам, взвинченным суматохой редакций и студий. Через широкие окна, выходящие на одну сторону, было видно набережную и мостик Новотного над Влтавой, Карлов мост, с его старыми фонарями и скульптурами святых, и величественный силуэт Градчан с башнями собора святого Вита. Поэтому сюда охотно приходили редакторы, драматурги, режиссеры, писатели, артисты и прочий люд, имеющий отношение к искусству. Они либо молча отдыхали, либо развлекались, спорили о сценариях, о политике, пили кофе, коньяк и вино и смотрели при этом вечернюю телевизионную программу по телевизорам, стоящим во всех углах.

Калина, придя туда в тот вечер, почувствовал себя чужаком в этом обособленном обществе. Он встал в стороне в своем старом пальто, со шляпой в руке. Никто не обращал на него внимания, никто не предложил ему присесть, официанты не осведомились, что он желает.

Наконец он увидел Неблехову. Она сидела в компании у стойки бара с сигаретой в руке и стаканом вина перед собой и оживленно беседовала с каким-то мужчиной в джинсах и белом свитере.

Калина подошел поближе и тихо обратился к ней:

— Добрый вечер, пани редактор!

Увлеченная дискуссией, она даже не обернулась к нему. По тому, с какой скромностью обратился к ней Калина, Неблехова решила, что это какой-нибудь зритель, корреспондент или рядовой сотрудник, который пришел о чем-то просить. Одним словом, будничные дела, сплошная тоска! Давая понять, что у нее нет желания с чем говорить, она холодно бросила через плечо:

— Добрый вечер!— и больше не обращала на него внимания.

Калина, однако, уходить не собирался.

— Я не знаю, помните ли вы еще меня. Мы с вами встречались в прошлом году в поэтическом кафе при весьма необычных обстоятельствах.

На Неблехову его слова нагнали скуку, и она постаралась поскорее от него избавиться, как от надоедливой мухи:

— Нет. Не узнаю вас. Вам что-нибудь от меня угодно?

Калина со спокойной решительностью в голосе ответил:

— Да. Угодно!

Неблехова, продолжая беседу со своим приятелем, как бы мимоходом спросила:

— А что именно?

— Только что обо мне вы рассказывали по телевидению.

Только теперь Неблехова резко повернулась к Калине:

— Кто вы?

В ее глазах он увидел заинтересованность и настороженность. Калина показал ей служебное удостоверение:

— Полковник Калина из государственной безопасности.

У нее перехватило дыхание. Несколько мгновений она испуганно смотрела на него, потом истеричным голосом вскрикнула:

— Вы пришли меня арестовать?

И сразу же возле стойки и у столиков воцарилась тишина. Собеседник Неблеховой обернулся, и Калина узнал в нем поэта Данеша.

Спокойно улыбнувшись, Калина, не повышая голоса, сказал:

— Нет. Чего вы испугались? Ведь сегодня вы не побоялись публично выступить в телепередаче?

Неблехова, еще не опомнившаяся от испуга, со злобой продолжала выкрикивать:

— Что вам нужно? Вы угрожаете мне? Пугаете?

Калина ответил спокойно, не обращая внимания на ее истерические выпады:

— Я пришел вам кое-что предложить.

Неблехова наконец поняла, что непосредственная опасность ей не грозит, и даже стала иронизировать:

— Что же? Постоянную визу для выезда на Запад, если буду молчать о таких вещах? Хорошо оплачиваемое место осведомителя? Или непосредственно деньги?

Калина, однако, твердо сказал:

— Нет. Свидетельство!

— О чем?

— О правде. Вы ищете правду, не так ли?

— Какую правду?

— О пятидесятых годах. Дайте мне возможность, и я ее людям скажу.

Этого Неблехова не ожидала и тут явно растерялась.

— Вы действительно осмелились бы выступить?

— Да. Осмелился бы!

У Неблеховой затряслись пальцы с сигаретой, она не знала, куда девать глаза, начала юлить:

— Но это не так просто...

— Почему?

— Это слишком ответственно ... принципиально... то, что вы предлагаете. Это не в моей компетенции!

Калина спокойно спросил:

— А кто вам дал разрешение провести сегодняшнюю передачу?

Неблехова оказалась припертой к стене и замолчала.

Калина продолжал:

— Посмотрите, сегодня вы предоставили слово священнику из Планице и профессору Голы. Теперь хочу слово взять я,

Вы за демократию, хорошо, я — тоже. Ведь эта демократия одинакова для всех.

Неблехова растерянно промямлила:

— Я должна обсудить вопрос с руководством редакции.

Калина с твердой решимостью сказал:

— Хорошо, обсудите! До свидания, до завтра!

Неблехова ужаснулась:

— Подождите, как это? Уже завтра?

— Да, завтра вечером я приду к вам. В завтрашней телевизионной программе новостей или после нее, в беседе с вами, я поговорю о том, что вы сегодня сказали людям. Отвечу вам откровенно и правдиво на все ваши вопросы. Идет?

И у нее не осталось иного выхода, чем сказать:

— Идет.

Калина улыбнулся и попрощался:

— Спокойной ночи...

Павел Данеш, когда ушел Калина, негромко присвистнул:

— Ну привет, это серьезный прокол, Даша. Что теперь будешь делать?

А Неблехова, которая уже пришла в себя, решительно заявила:

— Позвоню министру внутренних дел.

2

Этой сумасшедшей, истеричной весне 1968 года, казалось, не будет конца. Она бунтовала и вставала на дыбы, как молодой, дикий конь, который слепо бьет вокруг себя копытами, жестоко калеча, а порой и убивая невинных. Она несла на своем хребте виновников происходящего и безумцев, пьянила, как молодое вино, и вселяла бешеную хмельную бесшабашность в неискушенные души, наполняла страхом хозяев и тех, кто не потерял головы и способен был представить, чем такая бешеная езда может закончиться.

У майора Земана этой весной не было слишком много времени, чтобы проводить бесконечные часы где-нибудь на митингах или в кафе, дискутируя о достоинствах и недостатках, рассуждать о последствиях происходящего. С ослаблением контроля за соблюдением некоторых норм, которыми до сей поры руководствовалось все общество, возросла преступность. Поэтому у пражского угрозыска работы заметно прибавилось. Земана даже не слишком обеспокоила телевизионная передача, подготовленная редактором Неблеховой. Он знал, что не только Калина и Житный, но и министр внутренних дел, и руководство партии информированы о том, что Неблехова и Голы являются участниками диверсионной акции «Белые линии». Земан предполагал, что эту программу пропустили на телевидении только для того, чтобы дать противникам открыть свои

карты и получить возможность принять против них решительные меры. Разумеется, своей жене Бланке он не имел права ничего сказать даже тогда, когда она очень расстроилась после вечерней телевизионной программы. Он только и сказал ей:

— Не бойся, девочка, все будет в порядке! — И усмехался про себя, видя, как встречные знакомые, когда он шел на работу, прятали глаза, не зная, замечать его или нет. «Подождите, голубчики,— думал он,— теперь уж наверняка Калина действует, и вы завтра или даже уже сегодня вечером запоете по-другому!»

Майор вошел в свой кабинет в хорошем настроении и прогудел своему помощнику Стейскалу, который ждал его:

— Привет, Мирек! Смотрел вчера телевизор?

Стейскал тихо обронил:

— Смотрел.

Земан снял пальто, шляпу и повесил их в шкаф.

— И что ты на это скажешь? Вот негодяи! Бедняжка Бланка после этого от расстройства не могла всю ночь уснуть. Ей все мерещился планицкий священник. Но Калина возьмет их в оборот, будь спокоен. Слишком грубая провокация. Этой Неблеховой наверняка с сегодняшнего утра на телевидении уже нет.

Стейскал вяло промямлил:

— Я не знаю, Гонза.— И продолжал старательно копаться в куче следственных дел, которые вытаскивал из ящичков стола Земана.

До Земана это дошло только теперь. Он запнулся, перестал улыбаться и строго спросил:

— Подожди, а что ты, собственно, делаешь за моим столом?

Стейскал молча продолжал свое занятие. Земан возмущенно закричал:

— Кто дал тебе право копаться в моих делах? Где ты взял ключ?

— У дежурного!

— А почему? Что это значит?

Вместо ответа Стейскал пододвинул ему какой-то пакет:

— Вот это пришло сегодня утром.

— Что это?

— Повестка на реабилитационный суд. Ты там фигурируешь в качестве свидетеля...

Земан рассмеялся:

— Ну, это уж слишком!.. — И тут же, снова став серьезным, показал на грудку следственных протоколов, лежащих перед Стейскалом:— А какое это имеет отношение ко всему?

Стейскал, пряча глаза, смущенно проговорил:

— Ночью после этой программы... мне позвонил начальник управления... и приказал... пойми, Гонза... приказал...

— Что приказал?

Стейскал говорил с трудом, будто ворочал тяжелые камни:
— Чтобы я с сегодняшнего утра... временно... исполнял твои обязанности...

Земан взорвался:

— Что такое? Почему?

— Потому что ты идешь в отпуск...

— Я не просил никакого отпуска!

— В особый отпуск, до выяснения обстоятельств, связанных с Планице. Представь, сколько будет шума, всевозможных гадостей... в газетах, по радио, по телевидению. Они просто не хотят, чтобы это бросило тень на наше учреждение... на доброе имя пражского угрозыска...

У Земана от обиды и огорчения перехватило горло.

— Значит, вот как? И ты мне не позвонил, Мирек! Не спросил! Ты согласился?

Нервы у Стейскала тоже были на пределе. Земан и он были давними друзьями, очень долго жили и работали бок о бок, знали друг о друге все. Поэтому эта минута была для Стейскала нелегкой. И он в раздражении, в отчаянном стремлении оправдаться не столько перед Яном, сколько перед самим собой, заговорил:

— А что мне оставалось делать? Я что, должен был отдать это место какой-нибудь дряни? Чтобы кто-нибудь чужой пришел на все готовое? Ведь мы с тобой здесь в течение многих лет занимались тяжким трудом. Я тебе даю гарантию, Гонза: как только ты решишь свои проблемы, а я верю, что ты их решишь, я встану и беспрекословно освобожу тебе твое место за этим столом...

Земан, однако, снова спросил:

— Так ты согласился, Мирек?

Стейскал воспринял его вопрос как обиду и возмущенно воскликнул:

— Я же тебя еще в прошлом году предупреждал! Говорил тебе, не впутывайся в политику, занимайся своей криминалистикой. Но ты был упрям как баран, вспомни... А теперь получай...

— Ты согласился? — произнес еще раз Земан. — Добро. С богом!

Он повернулся, подошел к шкафу, взял пальто и шляпу и начал одеваться.

Стейскал подошел к нему:

— Подожди, Гонза, посоветуемся... Может быть, найдем какое-нибудь решение, чтобы ты мог здесь работать и дальше, пока хотя бы как заместитель... Опомнись, Гонза, не торопись с решением... Мы должны вместе написать протокол по передаче дел... Куда ты собираешься идти?

Земан резко и решительно произнес:

— К Калине! В министерство! — Он посмотрел на часы и холодно, с иронией в голосе добавил: — Думаю, что ровно че-

рез час ты полетишь во внеочередной отпуск вместе с начальником управления!..

Земан шел длинным коридором, одна сторона которого состояла из целого ряда окон. Он шел спокойно, уверенный в себе, несмотря на то, что его мысли были заняты только что происшедшим.

Он машинально здоровался с людьми, которые ему встречались, и в задумчивости не замечал, что многие из них не отвечают ему или отвечают недружелюбно. Некоторые, заметив Земана, вдруг торопились уйти со своими бумагами куда-то в сторону или захлопывали двери своих кабинетов. Только один человек не уклонился от встречи с ним. Он вышел в коридор как раз в тот момент, когда Земан проходил мимо. Это был прокурор Стрейчек, которого Земан хорошо знал и поэтому сердечно сказал:

— Привет, прокуратура! Что ты здесь делаешь?

Стрейчек пришел в полное замешательство от такого неожиданного вопроса и не знал, куда деть глаза.

— Мне нужны были кое-какие следственные документы из архива.

Земан машинально спросил:

— И дали тебе их?

Прокурор, явно нервничая, ответил:

— Дали.— И промямлил, как бы извиняясь: — Я теперь работаю в реабилитационном суде, Гонза.

Земан воспринял это по-деловому, спокойно:

— Отлично. Значит, скоро встретимся.

Прокурор поддакнул:

— Да. Наверное.— И тут же спросил: — А что ты? Есть какие-нибудь проблемы?

Земан остановился у одной из дверей в конце коридора:

— У меня? Нет. Так только, небольшие служебные трудности. Иду с ними к батю!

— К кому? — Прокурор прежде никогда не слышал, что у Земана в министерстве работает отец.

Земан еле заметно усмехнулся и пояснил ему:

— К Вашеку Калине. Я его так называю.— Он нажал ручку и открыл дверь кабинета Калины.

Эта комната была знакома Земану до мелочей. Здесь он часто бывал, когда ему было необходимо о чем-то посоветоваться с Калиной или когда получал от него какое-нибудь задание. Земану всегда здесь было хорошо. Он учился у Калины по-партийному мудро относиться к людям и их слабостям...

Земан по старой привычке остановился в дверях по стойке «смирно» и энергично, хотя и с долей юмора в голосе, потому что знал, что Калина не требует такого доклада, начал:

— Товарищ начальник...— И замолк на полуслове.

Вокруг него кружилась бумажная метель, неестественная, странная, как и весь беспорядок, который царил в этом, всегда таком солидном, содержащемся в идеальном порядке кабинете.

Окна были открыты, и сквозняк, который возник в комнате, когда Земан распахнул дверь, подхватил бумаги, лежавшие всюду — на столе, на полу, в выдвинутых ящиках шкафов и стола.

Земан быстро захлопнул за собой дверь, присел и начал собирать листы, разлетевшиеся от сквозняка.

Неожиданно среди этих бумаг он наткнулся на чьи-то ноги. Кто-то неслышно подошел и встал перед Земаном. Земан увидел остановившегося перед ним майора Житного.

— Что с Калиной? — с тревогой в голосе спросил Земан. На лице Житного не дрогнул ни один мускул.

— Его уже здесь нет.

Земан выпрямился:

— А где он?

— Не знаю, наверное, дома.

— Почему?

Узкие губы Житного растянулись в горькой усмешке:

— Потому что сегодня министр в течение часа вышвырнул его с работы!

— За что?

— За пятидесятые годы!

Земан не поверил своим ушам:

— Что? Вашека?!

Житный пожал плечами:

— Этой мельницы, наверное, не миновать никому. А ему еще помогла редакторша.

— Неблехова?

— Да, Неблехова. Нажаловалась вчера вечером по телефону министру, что Калина ей угрожал. Министр расценил это как партизанщину, противозаконные действия и превышение полномочий. Ну а потом все уже пошло быстро...

Земану показалось, что он бредет сквозь какую-то непроходимую, непонятную мглу.

— Боже мой... Я ничего не понимаю... Это какой-то дурной сон.

— Навести его, — сказал Житный. — Если не боишься... Ему именно сейчас важно знать, что он не один, что он кому-то нужен.

— А ты?

— Не буду ждать, когда и со мной поступят так же. Собираюсь...

— И куда же?

Житный загадочно улыбнулся:

— Откуда я знаю? Куда-нибудь, где я больше нужен! — Вдруг он порывисто положил руку на плечо Земана и притя-

нул его к себе.— Знаешь Галаса, Гонза? — И, не ожидая ответа, проговорил без пафоса, но со страстной верой в голосе:

Прочь страх! Прочь страх!
Такую фугу не сыграл бы сам Себастьян Бах,
Какую мы сыграем!..

Стоял прекрасный весенний день. Людям хотелось улыбаться и вдыхать полной грудью пропитанный солнцем и свежестью воздух. Но Земан этого не замечал. Он вышел из министерства взволнованный и до боли тронутый трагической судьбой Калины. На тротуаре перед входом ему снова встретился прокурор Стрейчек. Однако Земан не был рад этой встрече, не было настроения. Со Стрейчком, неплохим, в сущности, парнем, Земан всегда был в хороших отношениях. Не нравились Гонзе некоторые его качества. Был Стрейчек слишком боязливым, готовым всем угодить, закрыть глаза на какое-нибудь небрежно проведенное следственное дело. «Если бы он хоть в какой-то мере был мужчиной,— говорил себе Земан много раз,— если бы он со мной поскандалил, поссорился, был грубым, злым, швырял людям в лицо плохо, по его мнению, сделанную работу, он бы правился мне больше. Как вообще этот худой, субтильный мальчик, вечно погруженный в своды законов, скорее ученый, чем юрист, мог стать прокурором?» Этого Земан не мог понять.

Стрейчек подошел к нему:

— Я ждал тебя.

Земан довольно неприветливо спросил:

— Зачем?

— Поговорить с тобой!

— Говори!

— Пойдем на другую сторону, в парк. У этого здания сотни окон. А за этими окнами тысячи глаз. Они не должны нас вместе видеть.

Земан иронически усмехнулся:

— Боишься?

— Боюсь только того,— ответил молодой прокурор,— что потом уже не смогу помочь такому человеку, как ты.

Однако Земан все еще иронизировал:

— А в чем ты мне хочешь помогать?

Прокурор вместо ответа сказал:

— Знаешь, за каким делом я приходил к вам? Вот за этим.— Он вынул из портфеля какую-то толстую папку, с волнением протянул ему: — Посмотри. Только посмотри!

Земан наугад раскрыл дело и ошеломился...

...В его голове стремительно пронеслись картины прошлого, словно кадры старого фильма; они казались выцветшими и пожелтевшими, как старые фотографии, но были настолько впечатляющими, что он вдруг замер, охваченный особенной,

неестественной тишиной, затмившей весь мир, шум автомобилей, говор людей, грохот грузовиков, шарканье ног по асфальту. Он увидел лампы в жестяных абажурах, тускло светившие десятки лет над партами школьников. Эти лампы освещали немую сцену в духе шекспировских трагедий: возле стены лежали четыре активиста планицкого национального комитета — Мутл, Томан, Бабицкий и Вчелак. На стенах и на обшарпанном полу сельской школы виднелись кровавые пятна. Земан помнил, как в дверях застыли неподвижные, как статуи, Житный, Матыс, Шандова, жена директора школы, три члена опергруппы. Потом в полумраке дверного проема возникла Бланка. Ее лицо было неподвижно. Она не плакала, только безмолвно, не отрываясь, смотрела на пол возле стены. Нет, она еще не верила происшедшему и шла шаг за шагом вперед. У стены она остановилась и опустилась на колени, приподняла голову Карела Мутла. Земан видел только его затылок да горящие, удивленные глаза Бланки. Тогда он не мог ее утешить ни словом, ни жестом, потому что сам еле сдерживал слезы скорби и гнева...

...Очнувшись от воспоминаний, Земан захлопнул папку со следственным делом и возвратил ее прокурору... Стоял обычный пражский день, внизу под откосом грохотали трамваи, сигналили автомобили, в молодой зелени едва распустившихся деревьев и кустов парка весело и самозабвенно чирикали воробьи. Земан с прокурором сидели на скамье возле паркового павильона; внизу под ними поблескивала Влтава с темными силуэтами перекинутых через нее мостов.

Земан, как-то странно поперхнувшись, спросил прокурора:

— Зачем ты напомнил мне об этой планицкой трагедии? После смерти Лиды и моего отца это была одна из самых страшных минут в моей жизни. У меня там остался товарищ... Муж моей нынешней жены...

Прокурор снова сунул папку в портфель и тихо сказал:

— Теперь будешь часто вспоминать ее в одиночестве.

— Почему?

— Ты получил сегодня утром от нас повестку на реабилитационный суд?

— Получил. А что произошло? Кто, собственно, требует реабилитацию?

— Священник из Планице!

Земан иронически усмехнулся:

— Это можно было предполагать после вчерашней телевизионной передачи. Невероятная наглость! Как он это аргументирует?

— Якобы агент, спрятанный у него тогда под угрозой расправы и совершивший убийство в Планице, был платным провокатором государственной безопасности.

Земан возмущенно воскликнул:

— Что?! Но это чушь! С этим, я надеюсь, вы быстро разберетесь.

Прокурор, однако, скептически покачал головой:

— Да нет, Гонза, все это не так просто. Тебе будет трудно доказать, что он говорит неправду. Агента, который мог бы все разъяснить, уже нет в живых. Вы его убили тогда, во время перестрелки на ржаном поле.

Земан решительно возразил:

— Зачем мне что-то доказывать? Я иду на суд как свидетель.

Немного смущаясь, с долгими паузами, прокурор рассказал:

— Наступило время странных судов, Гонза... Обвиняемые сейчас выступают как жалобщики, а подсудимыми становятся свидетели... Это трудные уголовные дела с трупами в конце. Да-да, в конце этих судов бывает смерть. Вспомни следователя Новака. Его мы вызывали тоже как свидетеля. Он застрелился неделю спустя в своей квартире. А прокурор Гора? Повесился в лесочке под Прагой. А тюремный врач Малек? Проглотил порошки, отравился. А два дня назад застрелился один генерал, старый фронтовик, честнейший человек. И его затравили...

Земан почувствовал, что ему вдруг стало трудно дышать. Его мозг не мог понять всего этого.

— Зачем ты мне все это говоришь? Хочешь меня испугать? — спросил он.

Прокурор вместо ответа спросил:

— Ты читал «Процесс» Кафки?

— Нет.

— Тогда прочти, и тебе все станет ясно. Поймешь этот механизм.

— Какой?

— Они используют произведения Франца Кафки против вас, но он-то, собственно, и пишет о вас. Есть у него и о тебе... то есть о той судьбе, которая ожидает тебя, Гонза.

— Не понимаю тебя... Какая судьба?

— С той минуты, как ты получил эту повестку, ты, собственно, уже арестован, хотя и на свободе. Ничего не произойдет, можешь жить и дальше так, как и жил, но к тебе все будут относиться как к обвиняемому. Будут при встрече с тобой отводить глаза, сторониться тебя, отворачиваться. Люди будут бояться остановиться поговорить с тобой, прикасаться к тебе, словно ты прокаженный. С этой минуты вокруг тебя глухая стена. Кричи до хрипоты, что ты невиновен, никто тебя не услышит... Эта стена поглотит все звуки. Даже если ты мужественный человек и не боишься бросаться на эту стену с голыми руками, ничего не произойдет. Напротив, стена отбросит тебя назад в твое одиночество. В конце концов ты обессилешь и перестанешь бороться... А потом на тебя нава-

лится страшная усталость, депрессия, тоска... и ты застрелишься...

Земан чувствовал потребность восстать против удручающе-монотонного, ровного голоса прокурора. Он закричал:

— Нет! Что ты такое говоришь?

Прокурор встал:

— Я хотел тебя предупредить, Гонза. Хотел тебе сказать, чтобы ты к суду хорошо подготовился, все продумал, нашел аргументы, способ защиты...

Земан с негодованием воскликнул:

— Зачем? Вся Планице видела это преступление собственными глазами, знает правду. Все жители той деревни знают, как это в действительности было.

Прокурор, однако, с грустью в голосе лишил его и этой надежды:

— Люди из той деревни подписали резолюцию, Гонза, в которой выступают за реабилитацию своего бывшего священника!

Земан не поверил своим ушам:

— Как?

И прокурор еще тише добавил:

— А тот агент, говорят, был действительно наш человек. Он сидел перед бегством за границу у нас в тюрьме. И там, говорят, дал обязательство сотрудничать с органами государственной безопасности. Калина якобы сказал об этом священнику на допросе, чтобы его сломить. А священник твердит, что это письменное обязательство он видел собственными глазами!

И, не сказав больше ни слова, прокурор ушел, оставив потрясенного Земана в весеннем парке в центре Праги.

3

Как ни странно, Земан за все те годы, что знал Калину, никогда не бывал в его квартире. Калина строго, а скорее целомудренно, охранял свою частную жизнь. В конце концов дома он бывал очень мало. Большую часть дня, а часто до поздней ночи он находился в своем кабинете или на месте происшествия при расследовании различных преступлений и в свою квартиру на Жижкове приходил лишь отоспаться. А что он делал по воскресеньям и в праздники, никто не знал.

Поэтому сейчас Земан с известным чувством неловкости и волнения поднимался по темной винтовой лестнице старого, в прошлом доходного, жилого дома на Жижкове куда-то под самую крышу, чтобы позвонить в высокую, окрашенную коричнево-краской и снабженную медной табличкой с надписью «Вацлав Калина» дверь квартиры.

Открыл ему доктор Веселы, их общий старый друг, с которым они когда-то после войны вернулись из концентрацион-

ного лагеря и который потом по рекомендации Калины также поступил на службу в органы государственной безопасности в качестве судебно-медицинского эксперта. Веселы был всегда спокоен, уравновешен и рассудителен. Он философски относился к любой стрессовой ситуации. Земан был рад, что именно Веселы будет присутствовать при том напряженном разговоре с Калиной, который должен был состояться. Земан, волнуясь, спросил:

— Вашек дома?

Доктор Веселы по взволнованному виду, с каким Земан задал вопрос, понял, что произошло нечто серьезное, и поэтому, поднеся палец к губам, дал понять, что уже здесь, в прихожей, надо говорить тихо.

— Да. Лежит,— прошептал он и добавил: — Хорошо, что ты пришел, Гонза.

Земан быстро повесил плащ и шляпу в узком темном коридоре, в котором стояли только старинный дубовый шкаф и ящик для постельного белья. Три застекленные двери вели из коридора в комнаты.

— Я должен переговорить с ним,— настойчиво произнес Земан.

— О чем?

— Об одной страшной лжи, которую он должен опровергнуть... иначе моя жизнь не имеет смысла.— На второй части фразы голос его сорвался.

Веселы решительно возразил:

— Нет, Гонза! Ни о чем подобном ты сейчас с ним говорить не будешь!

Земан возмутился:

— Почему? Я должен! Пойми, что...

Веселы наклонился к нему и прошептал:

— Ему очень плохо, Гонза... Возможно, он умрет.

Земан, не поверив услышанному, запнулся на полуслове:

— Вашек?

Веселы грустно сказал:

— Пережил Испанию, войну, концентрационный лагерь, эти страшно трудные дни и ночи, когда мы после войны начинали создавать Корпус национальной безопасности, держась лишь на кофе и сигаретах. Но этого он не переживает. Его же люди всадили ему кинжал, всадили подло, в спину, и этого сердце его не выдержало...

— Почему ты его не отправишь в больницу?

— А куда? — спросил Веселы устало.— В госпиталь его уже не возьмут, а куда еще? Бог знает, как к нему там стали бы относиться, когда узнали бы, кто он. Лучше я здесь возле него сам останусь...

— Я пришлю тебе сюда мою маму,— предложил Земан.— Поможет тебе, приготовит что-нибудь, сменит тебя возле него.

Веселы с благодарностью улыбнулся ему:

— Хорошо, Гонза. А теперь заходи... Но если тебя что-то мучает, забудь об этом и молчи, потому что его мука сейчас гораздо страшнее всех остальных, понимаешь меня? Проходи! — Он открыл одну из застекленных дверей, пропуская Земана в комнату Калины.

Калина лежал на диване у окна, из которого открывалась панорама как бы сбегających вниз крыш Жиждкова. Это было по-своему красиво, но сейчас Калина не замечал этой красоты. Он хрипло и тяжело дышал, уткнувшись пожелтевшей щекой в подушку.

Земана поразили вид Калины. Но больше всего его удивило, как бедно живет его бывший начальник. Стены в его квартире были заставлены темными дубовыми книжными шкафами, заполненными книгами. Стояли здесь и дубовый стол, заваленный бумагами, документами, журналами и раскрытыми книгами, из которых Калина, вероятно, делал выписки, мягкое кожаное кресло, столик с тремя стульями в одном из углов, трехстворчатый старинный шкаф, диван, и все. У окна на стене висел портрет Дзержинского.

Земан старался казаться бодрым и веселым, однако в голосе его проскальзывали нотки жалости.

— Что это ты делаешь, начальник? Не припомню, чтобы ты днем когда-нибудь валялся в постели.

Калина, по-мальчишески застыдившись, ответил:

— Как-то вдруг у меня ослабли ноги, Гонзик... Я рад, что именно ты меня не забыл... — И тут, будто о чем-то вспомнив, с тревогой в голосе спросил: — А с тобой что?

Земан, мужественно пересилив себя, отшутился:

— Ничего. А что может быть? Все в полном порядке. Подчиненные находятся, как всегда, в пивной в Конвикте, картотека моя растет, из памятников смогу скоро уже заложить собственное кладбище.

Калина даже улыбнулся:

— Балагуришь. За все время работы я не знал лучшего криминалиста, чем ты. — Он посерьезнел и с трудом сказал: — А я боялся... — И, помолчав, прерывающимся голосом выдал: — Меня... вышибли, Гонзик!

Земан было замолчал, но потом откровенно признался:

— Я знаю, Вашек!

Калина вздохнул:

— Хоть бы с тобой ничего не произошло... Меня бы мучила совесть... — И он, преодолевая себя, начал говорить о том, о чем, наверное, постоянно думал: — Что стало с нашей республикой? Помните, ребята, как мы о ней мечтали, спорили... там, на нарах концентрационного лагеря... какой она будет, какой мы ее сделаем... Хорошей, справедливой... И как мы вместе в нее возвращались с первым праздничным поездом... а вокруг благоухала весна...

Доктор Веселы присел к нему на угол дивана.

— Теперь мы опять в поезде втроем, Вашек. Только на этот раз не знаем, куда этот поезд едет.

— И много людей против нас,— грустно продолжал Калина.— Перестали нас понимать. Где мы ошиблись, отчего утратили взаимопонимание?

Веселы горько усмехнулся:

— Об этом еще Аристофан в своих «Всадниках» мудро говорил:

Народ мой, красна твоя
Держава. По всей земле
И страшен, и славен ты —
Хозяин могучий!
Но слаб и послушен ты,
Но, лестью окутанный,
Но, ложью опутанный,
Чьи б речи ни слышал ты,
С разинутым ртом сидишь,
Твой разум не дома¹.

Калина задумчиво на него взглянул:

— Ты образованный, доктор, всегда и все можешь нам толково объяснить... Только вот что объяснить невозможно... Были пятидесятые годы? Были. Наделали мы тогда ошибок? Наделали. Но мы в тех ошибках честно признались, старались их добросовестно исправить. А сегодня о нас говорят странно, обезличенно: «они». Это же страшно!

Земан возразил:

— Не все, Вашек. Как раз не все.— И обратился к Веселы: — А я знаю другую цитату, доктор. «Можно обмануть всех людей на короткое время или одного человека навсегда. Но невозможно обмануть надолго весь народ».

— Да, так говорил Авраам Линкольн,— подтвердил Веселы.

Земан, которого этот спор заинтересовал, порывисто, с убежденностью в своей правоте продолжал:

— ...И возможно, многие из них теперь, как говорил твой Аристофан, слушают с открытым ртом красивые речи. Но скоро у них откроются глаза. И тогда выметут вместе с ними из этой республики господина Перри Штайна и всех его приспешников — Неблехову, Данеша, Голы, Ланду, всю эту «благородную» элиту...

У Калины заблестели глаза:

— Отлично, Гонза, отлично... Мне стало опять хорошо... Теперь я чувствую себя как тогда, помнишь, в концентрационном лагере... Верх брала смерть... а мы верили в жизнь...

Калина дышал тяжело, глаза у него горели, говорил он с трудом, но с чувством удовлетворения.

Веселы ловко сунул ему под язык какую-то таблетку:

— Вашек, Вашек, не нужно так волноваться. Не дури!

¹ Цит. по: Аристофан. Избранные комедии. М., 1974, с. 91—92.

Голова Калины устало опустилась на подушку. По-видимому, он исчерпал все свои силы и захотел спать. Закрыв глаза, полковник удовлетворенно прошептал:

— Хорошо, что ты хоть остался в Корпусе, Гонза... Пока там такие, как ты... надежда есть...

Земан встал и собрался уходить. В дверях он еще раз наклонился к Веселы и шепотом с горечью в голосе сказал ему:

— Бедняга, как он ошибается! Меня ведь тоже вышвырнули, доктор. Но у меня хоть остались Бланка и Лидушка.

Увы, Земан тоже ошибался. Это лето было чересчур бурным, события следовали одно за другим таким потоком, что он захлебывался в них. Едва проглотишь одну порцию горечи, как за ней, не давая продохнуть, следует другая.

Оказалось, что тихого, безопасного тыла у Земана уже нет.

Он вернулся от Калины домой, ожидая встретить здесь понимание и поддержку. Вместо этого судьба уготовила ему новое потрясение. Земан застал дома дочь Лидушку в слезах.

— Я больше не вернусь в эту школу, папа! — в отчаянии кричала она.

Бланка, вторая жена Земана и скорее подруга Лидушки, нежели мачеха, стараясь успокоить девушку, гладила ее по голове и уговаривала:

— Опомнись, Лида... Надо крепиться... Не нужно расстраивать папу и жаловаться...

Лидушка в истерике рыдала:

— Знаешь, что они устроили? Меня поставили на кафедру... и сказали: «Посмотрите, как выглядит дочь... одного из тех... кто несет вину за преступления пятидесятих годов...» И я там стояла, а все на меня смотрели... с ненавистью... и молчали... И Петр, папа... и Петр...

Земан наконец взял себя в руки и, переживая оттого, что она вынуждена из-за него страдать, сказал:

— Прости, Лидушка... Но ведь ты знаешь, что это неправда!

Однако Лида вдруг выпалила:

— Откуда мне знать, где здесь правда? Откуда я могу знать, что не на твоей совести смерть мужа Бланки, как все теперь говорят? Откуда я могу знать, чем ты занимался в те страшные пятидесятые годы, если потом ты остался на своей должности?... Как мне тебя защищать?... — И в конце бросила ему в лицо самое страшное обвинение: — Откуда мне знать, что на твоей совести... нет и смерти моей мамы?

Земану почудилось, что рухнули стены дома.

— Ради бога, Лида!

После этой истерики Лидушка тихо заплакала:

— Оставьте меня... Оставьте меня все... — И убежала.

Земан медленно опустился на стул возле стола, положил го-

лову на руки. Тяжело дыша, он молчал, потрясенный. В этот момент ему не хотелось жить. Он не мог поверить, что все эти страшные слова сказала ему его дочка, девочка, теплое, живое чудо, которое он нежно ласкал, когда после всех трагедий на своей работе приходил вечером домой! Боже мой, что она ему сказала!

Бланка, сочувствуя Яну, осторожно погладила его по голове, разламывающейся от боли, горькой обиды и ужасной несправедливости.

— Прости ей, Гонза. Она еще слишком молода, чтобы разобратся в этом хаосе и выстоять в нем...

Земан еще немного помолчал, прежде чем смог выдавить из себя слова:

— Боже, куда мы пришли! А я, наивный, думал, что могу потерять все, кроме вас двоих!

Бланка села рядом и прижалась к нему:

— Я тебе верю, Гонза. Я тебя не брошу, что бы ни произошло.

— Я знаю...— сказал Земан.— Но Лидушка... Ты ведь понимаешь, что для меня значит этот ребенок. Благодаря ей я остался жить, когда случилось несчастье с Лидой. Дочка была моим счастьем, смыслом моей жизни. До того момента, когда я снова нашел тебя, она была для меня всем. А теперь?..

Бланка страдала вместе с ним, понимала, в каком он состоянии. Она знала это чувство и тоже прошла через полосу безысходного одиночества, нежелания жить, отчаяния после гибели в Планице Карела Мутла. Сколько лет потом она жила как бы в оболочке горечи, тоски, страдания! Она была уверена, что потеряла способность любить, что между ней и остальными людьми выросла преграда ожесточенной неприступности, иронической, холодной недоверчивости. Бланка никогда не поверила бы, что произойдет чудо и любовь снова пробудится в ней, что в ней снова заиграет кровь, что она будет, как прежде, без грусти и горечи смеяться, что будет счастлива, а все то тяжелое и страшное, что она пережила, покажется ей далеким дурным сном. Но пришел Гонза, и чудо совершилось...

Она опять ласково погладила его по волосам и мудро, спокойно сказала:

— Оставь ее в покое. Выплачется, а потом извинится перед тобой. Все мы с ней выясним. Она ведь еще совсем девочка.

Земан попросил жену:

— Иди к ней, Бланка, прошу тебя...— И тут же решил:— Как только она успокоится, сложи в чемодан все самое необходимое для нее, себя и меня!

— Зачем? Куда ты собираешься ехать?

— В эту школу она уже не может ходить, я это понимаю. А дела нужно поправлять там, где они испортились. Поедем все втроем в Планице!

Майор Земан загорелся страстным желанием восстановить правду, убедиться в том, что то страшное обвинение, которое он услышал по телевидению и от прокурора, есть подлая ложь, интрига, клевета. Он мог бы смириться с обвинением, что в каком-либо ином случае из-за неправильного ведения следствия допустил нарушение законности. Такое иногда, даже при всей старательности человека, может произойти. Но так возвращать дело о жестоком убийстве четырех планицких активистов!.. Это Земан расценивал как святотатство.

Он часто мысленно возвращался к тому чистому, только начинающемуся летнему утру, от которого еще веяло мирной ночью, когда убийцы обстреляли их на ржаном поле. Вновь и вновь вспоминал Земан ту минуту, когда, возмущенные и разгневанные, выпрыгнули они вместе с милиционерами на левую дорогу с грузовиков и быстро выстроились цепью. Они уже хотели двинуться к ближайшему лесу, чтобы его прочесать, когда сзади услышали крик. Бродяга и гуляка Эман Заградник бежал по пыльной дороге между полями, махал руками и кричал: «Свиньи! И пана управляющего убили!.. Они здесь! Прячутся вон там, во ржи! До смерти перепугались, завидевши вас! Пойдемте, я покажу вам, где они скрылись...» Затем среди поля внезапно поднялся лесник Босак, обезумевший от ярости, и дал очередь из автомата. Эман на бегу нелепо замахал руками, его вечная подруга — гармоника, которую он постоянно носил с собой, отлетела в сторону, и он упал в пыль проселочной дороги. Когда к нему подбежали, он уже не дышал, изо рта у него вытекала струйка крови. Они бросились в поле, откуда стрелял один из убийц, лесник Босак. Убийц преследовали сотрудники Корпуса национальной безопасности, милиционеры, рабочие, свободные от ночной смены. Во главе отряда бежали Житный, старшина Матыс и он, Земан, с пистолетом в руке. Земан тогда громко крикнул: «Именем закона... Сдавайтесь!.. Бросайте оружие!..» Из ржи в ответ не раздалось ни голоса, ни выстрела, там испуганно выжидали... И тогда цепь открыла огонь.

Теперь, спустя пятнадцать лет, он снова стоял с Бланкой и Лидушкой над этим ржаным полем. Оно было еще по-весеннему зеленым. Вокруг желтели луга, в небе радостно заливались жаворонки. Внизу диковинно петляла между заросших берегов тихая речушка. Там, где ее течение было подернуто мелкой рябью, солнечные лучи отражались множеством золотистых зайчиков. Вдали, за рекой, поднимались поросшие лесом холмы, воздух над ними был таким прозрачным, что можно было различить на таком расстоянии и вершины старых елей, усыпанных прошлогодними шишками, и свежую зелень берез.

В этом живописном уголке природы приютилась деревушка из тридцати — сорока домов, побеленных мелом, с номерными табличками, небольшой костел с пузатой башенкой в обрамлении крон могучих лип, с крышей в стиле барокко старого дома священника. Недалеко от него за садом, не совсем гармонирующее со всем остальным ансамблем, торчало современное двухэтажное здание школы.

Это и была Планице.

Земан и Бланка стояли перед ней взволнованные, с подступившим к горлу комком. То был милый сердцу уголок Моравии, спокойный и уютный, несмотря на то, что с ним были связаны столь страшные, драматические моменты их жизни.

Вдруг внизу в деревне, как в грохочущем котле, заревели динамики, и по окрестным холмам разнеслась многократно повторенная эхом «Леди Карнавал», исполняемая по радио Карелом Готтом.

Было уже другое время.

Земан, преодолевая нахлынувшие чувства, начал спускаться с женой и дочерью вниз, к Планице.

Гости стояли в горнице старой избы Мутлов, в той самой сельской горнице со старинными украшениями и перинами, которую с великими усилиями отремонтировали когда-то Карел Мутл и дедушка Свобода, отец Бланки. Сейчас папаша Свобода сидел за столом. От радостного волнения и неожиданности он лишился дара речи, только сжимал трясущиеся пальцы молитвенно сложенных перед собой рук.

Бланка заговорила первой:

— Вот и мы, папа!

Она подходила к стульям, столу, шкафу, старым креслам, дивану, кровати, переходила от вещи к вещи, которые ей когда-то принадлежали. Дотрагиваясь до них легко и нежно, как до реликвий, как бы здороваясь с ними, Бланка растроганно повторяла:

— Все здесь осталось так, как было... Все...

Старый Свобода наконец пришел в себя и начал суетиться по дому, чтобы угостить гостей получше, но только беспомощно бегал и ничего не находил.

— Это хорошо, дети, что вы приехали... А Лидушка-то уже какая большая... Настоящая девушка... У тебя уже каникулы, девочка? Почему вы не написали, что приедете?.. Я бы... Здесь не прибрано... Чем вас угостить? Знаете, одинокий дед... готовлю себе кое-как...

Бланка его успокаивала:

— Не беспокойся, папочка. Я сейчас все сделаю!

Свобода вытащил из одного из шкафов бутылку и поспешил с ней к столу:

— Выпьешь со мной сливовицы, Гоцзик? — И, не ожидая

ответа, принес две стопки. Подышал на них, вытер не очень чистым полотенцем, которое вытащил из ящика, и налил.— Таковую в Праге не достанешь. У меня осталось еще семнадцать слив в саду. Девять деревьев пришлось срубить, напала какая-то болезнь.— Он поднял свой стакан.— Ну, за что?

— За то, чтобы у вас опять зрели ваши сливы,— чокаясь с ним, сказал Земан.— Чтобы эта безумная весна скорее кончилась. Чтобы осень была мудренее.

Свобода отпил глоток и тут же сказал:

— Ну почему? Эта весна не самая плохая. Влаги достаточно...

Это удивило Земана. Он знал, что старый Свобода, коммунист со стажем, всегда активно следил за политической судьбой своей страны.

— Вы что, не читаете газет? — недоверчиво спросил Ян.

— Читаю,— без особого интереса ответил Свобода.— Делаете вы там, в своей Праге, разные глупости, если только это правда. Об этом все говорят. Люди даже смеются над тем, что сегодня пишут.

Земан не верил своим ушам.

— Смеются, говорите? Что же, считают происходящее не-серьезным? А за республику они не боятся?

— Здесь люди боятся только одной вещи,— улыбнулся Свобода.— Как бы у вас там в Праге кто-нибудь не сошел с ума и не начал старым хозяевам возвращать скот и землю. Что они с ними будут делать?..

Земана это еще больше изумило.

— Вот как?! Они не хотят возвращения старого? Им не хочется уходить из кооператива? А ведь пятнадцать лет назад...

Свобода не дал ему договорить:

— Да, голубчик, что было тогда, того нет сегодня. Сейчас деревня социалистическая, с этим уже ничего не поделаешь. Дела у них идут очень хорошо, никогда в деревне так не жили.

Земан вдруг с облегчением рассмеялся:

— Тогда за это мне, отец, налейте еще одну... — Земан выпил сливовицу и оживленно обратился к своей дочери: — Видишь, Лида! Это то, что делали мы в те суровые пятидесятые годы и за что ты меня отчитывала. Мы создавали кооперативы, из которых сегодня никто не хочет уходить.— И весело добавил: — Ни за что не уйдут!

Лидушка не знала, куда девать глаза, на которые стали навертываться слезы. В голове у нее все перепуталось. Она подумала, что несправедливо обидела своего замечательного, всегда по-юношески жизнерадостного отца.

Бланка заметила состояние Лидушки, положила ей на плечо руку и сказала:

— Пойдем, я покажу тебе свою старую кухню. А потом мы переоденемся и приготовим поесть... Чего бы вы хотели, мужчины?

— Зарежь курицу и сделай ее в сметане,— бодро предложил Свобода. — Все равно они только во дворе гадят. Пусть одной будет меньше. — Он долил рюмки в третий раз: — Ну что, поедем, Гонзик?

Однако Земан отказался:

— Нет, нет, отец! Мне нужна ясная голова. У меня здесь есть кое-какие служебные дела.

— Ведешь следствие? Какое-нибудь новое дело?

— Скорее старое, но кое-кто из него хочет сделать новое.

— О чем речь?

— О правде. Более того, о смысле всего, что мы строили в течение последних двадцати лет. О партии!

И здесь ему Свобода с высоты своего опыта и прожитых лет спокойно сказал:

— За нее не бойся, она уже многое пережила, переживет и эту весну. Я, например, вспоминаю 1929 год, когда у руководства стояли Йилек и Болен. Тогда казалось, что партия развалится, а видишь, пришел Готвальд.

Земан с благодарностью сказал Свободе:

— Мудрый вы человек, отец!

Свобода лукаво усмехнулся:

— А ты разве не мудр? У тебя все для этого есть — и годы, и чин. Ты тоже уже должен быть мудрым, Гонзик. — Он поднял стопку со сливовицей: — За мудрость и спокойствие!

Земан чокнулся с ним:

— По последней, отец, и я пойду!

— Куда?

— Туда, где начиналось старое дело. В школу!

Он стоял в пустом и тихом школьном коридоре перед дверью в классную комнату, и у него не было силы войти туда. Снова у него звучали в ушах те слова, которые он тогда говорил членам местного национального комитета Мутлу, Бабицкому, Вчелаку и Анне Шандовой:

«Я с радостью взялся за выполнение этого задания, товарищи. Во-первых, я установил, что здесь живет мой друг, Карел Мутл, а во-вторых, этот Босак меня лично интересуется. И наконец, ведь здесь же действительно часто случаются пожары!.. Сами посудите... Горит вокруг вас. Здесь... здесь... здесь... Горят амбары, стога сена, хозяйственные постройки, сараи с машинами и инвентарем. Уже месяц ходит красный петух вокруг вашей деревни. И ходит он по правильному кругу. Заметили? Знаете, что это значит? Либо это спираль, и рано или поздно она закончится здесь. Либо это круг, и в таком случае поджигатель живет тут, в вашей деревне...»

Пересилив себя, Земан нажал на ручку и вошел.

На возвышении за столом сидела какая-то пожилая, седовласая, очень худая, почти высохшая, женщина в очках, при-

дававших ее лицу строгое выражение, и проверяла тетради. Он сразу ее узнал, но она не узнала его. Она подняла на него глаза и настороженно спросила:

— Что вам угодно?

Немного волнуясь, он спросил ее:

— Вы уже меня не помните, пани директор?

Женщина отрицательно покачала головой, и тогда Земан представился:

— Майор Земан. Я...

И тут она узнала его и строго спросила:

— Это вы? Что вам нужно?

Это был далеко не радушный прием. Земана это смутило, и он, подбирая слова, продолжал:

— В моей жизни то был самый трагичный случай... Я думал...

Женщина прервала его, не дав договорить:

— Все это переболело. К этому лучше не возвращаться!

— Но я должен...

Она снова прервала его:

— Я знаю, понимаю вас. Недавно сюда к нам приезжал один молодой поэт, фамилия его, кажется, Дапеш. У него такой искренний, восторженный взгляд. Он собирал подписи под какой-то резолюцией.

Земан быстро, с волнением в голосе спросил:

— Вы ее подписали?

Пани директор спокойно, сдержанно ответила:

— Да.

— Да? — Земан был потрясен и недоверчиво переспросил: — Вы это действительно подписали?

Пани директор ему спокойно объяснила:

— А почему бы нет? Мы здесь, в деревне, не мстительны и не кровожадны. Этот священник свое отстрадал, зачем ему вредить еще? Я здесь живу тихо, спокойно много лет и все уже позабыла. Простила. Всем, и вам тоже!

Земан был взволнован и ничего не понимал.

— Мне? Почему мне?

— Вам это лучше знать!

— Бог с вами, пани директор, вы же здесь тогда были! Вашего же мужа здесь убили! Вы все видели собственными глазами!

Пани директор тихо, с достоинством ответила:

— Я видела то, что можно было увидеть. Узнала то, что можно было узнать. То, что скрывалось за всем этим, я не знала и не хочу знать!

Потрясенный, Земан выпалил:

— Но это, вероятно...

Она опять прервала его и холодно, с неприязнью в голосе, спросила:

— Так что вам еще угодно?

Он понял, что проиграл, и обронил:

— Больше ничего! — Повернулся и вышел.

Поручик Матыс, начальник районного отдела Корпуса национальной безопасности, привез Земана на кооперативный двор на своей собственной машине как раз тогда, когда оттуда выезжали в поле тракторы. Председатель кооператива Анича Шандова весьма энергично руководила этим выездом — так генерал бросает свои танки в сражение. Она кричала, приказывала, просила, уговаривала, и мужчины на могучих машинах слушались ее.

Заметив наконец Матыса и Земана, она нетерпеливо их спросила:

— Что, Ладя? Не видишь, сколько у меня работы?

Матыс, который, видимо, был у нее под каблуком, как бы извиняясь, улыбнулся:

— Посмотри, кого я тебе привез, Аничка. Узнаешь его?

Шандова, женщина памятливая, взгляделась в гостя и воскликнула:

— Еще бы нет! Земан! Приглашай! Вот это гость!

Здороваясь, она энергично пожала Яну руку. Земан был приятно удивлен таким приемом, так отличавшимся от того, с которым он столкнулся в школе.

— Я не знал, что вы с Матысом поженились.

Шандова грубовато пошутила:

— Ему очень хотелось поднять свой жизненный уровень, в этом все дело. Мечтал о собственном автомобиле, вот и женился на мне, пересилил себя, а я ему за это машину купила. Так, Ладя? Ему, короче говоря, надоело ваше скудное жалованье стражей порядка.

Земан принял ее слегка иронический тон:

— А ваше кооперативное не такое же? Я до сих пор помню, как ты напустилась на меня тогда в школе: «Мы здесь, товарищ, агитируем как сумасшедшие... а коровник еще не достроен... кооператив фактически у нас разваливается... Нам здесь хоть надорвись, а вам в Праге все равно,— скопировал Земан ее тогдашнюю манеру говорить,— вы в Праге уже, наверное, живете при коммунизме!»

Земан смотрел на нее и любовался. Правда, за эти пятнадцать лет, что он ее не видел, она постарела, погрузнела. Широкая, крепкая, эта женщина была похожа на кирасира. Однако годы сделали ее спокойнее, мудрее. От нее исходила какая-то прямолинейная решительность, чистосердечность, увлеченность работой, вера в свое дело, уверенность в себе. В ее присутствии Земан чувствовал себя спокойно. Без хвастовства, с деловитой, естественной гордостью она проговорила:

— Да? Так теперь при коммунизме скорее мы живем. — И

без обиняков спросила его: — Зачем приехал? Что нужно? Хочешь устроиться на работу?

Земан слегка опешил:

— Я? Как это? Почему?

Матыс слегка кашлянул, потом неохотно, со смущением пояснил:

— Мы видели ту телевизионную передачу!

Земан, огорченный тем, что его не понимают, поспешно возразил:

— Нет, мне от вас нужно нечто другое!

Шандова, однако, была убеждена в своей правоте, но полагала, что попросить ее о работе Земану мешает мужская гордость, поэтому спокойно и невозмутимо брала быка за рога:

— Если у тебя в Праге какие-нибудь проблемы, плюнь на все и иди к нам. Люди у нас тебе будут рады, здесь тебя никто ни в чем упрекать не станет!

Матыс тут же подхватил:

— И ты не думай, что Аничка предложит тебе какую-нибудь грязную и тяжелую работу. У нас современное производство, здесь есть все профессии. А кое-где у нас работают и в белых халатах, как в лаборатории...

Земан смотрел на него с интересом и удивлением. Неужели это тот самый старшина? Он был тогда совсем молодым участковым инспектором. Пятнадцать лет назад он жаловался, что чувствует себя на этом большом своем участке слабым и беспомощным. А теперь у него выросло пивное брюшко, он ездит на машине, стал степенным и важным, как настоящий районный начальник. Теперь он с гордостью водил Земана по двору, как по своим владениям. И похвалиться, собственно, было чем: двор чистый, бетонированный, как взлетная полоса на аэродроме. Возле него теснятся ряд новых, современных домов из железобетонных конструкций и панелей; механизированные коровники, склады, мастерские, крытые стоянки для сельскохозяйственных машин, административные постройки, клуб и многое другое. «Это не просто ферма, как когда-то давно, а скорее фабрика по выработке мяса и муки», — подумал Земан.

Матыс открыл раздвижные ворота одного из длинных коровников, чтобы Земан мог посмотреть, и сказал:

— Помнишь, как у нас здесь горел первый кооперативный коровник? Посмотри, как выглядит наш коровник сегодня. У Анки здесь триста коров, полная механизация, автоматы...

Он говорил восторженно, с увлечением, однако Анна нетерпеливо прервала его. Эти хвалебные речи, сопровождающие каждую экскурсию журналистов, различных деятелей и делегаций, которые здесь ходили целыми толпами, уже давно ей надоели.

— Так кем ты хотел бы у нас работать? Референтом по безопасности? С учетом натуральной оплаты здесь ты будешь зарабатывать больше, чем в городе. Так что? Согласен?

— Нет!

Отказ Земана от такого великолепного предложения удивил и немного обидел ее, и она ворчливо спросила:

— Так чего тогда ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы ты поехала со мной в Прагу на суд. Как свидетель!

Такого оборота она не ожидала. Ей это не понравилось, и она запротестовала:

— Ты спятил? Это в разгар весенних работ?!

Матыс, желая помочь Земану, поддержал его:

— Он мне рассказал, что там, в Праге, на карту поставлено все, Аня!

Однако Шандова решительно отказалась:

— У нас тоже на карту поставлено все. Мы здесь в деревне, мой дорогой, не имеем времени на эти ваши пражские истерики и глупости и уж тем более не желаем ввязываться в них. Вы в Праге можете устраивать митинги, манифестации, кричать, спорить, но мы должны вкалывать, чтобы следующей весной, когда у вас остынут головы, вам было что жрать!— сказала она с грубоватой откровенностью.

Земан не сдавался, пытаясь во что бы то ни стало ее уговорить.

— Это ведь касается нас всех, Аничка. Меня, твоего Матыса и тебя. Ты что, не знаешь, что твердит этот гнусный поп?

Шандова спокойно ответила:

— Знаю. Ходили здесь с этой резолюцией.

Земан испугался:

— Ты ее тоже подписала?

— Нет. Я под таким свинством не подписываюсь,— засмеялась Шандова.— Тогда бы Ладя меня убил.— Однако тут же серьезно произнесла:— Что тогда случилось, так тому и быть, это того стоило. И даже этих четырех человеческих жизней...

— Ты что, тоже думаешь...

— Ничего я не думаю, я знаю, что нужно было пойти даже на жертвы, чтобы покончить с сельскими поджигателями. Это была жестокая битва, но неизбежная... Сегодня здесь у всех новые дома, холодильники, телевизоры, ваннные комнаты, автомобили, облицованные кафелем веранды, а комнаты облицовывают даже лиственницей...— Это ей вдруг о чем-то напомнило, и она обернулась к Матысу:— Ты достал лиственницу, Ладя?

Матыс отвел глаза и виноватым голосом забубнил:

— Я еще в лесничестве не был, Аничка!

Шандова взорвалась:

— От тебя совсем никакого толку, опять в деревне будем последними! — Она повернулась к Земану: — Так что, хочешь на эту должность?

Земан был ошарашен этими ее меркантильными, по-деревенски спокойными рассуждениями, в то время как вокруг, ему казалось, начинался конец света. Они не понимали друг друга, как будто разговаривали на разных языках. Он уже знал, что настаивать, объяснять бесполезно, и поэтому устало, но решительно ответил:

— Нет!

От всего этого он впал в уныние, почувствовал неуверенность. Хуже того, теперь его стало мучить сомнение. Как же в действительности обстояло дело? Чем больше он об этом думал, тем яснее становилось: тот случай, который казался ему таким простым и ясным, с логической стороны далеко не безупречен, во многом не лишен неясностей, имеет странные, необъяснимые моменты. Возможно, что причина тому — холодные, неприветливые глаза пани директора или грубоватость Анки: как было, так и было, это стоило четырех человеческих жизней... Возможно, что это работала его разыгравшаяся фантазия, не контролируемая спустя пятнадцать лет четкой памятью. Но вместе с тем Земан осознавал, что мало знает о собственно планицком деле, кроме того, что сам видел своими глазами.

Земан снова все мысленно восстановил в голове: он приехал тогда в Планице, потому что Калина показал ему донос какого-то лесника Босака и высказал соображения, что этот лесник может оказаться бывшим гестаповским агентом. Потом эти подозрения, без каких-либо веских доказательств, ему подтвердил по телефону другой сотрудник государственной безопасности, Житный. Они вместе поехали арестовать Босака, а схватили его сына Ярду, который им сказал, что отец в доме священника... Они поспешили туда, оттуда в школу, но те страшные выстрелы уже прогремели там. Потом Земан, охваченный ненавистью и гневом, бежал по ржаному полю, стрелял, задерживал преступников. Пятнадцать лет он был убежден в том, что все, что он тогда делал, было правильно, законно и по-мужски честно. Он ни минуты не сожалел о том, что лесника Босака и трактирщика Бенеша, единственных оставшихся убийц, взятых живыми на ржаном поле, они повесили. Но теперь он начал колебаться, задумываться, комбинировать, и это было ужасно... Чем больше он анализировал тот случай, тем больше ему казалось, что подлинная мотивировка, истинная правда сложна, почти недостижима.

Земан уже второй час сидел на лавочке под старой липой перед домом Мутловых и хмуро молчал, погруженный в свои мысли. Он даже не замечал, что ночь вокруг него благоухает и так чиста, как это бывает только весной. Он был один. Бланка после возвращения Земана из его безрадостной прогулки по

деревне как-то странно избегала встречи с ним, прятала глаза. Она поставила на стол ужин, до которого Ян даже не дотронулся, и разговаривала странным, сдавленным, чужим голосом, только отвечая на вопросы отца или Лидушки.

Однако сейчас она вдруг вышла из дома и села на лавку рядом с ним. Они сидели под липой вдвоем, как когда-то давно, только теперь оба они были старше и на них лежал груз пережитого. Земан подсознательно чувствовал, что Бланку тяготит какая-то страшная тайна, которую она боится открыть. Вдруг Бланка тихо обронила:

— Нам лучше было бы остаться в Праге, Гонза. Возможно, что Калина... — Но, заметив его встревоженный взгляд, она осеклась на полуслове и увела разговор в сторону: — Все здесь напоминает о прошлом. Я думала, что это уже переболело... Но теперь опять перед глазами... эта страшная картина... Не нужно нам было сюда приезжать!..

Земан впервые за весь вечер заговорил и уже не мог остановиться:

— Эта деревня, наверное, наша судьба... У тебя здесь тогда застрелили мужа... а сегодня хотят подстрелить меня!

Бланка испугалась:

— Как это?

— Я тебе не сказал всю правду. Я взял отпуск не из-за Лидушки. Просто меня за Планице уволили!

Бланка в ужасе прошептала:

— Боже мой, Гонза...

— Через три дня я иду на реабилитационный суд. Поэтому я и поехал сюда... Я хотел найти здесь силы для этого процесса, уверенность, но обрел еще большее беспокойство.

— Кто требует реабилитации? Он?

— Да, священник!

Бланка, с трудом подыскивая слова, спросила:

— А ты абсолютно уверен, что с ним тогда было все в порядке?

Земан возмущенно спросил:

— А ты в этом сомневаешься?

— Нет, я не о том, Гонза... Я знаю, что ты всегда был честным и порядочным человеком... В тебе я никогда не сомневалась и никогда не усомнюсь... Я останусь с тобой, что бы ни случилось... Но ведь ты сам можешь ответить только за себя... Разве ты знаешь о том, как все было?.. Были ведь в те годы и процессы... ты мне сам говорил об этом... — И вдруг призналась: — Я этого священника уважала, и ты знаешь почему... Был это тихий, достойный человек... А потом я поверила в его вину... и смертельно его возненавидела... Но теперь, когда я увидела его по телевидению, я не могла уснуть... Всю ночь думала об этом...

Земан быстро спросил:

— Теперь ты в его вину не веришь?

— Нет, не это... Я просто... не совсем уверена!

Земан от возмущения даже встал с лавки:

— Значит, и ты? Откуда у вас вдруг появилось это недоверие? Кто его посеял в ваших душах? Ведь от этого можно сойти с ума!

Бланка тихо спросила его:

— А ты сам, Гонза, нисколько не сомневаешься?

Земан не ответил на ее вопрос и продолжал:

— Ведь было так просто и ясно. Здесь мы, а там враги. Враги убивали, а мы их за это преследовали... Здесь были мы, честные люди, на страже закона, а там были они, преступники... Чего же тут неясного? — Он тут же решил: — Поеду к Калине. Сейчас же. Буду с ним говорить, и доктор Веселы мне в этом не помешает. Вашек должен сказать мне правду!

И тут Бланка с тихой грустью произнесла:

— Он уже тебе ничего не скажет, Гонза!

Земан удивленно взглянул на нее. Бланка погладила его по руке, чтобы успокоить, обняла:

— Я боялась тебе это говорить, когда увидела, в каком ты состоянии. После обеда тебе принесли телеграмму... Калина сегодня утром умер!..

Это было как гром среди ясного неба. И Земан только сейчас, с почти физической болью, ощутил, как хороша эта весенняя ночь, как она животворно тепла, как она обращается к ним тысячами голосов и звуков: гармоникой издалека, лаем собак, кваканьем лягушек, шелестом лип и мерцанием звезд, стоном сычей и отдаленным заразительно веселым девичьим смехом.

Только один голос навсегда замолк и не прозвучит в этой ночи — мудрый, ласковый, добрый голос Калины.

5

В ритуальном зале крематория на Ольшанах звучал марш павших революционеров. Это были бедные, печальные похороны. На гробе лежал букет гвоздик, и рядом стояли три венка.

В зале было мало народу, всего шесть человек, осмелившихся прийти проститься с Калиной. Это были Земан, его мать, Бланка, Лидушка, доктор Веселы и бывший начальник пражской криминальной службы, первый пражский начальник Земана, а теперь уже пенсионер, майор Павласек.

Бланка с беспокойством взглянула на Яна. Она видела его бледное лицо, понимала, как ему трудно держать себя в руках. Губы Земана дрожали, на глаза навернулись слезы.

Сейчас он во второй раз потерял отца, доброго, чуткого, мудрого, на которого всегда можно было опереться, прийти в

тяжелую минуту за советом. Теперь Земан остался один и осознавал это. Павласек, стоявший рядом, горестно прошептал:

— Даже салют не дали! Даже салют!

А в эту минуту гроб с телом Калины медленно скрывался за занавесом, отделяющим мир мертвых от комедии абсурда, которую в судорожной спешке играл этой весной мир живых...

Люди молча вышли из крематория в наполненные заботами будни. Каждый из них был погружен в свои мысли и воспоминания, связанные с этой печальной утратой. И даже весенний день показался им притихшим и драматичным.

Группа родных и близких другого умершего, проходившая мимо них, вывела их из состояния молчаливой скованности.

Земан заговорил первым и произнес вслух то, о чем думал на протяжении всех похорон:

— Это первый мертвый в этом процессе. Я начинаю понимать прокурора.

Все удивленно посмотрели на него, а Павласек спросил:

— Какого прокурора, Гонза?

Земан не ответил ему. Он повернулся к доктору Веселы:

— У тебя наверняка есть эта книга, доктор?

— Какая?

— «Процесс» Франца Кафки!

— Есть.

— Дашь ее мне?

— Зачем?

— Я хотел бы ее прочесть перед завтрашним днем.

— А что будет завтра?

— Суд!

Мать Земана испуганно спросила:

— Боже мой, Гонзик, какой суд? За что?

— Не знаю, мама. Я только одно знаю: в этом процессе не должно быть мертвых, как и в других подобных процессах. Поэтому прежде я хочу во всем разобраться...

Он говорил так загадочно, что все были сбиты с толку и молчали. Только Павласек спросил:

— Что ты хочешь сделать?

И Земан признался:

— То, что делали советские командиры в критической ситуации и в окружении во время войны, когда хотели предотвратить дальнейшие потери с их стороны и сохранить хотя бы остатки своих подразделений для дальнейшей борьбы. Они сообщали: вызываю огонь на себя!

Они поняли его и перепугались.

Он хотел принести себя в жертву!

Веселы вышалил:

— Ты с ума сошел, Гонза!

Бланка в испуге схватила его за руку:

— Ты этого не сделаешь!

Однако Земан твердо стоял на своем.

— А что мне остается делать? Я остался один. Калина умер. Житный ушел! — Веселы и Павласеку он сказал:— Я иду на реабилитационный суд, меня вызывают за Планице. Не хочу втягивать в это никого из вас...

Веселы деликатно намекнул ему:

— Если это тебе поможет, оставь Калине Калиново. Он наверняка бы с этим согласился. И сам бы тоже от ответственности никогда не уклонился!

Земан решительно отверг его совет:

— Нет! Это битва живых. Мертвых оставим в покое, для них мучения уже закончились. И если суждено пасть кому-либо еще, так это тому, кто сам, добровольно остался в этом котле. Вызываю огонь на себя!

Бланка, к своему ужасу, поняла, что Ян это для себя решил твердо и что, если не произойдет чуда, она потеряет мужа. Со страхом в глазах она зашептала:

— Ради бога, Гонза! Ты понимаешь, что говоришь?

Темные своды собора теперь, в наступающих сумерках, казались мрачными, таинственными, пугающими. Они подавляли Бланку своей мощью и строгими готическими формами.

Бланка не отважилась бы на такой поступок, если бы не страх за Земана. Она, опасаясь быть разоблаченной, вынуждена была осторожно выяснять, где остановился планицкий священник. Наконец ей удалось узнать, что он как гость находится в доме священника Тынского храма. Она вошла в этот дом в сумерках, нерешительная и напуганная предстоящей встречей. Однако старого священника она там не нашла. Какой-то молодой священник, бледный, аскетического вида, строгий, сказал ей, что он в храме. И теперь она неуверенно, шаг за шагом, шла в холодном полумраке собора. Вместе с ней в двери и окна внутрь храма вливалась темнота и вынуждала Бланку, как слепую, идти на ощупь по каменным плитам, мимо старинных деревянных лавок, низких скамеек и колонн туда, вперед, откуда доносился отдаленный старческий голос, хриплый и усталый:

— «...У врат Закона стоит привратник. И приходит к привратнику поселянин и просит пропустить его к Закону. Но привратник говорит, что в настоящую минуту он пропустить его не может. И подумал проситель и вновь спрашивает, может ли он войти туда впоследствии? «Возможно,— отвечает привратник,— но сейчас войти нельзя». Однако врата Закона, как всегда, открыты, а привратник стоит в стороне, и проситель, наклонившись, старается заглянуть в недра Закона. Увидев это, привратник смеется и говорит: «Если тебе так не терпится — попробуй войти, не слушай моего запрета. Но знай: могущество мое велико. А ведь я только самый ничтожный из стражей. Там, от покоя к покою, стоят привратники,

один могущественнее другого. Уже третий из них внушал мне невыносимый страх...»¹

Бланка не сразу смогла обнаружить, откуда доносится этот голос. В вечерних сумерках ей казалось, что в храме тысячи ниш и поворотов, что она попала в бесконечный лабиринт углов и боковых часовен и часовенок. Она шарила глазами по их таинственным укромным уголкам, надеясь его там найти, а вместо этого с испугом обнаруживала причудливые, страдальческие фигуры святых, которые символизировали собой скорее смерть, тоску, жалость, нежели жизнь. Храм казался совершенно пустым, и тем таинственней был этот голос, который неустанно, как крик ночной птицы, манил ее и сопровождал:

— «...Не ожидал таких препон поселянин, ведь доступ к Закону должен быть открыт для всех в любой час, подумал он; но тут же он пристальнее взглянул на привратника, на его тяжелую шубу, на острый горбатый нос, на длинную жидкую черную монгольскую бороду и решил, что лучше подождать, пока не разрешат войти...»²

Наконец она обнаружила место, откуда доносился этот голос. Оно находилось почти у алтаря, на церковной кафедре возле толстой колонны, за которой она скорее предположила, чем увидела, какую-то темную фигуру, которая там при свете маленькой электрической лампочки вслух читала книгу:

— «...Привратник подал ему скамеечку и позволил присесть в стороне, у входа. И сидит он там день за днем и год за годом. Непрестанно добивается он, чтобы его впустили, и докучает привратнику этими просьбами...»³

В эту минуту голос замолк, и лицо мужчины на кафедре исказилось испугом. Это был священник из Планице, и Бланка догадалась о причине его испуга. Испугала его она сама, остановившись прямо перед ним и смотря на него снизу вверх своими большими удивленными глазами. Она сказала:

— Я хотела бы с вами поговорить, ваше преподобие!

Они сели друг против друга в холодной ризнице, и только теперь вблизи Бланка увидела, как стар и дряхл планицкий священник. Он уже немного оправился от испуга, но все еще был очень взволнован этой неожиданной для него встречей. Бланка тоже волновалась. Она с трудом подбирала слова, хотя весь день обдумывала, что скажет ему. Наконец священник спросил:

— Зачем ты пришла, дочь моя? Что тебе нужно от меня?

Сдавленным голосом Бланка проговорила:

— Только что вы говорили там, на кафедре, о законе и справедливости.

Священник, поколебавшись, признался:

¹ Цит. по: Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи, с. 294.

² Там же, с. 294—295.

³ Там же, с. 295.

— Я изучал один текст. И изучал на месте, которое мне ближе всего.

Поборов робость и нерешительность, Бланка отважилась сказать о своем деле:

— Я как раз пришла просить вас об этой справедливости!

— По отношению к кому?

— К моему мужу!

Священник, помолчав некоторое время, спросил:

— Кто твой муж, дочь моя?

— Майор Ян Земан.

Священник зашевелил губами и тихо произнес:

— Боже всемогущий!

Бланка горячо заговорила, глядя ему в лицо:

— Возможно, что с вами поступили несправедливо, ваше преподобие, но вы не имеете права мстить за это невинному, поступать несправедливо с другим честным человеком. А Гонза честный. Он никогда в жизни сознательно никому не причинил вреда!

Священник молчал и молился. Однако Бланка не сдавалась и настаивала на своем:

— Вы были свидетелем, когда много лет назад убили моего первого мужа. Неужели вы можете спокойно смотреть, как будут уничтожать моего второго мужа?!

Священник тихо запричитал:

— Боже милосердный, ты знаешь, что я этого не хотел! Я уже старый, усталый человек. Я хотел дожить остаток жизни в покое, в молитвах за свои грехи просить прощения... Но они меня к этому склонили...

— Кто?

— Пани редактор, профессор и поэт!

— А где в таком случае ваше христианское человеколюбие, ваше преподобие? Почему вы не следуете словам молитвы, которой меня учили, когда я еще была ребенком: «Прости нам наши грехи, как и мы их простим нашим обидчикам»?! — страстно боролась за своего мужа Бланка.

Священник отчаянно защищался, но все же уступал:

— А что мне теперь делать? Что ты от меня хочешь?

— Правду! Вы единственный человек, который с тем агентом в Планице разговаривал. Вы один знаете, кем он в действительности был, что говорил, чем вам угрожал, когда принуждал вас оставить его в вашем доме... Скажите перед судом ту правду, ваше преподобие. Ничего больше мне от вас не надо!

И это было именно то, чего священник не мог сказать. Ведь не мог же он рассказать ей об одном случае времен оккупации, память о котором он нес всю свою жизнь на плечах как крест на Голгофу. Прислали к нему тогда на постой на несколько дней молодого капеллана, немца с Судет. Звали его Лоренц. Был это странный, невзрачный, худощавый мужчина

с острыми как иглы глазами, фанатически преданный вере, такой чуть ли не средневековый поборник веры, который каждого грешника предавал анафеме и готов был послать в пекло ада. Священник объяснял эту нетерпимость и рвение его молодостью, ласково разговаривал с ним много вечеров кряду, пытаясь научить немца любви к ближнему и терпимости к человеческим слабостям, которые необходимы сельскому священнику для мудрого руководства своими прихожанами. Рассказывал ему о людях из Планице, каждого ему характеризовал, открывая его слабости, недостатки, говорил об отношении к церкви и существующему строю. А через три дня после этого гестапо начало аресты, и священник понял, кому он выдал своих прихожан. Его охватил ужас, дни и ночи напролет он молился, но не почувствовал облегчения. Сознание вины не проходило. Потом он всю жизнь боялся, что его вина раскроется, что откуда-то появится мститель и наказание. Но ничего подобного не произошло. Капеллан Лоренц ушел в последние дни войны с отступавшей немецкой армией и исчез, был предан забвению. Люди, возвратившиеся из концлагерей, не попрекали священника, поскольку о его вине ничего не знали. Постепенно он обретал спокойствие, забывал прошлое, жил тихо и скромно среди своих ульев и роз. А потом пришел агент... Появился как нечистая сила из пекла среди ночи, как те уже давно забытые мститель и наказание... Разве станет священник об этом рассказывать Бланке и суду? Святой церкви перед смертью — да, она милосердна и отпустит ему грехи. Но светской власти он страшно боялся, особенно после стольких лет заключения, в котором, как надеялся, он прошел через чистилище. Ведь этими пятнадцатью годами он искупил перед светским законом свою вину, почему же теперь от него хотят, чтобы он снова бил себя в грудь, занимался самобичеванием, терзал себя рассказом о том страшном случае, который он мучительно стремился забыть. Нет, не мог он рассказать!

И теперь, пряча глаза, он пообещал Бланке:

— Да, попытаюсь, дочь моя... Только боюсь, не будет ли уже поздно...

6

Ян Земан сидел на скамье в коридоре суда и ждал. Через закрытые двери до него доносились аплодисменты, приглушенный шум из зала суда, восклицания людей, сидящих там, с которыми он еще не был знаком, отчетливый вопрошающий голос судьи, которого он еще не видел, и патетический голос священника, дававшего показания.

Теперь Земан из рассказа Бланки уже знал, почему священник учил притчу Кафки о привратнике у дверей закона.

Он был страшно обозлен на Бланку за то, что она пошла в Тынский собор. Если бы она об этом сказала раньше, он никогда не разрешил бы ей идти.

Земан не разделял оптимизма Бланки. Ему было ясно, что священник не отступит от своего замысла, даже если бы очень захотел этого. Водоворот событий уже втянул их в себя, раскрутил в диком бешеном вихре, из которого нет выхода. Земану ничего не оставалось, как предстать перед этим судом и испытать судьбу до горького конца. Эта простая истина подтверждалась и обрывками речи священника, приглушенно доносившейся из зала суда. Прислушиваясь к его голосу, Земан понял, что священник цитирует притчу Кафки.

Вдруг над Земаном раздался ясный, иронический голос:

— Красиво написано, не правда ли? По-библейски!

Земан поднял голову и увидел Павла Данеша. Это была крайне неожиданная встреча спустя шесть месяцев после того, как Земан в последний раз видел поэта на следственном эксперименте в поэтическом кафе и вынужден был его отпустить. Теперь Данеш стоял перед Земаном с самоуверенным видом и со злорадством в глазах.

— Что вы здесь делаете?

— Я пришел, как и вы, в качестве свидетеля! — усмехнулся Данеш.

Земан удивился:

— Что вы можете знать о Планице?

— Возможно, больше, чем вы думаете! — Данеш сел возле Земана на лавку и с наигранной бодростью, наклонившись к нему, сказал: — Вот видите, пан майор, не прошло и полгода, как мы встретились опять... Только вы здесь сегодня не в роли всемогущего следователя, а я не в роли бесправного заключенного, которого вы можете казнить или миловать по своей воле.

Земан моментально отразил его выпад:

— Вам не на что жаловаться, Данеш.

Данеш со спокойной иронией согласился:

— Да, действительно, не на что... Только я считаю, что за удар нужно платить ударом. Вот я и плачу.

— Для этого вы в Планице против меня собирали подписи?

— Возможно... Но возможно и то, что я больше думал тогда о справедливости, о гуманизме, о том, что социализм у нас в конце концов должен обрести человеческое лицо, а мы обрести наш народ, его старую добрую культуру. — И вдруг, утратив свой нарочито иронический спокойный тон, он выплеснул всю свою ненависть: — ...И избавиться от таких необразованных холуев... полуинтеллигентов... надсмотрщиков... истязателей...

Земан возмущенно крикнул:

— Прекратите!

Данеш моментально взял себя в руки и сладким голосом с дружеской любезностью предупредил Земана:

— Обратите внимание, пан майор, мы здесь не в камере предварительного заключения... Но, несмотря на это, я извиняюсь, что позволил себе увлечься. Сами понимаете, поэт, у нас всегда семь пятниц на неделе, перебарщиваем, вы это знаете...

В эту минуту дверь зала суда открылась и служащий произнес:

— Свидетель Ян Земан, на допрос!

Он вошел в этот взбудораженный, ненавидящий зал, небольшой по размерам и оттого казавшийся переполненным, и ему сразу стало ясно, что сейчас начнутся его хождения по мукам. Только три сидящие тут женщины с состраданием относились к нему и были рады хотя бы взглядом помочь в его мучениях — Бланка, Лида и его мать.

Не сразу Земан рассмотрел судью и публику... Это была дикая смесь очкастых людей, одетых в черное или серое, интеллектуалов с шариковыми ручками и блокнстами, возможно журналистов, людей искусства и ученых, волосатых хиппи в грязных, рваных, пропитанных потом джинсах, и обычных зевак с улицы, мужчин и женщин. В зале было жарко и душно от десятков разгоряченных, взволнованных разыгравшимися страстями людей. Многие присутствующие обмахивались сложенными газетами или, не стесняясь, расстегивали сорочки и блузки. Одна из девиц в джинсах во время паузы, вызванной приходом Земана, спокойно села к своему приятелю-студенту, заросшему волосами, на колени и иступленно его целовала, позволяя ему гладить себя под блузкой по голой груди. Потолок в помещении был низким, а поскольку кресла для публики располагались в виде амфитеатра, создавалось впечатление, что люди сидят друг на друге в несколько слоев.

Земан прошел на место свидетеля за небольшой барьерчик и, к своему удивлению, обнаружил, что возле председателя суда в качестве заседателей сидят инженер Чадек и профессор Голы. Слева он увидел бледного прокурора Стрейчека, справа — планицкого священника с адвокатом.

Председатель суда обратился к Земану:

— Ваш паспорт, пан свидетель!

Председатель суда Янота, щупленький, карликового роста человек, сидевший в своей судейской мантии за монументальным столом, был почти незаметен. Лицо его было узким и пожелтевшим, словно старый канцелярский документ. Своим острым носом, беспокойными, маленькими навывкате глазами за стеклышками пенсне и высоким, вечно раздраженным, ироничным голосом он сильно напоминал комнатного песика, на которого вместо собачьей попонки надели судейскую мантию.

«Это плохо, — подумал Земан. — В этом человеке я должен вызывать неприязнь уже своим стовосьмидесятисантиметровым ростом и тем, что выгляжу как мужчина». От этого ему стало не по себе.

Он молча подал судье паспорт. Тот раскрыл документ и официальным лающим тоном произнес:

— Фамилия, имя, место рождения, место жительства, род занятий?

Земан, поборов волнение, твердым голосом ответил:

— Ян Земан, 1925-й, Прага, 6, улица Плоха, 133, государственный служащий.

В одном Земан заблуждался: судья Янота отнюдь не страдал комплексом неполноценности. О том, как он выглядит со стороны, судья никогда не задумывался. Всем своим существом он был погружен в законодательство и завоевал уважение, и не без оснований, тем, что был большим знатоком в области уголовного права. Вероятно, он страдал от того, что много лет подряд ему доверяли дела, не отвечающие его уровню и знанию, его сообразительности и способности комбинировать, его логике и прирожденному остроумию, что он должен был вести дела, связанные с незначительными хищениями, мелким мошенничеством и кражами, о которых не пишут даже в «черной хронике». Теперь он наконец почувствовал себя как тот маленький король, который никогда не встречал более высокого человека, чем он сам, потому что все должны были подходить к нему на коленях. Ему стало важно не то, кого он судит, а как судит. Он лез из кожи вон, чтобы понравиться залу и журналистам, и был счастлив, когда чувствовал, как им восхищаются, как реагируют на его блестящую, с правовой точки зрения, речь. Поэтому теперь он с издевкой спросил:

— Послушайте, что такое «государственный служащий»? Вы работаете в налоговой инспекции?

Зал, развеселившись, загоготал. Земан проглотил эту пилюлю, постарался взять себя в руки. Он уже раскусил игру судьи на популярность. По одной этой фразе Земану, однако, стало ясно, что обстановка здесь гораздо хуже, чем он ожидал. Более того, за его спиной вспыхнул яркий источник света и застрекотала камера. Он быстро оглянулся и увидел редактора Неблехову с кинооператором, которые, разумеется, запечатлели эту «сенсацию» дня для телевидения.

Отвечая на вопрос судьи, Земан твердым голосом четко заявил:

— Нет! Я майор чехословацкой безопасности.

Судья иронически спросил:

— А какой? Государственной?

Зал снова пришел в возбуждение. Земан решительно ответил:

— Я знаю только одну безопасность, пан председатель. Я майор Корпуса национальной безопасности.

— Хорошо, как вам угодно.— Судья повернулся к протоколисту: — Зафиксируйте это, пожалуйста. И отметьте, что личность свидетеля была надлежащим образом установлена, данные сверены по паспорту.— Вернув Земану документ, судья продолжал: — Считаю своим долгом предупредить вас, пан свидетель, что вы можете отказаться давать свидетельские показания в том случае, если считаете, что ваши показания повлекут за собой преследование в уголовном порядке вас или особы, вам близкой. Все понятно?

— Да.

— Хочу вас далее предупредить, что за ложные показания вы будете привлечены к уголовной ответственности. Вы поняли?

— Да.

— И наконец, я должен вас спросить, нет ли у вас замечаний по составу суда?

Земан посмотрел на Чадека и Голы, слегка усмехнулся и ответил:

— Нет.

— Если вас интересует, какие общественные институты они представляют, могу вам сообщить, что пан инженер Чадек представляет К-231, а пан профессор Голы — клуб активных беспартийных¹. Этого вам достаточно?

Земан кивнул:

— Благодарю.

— Значит, у вас нет замечаний по составу суда?

— Нет. Для меня это, наоборот, удобнее. Мы близко знакомы. Пана инженера Чадека я арестовывал в 1948 году, а пана профессора Голы чуть было не арестовал в прошлом году.

После этого иронического замечания Земана публика взбесилась. Судья вынужден был долго звонить, прежде чем зал успокоился, а после этого резким тоном сделал Земану замечание:

— Оставьте эти отступления от темы, пан свидетель, суд они не интересуют. Вас пригласили для того, чтобы вы отвечали нам только на поставленные вопросы.

— Да, спрашивайте, пан председатель!

— Расскажите, какова ваша роль и степень участия в так называемых планицких событиях?

— В 1953 году по приказанию вышестоящих инстанций министерства внутренних дел я приехал в Планице, чтобы расследовать дело, связанное с серией пожаров и саботажем, развившимся в порче имущества, построек и инвентаря...

Для Земана это было привычным делом. Он говорил с военной точностью, по-деловому, невозмутимо, буквально по ми-

¹ К-231 и клуб активных беспартийных — антисоциалистические организации в ЧССР в 1968 г. — *Прим. пер.*

нутах излагал хронологию планицкого дела. Однако это давалось ему с трудом, потому что, несмотря на все его попытки воспрепятствовать этому, в голове его опять начали проноситься апокалиптические картины. Они казались выцветшими и пожелтевшими, как старые фотографии, но обладали такой силой воздействия, что его целиком поглотила особая, неестественная тишина, отключившая его от всего этого враждебного шума, душного, разъяренного зала суда, от стука пишущих машинок и его собственного монотонного голоса. Он снова видел перед собой лампы в жестяных абажурах, тускло светившие десятки лет над партами школьников. Эти лампы освещали немую сцену в духе шекспировских трагедий: возле стены лежали четыре активиста планицкого национального комитета — Мутл, Томан, Бабицкий и Вчелак. На стенах и на обшарпанном полу сельской школы виднелись кровавые пятна... В дверях застыли неподвижные, как статуи, Житный, Матыс, Шандова, жена директора школы, три члена опергруппы... Потом в полумраке дверного проема возникла Бланка. Ее лицо было неподвижно. Она не плакала, только безмолвно, не отрываясь, смотрела на пол возле стены. Нет, она еще не верила происшедшему и шла шаг за шагом вперед. У стены она остановилась и опустилась на колени, приподняла голову Карела Мутла. Земан видел только его затылок да горящие, удивленные глаза Бланки. Тогда он не мог ее утешить ни словом, ни жестом, потому что сам едва сдерживал слезы скорби и гнева...

Резкий, скрипучий голос судьи вернул его к действительности:

— Вы уверены, пан свидетель, что с исполнением ваших тогдашних обязанностей в Планице было все законно?

Земан опять стоял посреди шумного, неприветливого зала суда, как бы придавленного низким потолком. Девушка в джинсах все еще целовалась со своим волосатым студентом. Земан решил, что, по-видимому, рассказывал он не слишком интересно, и заставил себя сказать:

— Да, пан председатель!

— Вы приехали на расследование в Планице на основании доноса или, скорее, предупреждения, которое вам послал лесник Босак?

— Да, пан председатель!

Судья с иронией в голосе заметил:

— Видите, он вам сообщил сведения, а вы его потом за это повесили. Называется, отблагодарили.

Земан возмущенно воскликнул:

— Так ведь это был убийца, пан председатель! Бывший агент гестапо.

Именно это судья и хотел от него услышать. А услышав, бросился в атаку:

— А как вы, собственно, узнали о том, что он агент гестапо?

— Сначала меня предупредил о нем, как о возможном бывшем агенте, полковник Калина. А потом мне это подтвердил майор Житный.

— А каким образом он вам это подтвердил? Принес какое-нибудь неопровержимое доказательство?

Земан после минутного колебания признал:

— Нет, по телефону.

Зал суда возбужденно зашумел. Судья с наигранным удивлением спросил:

— И этого вам, как опытному криминалисту, было достаточно?

Земан твердо сказал:

— Я верил ему!

— А что он вам сказал тогда по телефону?..

Те события произвели такое сильное впечатление на Земана, что он накрепко запомнил даже слова майора и теперь четко воспроизвел их:

— «Босак и этот тайный агент, о котором предупреждал Калина, — одно и то же лицо. Еду туда с оперативной группой. Буду ждать тебя в двадцать ноль-ноль у лесной сторожки».

Судья услышал от него то, что хотел услышать, и начал с охотничьим азартом делать выводы из сказанного Земаном:

— И вы туда поехали... И вам не пришло в голову, что случай этот, мягко говоря, странен?.. Один сотрудник государственной безопасности высказывает предположение о возможном агенте. Другой сотрудник государственной безопасности по телефону вам подтверждает это подозрение и тут же, без какой-либо логики, связывает это с антигосударственной деятельностью против республики. Вы едете к этой сторожке — и посмотрите, действительно, какой удивительный случай из криминалистики, какое удивительное, собачье чутье! — и там находите раненого сына лесника, который после пыток указывает вам, куда ведет этот след: в дом священника, где якобы после ухода из сторожки лесника скрывается этот загадочный агент. Вы едете дальше, арестовываете священника, а тем временем там убивают в школе четырех активистов — и теперь у вас имеются все основания поднять на ноги всех жителей, арестовывать, казнить, подвергнуть ряд деревень террору и навести на всю округу ужас...

Здесь Земан не выдержал и крикнул:

— Это ложь! По какому праву вы сочиняете эти домыслы? Зачем вам это нужно? Что вы хотите этим сказать?

Зал суда возбужденно загудел. Судья быстро всех успокоил, потом холодно, с расстановкой сказал:

— Вопросы здесь задаю я, пан свидетель. И тем не менее я отвечу на этот ваш неправомерный вопрос. Я хочу этим сказать, что вся эта планицкая провокация была только шахматной партией органов государственной безопасности, хорошо подготовленной и продуманной. Если хотите, я воспроизведу

ее в деталях. Так вот... В пятидесятых годах возникают определенные... трудности с кооперированием, крестьянам не хочется идти на колхозную каторгу. Они сопротивляются, особенно там, в Планице. И тогда государственная безопасность посылает туда своего платного провокатора, чтобы он подбил некоторых недовольных крестьян на антигосударственную деятельность, а вслед за этим вас, чтобы вы эту антигосударственную деятельность, которую вам этот агент со своими укрывателями выдал, эффектно вскрыли. Вы это осуществляете, но ошибка в режиссуре стоит людям четырех жизней, а потом, когда вы стреляете и казните, и того больше, но это уже детали. Когда лес рубят, щепки летят, не правда ли? Цель достигнута, сопротивление сломлено, напуганные крестьяне скопом, безропотно, как бараны, вступают в кооперативы...

Земан был ошарашен этим обвинением. Он буквально задохнулся от негодования:

— Но это же свинство, что вы здесь говорите, пан председатель!

Зал суда, исполненный ненависти, загудел. Теперь это были уже не отдельные вспотевшие люди, теснящиеся в душном спертom воздухе под низким потолком, а как бы единое злобное, стоглавое чудище, набрасывающееся с многочисленными раскрытыми пастьми, с горящими ненавистью глазами и выпущенными когтями на Земана. Однако Земан гордо продолжал.

— ...Никогда ни я, ни Калина, ни Житный не совершили ничего бесчестного, ничего такого, что противоречило бы законам нашей страны!

Судья холодно усмехнулся:

— Нет? В таком случае садитесь. И предупреждаю вас, что я на вас подам жалобу за оскорбление суда.

Судья играл с ним как кошка с мышью, и Земан уже давно видел в нем не карлика, а великана, злого и язвительного. Судья распорядился:

— Пригласите свидетеля Павла Данеша!

Павел Данеш вошел в зал и встал на место Земана, а Ян сел в стороне, побледневший, уставший от только что перенесенного напряжения. По его лбу и щекам катился пот.

Судья обратился к Данешу:

— Имя, фамилия, год рождения, место жительства, род занятий?

— Павел Данеш, 1939-й, Старе-Место, улица Гавлова, 15, поэт.

Судья одним духом протараторил необходимые в данном случае дежурные фразы:

— Можете отказаться от дачи показаний, если вы считаете, что ваши показания повлекут за собой преследование в уголовном порядке вас или кого-то из ваших близких. Лож-

ные показания караются по закону. У вас есть возражения относительно состава суда?

— Нет.

— Здесь, в сопутствующих этому процессу документах, у нас имеется резолюция, в которой многие жители Планице выступили за полную реабилитацию своего священника. Вы собирали подписи под этой резолюцией?

— Да, пан председатель!

— Для чего вы это делали?

— Мы, поэты и писатели, пан председатель,— заговорил с пафосом Данеш,— всегда были совестью этого народа. Мы считаем своей святой обязанностью бороться за чистоту эпохи, в которой живем, за чистоту морали, права, за свободу мышления своего народа, за его освобождение от диктатуры единственной идеологии, за право каждого человека свободно решить, куда он хочет идти и какую веру хочет исповедовать!

Многоголовая гидра в зале суда начала аплодировать, топать, восторженно и одобрительно скандировать.

Судья звонил в колокольчик, старался перекричать шум:

— Успокойтесь, или я прикажу очистить зал! Это судебное разбирательство, а не театр! Успокойтесь!

Зал снова утих, и судья обратился к Данешу:

— Только поэтому?

Данеш театральным жестом указал на священника:

— Мне было жаль этого невинного человека. Я хотел именно этими действиями в его защиту отблагодарить других за то, что они сделали для меня.

— Объясните то, что вы сказали, пан свидетель.

И здесь Данеш смог наконец продемонстрировать Земану, почему именно он пришел сюда в качестве свидетеля.

— Пан майор,— показал он на Земана,— по приказу полковника Калины арестовал меня в прошлом году и несколько дней незаконно, без санкции прокурора держал под арестом.

— За что вы были арестованы?

— За выступление о свободе искусства. Это всем известно. Об этом писала вся мировая пресса.

— А почему вас все же отпустили?

— Под давлением всего нашего культурного фронта. Сейчас, слава богу, не пятидесятые годы. Тогда бы я получил, даже если бы не сделал ничего противозаконного, пожизненное заключение, как этот священник. Но мне и этого достаточно. Я узнал, что такое чехословацкий уголовный розыск и кем являются те, кто начиная с пятидесятых годов осуществляет свою незаконную деятельность...— Он указал пальцем на Земана.— Да, это они, Земаны, Калины и Житные, думают, что террором и страхом они сломят этот народ, чтобы он забыл их злодеяния в пятидесятых годах, как, например, в Планице.

Зал суда взорвался бурными аплодисментами. Земан встал со своего стула мертвенно-бледный, задыхающийся и потрясен-

ный этим враждебным ревом. Теперь он уже понимал прокурора Стрейчека, который грустно и беспомощно смотрел на него со своего места и своим хмурым, отрешенным молчанием как бы снова говорил: «Наступило время странных судов, Гонза... Это трудные уголовные дела с трупами в конце. Да-да, в конце этих судов бывает смерть... В конце концов ты обесси-лешь и перестанешь бороться... А потом на тебя навалится страшная усталость, депрессия, тоска... и ты застрелишься...»

Вдруг Земан стал осознавать, что смертельная усталость действительно наваливается на него...

Судья любезно поблагодарил Данеша и с победоносным видом обратился к Земану:

— Вы слышали? Как нам теперь верить тому, что вы перед этим утверждали, пан майор? Как видно, о законности и о ее соблюдении вы не очень-то заботились ни тогда, ни сейчас!

Земан молчал. У него не было сил что-либо на это сказать, в висках болезненно пульсировала кровь, в ушах шумело. Он был на грани обморока, к горлу подкатывала тошнота.

В эту минуту за столом присяжных заседателей поднялся инженер Чадек и обратился к судье:

— Могу я взять слово, пан председатель?

— Разумеется, каждый имеет такое право!

Чадек заговорил тихим, ровным голосом:

— Я думаю, что далеко не все правда, что говорилось здесь о Яне Земане. У меня нет оснований его защищать, он меня действительно в сорок восьмом году арестовал. Но я должен заявить, что со мной он всегда обращался корректно и пристойно. А арестовал он меня тогда обоснованно. Я бежал из республики в группе вооруженных агентов, которые стреляли... Думаю, что Земан честный человек... И не забывайте: он не просто сотрудник государственной безопасности — он криминалист!

Чадек договорил, сел, и в зале сразу воцарилась тишина. Никто не ожидал, что именно Чадек так выступит. Но больше всего удивился Земан. Прокурор Стрейчек, который все это время пассивно наблюдал, как осуществляется безукоризненно подготовленная травля Земана, вдруг отважился выступить.

— Да, пан председатель,— заявил он,— как блюститель исполнения законов в этом процессе, я полагаю, что необходимо отличать плевелы от зерен. В любом государстве есть своя полиция, и мы не можем огульно критиковать все, что эта полиция при исполнении своих функций, как механизм подавления, делала, иначе мы уничтожим и само государство. Разве мы не можем представить, что и Ян Земан был введен в заблуждение, что в Планице он действовал из добрых побуждений, слепо веря своему начальству?

Что он говорил дальше, Земан уже не слышал. Он только видел, что прокурор говорит и говорит, подает реплики на воз-

ражения судьи, что зал кривляется и гримасничает, соглашаясь и не соглашаясь с тем, что слышит.

Картину этого странного, душного, тесного зала Земан видел, но шум исчез, потому что вместо него Земан слышал то, что в нем сильнее всего звучало в последние дни: усталый, больной голос Калины.

Из этих тяжелых воспоминаний его вывел голос судьи:

— Хорошо, пан свидетель. Пан инженер Чадек и пан прокурор меня убедили. Если вы откажетесь от своего заявления, которое мы в самом начале этого процесса запротоколировали, если вы отмежуетесь от противозаконных действий органов государственной безопасности, если вы нам скажете, что были обмануты и вашим доверием воспользовался этот ваш таинственный полковник Калина...

По мере того как судья говорил, Земан с облегчением обнаруживал, что ситуация, в которой он оказался, благодаря вмешательству Чадека и прокурора все же изменилась к лучшему и что он чудом избавился от этой удушающей тошноты, страха, депрессии и тяжести, которая навалилась на него в этом зале суда. Он это чувствовал, но, к своему удивлению, слышал свой собственный голос, который упрямо повторяет:

— Нет!.. Никогда! Есть только один Корпус национальной безопасности, и я его представитель. Что делал Калина, то делал и я, делал по убеждению, сознательно, с радостью, потому что я не знал более честного человека, чем полковник Калина!

В зале суда снова поднялся гвалт.

Судья бесновался:

— Так вы, значит, добровольно признаетесь? Вы добровольно причисляете себя к этой организации, которая на протяжении многих лет преступно владела государством?

Земан, однако, решил не уступать. Он был хладнокровен и тверд, когда бросил в лицо судье и всему этому фантасмагорическому залу суда:

— Я знаю только один лозунг, пан председатель, которым мы, сотрудники Корпуса национальной безопасности, руководствовались всегда! Этим лозунгом была счастливая, безопасная жизнь всех людей нашей страны. Родине и ее народу мы более двадцати лет верно служили, за нее боролись и умирали! — Сказав это, Земан повернулся и пошел к выходу.

Судья взвизгнул за его спиной:

— Куда вы идете? Процесс же еще не закончился!

Но Земан уже обрел спокойствие, силу и чувство достоинства. Ему хотелось выкрикнуть: «Плевать я хотел на этот ваш процесс!» Но вместо этого он спокойно, без особых эмоций сказал:

— Мне здесь больше нечего делать!

Зал суда превратился в ревущий котел, а судья — в беспомощного, нудного карлика, который напоминал скорее комнат-

ного песика, одетого вместо собачьей попонки в тогу. Процесс вышел из-под его контроля, и он, бешено звоня в колокольчик, срывающимся, осипшим голосом безуспешно пытался перекрыть рев зала:

— Я прерываю судебное разбирательство!.. Нет! Я откладываю судебное разбирательство!.. Слышите? Уходите! Вон!.. Откладываю!!!

Земана в коридоре уже ждали притихшие и взволнованные мать, Бланка и Лидушка. Он подошел к ним и тихо проговорил, как бы извиняясь за то, что их всех теперь ожидает:

— Простите меня... Иначе я не мог.

Но они не сердились. Мать сжала руку сына и растроганно сказала:

— Молодец, Гонзик!

Лидушка с детской непосредственностью обняла его, поцеловала в щеку и всхлипнула:

— Я горжусь тобой, папа!

А Бланка без слов взяла его под руку и повела.

Из зала суда выскочил побледневший прокурор Стрейчек и бросился за ними по коридору.

— Что ты наделал, Гонза? — причитал он. — Ты с ума сошел? Ведь мы уже почти выиграли... Этим ты себя уничтожил...

Земан, окруженный тремя женщинами — самыми близкими ему людьми, в простой человеческой отваге и любви которых он обрел теперь еще большую уверенность и силу, остановился.

— Нет, это начало, — спокойно ответил он Стрейчеку. — Теперь я понимаю нашего друга Житного... Знаешь Галаса?

Прочь страх! Прочь страх!
Такую фугу не сыграл бы сам Себастьян Бах,
Какую мы сыграем!..

И выражение его лица, когда он вышел из здания суда в будни пражских улиц, немного опьяневших от солнца и этой сумасшедшей весны, было опять решительным и спокойным.

17 апреля 1969 года майор Ян Земан снова стал начальником пражского уголовного розыска.

Cmp.

Редактор С. М. Соколов
Художник А. Б. Лоскутов
Редактор (литературный) Г. В. Сакович
Художественный редактор Е. В. Поляков
Технический редактор Т. Г. Пименова
Корректор Н. М. Опрышко

ИБ № 2991

Сдано в набор 23.07.87.

Подписано в печать 27.10.87.

Г-10500

Формат 60×90₁₆. Бумага тип. №1. Гарн. обычн. нов.

Печать высокая. Печ. л. 24. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24,16. Уч.-изд. л. 25,95.

Тираж 100000 экз.

Изд. № 10/1932.

Зак. 201.

Цена 3 руб.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

2-я типография Воениздата

191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

“ 新 亞 細 亞 火 油 公 司 ”